

УАТЫМТАМ

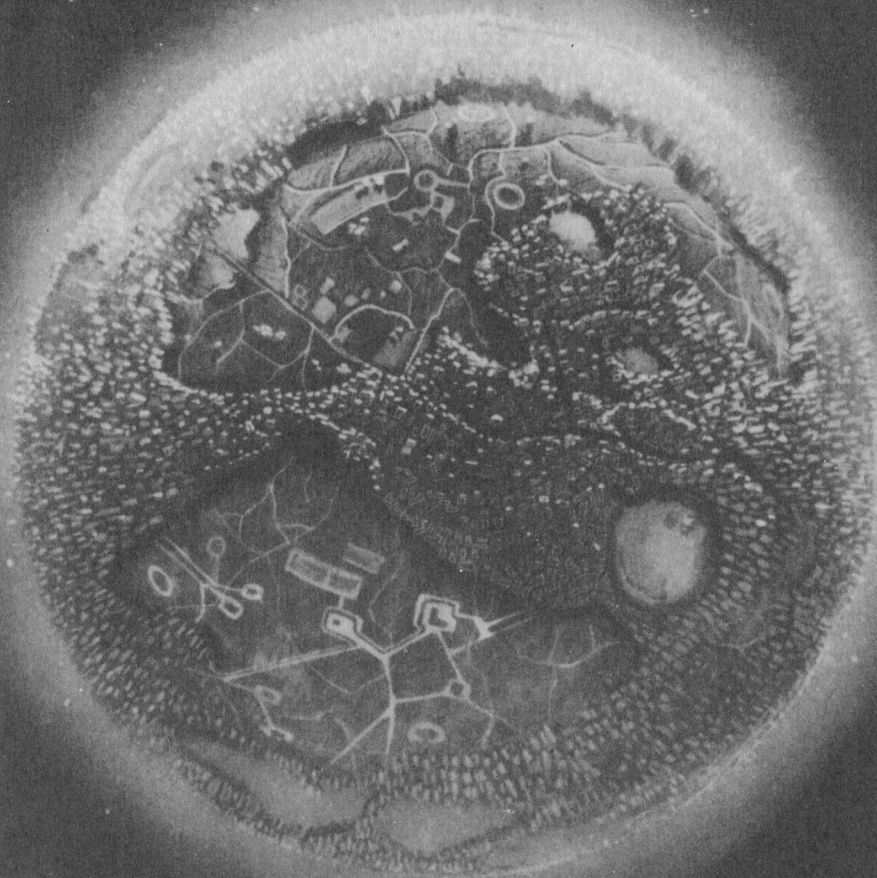
Вл. Гаков

ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА
И БЕЗЪЯДЕРНЫЙ
МИР
В ФАНТАЗИЯХ
И РЕАЛЬНОСТИ

Издательство
политической
литературы

**ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА
И БЕЗЪЯДЕРНЫЙ
МИР
В ФАНТАЗИЯХ
И РЕАЛЬНОСТИ**

Тема первая
«КАНУН»

Тема вторая
«АТОМНЫЕ ЧАСЫ»

Тема третья
«УЛЬТИМАТУМ»

Вл. Гаков

УЛЬТИМАТУМ

**ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА
И БЕЗЪЯДЕРНЫЙ
МИР
В ФАНТАЗИЯХ
И РЕАЛЬНОСТИ**

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 66.4(0)

Г14

Г $\frac{0301050204-298}{079(02)-89}$ 79-89

ISBN 5-250-00332-X

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

ВВЕДЕНИЕ

То, что времени катастрофически не хватает, мы впервые поняли лишь во второй половине XX века.

Разумеется, и все предыдущие столетия писаной человеческой истории раздавались стенания по поводу быстротечности «дней земных». Мало кто уходил из жизни, устав и пресытившись, в покое, как мечтал о том русский ученый Мечников; большинство уносило с собой в могилу невыполненные задачи и нереализованные мечты. Правда, оставались дети и внуки, написанные книги, возведенные города и крепостные стены. Но все же неправдоподобная краткость жизни удручала, а темп изменений пугал. Да и книги устаревали, а города разрушались; что касается детей, то каждое уходящее поколение смотрело на них с иронией: всё-то они торопятся...

Так было, по-видимому, всегда — пока не пришло *наше* время. Стало общим местом повторять, что только с приходом этого — двадцатого по счету в большинстве календарей — столетия темп изменений в обществе, технике, индивидуальной психологии возрос настолько, что стал заметен всем. Молодым и старым, «прогрессистам» и реакционерам. Мое поколение было, вероятно, первым, кому во всеуслышание объявили: вы уже способны не только уничтожить себя самих, но и жизнь на Земле в придачу. Отрезая тем самым всем будущим поколениям саму возможность новых и, может быть, более удачных попыток.

«Никогда не говори «никогда» — гласит пословица. Успокаивающая многих мысль, восходящая к ветхозаветному пророку: что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Покружит ветер — и вернется на круги своя. Суeta суeta, одним словом. Стоит ли переживать...

В *наше* время и пословицы, содержащие копцентрированный народный опыт и освященную веками библейскую мудрость, следует оценить критически. Возможно, ошиблись и они: не вернется ветер на круги своя и с

исчезновением последнего человека паступит Ничто. Если мы допустим.

Мы в полной мере ощущаем, как не хватает времени. А прогресс (прогресс?) мчит все быстрее, и уже не успеваешь не то что задуматься о будущем, но и хорошенько разобраться в происходящем рядом с тобой. Собственно, не стоит долго распространяться на эту тему: читатель, вспомнив на минуту, что произошло на его глазах за последние пять лет, за год, сам решит для себя, что это за время, в которое мы живем.

Для пишущих книги — безусловно тяжелое. *Не до книг*; успеть бы сказать все, что хочешь, в газетах и журналах — завтра это может устареть. Актуальная сиюминутность властно завладела нашим вниманием, и вот уже раздаются голоса, что хватит, нет времени на романы, эссе, трактаты — подождут... При всем моем внутреннем неприятии этой идеи ей не откажешь в убедительности.

Ведь верно: во всех наших «внутренних» делах сегодня царствует публицистика (и царствует по праву, демонстрируя, на что она способна). Даже возвращенные из директивного «небытия» шедевры отечественной художественной прозы многие читают прежде всего как своеобразный *фактический* комментарий к событиям — а не тенденциям — нашей недавней истории.

На эту тему много спорят. Но вот что лично для меня совершенно неоспоримо, так это незавидная участь тех авторов, кто пишет не прозу, а исследование, монографию, эссе (жанр тут не важен) на темы политики. В этой сфере изменения пошли лавиной, и «устареть» можно не за год — за месяц. Во время работы над книгой я встречал много трудов, изданных совсем недавно, авторы которых сегодня дорого бы дали, чтобы переписать их с начала до конца.

Давайте вспомним только два факта.

За последние *пять лет* экстравагантная, хотя и тщательно просчитанная на компьютерах, научная гипотеза «ядерной зимы» превратилась из абстрактных забав математиков, биологов, геофизиков в очевидную истину. Настолько очевидную, что она ныне набатом гудит в головах и политиков, и простых людей!

За последние *пять лет* камень преткновения ведущих политических сил современности — тезис о непрекращении идеологической борьбы, *несмотря ни на что*, — наконец-то начали сдвигать с дороги. Начался поиск точек

соприкосновения в мировоззрениях, заложены первые камни в основание новой системы приоритетов, в которой главной и определяющей на сегодняшний день признается ценность человеческой жизни и жизни человечества на Земле.

Впрочем, об этом сейчас написано много. Не углубляясь далеко в «политику», вспоминаю только два события, потрясшие меня на протяжении этих последних пяти лет: Московский форум «За безъядерный мир, за выживание человечества», на котором Генеральный секретарь ЦК КПСС открыто сказал о том, что наша страна готова добровольно отказаться от статуса «великой ядерной державы» (ибо что за величие, тем паче гордость — нести скрытую угрозу прежде всего *самим себе!*); и визит президента США в Москву — в самое сердце «империи зла»...

Какие сдвиги в сознании политических лидеров! А времени-то прошло всего ничего. *Пять лет...*

Материал для книги я собирал в основном в те два года, когда лексикон наш пополнился словами «Чернобыль» и «Челленджер», ставшими трагическими символами времени. И были проведены две встречи на высшем уровне, когда внимание всего мира было приковано к столицам маленьких государств: Женеве и Рейкьявику. И был осуществлен первый в истории — пусть частный — опыт *отказа от идеи ядерного превосходства*: продолжавшийся более года советский односторонний мораторий на ядерные испытания.

А написана книга была за год. За который к историко-географическим вехам на карте планеты, Женеве и Рейкьявику, прибавились еще две столицы, на сей раз главных стран-антагонистов, — Вашингтон и Москва. И был подписан первый в истории договор о разоружении, объявивший вне закона сразу два класса ракет с ядерными боеголовками.

Неудивительно, что первоначальный план книги много раз переворачивался с ног на голову. И не единожды я поддавался паническому настроению: все летело к черту, ибо действительность буквально наступала на пятки, а когда и обгоняла на повороте...

К счастью, однако, в мои планы вовсе не входило писать «книгу о сегодняшнем дне». В отдельных местах она таковой *получилась*, но задумана была прежде всего как размышления о прошлом и будущем. Не хотелось повторять многочисленные труды других авторов о природе

войн, о войнах ядерных и «звездных», о конкретных политических инициативах правительств и стихийном антивоенном движении широких масс (об этом сегодня доступнее и оперативнее сообщают газеты). Интересно было порассуждать о другом. Об уже достигнутом человеческой мыслью — а это столетия поисков, находок и заблуждений! И о будущем, которое нас ожидает.

И ожидать которое пассивно — недопустимо.

«В настоящее время мы... находимся пока лишь на стадии «экзамена совести». Всякий раз, когда наши сложившиеся общества, переживая непрерывный кризис роста, начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали. Почитайте то, что писалось перед войной, то, что, возможно, пишется еще и теперь: среди смутных тревог настоящего вы непременно услышите голос этой тревоги, примешивающийся к остальным голосам»¹.

Французский историк Марк Блок написал это почти полвека назад, в самый разгар войны. В тот раз не прислушались (многие не желают прислушаться и к самой Истории) — почему бы сегодня не исправить ошибку? Ведь незнание прошлого, по словам того же Блока, «неизбежно приводит к непониманию настоящего. Но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если не представляешь настоящее»².

Спустя полвека можно дополнить ученого: и *будущего*.

В наши дни действительность столь остро связала в единые узелки опыт прожитый и опыт *неиспытанный* (который, однако, испытать-то никак нельзя!), что люди, если не хотят подвести черту под своим пребыванием на этой планете, уже не могут двигаться вперед, полагаясь только на знание прошлого. Необходимо хорошо разбираться и в картах будущего.

Впрочем, книга эта посвящена специфическим «прошлому» и «будущему». Реальному прошлому наших фантазий, мечтаний и страхов — и запечатленному в них воображаемому будущему.

Это не история фантастики как разновидности литературы и искусства. Фантастика, как и любая литература и искусство, остается производным той социальной среды, в которой она выражена. И которую, естественно, как-то отражает. Но та особая фантастика, о которой пойдет речь в книге, — фантастика о ядерной войне связана с реальностью еще теснее и парадоксальнее.

Объект ее исследования никакой иной литературой, кроме фантастической, исследован быть не может. Ядерной войны на Земле еще не случилось (если не считать тревожных предупреждений — Хиросимы, Нагасаки, Чернобыля), а сейчас мы все более уверенно осознаем, что это вообще событие *одномоментное* — произойди она, и это будет первым и последним опытом такого рода. Некому будет им воспользоваться. А посему, как четко сформулировал задачу английский писатель Мартин Эмис, «до тех пор, пока мы не знаем, что делать с ядерным оружием, мы должны учиться писать о нем»³.

Оттенок «фантастичности» окутывает вообще все, что с ядерной войной связано — хотя угроза ее куда как реальна. Парадокс... Но, чувствуя недоверие к парадоксам или просто нежелание в них разбираться, к теме этой лучше не подступаться...

«...Военная теория ядерной войны, — пишет видный советский историк Д. М. Проэктор, — в отличие от всех в истории военных теорий, так или иначе связанных с практикой, с чем-то осязаемым, есть абстракция, оперирующая категориями, привносимыми скорее мыслью, даже *фантазией* (курсив мой. — Вл. Г.), чем действительным опытом, хотя всегда считалось, что военная теория должна базироваться прежде всего на опыте»⁴.

Если уж в такую грубо практическую сферу, как военная стратегия, проникла фантастика, то что говорить об идеологии, науке и искусстве, массовом сознании!.. Кроме того, есть еще одна область странного пересечения ядерной реальности и ядерной фантастики.

Оказалось, что, в отличие от безответственных политиков и военных, долгие годы преподносивших свои фантазии в качестве «мудрых и реалистичных» стратегических доктрин, многие профессиональные писатели-фантасты разрабатывали все эти сюжеты в своем творчестве. С разной степенью успеха, на неодинаковом художественном уровне и движимые далеко не одними и теми же намерениями (в том числе, как убедится читатель этой книги, и небезобидными), они создали сообща уникальную в своем роде библиотеку ядерного опыта.

«Используя художественную прозу в качестве зеркала, в котором отражаются наши социокультурные установки на опасность, связанную с гонкой ядерных вооружений, я постараюсь помочь вам прежде всего лучше понять эти установки. Обычно ядерная война вызывает такую тревогу, что большинство озабочено одним: как бы

обезопасить себя от самих *мыслей* об этом. Наступает отчаяние, растет беспочвенная вера в то, что «там наверху» и в «ученых сферах» все знают и отдают себе отчет в сложности создавшейся ситуации; многие вообще поддаются «избирательной» апатии. Все это до некоторой степени присутствует и в художественной литературе, поэтому данную книгу можно рассматривать как сборник новой информации о наших тревогах и страхах. Но именно эта литература в силу ее образности может подойти к исследованию проблемы таким манером, что проблему просто невозможно будет обойти стороной. Художественная литература о ядерной войне может оказать непредсказуемое влияние на мир, постоянно балансирующий на ее грани»⁵.

Я взял эту цитату из предисловия к другой книге, к которой не раз еще собираюсь возвращаться. Но хочу надеяться, что те же самые слова вполне подходят и к моему замыслу (об исполнении его судить, конечно, не автору, а читателю).

Писать о научно-фантастической литературе можно по-разному. И тем, кого привлекает больше художественный анализ текстов или лежащих в их основании структур, данная книга может показаться малоинтересной. Уже после выхода моей предыдущей книги — «Четыре путешествия на машине времени» (из ее последней части и «проросла» со временем книга, которую вы держите в руках) — автор получил от ряда читателей упрек в недостаточности художественного анализа, в том, что недопустимо мало внимания было уделено стилю, образности, структурам разбираемых произведений... Что ж, упрек принимается. Но каждый пишет о том, что ему ближе.

Признаюсь, мне интереснее *социальная* судьба тех или иных научно-фантастических идей, нежели их жизнь в собственно литературе. И не отказывая себе в удовольствии отмечать на полях этой книги несомненные литературные достоинства отдельных произведений (а когда таковые достоинства есть, кто ж против!), я все-таки буду стараться следить за тенденцией, за общим движением и перипетиями *социальной* мысли. За ее иногда поразительными откровениями и тупиками, честь «открытия» которых великие писатели делят с авторами, ныне полузабытыми...

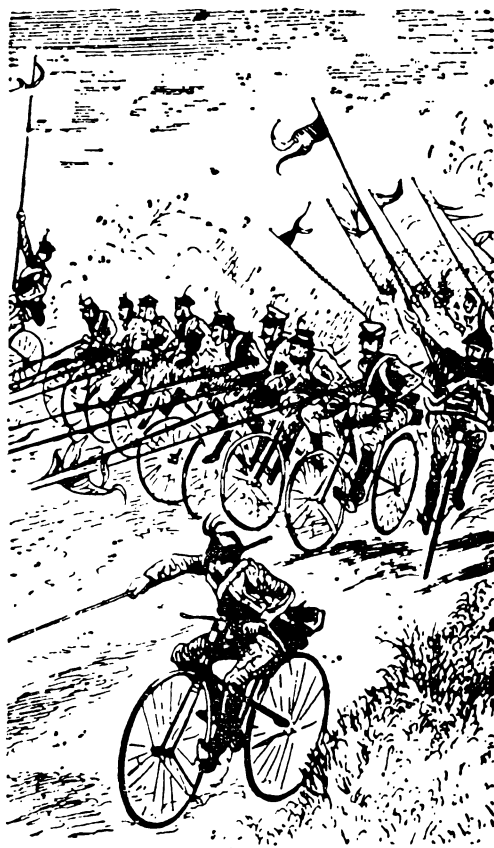
Значение научно-фантастической литературы (а в последнее время и кино), вообще фантазии преувеличивать не следует. Но нельзя и недооценивать силы воображения. Тем более презрительно игнорировать: люди, мол, серьезным делом заняты, а вы тут со своей фантастикой... Ве-

ликий Иммануил Кант предупреждал об этом два столетия назад в своем труде «К вечному миру»: «Для законодательного авторитета государства, которому следует приписывать величайшую мудрость, унижительно, по-видимому, искать поучения о принципах своего поведения относительно других государств у *подданных* (философов), но все же делать это весьма благоразумно... Говорят, например, о философии, что она служанка богословия... Но из этого еще не ясно, «идет ли она с факелом впереди своей милостивой госпожи или поддерживает позади нее ее шлейф» ⁶.

Я перехожу к рассказу об «идуших с факелом» и «несущих шлейф». И меня все не покидает мысль, что великий философ мог бы сказать такое и о писателях-фантастах.

Тема
первая

«КАНУН»

— Все это началось очень давно. Многие, вероятно, просто не в состоянии себе представить, насколько давно. Мы не разберемся в наших нынешних проблемах, в сегодняшнем балансировании на краю пропасти, если не взглянем пристально в самые истоки процесса, что привел нас к ней. Всему причиной наш далекий предок, впервые осознавший в своем сородиче — врага...

Сентябрь 1987 года. Конференц-зал в помещении Советского комитета защиты мира заполнен до отказа: участникам советско-американского симпозиума «Новое видение друг друга» читал лекцию известный публицист Сэм Кин. О его книге-бестселлере «Лица врага» и о нашумевшем фильме того же названия я к тому времени был наслышан, а тут представилась счастливая возможность послушать самого автора.

Счастливая — потому что Сэма Кина надо было слышать. Прирожденный оратор, он едва уловимыми интонациями голоса «доубеждал» в тех случаях, когда не пробивали стенку недоверия тщательно подобранные факты и уникальные слайды. Не все принималось аудиторией безоговорочно, и последующие два дня, когда проходил «круглый стол» писателей и журналистов с участием Сэма Кина, подтвердили несовпадение многих позиций, — но обаяние личности делало свое дело.

Речь его будила мысль; о том свидетельствовала и реакция аудитории, совсем не напоминавшая чинное слушание научного доклада. Признаюсь, и я поддался общему настроению, тем более что мои собственные мысли Сэм Кин «подтолкнул» в направлении вполне конкретном.

Есть в электротехнике такое устройство — триггер. Простенькая схема на лампах или транзисторах, практически мгновенно включающая или выключающая более сложное электронное устройство (по-английски слово обозначает также и курок огнестрельного оружия). Своего рода «триггером» для начала работы над книгой стала для меня встреча с Кином осенью 1987 года.

...Мне давно хотелось — книга существовала еще только в плане — снабдить ее лаконичным досье. Сжатые биографические сведения, дающие представление о героях книги, об их личном военном опыте (если он был), ничего лишнего. Так пусть же первым, на ком откроется досье, будет Сэм Кин.

Досье по темѐ «Канун»:

СЭМ КИН

Род. в 1938 г.

Американский писатель, публицист, общественный деятель. Окончил Принстонский университет. Работал журналистом, сотрудничал с журналом «Сайкологджи тудэй». Автор книг «К танцующему богу» (1970), «Начало без концов» (1975), «Лица врага» (1985) и др.

Так бывает. Материал под рукой, план выстроен в деталях, заблаговременно выписаны образы героев будущей книги — и не хватает сущей малости. Никак не идут в голову какие-то первые, самые нужные фразы, слова, примеры. И вдруг неожиданная встреча, какой-то внешне незначимый и уж во всяком случае незапланированный эпизод, случайная подсказка — и пошло-поехало...

Все было тогда готово и у меня. Вчерне было намечено открыть долгий и обстоятельный разговор о мире и войне, об отражении и предвосхищении этих двух вечных спутников человеческой цивилизации в художественной литературе и кино с путешествия в прошлое. Следовало кое-что напомнить, прежде чем вести речь о новом мышлении, которое буквально обрушилось на нас в конце XX века. Разговор нужно вести, отталкиваясь от истоков, — это было ясно. Но вот откуда именно, от какой хронологической вешки, я еще не выбрал. Пробовал разное, да все как-то неудачно.

Выход подсказал Сэм Кин. Простой выход (сейчас удивляешься — что могло быть естественнее?): начать с *начала*. С момента возникновения человеческой цивилизации — и даже раньше. С того самого времени, как человек впервые открыл в себе человека.

То, что отсылка не совсем верная, выяснилось позже. Войны, по крайней мере в современном значении этого слова, возникли не на заре человечества. Но общий ход мысли: искать именно там, на почти невидимом «дне»

исторического колодца,— оказался плодотворным. Стоило задуматься над истоками, и работа закипела... Самое время вернуться к пачалу человечества — не исключено, что сегодня оно стоит на *завершающей* стадии своего развития. На самом краю бездны, о которой говорил американский публицист.

Поначалу я никак не предполагал участие в книге Сэма Кина, даже имени этого не знал. Но вот встретились, поговорили, а потом за один вечер я проглотил «Лица врага» — и стало ясно, что никак без Кина не обойтись.

Это ведь он подсказал если не решение, то хотя бы вопрос: *когда это все началось?*

Глава 1

ВЕКОВОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

«Сначала мы создаем врага. Образ появляется рапьше оружия. Прежде мы убиваем других в помыслах, а потом уже изобретаем орудия убийства — боевой топор или баллистические ракеты. Пропаганда предшествует технологии... По-видимому, все дело не в свойствах пашего разума и не в созданной нами технике, а в нашем жестокосердии. Из поколения в поколение мы находим поводы ненавидеть друг друга, считать друг друга зверями, нелюдьми, всякий раз оправдывая себя самой изощренной политической риторикой. И отказываемся признать очевидное. Мы, люди, принадлежим к виду *Homo hostilis* — «человек враждующий», являемся животными, создающими врагов»¹.

Этот вывод — отправной пункт в размышлениях Кина. Жесткое, чтобы не сказать жестокое, и безапелляционное суждение автор «Лиц врага» представляет теоремой, на доказательство которой не жалеет усилий. Правда, в его построениях анализ иногда подменяется эффектной сентенцией, но тут уж ничего не попишешь: по жанру это публицистика, а не академичный научный труд.

Отбрасывая лежащий на поверхности «ответ» фрейдистов — человек изначально и безнадежно агрессивен, — Кин пытается искать в далеком прошлом, тщится найти тот роковой момент, когда представитель вида *Homo sapiens* стал «человеком враждующим»: Мне кажется, поиск этого отправного пункта для автора книги принципиален, ибо, если было какое-то гипотетическое время «до грехопадения», значит, к нему возможен когда-нибудь и диалектический возврат.

«Никто не может с уверенностью сказать, когда именно война вошла у людей в обыкновение»², — замечает Кин и все-таки пытается самостоятельно разобраться в истоках человеческой агрессивности.

По его мнению, она обусловлена коварным следствием прогресса — избыточным богатством, которое является «источником искушения для людей, способных украсть то, что произвели другие»³. Так человека обуяло желание *силой* утвердить *право*, и с той поры он уже не знал иных принципов взаимоотношений с себе подобными. Кин приводит, в частности, данные американского археолога Сью Мэнсфилд, свидетельствующие, что войны возникли не раньше чем 13 тысяч лет назад, то есть после (или одновременно) с наступлением эпохи неолита. Остатки материальной культуры вроде бы веско говорят за то, что в палеолите древний человек занимался чем угодно: охотился, создавал творения искусства, участвовал в ритуалах и сочинял мифы — но не воевал.

Или же находил это занятие столь постыдным, что никому просто в голову не приходило увековечивать военные подвиги...

Итак, в палеолите между племенами охотников и собирателей царил мир, отсутствовала алчность и как следствие этого — насилие. Совершив первый гигантский скачок в развитии, древний человек переходит к скотоводству и земледелию; наступает так называемая «неолитическая революция», ознаменовавшаяся кроме всего прочего и началом систематического истребления человеком себе подобных.

Археологи, действительно, долго и упорно докапываются до истины — в прямом и переносном смысле — и в этом частном вопросе. Но их выводы, как можно судить по авторитетным свидетельствам⁴, не так просты, во всяком случае не столь «оптимистичны», как это видится Сэму Кину (если исходить из его гипотезы о «золотом веке» невинности и миролюбия).

Заранее оговорюсь: с точки зрения современных научных взглядов на предысторию человека *все* было не так.

Специалисты — археологи, философы, культурологи, этнографы — до сих пор спорят по поводу нравов и обычаев тех далеких, недоступных времен, материальные свидетельства о которых чрезвычайно скудны. Но некоторые наблюдения, например, за жизнью примитивных племен, не соприкасавшихся с современной цивилизацией, позволяют сделать заключение, ломающее схему Кина.

Мирной идиллии на лоне природы скорее всего *никогда* не существовало.

Мне кажется, я понял ход мыслей американского публициста. Отчего он так держится за свою идею — наступления агрессивности в эпоху неолита (кстати сказать, очень близкую христианской версии грехопадения)... В подобной схеме рассуждений можно нащупать сразу две болевые точки нашего времени. Ведь что получается: неолитический человек, только приступив к робкому, первичному «насилию» над матерью-природой — начиная ее *преобразовывать*, одновременно открывает в себе способность, о которой дотоле не подозревал. Способность быть жестоким и безразличным к близкому — если он «чужой», «враг».

Красивая схема, сама по себе заставляющая задуматься о вещах достаточно серьезных. Однако схема неверна.

Прежде чем продолжить спор с Кином, приведу еще одну точку зрения, в чем-то сходную, но в то же время уводящую и дальше.

...Хорошо помню, как во время работы Московского международного кинофестиваля 1969 года меня буквально ошеломил американский фильм «2001: Космическая одиссея». С автором сценария Артуром Кларком мы еще встретимся на страницах этой книги, а вот о прологе кинокартины самое время поговорить сейчас. В нем режиссер Стэнли Кубрик довел до логического конца (правильнее сказать, «до начала») мысль об изначальности человеческой агрессивности. Человек разумный, по замыслу постановщика фильма, — это одновременно и человек агрессивный; эту вторую способность он получает от высших космических сил в виде бесплатного приложения к первой — способности мыслить.

Досье по темѐ «Канун»:

СТЭНЛИ КУБРИК

Род. в 1928 г.

Выдающийся американский кинорежиссер. Систематического образования не получил. Начинал работать фотографом. Постановщик фильмов «Спартак», «Лолита», «Заводной апельсин», «Сияние» и др.

...Ранним утром на Землю, где еще не существовало разумных обитателей, но зато бродили редкие стаи человекообразных обезьян, «готовых» к дальнейшему эволю-

ционному скачку, прибыл неведомо откуда черный монолит. Как выяснилось позже, — таинственный посланец космического разума, страж и повивальная бабка, призванная облегчить рождение разума земного.

На экране с помощью нехитрой кинометафоры показан весь процесс зажигания искры разума.

Вот обезьяна вроде бы без всякого смысла лупит обглоданной костью по черепу кем-то не доеденного животного. В следующем кадре монотонные движения приобретают целенаправленность, в глазах обезьяны загорается интерес: в ее руках — уже *орудие*. И сразу — эпизод, где наша знакомая точно и уже вполне осмысленно бьет той же костью по черепу убитого сородича. На этот раз убитого ею, «поумневшей» обезьяной. Только потому, что припадалежал к «чужой» стае. Кость становится *оружием*...

Чуть позже она взметнется вверх, брошенная в порыве восторга уже не обезьяной — человеком, чтобы по законам киномагии превратиться в космический корабль-«челнок», спешащий на свидание с гигантской орбитальной станцией, которая под звуки вальса Штрауса величаво кружит на звездном фоне!

Десять с лишним тысячелетий сжаты в не фиксируемую взглядом границу между соседними кадрами на киноплёнке. Переход мгновенный, что соответствует общей философской концепции фильма. За технический прогресс, обретенное космическое могущество заплачено жизнью того самого — первого — убитого соплеменника... Мысль обнажена и абсолютизирована: так было от века, есть и будет продолжаться, покуда человек останется человеком.

Может быть, как раз эта уверенность авторов фильма и рождает вопросы. Всякая претензия на абсолютное знание трудно уживается с реальностью. Конечно, проще всего экстраполировать данные исторического опыта в будущее — но кто доказал правомерность подобной операции? По крайней мере, есть веские основания поспорить с таким «прогнозом на будущее».

А заодно возвратиться к Кину и к «печальным условиям» (мирная идиллия в палеолите).

Утопическая сказка о первобытном «золотом веке» не выдерживает столкновения с данными исторической науки. Примем эту достаточно неуютную истину без излишней драматизации. Серьезные межплеменные конфликты, военные походы на соседей, в основном с ритуальными целями, происходили, по-видимому, *всегда*.

Может быть, эти данные ученых и подвигли публицистов на еверхпессимистические обобщающие заявления типа: «Люди уникальны тем, что они единственные на планете живые существа, которые объединяются в группы, чтобы убивать себе подобных на войне»⁵.

С тех пор как наш пращур стал объединяться в группы, племена, возникло и устойчивое противопоставление «своего» — «чужому». И соответственно хорошего — дурному. Чужое означало недоброе, грозящее опасностью; соседнее племя — «злые колдуны», от которых только и жди беды.

Как давно отложилось в особых «клетках» коллективного разума человечества это разделение «хорошего своего» и «плохого чужого»? И скольких жертв, крови и недомыслия потребовало, прежде чем лучшие умы засомневались: а так ли это? И что ждет нас дальше?

Сэн Кин ошибается, идеализируя некое прошлое. Артур Кларк и Стэнли Кубрик, наоборот, неоправданно сгущают краски, когда речь заходит о будущем цивилизации (мирного времени не только не было на веку *Homo sapiens* — он никогда этого времени и не увидит).

Теории извечности войны (в смысле ее неустранимости и в будущем), воинственной природы человека, как известно, получили весьма солидное философское обоснование в трудах многих мыслителей. От Гераклита и Макиавелли, объявившего оружие «святым делом», до Шпенглера, «геополитиков» и других философских школ уже нашего, XX века не прекращались попытки утвердить в сознании человечества мысль о фатальной неизбежности войн. И большинство, каждый на своем уровне исторического знания, строил соответствующие обоснования на примере той несчастной обезьяны. Орудие труда влекло за собой неизбежный искус: заодно обладать и оружием...

Пример этот завораживал, парализуя мысль. И отгонял прочь два важных, как мы сейчас понимаем, вопроса. Какова была движущая причина всех *исторических* — бог с нею, с «доисторической» обезьяной! — войн? И почему, собственно, человеку на роду написано нести этот крест, эту печать дикости — даже когда он от дикости освобождается, превращаясь в Человечество?

Ответ на первый вопрос был дан в конце прошлого века классиками марксизма и другими мыслителями.

Частично дан ответ и на второй; а что до его практического решения, то оно ложится на наши с вами плечи. Сегодня, на исходе XX столетия новой эры, это ясно как

божий день. Споры между тем не прекращаются па всем ее протяжении. И уходят корнями даже глубже, в бесконечную тьму веков «до н. э.».

Статистика, которую дает историческая наука, как будто подкрепляет позиции сторонников тезиса об «извечной агрессивности». Подсчитано, что с 3200 года до новой эры и по год 1964-й (эры нашей) мирными были всего 392 года. Чуть меньше четырех веков, если сложить их друг к другу из неполных пятидесяти двух... За эти пять тысячелетий разразилось 14 513 больших и малых войн (с момента опубликования этих данных количество войн увеличилось, но нам важен порядок величины).

Иными словами, в среднем три войны ежегодно за исключением «незаметно» пролетевших мирных лет. Задуматься тут...

Первые сведения о военных столкновениях доносят памятники письменности Древнего Востока — это VI—I тысячелетия до новой эры. Обширный материал заключен в трудах античных историков — в дошедших до нас памятниках античной письменности или в изложении других авторов. Одно перечисление имен дает представление о том, как относились к военному искусству в Греции (Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Плутарх, Полибий) и Риме (Тит Ливий, Тацит, Дион Кассий, Диодор Сицилийский, Иосиф Флавий, Салюстий, Юлий Цезарь). И если труды военных теоретиков той поры в большинстве своем сгинули без следа, отдельные крылатые фразы обессмертили имена их авторов. Среди них создатель «Краткого изложения военного дела» римлянин Вегеций Флавий, выражение которого: «*si vis pacem, para bellum*» — «хочешь мира — готовься к войне»⁶ — сегодня общеизвестно.

Победив в изнурительной войне разрозненные греческие города-государства, римляне оставили о себе и такую память: наступил *самый долгий* период мирного затишья в европейской истории. Подобных передышек больше не случалось, война на континенте вошла в повседневное занятие. От губительных эпидемий и стихийных бедствий ее отличало только истощающее постоянство, она словно бы меняла обличье, переливалась из одной конкретно-исторической формы в другую.

Шли века, но ничего не менялось в зловещей круговерти смертей и разорений. Средисвековье, Возрождение, Век

географических открытий, Век Просвещения, Век промышленной революции — и войны, войны, войны...

Похоже, остается признать правоту скептиков, тех, кто считает идею мирного существования по меньшей мере наивной. Исторический опыт человечества как будто наглухо блокирует эту светлую идею — о мире без войн...

Опыт, что и говорить, грустный, но и с выводами не следует торопиться. Потому что и прекрасная идея *жива*. Жила те же долгие столетия, оставляла кровавый след, прорываясь сквозь все рогатки, чтобы в середине нынешнего века овладеть умами подавляющего большинства человечества.

Поиски Вечного Мира, наверное, самое упрямое из тех предприятий, на которые замахивался человек. Наваливались бесконечные войны, век от века все кровопролитнее, и уносили с человеческими жизнями последние крупницы веры в человеческий разум. И все-таки в нем постоянно тлела идея-феникс. Идея Вечного Мира, окончательного разрыва с «обезьяньим» (из фильма Кубрика) прошлым и истинно человеческой перспективы на будущее.

Первоначально она гнездилась в многочисленных легендах о «золотом веке»; фольклор разных народов полон ими. В эпоху античности идея набирает силу. Ее подхватили авторы утопических произведений, от грека Ямбула до легендарного китайского мыслителя Лао Цзы. Судя по дошедшим до нас литературным памятникам, большинство выдающихся мыслителей того времени высказалось на эту тему.

Аристотель в «Политике» разумно заключал: «Нужно, чтобы граждане имели возможность... (в случае надобности) вести войну, но, что еще предпочтительнее, наслаждаться миром...» (Polit. VII. С. 13, 9). В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (диалог Киния и Пирра) мы встретим одно из первых упоминаний о непреходящем и, увы, никого так и не образумившем свойстве всех захватнических войн: их *бессмысленности*, бесполезности в сколько-нибудь длительной исторической перспективе. И как не вспомнить Аристофана, автора комедий «Мир» и «Лисистрата»! Предложенное им средство обуздать войну, безусловно, экстравагантно, но и сегодня, по прошествии почти двух тысячелетий, вызывает живой отклик в зрительном зале.

Последний пример заслуживает нашего внимания. Когда над чем-то начинают подшучивать (можно ведь ска-

зять, что Аристофан пародировал тогдашнее «движение за мир»), значит, этого «чего-то» уже достаточно много, нельзя не заметить...

Борьба за мир — пока за *идею* мира — становится заметной. Правда, в основном за счет ярких одиночек-подвижников.

Несправедливо было бы ограничивать сферу поисков границами западной, европейской цивилизации (хотя подсознательно бывает трудно отрешиться от мысли о ее «центральности»). И на Востоке хватало своих оригинальных мыслителей, страждущих Вечного Мира. Это, например, оставшиеся неизвестными авторы древнеиндийского литературного памятника «Бхагаватгита»; а кроме того, отдельные легендарные исторические личности, обессмертившие себя как раз активной миротворческой деятельностью. Дошла до нас история морального раскаяния индийского царя Ашоки, правившего в III веке до нашей эры: после совершенных военных деяний он принял закон благочестия (дхармавиджаю) в качестве основы деятельности государства, о чем оставил знаменитые надписи, восхитившие потомков.

Ростки упрямой мысли прорывались везде и всегда.

Среди рек крови и гор трупов все чаще разгорался факел мира — сначала в трудах христианских богословов, а затем и у светских писателей. Его несли сквозь века как эстафету. Факел порой едва тлел, и неоднократно его пытались потушить совсем. Не удавалось.

На рубеже II—III веков новой эры авторы религиозных сочинений Климент, Ориген и отчасти Тертуллиан (которому приписывают бессмертное обоснование религиозной веры: «Верую, потому что нелепо») начали разрабатывать стройную систему теологических основ мира. И Блаженный Августин разрабатывал идею мира, который наступит вследствие распространения по всей земле христианства. В «Граде божьем» он остро критиковал земные, погрязшие в грехе государства, а саму государственную власть назвал «великой разбойничьей организацией». Много критики высказано им и в адрес завоевательных войн прошлого, и в адрес войн освободительных... Однако церковная администрация быстро пресекла непужные «умствования» — христианство превращалось в официальную религию правящих классов, и возражать против завоевательных войн стало неуместно. Начиная с 325 года церковь отвергла принципы «несовместности учения Христа с войной», сформулировав вместо этого принцип при-

мо противоположный: *желательности* «священной войны» в защиту церкви и веры.

Первым по-настоящему значительным светским мыслителем, обратившимся к идее Вечного Мира, был гениальный автор «Божественной комедии» Данте Алигьери. В трактате «О монархии» (ок. 1311) он разрабатывал схему мироустройства, в котором полная независимость императора от духовной власти мыслилась «как одно из условий, обеспечивающих людям мир и справедливость». А другой итальянский мыслитель — Марсилиус Падуанский в 1324 году выпустил сочинение, программно названное «Защитник мира». В недрах общественной мысли вызревали гуманистические идеи, составившие духовную основу Возрождения. Среди них особым почетом в глазах всех здравомыслящих людей неизменно пользовалась незатухающая и неистребимая *жажда мира*.

Полтысячелетия отделяет нас от самого первого в длинной плеяде предшественников — Эразма. Историческая дистанция заставляет по-новому взглянуть на философский и гражданский подвиг ученого-гуманиста из Роттердама, автора бессмертного «Похвального слова глупости».

Досье по темѐ «Канун»:

ДЕЗИДЕРИЙ ЭРАЗМ

(ПО ПРОЗВИЩУ РОТТЕРДАМСКИЙ)

1469—1536

Великий голландский мыслитель-гуманист эпохи Возрождения, глава движения «северных гуманистов», филолог и писатель. Непримиимый враг религиозного фанатизма, сыграл большую роль в подготовке Реформации (хотя саму ее не принял). Автор сатирических памфлетов, в их числе «Жалоба Мира, изгнанного и поверженного всюду» (1517).

Приступая к строительству своего величественного здания — *теории мира* для истекающего кровью, истерзанного бесчисленными войнами континента, Эразм не мог знать, насколько затянутся работы. Как много самых разнообразных, порой откровенно фантастических проектов будет отвергнуто, возведено и вновь разрушено строительных лесов, пока наконец в далеком XX столетии не забрезжит план — верный, надежный, осуществимый...

Но философ из Роттердама много поработал над *фундаментом* здания. Одним из первых он подверг сомнению

«очевидную истину», которая застила глаза многим значительным философам его времени, не говоря уж о расхожем мнении толпы. Имеется в виду мысль о неизбежности, невычленимости из человеческой сущности такого свойства, как агрессивность, стремление к насилию.

Он словно заочно спорил со своими далекими потомками, и спустя четыре столетия продолжавшими безавелляционно гнуть свое: «Вечный мир есть мечта, и даже далеко не прекрасная. Война является одним из элементов мирового порядка, установленного богом. В ней проявляются благороднейшие доблести мужчин. Без войны мир выродился бы и исчез в трясине материализма»⁷ (фельд-маршал Карл Мольтке-старший).

Эразму странно было слышать подобное и в XV веке: в знаменитом трактате Мир жалуется: «Пусть бы меня отвергали дикие звери, я бы легче примирился с этой обидой. Потому что жестокость — в природе диких зверей: они злобны по натуре.

Пусть бы меня ненавидели неразумные существа, я бы скорее простил их незнание. Потому что те, кто лишен силы разума, не могут по достоинству оценить приносимые мною дары.

Но поразительное дело! Хотя природа только человека наделила разумом, способным воспринять божественную волю и откровение, только его создала полным доброты и стремления к согласию, однако я скорее нахожу себе пристанище среди самых свирепых зверей, среди самых неразумных и злобных тварей, чем среди людей!»⁸

Трактат, жалоба только по форме, превратился в боевое оружие гуманистов, верно послужившее им не одно столетие. Разящее и точное слово Эразма поддерживало их, укрепляло волю и сообщало силы; не случайно великий мыслитель требовал первостепенных почестей «солдатам мира» — тем, кто не жалел усилий для предотвращения войн, кто делал ненужными многочисленные армии и запасы оружия. Мысль, которую в полной мере могут оценить ныне живущие.

По-настоящему трудно именно первым. Когда есть пример, зажжен факел в ночи, все полегче. Знамя, поднятое Эразмом, подхватили другие и несли его из века в век, из книги в книгу, от человека к человеку.

Это — автор «Боевой книжки мира» (1539) немец Себастьян Франк. Чешский просветитель-гуманист Ян Амос Коменский, один из первых развивший идею разоружения в своем сочинении «Всеобщий совет об исправлении

человеческих дел». («Встает, однако, вопрос, как быть с ружьями и пушками? Отвечаю: ружья следует применять против хищников, тогда как пушки надо бы перелить на колокола, которыми созывают народ, или на музыкальные инструменты»⁹. Середина XVII столетия!) Французы аббат и мыслитель Шарль Ирине де Сен-Пьер и не нуждающийся в представлениях Жан Жак Руссо. Отечественные миротворцы, среди которых — первый директор Лицея, учитель Пушкина Василий Малиновский и революционер-демократ Александр Радищев. Наконец, великое трио немецких философов — Кант, Фихте и Гердер.

Самой значительной на миротворческой ниве оказалась мыследеятельность Иммануила Канта.

Досье по темѐ «Канун»:

ИММАНУИЛ КАНТ

1724—1804

Великий немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Окончил Кёнигсбергский университет, где проработал профессором до конца жизни. Автор основополагающих трудов по философии естествознания, теории познания, этике: «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и др. Разрабатывал идею «союза народов», принципы мирного сосуществования государств, мирового правопорядка.

«Война,— писал Кант в трактате «К вечному миру» (1795),— есть печальное, вынужденное средство в первобытном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой. Ни одна из сторон не может быть объявлена неправой, так как это предполагает уже судебное решение, и лишь *исход войны* (подобно тому как это имеет место в так называемом суде божьем) решает, на чьей стороне право... Истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Итак, подобная война, а также использование средств, которые открывают пути к ней, должны быть, безусловно, воспрещены»¹⁰.

Кант приступил к работе над трактатом вскоре после заключения Базельского мира между Францией и Прус-

сней. Неудовлетворенный «делкой» (как показали дальнейшие события, мир и вправду оказался шатким), философ садится за письменный стол, чтобы изложить собственный проект устройства мира в Европе, каким он видится просвещенному уму. Может быть, в этом проявилась логика времени: великий мыслитель, занятый разработкой основ метафизики и гносеологии, живой классик, на долгие годы определивший ход развития европейской философской мысли,— и «опускается» до политики. А он не просто погрузился в проблему, но попытался решить ее на уровне тогдашней науки, общественной мысли, заложив основы современного международного права. От идей Канта отталкивались, с ними спорили, но проигнорировать их совсем не отваживался с тех пор никакой себя уважающий философ.

И сегодня трудно поверить, что горькие и мудрые слова о «гигантском кладбище человечества» произнесены почти за два столетия до того, как метафора обернулась реальной возможностью.

Замечательно и то, что Вечный Мир для Канта — не химера, не утопический проект, а результат общественной эволюции. Быть может, впервые философская мысль сформулировала необходимое и достаточное условие наступления мира: он не только *возможен*, но должен наступить *обязательно* — просто в силу действия социальных законов. Социальный антагонизм разъединил народы — этот же неснимаемый (так считал немецкий философ) антагонизм заставляет людей искать мира и взаимопонимания.

В идеи Канта современникам трудно было поверить, тем более проникнуться ими — никто не знал об «атомной проблеме» и всякая война мыслилась событием локальным и в принципе допустимым. Принять концепцию философа как отвлеченную игру ума, умозрительную конструкцию, и только,— да, но как нечто приложимое к практике...

По-настоящему *популярными* — в изначальном смысле слова «популярный» — они стали лишь примерно столетие спустя.

Век Просвещения дал могучий толчок поиску Вечного Мира — и фактически разрушил малейшие надежды на его быстрый приход. «Государство разума,— писал Ф. Энгельс,— потерпело полное крушение... Обещанный вечный

мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн»¹¹. Мир зримо менялся и в том аспекте, который волновал авторов проектов Вечного Мира,— безусловно, в худшую сторону.

Если в начале прошлого века только сверхцепкий, натренированный взгляд мог заметить перемены в характере войны, то к концу столетия особенного внимания уже не требовалось. С войнами явно что-то происходило.

Начать с того, что их становилось все больше.

Вернемся в наш сегодняшний день, чтобы взглянуть на почти уже «разменянное» XX столетие с этой точки зрения. По подсчетам Лондонского института стратегических исследований, опубликованных в 1968 году, раскладка войн по десятилетиям получается следующей: за период с 1898 по 1907 год — 9 войн; с 1908 по 1917-й — 15, с 1918 по 1927-й — 11, в 1928—1937 — 12, в 1938—1947 — 12, в 1948—1957 — 28, в 1958—1967 — 45¹². Не говоря уже о двух мировых... Дальше пошло еще хуже: с 1945 по 1986 год в мире произошло более 250 войн — по сути, не было *ни одного* мирного дня¹³.

И войны становились все более кровопролитными. Поначалу еще трудно было заметить какое-то ускорение, но к наступлению XX столетия процесс напоминал сход лавин. О характеристиках «лавинообразности» дают представление другие цифры: данные о потерях на поле боя и среди мирного населения.

Несколько стоп-кадров истории.

5 апреля 1242 года, южная часть Чудского озера. Атаковав русскую дружину князя Александра Невского (численностью в 15—17 тысяч человек), ливонские и датские рыцари-крестоносцы, «прошибошася свиньёю сквозе полк», завязали сражение, вошедшее в историю под названием Ледовое побоище. Результат его хорошо известен, однако не все с ходу вспомнят о числе убитых в этой кровопролитнейшей для своего времени битве. Погибло же 400 рыцарей, в большинстве своем они утонули, подломив тяжестью доспехов талый весенний лед. Гораздо больше пало кнехтов, а также воинов из чуди и эстов¹⁴, добавляет, цитируя летописцев, Большая Советская Энциклопедия.

Век спустя «прогресс» — если применять это слово к смертоносности военных действий — еще слабо ощутим. 26 августа 1346 года, деревушка Креси на северо-востоке Франции. Тоже ожесточенная битва, в которой войска английского короля разгромили цвет местного рыцарства.

Для полутора тысяч французов смерть в бою оказалась лучшей участью, чем позор плена (всего в битве участвовало от 30 до 40 тысяч воинов)...

Можно и дальше продолжать в том же духе, неспешно переходя из века в век (в следующем столетии заметным событием военной истории стал Грюнвальд, где счет убитым перевалил за десяток тысяч). Но почему бы не сделать сразу огромный — почти на шесть столетий! — скачок в будущее? Тем более что он не потребует от нас каких-то значительных передвижений в пространстве.

Деревня Креси, о которой только что шла речь, расположена на территории современного французского департамента Сомма. По странному совпадению «почти на том же месте», чуть восточнее Амьена, спустя 600 лет снова кипело сражение — но по сравнению с ним кровавая сеча времен Столетней войны покажется уличной дракой мальчишек. С 1 июля по 18 ноября 1916 года англо-французские войска (на этот раз история определила их в один лагерь) пытались прорвать оборону немцев, бросив в бой свыше 50 дивизий, причем артподготовка к наступлению длилась безостановочно семь суток... Результат затраченных усилий оказался мизерным: удалось продвинуться вперед всего на 12 километров, при этом союзники ухитрились потерять около 800 тысяч человек убитыми! (У немцев — «всего» полмиллиона...)

Не зная точных данных, рискну все же утверждать, что в середине XIV века на всей территории Франции, вероятно, не нашлось бы такого количества мужчин, способных носить оружие, как погибло в *одном* сражении первой мировой войны.

Впрочем, какие-то цифры для сравнения отыскать удалось. В XVII веке общие потери в войнах среди европейского населения составили 3,3 миллиона человек, в XVIII — 5,4, в XIX — начале XX века — 5,7; наконец, две мировые войны унесли соответственно около 10 и 50 миллионов... Другими словами, во второй мировой войне погибло вдвое больше европейцев, чем за предыдущие три с половиной столетия (а с учетом первой производной — ускорения этой «мясорубки», — то, вероятно, и больше, чем за все столетия новой эры)!

Очень скоро война явила свое до поры скрытое и, как оказалось, самое губительное качество — глобальность.

До XX столетия об этом впрямую было только догадываться (отсутствие знаний привело к своеобразному «безразличию» к войнам — пусть сегодня где-то полыхает по-

жар, лишь бы на наш дом не перекинулось!), но уже первые десятилетия нового века подтвердили догадку. «Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами»¹⁵. Этот вывод Ленин сделал в 1905 году, по горячим следам событий: работа называлась «Падение Порт-Артура»...

Капиталистическое общество вступало в новую стадию своего развития, и теория войны и мира, которая должна была теперь учитывать и войны мировые, требовала нового осмысления. Или даже радикальной переформулировки: они становились все более угрожающими, а революция в военной технике делала результат их практически непредсказуемым. Впрочем, теорий хватало, но ни одна не смогла избежать внутренних противоречий. Тем более предсказать дальнейшую эволюцию войн (не удовлетворила, как говорят ученые, принципу эвристичности).

Эту задачу решили основоположники марксизма в рамках принципиально нового революционного учения о человеческом обществе. Главное, надо было понять и проанализировать на историческом опыте *классовый* характер войны. Собственно, само понимание ее как явления общественно-политического, присущего классовым общественно-экономическим формациям, позволило сделать смелое заключение о его неизбежном отмирании в будущем.

Чтобы осознать значение произведенного переворота во взглядах на проклятие рода человеческого — войну, нужно опять вернуться в «доисторию», с которой мы начали рассказ. И уже оттуда посмотреть, когда же произошло, как писал в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Фридрих Энгельс, «вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел...»¹⁶.

Воинственные действия наших далеких пращуров на заре цивилизации трудно назвать «войнами» в современном понимании. Когда не было классов и частной собственности, случались вооруженные столкновения между родами и племенами, но войны напоминали только внешне. Суть была иной. Соседей грабили утилитарно — отбирали пастбище, запасы пищи, выгодные звериные или рыбные места. Разбойничали просто потому, что средства производства оставались самыми примитивными и не обеспечивали стабильных условий выживания (конечно,

нельзя сбрасывать со счетов и социокультурных мотивов — религиозных предписаний, табу, кровной мести и т. п.).

Но время шло, и «крот истории» в тиши вершил свою работу. Возникают первые классовые формации, и меняется характер конфликтов. Теперь нападают с целями более «перспективными»: завоевать, покорить население другой территории, заставить работать на себя... Конечно, нужно отдавать себе отчет в том, что граница этого перехода чрезвычайно размыта, да и времена были столь отдаленно-глухие, что от «переходного периода» до нас дошло не так много достоверных исторических свидетельств. Однако и тех, что удалось расшифровать и осмыслить, для выводов достаточно. В первобытнообщинном строе случались вооруженные столкновения, в рабовладельческом обществе шли самые настоящие войны.

О самых последних, непредвиденных поворотах в эволюции войны, о которых у классиков марксизма не сказано ни слова — известный им исторический опыт не давал материала для анализа, — речь пойдет чуть позже. Пока хочу лишь отметить одно замечательное обстоятельство: осмысливая проблему войны по-новому, в изменившихся исторических условиях, мы и сегодня формулируем нашу стратегию и тактику по отношению к ней, основываясь на фундаментальных выводах, сделанных в работах Маркса, Энгельса и Ленина.

Прежде всего и поныне верен их принципиальный вывод о классовом характере войн и о снятии «вечного проклятья» в процессе отмирания класса. В отличие от предшественников, занятых поисками Вечного Мира, как сегодня ясно, на направлениях *утопических*, основоположники научного коммунизма формулируют вполне реальный, основанный на трезвом знании общественных законов путь его достижения. Главным международным принципом рождающегося нового общества, лишенного «экономической нищеты и политического безумия» старого, «будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»¹⁷.

Отстаивая мир как высшую ценность, марксисты не закрывают глаза на то, что пока существует империализм, мир не может быть установлен простым желанием, даже волевым усилием. Наоборот, следует ожидать целой серии освободительных войн, в частности тех, что приводят к социальным революциям. «Социал-демократия никогда не смотрела и не смотрит на войну с сентиментальной точки

зрения,— писал В. И. Ленин в 1905 году.— Бесповоротно осуждая войны, как зверские способы решения споров человечества, социал-демократия знает, что войны неизбежны, пока общество делится на классы, пока существует эксплуатация человека человеком... Есть война и война. Есть война-авантюра, удовлетворяющая интересы династии, аппетиты грабительской шайки, цели героев капиталистической наживы. Есть война — и это единственная *законная* война в капиталистическом обществе — против угнетателей и поработителей народа»¹⁸.

Спустя десятилетие, когда в Европе уже полыхал пожар войны, выходит ленинская работа «Крах II Интернационала», где в наиболее концентрированном виде сформулировано марксистское понимание сущности войн: «В применении к войнам, основное положение диалектики... состоит в том, что *война есть просто продолжение политики другими*» (именно насильственными) *«средствами»*. Такова формулировка Клаузевица... И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»¹⁹.

Новой теории войн недолго было ждать весомых практических подкреплений.

Стало уже общим местом оценивать начало XX столетия как время переломное, революционное — но не забудем: это было и время *военное*. «Все европейские страны достигли уже равной ступени развития капитализма, все они дали уже все, что может дать капитализм. Капитализм достиг уже своей высшей формы и вывозит уже не товары, а капитал. Ему становится тесно в своей национальной оболочке, и теперь идет борьба за последние свободные остатки на земном шаре. Если национальные войны XVIII и XIX веков озаменовали начало капитализма — империалистские войны указывают на его конец»²⁰, — сообщалось в газетном отчете на реферат ленинской работы «Пролетариат и война». Стоял октябрь 1914-го, и все это буквально на глазах переставало быть отвлеченной теорией...

Наступал новый век. Он не только заставит на войну взглянуть по-новому, под непривычным углом зрения. В завершающих своих десятилетиях он поставит всенародно вопрос о *войне вообще*. Вернет общественную мысль в водоворот тягостных размышлений о предке-обезьяне, воспользовавшемся блеснувшей искрой разума, чтобы тут

же без промедления направить его на убийство себе подобных.

Наш исторический экскурс в основном завершен. Правильнее было бы назвать его предысторией вопроса, так как основная — решающая для судеб мира — история войн началась только в нашем столетии. Хочется верить, что в нем она и закончится.

В XX веке война достигает своего логического завершения. И ныне от человеческого разума зависит, положит ли он конец войне, прежде чем она сама этого не сделает в отношении человечества.

Для многих, однако, все эти проблемы не свалились неожиданно, как снег на голову. Ученые, писатели если и не предсказали новое качество войн, о котором заговорили сравнительно недавно, то, как минимум, указали уже в начале столетия на неизбежность грандиозных социальных изменений, непосредственно связанных с войной.

Правда, в вопросе о том, насколько общественное мнение было вовлечено тогда в обсуждение проблем грядущей войны, среди специалистов нет единодушия. «...Хотя мировая война назревала давно, большинство людей воспринимало ее возможность как нечто нереальное. Полистайте общественно-политические журналы разных стран за последние годы и месяцы перед войной. Там вы найдете все: слезливые романы с приложениями, блестящие театральные рецензии, модные повествования о глубоко личном мире людей, короткие политические новости, сексуальную поэзию. Но вы поразитесь почти полным отсутствием общественного понимания и предвидения тех трагических испытаний, которые предстояли человечеству в самом ближайшем будущем»²¹.

Я не раз буду цитировать книгу видного историка Даниила Михайловича Проэктора «Мировые войны и судьбы человечества» (1987). Но пожалуй, это тот единственный случай, когда я позволю себе не согласиться с авторитетнейшим специалистом.

Да, читатель несомненно будет поражен, обнаружив в журналах почти полное непонимание грядущих перемен, своего рода атрофию социального предвидения, воображения, интуиции, на худой конец. Но все дело в том, что не в *общественно-политические* журналы той поры стоило заглядывать. Искать нужно было в совершенно других изданиях.

Глава 2

ПРЕДЧУВСТВИЕ, ОБЕРНУВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВОМ

Что бы вы сказали, прочитав, к примеру, такое?

...Спичкой, поднесенной к пороховому погребу европейской политики, стало покушение на пекую высокопоставленную особу на Балканах. Не прошло и месяца, как в опустошительную войну оказались втянуты все крупнейшие державы: Германия в союзе с Италией, Австро-Венгрией и Турцией и противостоящая им коалиция Франции, России, Бельгии и других стран (включая Сербию, с которой все началось). Англия, по обыкновению, хитрила и до поры до времени не объявляла войну Германии, предпочитая, чтобы другие таскали каштаны из огня. В скором времени война охватила весь евразийский материк — от Французской Ривьеры до Владивостока... Поначалу успех сопутствовал немцам: сражаясь на два фронта, они смогли связать действия русской армии в болотах Польши и нанести решительное поражение французам в Бельгии. После того как войска кайзера вошли в Париж, родилось мощное движение Сопротивления; позже оно вышвырнет оккупантов из страны и коренным образом переломит ход военных действий в Европе...

Стоп-стоп, тут что-то не так! Начало, худо-бедно, соответствует знакомой со школьной скамьи истории военных действий в 1914 году. А в конце... Словом, фантазия у автора не в меру разыгралась.

Совершенно верно, фантазии хоть отбавляй. Впрочем, и начало тоже ведь чистейшей воды выдумка! В это трудно поверить, но вы только что познакомились с «конспектом!» *научно-фантастического* произведения под названием «Большая война 189.. года: прогноз», написанного группой военных экспертов и журналистов во главе с

контр-адмиралом Филиппом Коломбом. Впервые роман был опубликован на страницах английского иллюстрированного журнала «Блэк энд Уайт» в 1892 году — за двадцать с лишним лет (!) до рокового выстрела в Сараеве.

Перечитайте абзац, с которого начинается глава. Помоему, он словно приглашает поразмыслить на тему чудес, которые вытворяет человеческая фантазия. Казалось бы, она ко всему нас приучила — и вот, пожалуйста...

История научно-фантастической литературы буквально пестрит подобными прогностическими попаданиями «в десятку». Каждое, разумеется, проще всего объяснить случайностью, хотя, как заметил Марк Блок, «совпадение — одна из тех причуд истории, которые нельзя просто зачеркнуть»²². Но фокус в том, что к началу нынешнего столетия, реализовавшего видения и стократ худшие, научно-фантастические сценарии будущих войн читателю... успели прискучить! Они исчислялись десятками, если не сотнями — эти обыкновенно бойкие и совершенно беспомощные в литературном отношении книги.

Сам факт их многочисленности говорит о многом. Впервые литература о будущем открыто заявила о своей «социальной ангажированности», связав себя с событиями и тенденциями *настоящего*.

И не могло это проявиться иначе как в кризисную эпоху.

Мир последних десятилетий прошлого — начала нынешнего века меньше всего навевает представление о времени тихом и умиротворенном, полоса относительно безоблачная сменилась, по словам В. И. Ленина, все «более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной»²³. Все: искусство, наука, политика — сорвалось с привычных орбит и понеслось неведомо куда.

В обстановке гнетущего ожидания еще более тяжелых потрясений бурно прогрессирующая наука каждый миг добавляла новых хлопот. Стоило появиться какому-то новому открытию, призванному облагодетельствовать человечество, как его прибирали к рукам военные ведомства. Так было с радио, телефонами, телеграфом, дизельным мотором, многими достижениями химии, авиации, металлургии. Чуть позже разобрались с прикладным применением таких отвлеченных достижений науки, как радиоактивность, рентгеновские лучи, новая модель атома, квантовая механика, теория относительности...

Хотя люди во все времена верили в своего рода «на-

учную пападею» против войны. Вот изобретут что-нибудь, откроют — и война станет бессмысленной... Этот «окончательный приговор» войне время от времени выносился даже не людьми наивными или утопически мыслящими — крупнейшими специалистами, гениями!

«...Оружие теперь так усовершенствовано, что новый прогресс, который имел бы значение какого-либо переворота, больше невозможен. Когда есть пушки, из которых можно попадать в батальон, насколько глаз различает его, когда есть ружья, из которых с таким же успехом в пределах видимости можно целить и попадать в отдельного человека, причем на зарядание требуется меньше времени, чем на прицеливание, — то все дальнейшие усовершенствования для полевой войны более или менее безразличны. Таким образом, в этом направлении эра развития в существенных чертах закончена»²⁴. Фридрих Энгельс пришел к этому выводу еще до франко-прусской войны.

Что же говорить о другом заявлении, сделанном позже: «Может быть, мои заводы покончат с войной скорее, чем ваши конгрессы. В тот день, когда два крупных армейских соединения смогут мгновенно уничтожить друг друга, все цивилизованные народы придут в ужас и распустят все армии»²⁵. Все цивилизованные народы от ужаса, впрочем, быстро оправились и даже основали престижную премию за мир на средства автора приведенного высказывания — изобретателя динамита Альфреда Нобеля...

Кризисное время... Никогда до того двойственный лик научно-технического прогресса не проступал столь ярко. XX век, по меткому выражению Ильи Эренбурга, начался в 1914 году, если отвлечься от календарей. Ну а писателям-фантастам ничего другого не оставалось, как «приоткрыть» его чуточку раньше.

Закономерно, что и рождение научной фантастики, окончательное выделение ее в особый жанр, закрепление ее самостоятельности относятся к этому же *кризисному времени*. Если говорить о ее отношении к техническому прогрессу, а позднее — научно-технической революции, то связь прямая. Однако «в фантастике последних десятилетий прошлого века преобладали не чудеса техники, а живописания будущих войн»²⁶, — отмечают специалисты-историки этой литературы.

Рождавшееся столетие было чревато войной. Она незримо присутствовала в подсознании каждого человека,

по воочию ее раньше других увидели те, кому это было положено «по долгу службы».

Начало увлечению военными прогнозами положила скромная 64-я страничная брошюра анонимного автора, вышедшая в Англии в 1871 году; называлась она «Битва у Доркинга».

Той весной в Европе было неспокойно. Продолжалась франко-прусская война, а готовый вот-вот пасть Париж стойко удерживали коммунары. Формально англичан это не касалось, но два тревожных предчувствия нарушали покой не утратившей великолепия империи, «в которой никогда не заходит солнце». Настроение портили, как нетрудно догадаться, угроза немецкого вторжения и модные на континенте социалистические поветрия — и еще вопрос, что больше тревожило грозного британского льва... Неуверенность и ожидание будущих неприятностей как бы сублимировал памфлет «Битва у Доркинга (Воспоминания добровольца)», напечатанный сначала в майском выпуске журнала «Блэквуд Единбург мэгэзин».

Сразу оговорюсь: это был отнюдь не первый британский военный сценарий. Но зато он появился сразу же после неожиданного для многих окончания франко-прусской войны, когда по Европе прокатилась волна национализма и военной истерии. Инкогнито автора скоро открыли: повесть написал сорокалетний кадровый офицер, ветеран кампании в Индии сэр Джордж Томкинс Чесни. Подполковник инженерных войск, оказавшийся, как ему представлялось, не у дел (Чесни отозвали в Англию для организации Королевского индийского инженерного колледжа), он в своем памфлете обрушился с критикой на преступную обстановку благодушия и некомпетентности, царившую в вооруженных силах Ее Величества.

Даром публициста сэр Чесни обладал, это несомненно. Эффектными, лаконичными мазками он обрисовал мрачную перспективу, которая ждет нацию, утратившую бдительность и чувство ответственности: молниеносная немецкая атака через Ла-Манш, оккупация Британских островов, после чего — позорный мир и утрата почти всех колоний. Дальнейшее представлялось и вовсе невыносимым: социалистическая тирания — в доброй-то старой Англии!

Интуиция «приравнявшего к штыку перо» подполковника не подвела. Он не просто обвинил правительство в бездействии и легкомыслии, но и обратил внимание

на технические новинки, в корне изменявшие характер будущей войны. И время для публикации выбрал удачно... Для добропорядочного англичанина эпохи викторианского расцвета, которому гордыня и чувство национального превосходства впитались в кровь с рождения, больший кошмар, чем тот, что изобразил сэр Чесни, трудно было представить.

Подкоп готовили другие, Чесни только вовремя поднес фитиль.

Успех «Битвы у Доркинга» — социальный, а не литературный. «Очернитель» в мгновение ока превратился в горячего патриота — спасителя нации, вызвал целую волну воинственных лозунгов и призывов. Я не знаю, состоялись ли в связи с публикацией книги парламентские дебаты; но если да, то неудивительно — во всяком случае премьер-министру лорду Гладстону кое-какие разъяснения для прессы сделать пришлось.

В том же, 1871 году вышло отдельное книжное издание, за ним — неизбежный поток продолжений и подражаний (около десятка книг до конца года), а также переводов.

В течение следующих трех десятилетий мода на сценарии будущих войн не спадала, даже наоборот — количество их постоянно росло. Отныне каждая национальная литература, словно соперничая с другими, стремилась выдвинуть собственных «сценаристов».

В Англии это были Колумб и К°, не говоря обо всех многочисленных подражателях (хотя... чего стоит, скажем, одно название: «Горчаков и Бисмарк, или Европа в 1940 году»!). Тональность зависела от политических пристрастий автора. Так, известный писатель Уильям Ле Кье в романе «Война в Англии, 1897 год» (книга вышла за три года до описываемых событий) бьет, подобно Чесни, в набат и призывает к бдительности. В отличие от них, Роберт Кроми в романе «Следующий крестовый поход» (1896) успокаивает более оптимистичной перспективой: Британия объединяется с Австрией и побеждает Россию с Турцией, превратив Средиземное море в «английское озеро». Ужасы оккупации у Чарлза Глега («Когда наступил голод», 1898) соседствуют со вполне утешительными картинами: Мэтью Шиль в романе «Желтая опасность», опубликованном в том же году, поет гимн англичанам, которые не только успешно сражаются с императорским Китаем, но и при первой возможности сами не преминут завоевать весь мир...

Вообще, история учит, что призывы к бдительности быстро оборачивались алчным имперским кличем: «Власть над миром!» И Англия в этом смысле не составляла исключения.

А что в других странах? Германию наводнили сочинения популярного автора — откровенного милитариста Августа Неймана. Во Франции вышла трилогия о будущей войне с Германией, подписанная «Капитан Данри» (псевдоним адъютанта и зятя генерала Буланже Э. Дриана, служившего инструктором в Сен-Сире, а позже — горькая ирония судьбы — павшего под Верденом). Американского читателя пугали «желтой опасностью». Местные издательства не только быстро перевели вышедшую в Лейпциге книгу с тогда еще загадочным названием «Бансай!» (автор Фердинанд Граутофф, писавший под эффектным псевдонимом «Парабеллум», описывал японское вторжение в США), но и выдвинули собственных воинственных «сценаристов». В одном сценарии Америку завоевывают китайцы, а в другом, наоборот, американский флот атакует японцев, как бы мстя *авансом* за Пёрл-Харбор.

Для полноты картины остается добавить, что и в далекой Японии нашелся автор, описавший будущую русско-японскую войну 1904—1905 годов. Роман одного из основоположников национальной научной фантастики, «японского Жюль Верна» Сюнро Ошикава «Подводный крейсер» вышел за четыре года до начала военных действий и остался неизвестен русскому читателю — в отличие, скажем, от книги Граутоффа и многих других, обильно переводившихся...

Я не читал большинства этих книг. Достать редкие сохранившиеся экземпляры даже на родине их авторов, как я себе представляю, большая проблема. А от необходимости оправдываться меня избавляет то обстоятельство, что почти все они — и романы, и авторы — забыты. Краткие аннотации в библиографиях сообщают минимальные сведения, позволяющие ощутить дух эпохи — и этого достаточно.

Шла генеральная репетиция решающих событий действительной истории. Тестам подвергалось все, что пригодилось бы в недалеком будущем; а в отдельных случаях писатели выходили на проблему, время которой придет не скоро.

Например, на проблему ответственности ученого за мир, в котором он живет, за жизнь на Земле.

В канун XX века известный американский астроном профессор Саймон Ньюком, позднее снискавший печальную славу энергичными попытками научно «закрыть» авиацию²⁷, дебютировал в фантастике. Герой его романа «Мудрость — вот защитник» (1900), тоже профессор-физик, открывает новый вид энергии, позволяющий создать невиданное по разрушительной силе оружие. Быстро разгромив европейские армии, он устанавливает и сам возглавляет всемирное правительство. Отмена войны в законодательном порядке — совсем неплохо, однако принципы будущего мироустройства, разработанные «интеллектуалом», внушают тревогу. Право на самоопределение в этом мирном будущем имеют только те, кто «обладает мерой ответственности»; по Ньюкому, к таковым можно отнести лишь представителей англосаксонской расы...

Все же отметим про себя: *ученый* — не политик — останавливает войну и провозглашает всеобщий мир. Правда, присутствует навязчивый расистский мотив «бремени» белого человека — и не у одного Ньюкома, о чем свидетельствует и роман некоего Д. Барни «Л. П. М. Конец великой войны», вышедший в 1915 году.

Это своего рода «вершина» американского технократизма. Книга просто пронизана высокомерным презрением ко всему неамериканскому. Снова ученый-одиночка, «сверхоружие», всемирное правительство «аристократов интеллекта»; что касается морального превосходства англосаксов, то автор его не только постулирует, но и всячески приветствует. А осуждает, наоборот, такие химеры, как «власть большинства, равенство всех людей, а также вечный мир, построенный на братской взаимной любви».

«Националистические эмоциональные призывы, — пишет английский исследователь И. Ф. Кларк, — в ту пору нашли естественное выражение в новой мифологии будущих войн. На деле это была лишь слегка замаскированная мысленная ревизия политической карты мира в соответствии с национальными интересами... В своей собственной, весьма странной манере авторы военных сценариев пытались привнести в индустриальную цивилизацию броненосцев и сверхскоростных турбин новый миф о Беовульфе, пропитанный насилием, *chanson de geste* * для нарождающегося века империализма, причем пересказать миф на возбуждающем языке массовой печати»²⁸.

* Героическая поэма (*фр.*).

Действительно, за редким исключением, военные сценарии не предупреждали о грозившей опасности, а ...*подстрекали* на развязывание войны. Научная фантастика превращалась в прямой инструмент политики.

Правда, и в тех единичных случаях, когда авторы искренне желали предотвратить катастрофу, их призывы разносились в пустоту.

Самый поразительный пример такого рода — вышедший в 1904 году роман англичанина Эрскина Чайлдера «Загадка песков». Автор снабдил книгу подзаголовком «Недавно полученные выписки из архивов секретных служб». Мастерски сделанный детектив, содержащий детали воображаемого заговора с целью подготовки вторжения немцев на Британские острова, — к тому же хорошо написанный — привлек широкого читателя (в отличие от десятков других военных сценариев). Но дальше пошло необъяснимое. В Германии книгу тотчас запретили и конфисковали все поступившие из-за границы экземпляры, на родине же писателя никто «пророческую» часть книги всерьез не воспринял... Роман переиздали лишь в 1940 году, когда Чайлдера уже 18 лет как не было в живых (он был расстрелян во время гражданской войны в Ирландии за симпатии к республиканцам).

Из других примеров выделяется роман под характерным названием «Когда пришел Вильгельм» — так, в год начала первой мировой войны, дебютировал в фантастике популярный английский романист Гектор Манро, писавший под псевдонимом «Саки». И наконец, еще год спустя *запоздало* вышла анонимная книга «Марш Гинденбурга на Лондон» (интересно, ее тоже записывать по ведомству научной фантастики?)...

Пророческие книги, авторы которых, может быть и ошибаясь по части деталей, общую картину надвигающейся катастрофы угадали с абсолютной точностью. А массовый читатель не воспринимал эти «фантазии» всерьез, хотя порой и зачитывал книги до дыр.

Прозорливые писатели и слепые читатели? Если б все было так просто... Ведь даже самые раскрепощенные умы приходили к решениям потрясаяще наивным, когда дело доходило, к примеру, до прогнозов новой военной техники, уже существовавшей или находившейся на подходе, но не испытанной на полях сражений.

Военной технике суждено было сыграть едва ли не решающую роль в драме, предопределившей раздел и «перекройку» политической карты Европы. И тем не менее военные эксперты и полководцы — и даже обычно метко стрелявшие по мишеням будущего писатели-фантасты — демонстрировали «непонимание свойств нового оружия, не в том смысле, как стрелять (это хорошо знали), а гораздо в более широком плане». Дело в том, «что увеличение поражающей силы оружия в XX веке приобретало все больший военный, социальный, политический, психологический эффект. В нем нельзя было теперь видеть только средство убийства. Повышая свою силу и размножаясь, оно стало само по себе приводить к удивительным результатам, стало причиной социальных противодействий войнам, самому себе. Несмотря на свой гигантский рост, оно... ограничивалось в решающем — в своих политических возможностях»²⁹.

Понимание этого, как мы знаем, пришло только в нашем столетии.

Что касается писателей-фантастов, то у них, как это ни странно, военная техника долгое время едва поспевала за реальным прогрессом в этой области.

Одним из первых произведений *о будущем* библиографы считают анонимный памфлет «Правление Георга VI, 1900—1925» (1763). Его приписывают английскому автору Сэмюэлу Мэддену. Если что в этом «прогнозе» и угадано, то только имя и порядковый номер царствующего монарха. В остальном «XX век», в сущности, ничем не отличается от блаженной памяти XVIII: король с обнаженной саблей в руке ведет в бой кавалерию...

Но уже столетие спустя во Франции появились другие книги, автор которых обрушил на современников целую лавину возбуждающих, порой экстравагантных новinek военной техники. Правда, он вроде бы посмеивался сам над собой, и рожденные его фантазией картины поражали скорее зрительно (книги были превосходно иллюстрированы), но выделить его в черед писателей — «военных сценаристов» я просто обязан. Звали его Альбер Робиде.

Досье по теме «Канун»:

АЛЬБЕР РОБИДА

1848—1926

Популярнейший французский художник-график, один из зачатей научной-фантастической иллюстрации, писатель-фантаст. Служил в нотариальной конторе, затем профессиональный художник. Иллюстрировал Рабле, Сирано де Бержерака, Свифта, Фламариона, Жюль Верна. Автор и художник книг «XX век» (1882), «Жизнь электрическая» (1883), «Война в XX столетии» (1883—1887).

Книги «зачинателя жанра научно-фантастической иллюстрации, достойного наследника традиций Гранвилля и Доре»³⁰ при его жизни пользовались успехом в Германии, Италии, России, а в 1900 году Робиде поручили оформить «уголок старого Парижа» на Всемирной выставке. Он был воспитан на традициях знаменитого газетного романа-фельетона, в котором нашли себя и признанные литературные гранды — Александр Дюма и Жюль Верн. Неистощимый фантазер, увлекающийся, но пронышный по отношению к самому себе, он иллюстрировал все свои произведения (считая себя в первую очередь художником, что соответствовало истине), овестьствляя, приближая к читателю свои необузданные выдумки. А может, наоборот: чтобы читатель, не дай бог, не слишком им верил...

В юбилейном двухсотом номере юмористического журнала «Ля карикатур» за 1883 год появилось самое мрачное сочинение жизнерадостного французского писателя — его «Война в XX столетии». В журнальном варианте трагическая развязка наступает в 1975 году. Однако, спустя три года при подготовке книжного издания автор сдвинул дату: 1945 год! (Что и говорить, каждый раз, когда наталкиваешься на такое совпадение, трудно отделаться от совершенно еретической мысли: все-таки знал?..)

Сегодня нельзя без умиления разглядывать эти *веселые картинки*. Война будущего! Небо над Парижем кишмя кишит всяческими летательными аппаратами — один другого чуднее, «VELOCAВАЛЕРИЯ», похожие на улиток или черепах танки, артиллерийские динозавры, по сравнению с которыми «Большая Берта» — гигантское 42-сантиметровое орудие времен первой мировой войны — выглядит

не страшнее какой-нибудь конверты далекого прошлого. Наивное детство... Но вспоминаешь, что рисунки были сделаны, когда еще не было на свете наших дедушек, первые воздушные шары вызывали восхищение зевак, до изобретения танка оставалось лет тридцать, а аэроплана — двадцать...

У меня есть альбом, в котором собраны многие графические работы Альбера Робида. Особенно хорошо разглядывать его наивные рисунки, бросая время от времени взгляд на экран телевизора (кстати, и это предвидел французский автор!), когда там стартуют «фантомы» с палуб авианосцев, демонстрируют свою ракетную «силу» подводные лодки, кипят полемические страсти вокруг боеголовок и перспектив «ядерной зимы». Неизбежная при таких сопоставлениях улыбка мгновенно исчезнет, стоит только перевести взор на книжную полку, где теснятся томики современных писателей-фантастов, тоже любящих попутать ужасами будущих войн. Неужели действительность снова окажется на порядок — на два, на несколько порядков! — кошмарнее самых мрачных сегодняшних фантазий?

Впрочем, воображение Альбера Робида не простиралось дальше техпических диковин. Все, что касалось людей — от повседневных мод до модуса поведения, — словно застыло в его сознании на уровне *fin de siècle* *. Оттого сегодня многие «серьезные» рисунки смотрятся как карикатуры: современники Робида словно внезапно окунулись в мир техники, с ними никак не «стыкующийся».

И все же... Бактериологическая и химическая войны, перенесение военных действий в воздух, радиокорреспонденции с поля боя, подводный флот, радиоуправляемая артиллерия. На фоне того, что сочиняли о будущей войне, фантазии Робида выглядели вызывающе смелыми. Многие посчитали их беззлобными шутками — и забыли. Напомнила о них начавшая выкидывать свои злые «шутки» реальность.

Он-то развлекался, верно. Но невеселые мысли вызывал прогресс военной техники, на перепаде веков словно сорвавшийся с цепи.

Грустно сознавать, что человечество с особой настойчивостью расходовало коллективный интеллект на изобретение более совершенных средств уничтожения себе подобных. Все рекорды побил XX век. Уже в первые его

* Конец века (*фр.*).

десятилетия, отмеченные мировой войной, размышлявшие о новых средствах ведения войны фантасты никого понастоящему удивить не могли. Ежедневно, ежечасно творившееся безумие превосходило самое раскованное воображение.

Вспомним некоторые факты времен первой мировой войны.

Когда ранним утром 21 марта 1918 года немцы начали весеннее наступление на западном фронте, атаке, по обыкновению, предшествовала артподготовка. Все было «по обыкновению» для закаленных в сражениях солдат — кроме *масштабов*. Обычно скупые на эмоции страницы военных мемуаров донесли до нас эпитеты, более приличествующие романистам. «Ужасающий гром и землетрясение»... «Ужасающая канонада из всех, которые когда-либо слышал»... Автором первого высказывания был главнокомандующий германскими армиями генерал Эрих Людендорф, впоследствии соратник Гитлера, организатор мюнхенского путча. Второго — бывший морской и в скором будущем военный министр Англии Уинстон Черчилль.

Опытных военных и тех проняло...

В. И. Ленин в те дни писал: «...первый раз в истории самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней»³¹. Машина убийства демонстрировала свою мощь на суше, на воде и под водой, в воздухе, методично перемалывая, сжигая, давя, разрывая на части, травя и топя жалкую перед лицом сбесившейся машинерии «человеческую массу».

Никаких особенных чудес фантастам выдумывать не пришлось. Или не удавалось — не знаю*. На полях сражений первой мировой войны хватало своей реальной «фантастики».

* Выискивая примеры каких-нибудь фантастических видов «сверхоружия», изобретенных авторами того времени, я наткнулся на произведение не литературы, а кинематографии, причем произведение... 1985 года! В американском фильме «Битглз» как раз показано изобретение, которое могло бы радикально изменить характер первой мировой войны. Герой фильма — наш современник — по неведомой причине постоянно проваливается в 1917 год. Он принимает участие в дерзком рейде спецотряда союзников, охотившихся за таинственной германской «звукомашинной», превращавшей металл в труху, а человеческое тело — в липкую жижу. К счастью, рейд удастся, и немцы терпят поражение. «Наша» история остается неизменной.

Иногда посильнее эмоций впечатляют сухие факты, к которым следует отнестись повнимательнее. В период с 1915 по 1918 год германские цеппелины совершили 47 налетов на британские города и сбросили на них чуть меньше 200 тонн бомб (причем в некоторых атаках принимало участие до сотни дирижаблей). Не так много? Однако в ту пору достаточно было считанных экземпляров какого-нибудь новомодного чудо-оружия, чтобы посеять панику, а то и коренным образом изменить ход военной операции. Например, в начале войны у немцев было всего четыре «Большие Берты», а к окончанию — лишь вдвое больше. Но каждое орудие творило чудеса: при одном появлении железнодорожной платформы с ним считавшиеся неприступными бельгийские крепости сдавались в течение недели.

Аналогично обстояло дело с авиацией, отравляющими газами, подводными лодками. Кстати о подводных лодках...

Вероятно, почитатели бессмертного Шерлока Холмса знают, что его создатель — Артур Конан Дойл — сочинял также и научную фантастику. Однако рассказ «Опасность» был забыт уже при жизни писателя. Английский романист, чуравшийся политики, попробовал силы в военных прогнозах — но опыт не удался, и писатель никогда больше к этой теме не возвращался.

Было от чего прийти в уныние. Написанный еще в 1912—1913 годах, рассказ напечатан в лондонском журнале «Стрэнд мэгэзин» не когда-нибудь, а в июле 1914 года (!) — и немедленно получил квалифицированную отповедь в печати. Сарказм экспертов Адмиралтейства не поддавался описанию: воистину, куда только не заведут бредовые идеи беллетристов — *война подводных лодок!* Выдумают же такое...

К концу войны, когда на долю подводных лодок воюющих стран приходилось 192 потопленных боевых корабля, полагаю, настал черед саркастически улыбаться Артуру Конан Дойлу.

Война во много раз убистрила практическое «внедрение» идей ученых и инженеров, но военным не прибавила проницательности. Об этом напоминает другая, не менее поучительная история — изобретение танков.

...С 1915 года в английских секретных военных документах замелькало нелепое слово *tank* (чан, котел). Высокие чины из военного ведомства уповали на загадочную «кухонную утварь» как на панацею и нещадно торопили

инженеров. К осени 1916 года первая пробная партия «чанов» (у них появилось имя собственное: «Марка-1») выкатилась из заводских цехов и отправилась во Францию. 15 сентября у деревни Флёр, восточнее Амьена, англичане впервые рискнули ввести в бой новую технику. Восемнадцать из имевшихся тогда в наличии 49 клепаных стальных коробок на гусеницах шли по бездорожью на скорости 3 километра в час, паля из двух пушек и четырех пулеметов, установленных на каждом «чане». Это произвело впечатление: фронт, неколебимо стоявший в течение многих месяцев, был прорван сразу на глубину двух километров.

По меркам знаменитого «стояния на Сомме» это было своего рода достижение. И трудно упрекнуть противника в трусости. На войне солдат готов к любому испытанию, но только не к *фантастике*.

Пора вспомнить и о ней.

Официально танк изобрели англичане, хотя к апрелю следующего года в сражениях участвовали и французские боевые машины. Но только после окончания войны в архивах австрийского военного министерства (на здании которого в Вене красовалось изречение «Хочешь мира — готовься к войне») обнаружили составленный еще в 1911 году проект танка. Автором значился некто Бурштын. Папка с чертежами покрылась пылью, ибо никто в нее не заглядывал с тех пор, как бестрепетная рука чиновника вывела на титуле: «Осуществлению не подлежит». И все тут...

Известно, что и в России инженеры Менделеев, Пороховщиков и Васильев неоднократно представляли наверх свои проекты танков. Их постигла участь многих других замечательных проектов и изобретений, похороненных под ледяной глыбой чиновничьего равнодушия.

Но и это не самое удивительное. Проект танка, датированный 1912 годом, пашли позже и в *английском* военном архиве! На сей раз министерский чиновник, изменив традиционной британской сдержанности, написал просто: «Бред сумасшедшего».

Дальнейшие события показали, что англичане-то промашку чиновника-консерватора довольно быстро исправили. Но ведь английские военные эксперты похожими репликами встретили и другое, более раннее сообщение о танках — причем сообщение, весьма широко обсуждавшееся в печати!

Военный секрет — и «широкое обсуждение», что за це-

лепость? Удивляться не стоит. Речь идет о публикации научно-фантастического рассказа «Земноходные броненосцы». Автором был уже достаточно знаменитый Герберт Уэллс, а вот название журнала, опубликовавшего рассказ, звучало и вправду несколько легкомысленно: «Бездельник». Сущая безделица — подробное описание танков в 1903 году! — что и говорить...

Всякий раз, когда историк научной фантастики доходит до имени этого великого писателя, возникает естественное желание остановиться и перевести дух. Я даже не говорю о старомодном «снять шляпу» — уместна хотя бы просто уважительная пауза.

Период «после Уэллса» в научной фантастике уже не может быть описан теми же словами, что и предыдущий. Тут водораздел, поворотный пункт. В главном и в частности.

С именем Уэллса и в военные сценарии пришло новое качество. К тому времени они трансформировались в однообразный ряд и уже пачинали прискучивать. Эти книги выполнили роль запала, били читателям по нервам, создавали духовный дискомфорт. И в обстановке тревожного предчувствия — катастрофы, конца света, бог знает чего! — тему подхватила Большая Литература.

Действительность подгоняла. В преддверии кризисов пульс жизни заметно учащается, настоящий художник не может этого не заметить.

К перепадку веков на авансцену вышли два таких настоящих художника, чей талант был отдан нарождающейся научно-фантастической литературе. Идущий к закату и посмертной славе Жюль Верн и ворвавшийся в литературу талантливый новичок Герберт Уэллс.

Далее я намеренно не хочу выдерживать хронологической последовательности. Что касается Уэллса, то он и вправду наследовал безвестным ныне авторам военных сценариев. Жюль Верн писал о войне и раньше, с 1870-х годов. Достаточно мысленно произнести: «военная тема в фантастике конца XIX века» — и в памяти всплывут имена Верна и Уэллса. А все остальные забыты, и это справедливо.

Вероятно, имя Жюль Верна может кого-то смутить. Трудно представить создателя «Наутилуса» и «Колумбиады», «отца» капитана Немо и Сайруса Смита — в роли кого! В роли мрачного резонера, тем более зараженного урапатриотизмом «военного сценариста».

Вообще сочетание: Жюль Верн и политика... ну, может быть, только в тридесатую очередь. Восторженный певец техники, которой покоряются бездны космические и океанские, создатель бессмертных образов оптимистов, романтиков, идеалистов, стремящихся превратить мир в одну прекрасную техническую утопию,— вот что значит для большинства имя великого французского писателя.

Досье по теме «Канун»:

ЖЮЛЬ ВЕРН

1828—1905

Выдающийся французский писатель, один из основоположников научно-фантастической литературы. С молодых лет — профессиональный литератор. Участник франко-прусской войны, позднее, убежденный пацифист. Автор десятков научно-фантастических, приключенческо-географических и социально-сатирических романов (большинство объединено в серию «Необыкновенные путешествия»).

Досье на таких людей может потребовать нескольких десятков страниц, но, по-моему, достаточно двух слов: имени и фамилии.

Жюля Верна знают все. Правда, иногда ореол чрезмерной популярности искажает истинные черты человека: так случилось и с Жюлем Верном. В обыденном сознании прочно сложился образ убежденного, аполитичного до мозга костей технократа, постоянно витавшего в небесах, на неоткрытых землях, в недрах планеты.

Между тем классик научной фантастики не был чужд треволнениям века. И с годами в восторженном оптимисте проснулся зрелый скептик. По крайней мере, опасность превращения новых технических изобретений во все более отвратительные средства ведения войны Жюль Верн разглядел вовремя.

Его личный военный опыт небогат. Относительно спокойная служба в береговой охране в Нормандии и пассивное же наблюдение за Парижской коммуной и ее разгромом — вот и все впечатления. Но писатели умеют хорошо описывать то, чему никогда лично не были свидетелями; фантасты так вообще только этим и занимаются.

А Жюль Верн не знал себе равных в этом качестве. В его лучшем антимилитаристском романе «Пятьсот миллионов бегумы» (1879) читатели-современники уви-

дели всего лишь пересказ недавних событий франко-прусской войны. Зато потомки, перечитав роман, обнаружили описание войны следующей (тогда еще — *будущей*).

Напомню: в «повести о двух городах» — утопическом Франсевилле и мрачном Штальштадте — второй город, детище пушечного короля герра Шульце, получился куда выразительнее первого, возведенного идеалистом доктором Саразеном. Давно подмечено, что *художественно* антиутопия часто выигрывает в сравнении со своей сестрой-утопией; однако мне кажется, «успех» Штальштадта и Шульце предопределен другим обстоятельством.

Утопии писали и до Жюль Верна, и после. Но в кошмарном царстве металла и тупого милитаристского усердия писатель первым разглядел тревожную перспективу. Дальнюю, не на ближайшие десятилетия... Гигантская пушка герра Шульце — это будущая «Большая Берта», тут все ясно. Но предвосхищение чего — навязчивые бредни пушечного короля о «высшей саксонской расе», о неизбежном истреблении всех народов, не желающих «слиться с германской расой и посвятить себя служению фатерланду»? ³²

Как знакомо... Знакомо *нам*, столетием отделенным от замечательного пророчества, сделанного «восторженным певцом техники» и «романтиком-идеалистом». Гитлеровский рейх в миниатюре, поточная казарменная система, функционирующая с единственной целью — создавать больше оружия для безудержной агрессии. Этот гигантский конвейер смерти зиждется на техническом прогрессе — раз и на относительно новой милитаристской идеологии («право сильного», «высшая раса», «богоподобный фюрер») — два.

...Перевернув последнюю страницу романа, тотчас натыкаешься на дату окончания работы, поставленную самим писателем. Десять лет отделяют книгу от другого события — рождения в австрийском городе Браунау того, кто впоследствии выберет себе партийный псевдоним Гитлер.

Но вернемся к Жюлю Верну. Да, трудно спорить: славу ему составили произведения подчеркнуто «мирные». Но чем ближе к концу, тем больше занимали воображение писателя картины бесчеловечной кровавой каши. Правда, приближающейся империалистической войны убежденный пацифист Верн не предвидел, и его последние романы — «Дорога во Францию», «Архипелаг в огне», «Паровой дом», «Север против Юга», «Дунайский лопцман» —

посвящены войнам реальным, не будущего, а настоящего, в основном гражданским и национально-освободительным. Но все же неспроста, думается, столь мощно вторглась в его творчество военная тема.

А тут еще возвращение к образу Робура. И снова пробудившаяся тревога за достижения науки, которыми овладели безумцы. Если в «Робуре-Завоевателе» (1886) продолжал звучать гимн во славу авиации, технического гения человека, то в вышедшем спустя 18 лет «Властелине мира» — ровно десятилетие оставалось до Сараева — тон куда мрачнее. И герой не тот; теперь это гениальный одиночка-мизантроп, одержимый жаждой власти над миром...

В 1888 году, когда писатель работал над последним романом из серии о Пушечном клубе, он с тревогой заметил по поводу развития взрывчатых веществ: «Неизвестно, какой прогресс в этом деле сулит нам будущее. Быть может, скоро найдутся средства уничтожать целые армии на любом расстоянии»³³. Герой романа «Флаг Родины» (1904) такое средство нашел — но к его изобретению я вернусь позже, ибо, как часто случалось, великий фантаст в этом произведении «угадал» по высшему счету. Хотя, может быть, и сам не заметил.

Незадолго перед кончиной (жить ему оставалось менее полугода) Жюль Верн поделился с журналистами тревогой в связи с русско-японской войной: «Это пролитие крови приводит меня в ужас. Самые новейшие смертоносные орудия и взрывчатые вещества впервые вводятся в употребление... Но все же, мне кажется, есть действительные факторы, которые будут способствовать ограничению войн в будущем. Один из них — трудность доведения операции до определенного исхода благодаря усовершенствованию вооружения с обеих сторон, а другой — исключительная дороговизна, которая может привести к обнищанию целые государства... Цивилизованное варварство! Тем более дипломаты должны стараться сохранить мир... Но что бы нам ни угрожало сейчас, я верю в созидательные силы разума. Я верю, что народы когда-нибудь договорятся между собою и помешают безумцам использовать величайшие завоевания науки во вред человечеству»³⁴.

Шел только пятый год нового века. И, не задерживаясь с выработкой соответствующего ему нового мышления, самые прозорливые уже принялись закладывать первые камни в фундамент совершенно иных представлений о технике и прогрессе, мире и войне.

И все-таки в своих воззрениях на прогресс, на мир и войну Жюль Верн остался в уходящем столетии. Он только чуть внимательнее современников глядел за горизонт — в столетие новое.

Герберт Уэллс, наоборот, открыл XX век. Чуть раньше официальной хронологии, как и положено писателю-фантасту.

Досье по теме «Канун»:

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС

1866—1946

Выдающийся английский писатель, классик научно-фантастической литературы. Окончил Кембриджский университет, учился у Томаса Гексли (Хаксли), защитил диссертацию (биология). Работал врачом, журналистом. Дебютировал в литературе в 1895 г. Автор всемирно известных романов, писал также эссе, статьи, очерки. В 1920-х годах примкнул к Фабиянскому обществу, связей с социалистическим движением не прекращал всю жизнь. Дважды побывал в СССР, встречался с В. И. Лениным. В канун второй мировой войны посетил руководителей крупнейших держав, призывая их сесть за стол переговоров, предотвратить войну. Принимал активное участие в создании Лиги Наций и разрабатывал планы всеобщего мира и всемирного правительства.

К концу XIX века число военных сценариев преваляло за сотню. Но в 1897 году вышел еще один (формально — тоже прогноз будущей войны), и о всех прочих читатели мгновенно забыли. Это была «Война миров».

Отдельные главы книги появились еще раньше. «В 1895—1896 годах Уэллс, — сообщает исследователь его творчества Ю. Кагарлицкий, — некоторое время жил в Уокинге и, разъезжая на велосипеде по окрестностям, выискивал место, где лучше всего упасть первым цилиндрам с Марса. Он производил рекогносцировку на местности. О том же, какие силы вывести на поле боя, он знал давно»³⁵.

Начиная со студенческих лет, писателя не покидала мысль о разумных обитателях планеты Марс, — это от рано проснувшихся в нем «генов» научного фантаста. А глубокий социальный мыслитель не мог не видеть надвигавшейся на мир реальной войны. Две темы, две

половинки критической массы соединились, и пошла цепная реакция!

С апреля по ноябрь 1897 года популярный английский журнал «Пирсонс мэгэзин» был, вероятно, в зените славы: новый роман уже полюбившегося автора «Машины времени», «Острова доктора Моро» и «Человека-невидимки» стал сенсацией литературного года. Год публикации совпал с торжествами по случаю юбилея королевы Виктории. Вместе с нею англичане славили эпоху, когда с Британских островов можно было снисходительно поглядывать на весь мир. «Произносились юбилейные речи. Газеты были полны восторгов и оптимистических предсказаний. Обыватель раздувался от самодовольства, и Уэллсу, вероятно, доставляло неизмеримое наслаждение из месяца в месяц преподносить ему по главе своего романа»³⁶, уже в январе вышедшего отдельной книгой.

Это, вероятно, лучшее произведение из всего написанного Уэллсом в ранний период. По крайней мере, только «Войну миров» он рискнул послать Льву Толстому, когда тот изъявил желание познакомиться с творчеством молодого английского писателя.

Хотя не было ли в том подсознательного желания узнать, как отнесется прославленный русский классик именно к «Войне миров»? Вспоминала же дочь Томаса Манна, что первой мыслью, пришедшей ей в день начала мировой войны, была мысль о Толстом: «Право, если бы старик был жив — ему ничего не надо было бы делать, только быть на месте в Ясной Поляне, — этого бы не случилось, это бы не посмело случиться»³⁷. Авторитет Толстого — миротворца в начале века был абсолютным, и его мнение не могло не интересовать молодого Уэллса.

Ведь его книга была о *будущей войне*. Уэллс предчувствовал опасность острее, чем другие, а уж воплотил свое предчувствие в художественное слово так, как никто не смог ни до, ни после него.

Сейчас трудно заставить себя поверить в захватчиков-марсиан, о них вспоминать-то — дурной тон, хотя вина в том не Уэллса. Однако книга — живет. И в наши дни читается с не меньшим интересом. Потому что он писал не о марсианах, а о современниках, которым вскоре было суждено наблюдать картины страшнее тех, что нарисовала его фантазия.

С точки зрения приоритета Уэллс не был первопроходцем. Тему инопланетного вторжения до него разрабатывали другие авторы, чьи книги он скорее всего читал;

что до подражаний, то им попросту нет числа. В России это был роман Н. Холодного, вышедший спустя три года под почти неизменным названием — «Борьба миров». В самой Англии — пародия Ч. Грейвза и Э. Лукаса «Война венер» (1898), где агрессивные жительницы Венеры прилетают на Землю в космических кораблях, по форме напоминающих кринолины, с единственной целью: разузнать все о здешних модах... Всех их, эпигонов и безвестных предтеч, унесло время; роман Уэллса остался.

Дело не в выбранной теме и не в точности прогноза, а в *масштабе* творческой личности. Уэллс «вычислил» в недалеком будущем кровавую бойню, кошмар вторжения, перевернувшие все монолиты морали, философии, политики, изменившие представление о сущности и ценности человеческой личности. Подобные видения озаряли, как мы уже убедились, в те годы не одного Уэллса. Но лишь его талант смог отлить зыбкие кошмары в совершенную художественную форму.

«Война миров» оказалась миной замедленного действия, заложенной под недвижимые стереотипы британского имперского сознания. В конце концов, неважно, кто в романе оккупировал Лондон — марсиане или войска кайзера. Самодовольному оптимизму буржуа все равно конец. И хотя мина разорвалась не сразу — скоро, очень скоро современники оценили мощь уэллсовской фантазии, причем им не понадобилось помощи никаких «марсиан».

В 1899 году разразилась англо-бурская война — одно из последних громких событий уходящего века. Международный авторитет Британской империи покатился вниз и, как это исстари велось, нацию захлестнула волна оголтелого шовинизма. В мутный водоворот политической демагогии оказались вовлечены многие выдающиеся деятели культуры, среди них — Редьярд Киплинг. Его читали повсюду, и голос писателя звучал порой громче призывов профессиональных политиков. Не мудрено, что на выборах 1901 года, метко прозванных историками «выборами цвета хаки», голоса миротворцев тонули в реве опьяненной воинственными призывами толпы.

«Война забивает и надламывает одних, закаляет и просвещает других, — как и всякий кризис в жизни человека или в истории народов»³⁸. Книга Уэллса припала холодным душем на горячие головы, наглядно показав, чего стоят на деле мощь и «национальная монолитность интересов» викторианской Англии. Чего они *будут* стоить.

Но дело не только в специфическом английском «моменте». По своему художественному воздействию роман Уэллса — одно из лучших в литературе художественных отражений первой мировой войны.

Правда, пришельцы с Марса не сбрасывают бомб на мирные города, не травят солдат газами и не разрывают артиллерийскими снарядами. Но эффект от их «лучей смерти» сродни тому, который воочию будут наблюдать спустя шестнадцать лет. Развалины и пепелища, выжженная, перепаханная бомбами, вытравленная ипритом земля, потоки беженцев на дорогах — бессмысленная мясорубка, втягивающая в свое жерло все новые миллионы солдат, не ведающих, за что и против чего воюют. Целые народы, предназначенные на роль рабочего скота, обслуживающего гигантские «фермы» победителей!

Все это легко прочитывается в книге Уэллса. «Эмоции, страх, вспышки шовинизма, паника, импульсивные решения и распоряжения, ограниченность, игра престижей, самолюбий, злоба — все перемешивается и перепутывается в эти дни и часы. У людей не хватило ни мысли, ни фантазии, чтобы отойти от инстинкта упования на силу и обман»³⁹. Я цитирую не рецензию на «Войну миров», а сегодняшние размышления историка о «человеческом факторе» первой мировой войны. Но сказано как будто о романе.

Исследователи научной фантастики охотнее всего отмечают в произведениях Уэллса то или иное предсказание различных конкретных систем оружия. Действительно, он одним из первых глубоко обосновал революционизирующую роль военной авиации в романах «Война в воздухе» и «Когда спящий проснется», предсказал появление танков; о самом удивительном из его «военных» предсказаний речь пойдет в следующих главах.

Но разве в этом дело? Будущая всемирная бойня — писатель хорошо это понимал — перевернет все вверх ногами не только в сфере военной техники.

Параллельно боевым операциям на полях сражений развертывались истинно человеческие драмы, невидимые нравственные битвы в душах людей. То, что было заложено в характерах, война лишь заострила и высветила. Безвестные герои и трусливые предатели, разобщенная, планомерно раздавливаемая и втоптываемая в грязь человеческая личность — и небывалое объединение народов перед лицом общей опасности. Зачатки новых представлений о характере и степени «эффективности» вой-

ны — вместе с мучительной ломкой сословных барьеров, предрассудков, оставшихся в наследство от века ушедшего.

Владимир Дмитриевич Набоков, отец знаменитого русского писателя, в феврале 1916 года встречался с Уэллсом в Лондоне. В воспоминаниях Набокова-старшего мы найдем примечательную запись: «Он (Уэллс.— *Вл. Г.*), конечно, не сомневается в ее (войны.— *Вл. Г.*) колоссальных последствиях, которые отразятся на всех сторонах жизни, на индивидуальной и общественной психологии, на политическом и социальном строе. И он хочет угадать, какую форму примут грядущие изменения»⁴⁰.

Мне кажется, английский писатель задолго до паступления войны увидел в «облике грядущего» прежде всего абсурдность всемирной бойни, в которой *не победит никто*. А в недалеком будущем, когда средства разрушения превысят некий критический порог, однозначно *проиграют все*.

Запомним эту мысль. Еще один зеленый побег «нового мышления», проросший из далекого доатомного прошлого. Как все-таки давно семя дало рост дереву...

Катастрофа тем временем надвигалась неудержимо. В самый канун ее генералы и политики еще тешили себя иллюзиями «вариантного» исхода затеянной ими кровавой игры по перекройке мира. Плелись дипломатические интриги, множились взаимные уверения и одновременные подстрекательства, создавались и распадались коалиции и военные союзы. Казалось, сам затяжной характер этих игр «на грани» — надежный гарант того, что они будут продолжаться без конца.

«Горючего материала за последнее время накопилось достаточно, и он все растет... — отмечал В. И. Ленин в 1908 году. — Между тем при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя»»⁴¹.

Литераторы тоже не были все, как один, близоруки. Более чем за десятилетие до наступления войны писатель, казалось бы бесконечно далекий от каких бы то ни было *фантазий*, пометил для себя в записной книжке: «Нерабочие, так называемые правящие классы не могут оставаться долго без войны. Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга... Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает

всех»⁴². Это наблюдение я вычитал у Антона Павловича Чехова... Но уж кто подавно не обольщался, так это писатели-фантасты. Достаточно бросить взгляд на обложки книг той поры: «Человеческая бойня», «На пороге всемирной катастрофы», «Перед концом»... чтобы ощутить царившее настроение.

О неизбежности войны с одинаковой настойчивостью предупреждают авторы из Англии и Франции, Германии и США. А в библиографиях русской литературы обнаружена ссылка на вышедшее в Петрограде сочинение некоего И. Де-Рока (скорее всего, псевдоним) «Гроза мира». Очередная история изобретателя, на сей раз английского, создавшего новое взрывчатое вещество «радиотит»; его готовятся применять в ожидаемой войне с Германией. Дата выхода книги — 1914 год...

Тем летом, 28 июня, бомба, а затем выстрелы из револьвера молодого сербского националиста Гавриила Принципа поставили в Сараеве точку. Закончилась смертоносная игра на грани войны, игра, которую многие наделись тянуть вечно.

Первой реакцией было даже не замешательство. Наоборот, все подозрительно *оперативно* начали указывать друг на друга пальцем: это *ты* начал! «Социалисты!» (военный губернатор Боснии и Герцеговины). «Жиды!» (черносотенная газета «Русское знамя»). «Русские!» (английская «Дейли кроникл»)... Но, разумеется, кто бы ни начал войну, она сразу всем воюющим государствам оказалась кстати.

В. И. Ленин писал сразу же по горячим следам событий: «Европейская война, которую в течение десятилетий подготавливали правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической, стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»⁴³.

Своего рода «точка» была одновременно поставлена и в воображаемой войне, которую вели на страницах своих произведений писатели-фантасты.

Книги продолжали выходить и после выстрелов в Сараеве, например заметно оживилась американская литература, — назову романы Г. Мэзона «Победивший кайзера» (1915) и Т. Диксона «Падение пации» (1916), — но количество и качество их резко упало.

Как только заговорили пушки, умолкла муза паучной фантастики. Она свое сказала.

Предсказанная фантастами война обрушила лавину вопросов — либо вообще не имевших прецедента, либо давно забытых, поставила, по словам В. И. Ленина, человечество «на край пропасти, гибели всей культуры, одичания»⁴⁴. Впервые в истории человечество задумалось: так ли однозначно связан прогресс техники с прогрессом нравственным?

По изрытым траншеями и воронками полям Европы прошел чудовищный в своей иррациональности парад человеческого гения: танки, «Большие Берты», аэропланы и дирижабли, броненосцы-дредноуты, иприт и ток в колючей проволоке. Демонстрировали успехи физика, математика, химия, медицина, техника во всех видах. Техника правила свой бал, людские жизни шли в расчет только как топливо для непрерывно разгоравшейся топки мировой войны, которая стала «катастрофой человеческой личности. Массовое индустриальное убийство, тогда еще не ведомое никому, дало повод власть имущим уничтожать многомиллионные массы также и морально, и с социальной точки зрения, постоянно указывая, что отныне они лишь придаток всемогущей техники, которая топчет их и разрывает в клочья, оставляя им одно право — героически погибать за императора, короля, царя или за кого-то еще»⁴⁵.

Ошеломляли и *результаты войны*. О каких «блистательных победах», «стратегических замыслах» и «достигнутых политических успехах» можно было говорить, обозревая растерзанную, обескровленную, отчаявшуюся Европу? За четыре года три месяца и девять дней в войну оказались втянуты 38 государств на всех континентах. Было уничтожено и искалечено 22 миллиона мужчин; столько тогда не набралось бы в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, вместе взятых...

И за что они гибли! Снова цифры: во время третьего сражения при Ипре артиллерия союзников выпустила по

противнику около миллиона (!) снарядов, обеспечив продвижение вперед со скоростью... улитки: 4 метра в час. Буквально каждый шаг солдата в атаке обходился в миллионы рублей золотом. И это «военные действия», «стратегия» и «тактика»?

«Я много раз читал, часто сам рассказывал истории о войне и сражениях,— вспоминал Марк Блок.— Знал ли я действительно — в полном смысле слова «знать»,— знали ли я нутром это жгучее отвращение, прежде чем сам его испытал, прежде чем узнал, что означает для армии окружение, а для народа — поражение?»⁴⁶

Правильнее было бы говорить о временном помешательстве человечества, давшего себя втянуть в это коллективное самоубийство. И хотя время повсеместного распространения нового мышления еще не наступило, мы можем утверждать: в результате первой мировой войны общественная мысль заработала в требуемом направлении.

«Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры»⁴⁷...— констатировал В. И. Ленин в «Положении и задачах Социалистического Интернационала» (1914). И предрекал, что эта война, «если не будет ряда успешных революций»⁴⁸, может оказаться не последней.

...Как развивались события дальше, хорошо известно. В ночь на 25 октября (по старому стилю) из Петрограда заявило о себе на весь мир новое общество, первым документом которого стал *Декрет о мире*.

Он оказался, пожалуй, самым непредсказуемым и просто катастрофическим результатом для империалистических стратегов, «посеявших ветер». Война, доведенная ими до какого-то логического предела, в своем же горниле выковала из мечей орала.

Первому шагу Советского правительства поначалу мало кто поверил, а многие не захотели, смертельно боялись поверить. Не прошло и суток, а американская газета мрачно сетовала: «Сегодняшние новости из Петрограда являются самыми печальными. Большевики во главе с Лениным захватили власть в столице... Это новая революция. Самым серьезным аспектом положения является то, что новая власть в России провозглашает «немедленный справедливый мир»⁴⁹.

Сколько потом клеветали на этот первый в истории человеческой цивилизации государственный Закон о мире, называя его то «тактическим отступлением» молодой Советской власти, то «ширмой для советского экспансионизма». Но только что процитированное *первое*, в целом

еще непосредственно-эмоциональное признание буржуазной прессы говорит многое.

С самого начала — *испугались*, будто током поразили их клочок бумаги, отпрянули от него, как от какого-то нового «сверхоружия».

В каком-то смысле это и было *сверхоружие*. Декрет о мире объявлял новую войну. Длящуюся почти три четверти века, последнюю затяжную войну в истории: войну против войны.

Глава 3

НОЧЬ, КОТОРАЯ НЕ НАСТУПИЛА

По часам истории между двумя мировыми войнами пролетел миг. Заключенный в 1918 году мирный договор удовлетворил самые разнузданные аппетиты стран-победительниц. С побежденными немцами мало кто считался; только некоторые, наиболее дальновидные политики предостерегали против того, чтобы загонять Германию в угол: в этом случае ей ничего другого не останется, как лелеять планы реванша. Версальский договор поставил точку на войне — по оттуда же, из Версаля, побежал огонек по бикфордову шнуру, воткнутому в европейский пороховой погреб. Гореть этому дьявольскому фитилю оставалось по меркам истории всего ничего — два десятка лет.

Для мирового империализма война оказалась удачной пробой сил сразу по нескольким направлениям. Она раздражила желания куда более острые, чем перераспределение колоний, политическое доминирование в Европе и отторжение спорных территорий. В минувшей войне милитаризм впервые заявил о себе как о влиятельной, если не главной, общественной силе буржуазного мира.

Генеральная репетиция в борьбе за настоящее *мировое* господство, превращение войны в глобальный политический механизм, окончательное «оформление отношений» военных с миром науки и техники — вот что империализм попробовал на вкус в 1914—1918 годах. Но только попробовал...

А тут еще одно обстоятельство прибавилось, на сей раз непредвиденное и оттого тревожное вдвойне. Рождение первого в мире социалистического государства, вызвавшее цепную реакцию революционных и национально-освобо-

дительных взрывов, однозначно определило для капиталистического мира «Цель № 1».

С точки зрения преемственности мировых войн неважно, что и вторую снова начала Германия. Не она, так любая другая развитая империалистическая держава обязательно попробовала бы *еще раз*. Другое дело, что Германия — униженная, поставленная на колени и, естественно, озлобленная «лучше других подходила для натравливания на соседей. Да и в самой Германии зашевелились силы, появление которых никто предвидеть не мог — не только на немецкой почве, но и вообще в мире они возникли *впервые*. (Справедливости ради нужно отметить приоритет Италии — но она быстро уступила «руководящую роль» Германии.)

Итак, мирной передышки не получилось. Ощущение тягостного удушья, обычно предшествующее грозе, не покидало европейцев все эти отмеренные историей двадцать мирных лет.

«Народы собирают, фабрикуют и совершенствуют всевозможные взрывчатые вещества, насыщают всю окружающую среду легко воспламеняющимися страстями. Это неминуемо должно вызвать когда-нибудь взрыв. Несправедливости, насилия, наглость и дух отмщения пропитали старую почву Европы... Европа представляет собой кипящий котел международной ненависти, причем могущественные люди, имеющие в своем распоряжении запасы топлива, раздувают огонь»⁵⁰. Так писал в «Военных мемуарах» один из архитекторов Версальского мира, британский премьер Дэвид Ллойд Джордж. Вновь опытный политик проявил себя в большей степени проникательным и гибким, нежели «принципиальным» (ранее он агитировал за интервенцию против молодой Советской России, а потом осудил ее, признав ошибочной и бесперспективной). Другие обеими руками держались за свое версальское «детисце», тем самым постоянно подталкивая Европу к новой войне.

Научно-фантастическая литература не могла не откликнуться на это новое грозное предупреждение. Ее «метeosводки» опять, как и десять, двадцать лет назад, давали прогноз точный и неутешительный.

Поток «военных сценариев», прекратившийся было в период военных действий, возобновился с новой силой. Впрочем, так ли?

Книги выходили десятками, их читали, верно — но читателя уже не очень-то волновали все эти перипетии во-

ображаемых сражений на суше и на море. Особенно па море. Библиографии пестрят ссылками: «Великая битва на Тихом океане» Г. Байуотера, «Тихоокеанская война» С. Денлингера и Ч. Гэри, «Поступь бога войны» Б. Остина. То доблестный британский флот громит японцев, то, наоборот, броненосцы под флагом Восходящего солнца уничтожают базу американских кораблей. А раз встретился мне и такой вариант: тройное сражение на тихоокеанском театре военных действий — военно-морских сил США, Японии и СССР!..

Но все это уже не задевало, как раньше. Картины реальной войны, еще живые, превосходили по силе фантазию романистов.

Тем более что наиболее дальновидные наблюдатели уже могли разглядеть опасность куда более зловещую. Шла она из Германии — там закрутились события, разом «копкретизировавшие» все мысли о будущей войне.

...Не будем обольщаться. Наше столетие войдет в историю не только веком космоса и атома, социалистических революций и зарождения нового — планетарного — сознания. Вероятно, его еще не раз помянут недобрым словом как *век фашизма*, который постучался в XX век точно по календарю.

В самый канун нового столетия — истекал 1900 год — произошло малозаметное событие в одиночной палате одной из швейцарских психиатрических клиник. Здесь закончил свои земные дни профессор философии, чьи книги в основном остались не прочитаны, а идеи встретили почти единодушное общественное осуждение. Публика видела в них болезненный эпатаж, вызов морали, наконец, просто кошмары напуганного интеллекта, к тому же снedaемого своим недугом: в юности философ заразился сифилисом. Угасал он в одиночку, всеми отвергнутый — как сам, насмехаясь, отверг и проклял окружавший мир. Впрочем, смерть духа наступила еще раньше — за одиннадцать лет до физической кончины; тогда окончательно померк, уступив болезни, разум.

Можно только гадать, как бы воспринял философ весть о том, что в тот же самый год — 1889-й — в соседней Австрии, на заезжем дворе маленького городка Браунау родился тот, кто объявит себя во всеуслышание его благодарным учеником. До философии «учителя» (как, впрочем, и других наук) он, правда, не снизойдет. Но зато

на практике попытается показать, на что способен *сверхчеловек*, скорый приход которого в мир возвестил философ.

Философа звали Фридрих Ницше. Младенца нарекли Адольфом.

Тут просто необходимо внести ясность. Среди множества исторических «девиаций», доставшихся нам в наследство от времен сталинского «Краткого курса», требует, на мой взгляд, решительного и скорейшего пересмотра бытующая еще кое-где легенда об «идейном вдохновителе нацизма» — Ницше. Между тем его учение, не понятое, а вернее всего, сознательно извращенное, те, кого философ при жизни особенно презирал — людское стадо, серая толпа, посредственность, — откровенно экспроприировали. Как многое другое. Что бы там ни проповедовал Ницше, он, думаю, тем вернее сошел бы с ума, если бы узнал, что «гений посредственности» и ее идеолог будет картинно посещать его музей в Веймаре и сниматься рядом с бюстом философа⁵¹.

Для него, мечтавшего о *сверхчеловеке*, это была, конечно, посмертная трагедия — превратиться в придворного философа «сверхчудовищ». Не первая и не последняя такая трагедия в XX столетии...

Временная дистанция — ровно век прошел — позволяет в полной мере оценить это жуткое, вырастающее до размеров символа совпадение. В один и тот же год: медицинская карета, увозящая в сумасшедший дом профессора философии, и появление на свет его «ученика», убийцы миллионов, под именем Адольфа Гитлера вошедшего в историю.

Ницше покинул свою земную юдоль в последний год уходящего столетия — и унес в могилу все иллюзии XIX века. А будущему Гитлеру, тогда еще носившему фамилию Шикльгрубер, в тот год исполнилось одиннадцать лет; вероятно, он уже читал — или вскоре прочтет — Ницше.

Новый век стучался в дверь, и кто из европейцев мог предположить, что вся первая его половина будет окрашена в три цвета: коричневый, черный и красный. Коричневой плесени человеконенавистнических идей, черной почы «антиразума», наконец, кровавой войны, в которую вверг народы Европы фашизм.

Есть в литературе темы, сюжеты, возникшие сравнительно недавно, но сразу же приобщенные к «вечности». По крайней мере обеспечившие себе жизнь до тех пор;

пока не иссякнет в человеке потребность писать и читать написанное. Такова антифашистская литература, «...не эпизод истории культуры отдельных стран, а одно из магистральных явлений духовной жизни нашего века»⁵². Раз возникнув на предгрозовом европейском небе 20-х годов, подарив миру творения Томаса Манна, Фейхтвангера, Фучика, Эренбурга, Симонова, Брехта и многих других, она не иссякнет от частого обращения к ней художников, пока не сотрется в памяти ужас от пережитого. И еще больший — от осознания, что *могло бы* произойти, не останови человечество фашистских «сверхчеловеков» в 1945 году.

Деятели культуры хорошо запомнили, кто грозил культуре пистолетом. Слишком нагл и в чем-то даже абсолютен был замах нацистских недоумков на незыблемые основания человеческой цивилизации: гуманизм, честь и достоинство человека, свободу, разум и прогресс,— чтобы забыть, простить... Простой инстинкт видового самосохранения подстегивал воображение трезвомыслящих интеллигентов, ибо никогда со времен инквизиции и религиозных войн «антиразум» не бросал столь яростного вызова культуре и человечности.

Критическую энциклопедию фашизма еще предстоит дописывать. «Раковую опухоль XX века» продолжают изучать под самыми различными углами зрения: как идеологию, массовую психологию, политическую практику, даже как общественную психопатологию... И, конечно, постоянно в центре внимания писателей *фашизм как война*. Даже не военная агрессия гитлеровской Германии, а сам он, фашизм, как социальное явление, повенчанное с войной изначально.

Неудивительно, что в тогдашней Европе милитаристы всех мастей, которым не терпелось заварить новую кровавую кашу, как по команде, обратили свои взоры к Германии. С самого начала легко было разглядеть «волчий оскал» вчерашнего ефрейтора с усиками кисточкой. «Волк» — так его, кстати, звали в 20-е годы (отсюда и страсть к «волчьим» названиям ставок: «Вервольф», «Вольфшанце»...). Не видеть звериного взгляда, голодно рыскавшего по европейским «окрестностям», могли только близорукие политиканы, во что бы то ни стало стремившиеся разыграть «германскую партию».

Писателей так просто не провести; с первых же своих произведений антифашистская литература одновременно стала и подчеркнута антимилитаристской. Правда,

пришлось отказаться от привычных заклинаний: «искусство вне политики», «непротивление злу насилием» и т. п.

Великий писатель-гуманист Томас Манн за четыре года до войны призывал коллег обратить внимание на «буйную энергию нацизма, с какой он собирается разгромить мир, стесненный, к своей невыгоде, нравственными запретами, и стать его повелителем». В том, каков будет результат, Томас Манн не сомневался: «Это война, всеобщая катастрофа, гибель цивилизации. Я твердо убежден, что ни к чему другому активная философия этого человеческого типа привести не может, и потому счел своим долгом заговорить о нем и об угрозе, которая от него исходит... Сегодня нужен гуманизм *воинствующий*, гуманизм, который открыл бы в себе мужество и проникся бы сознанием того, что принцип свободы, терпимости и сомнения не должен допустить, чтобы его эксплуатировал и топтал фанатизм, у которого *нет ни стыда, ни сомнений*»⁵³.

Общевропейская гуманистическая культура, символом и олицетворением которой был немецкий писатель, бралась за оружие. В арсеналах литературы его хватало. Писатели-реалисты оперативно «творили с натуры», не гнушаясь чистой публицистикой (мы еще увидим, и не раз, как она работает в кризисные времена), фантастам же оставалось заняться *своим* привычным делом. Им предстояло глубже заглянуть «внутрь» феномена фашизма, чтобы, как писал Пастернак, «за поворотом, в глубине», разглядеть будущее. Фашизма и всего человечества.

Сегодня, перечитывая книги полувековой давности, я не перестаю поражаться. До чего все точно, в самую десятку! А если что не сбылось, так это наше счастье: пронесло, кануло в прошлое как неудачный прогноз научной фантастики. Может быть, в том их и заслуга, книг-неудачниц, что вовремя обратили на себя внимание, предупредили, растревожили душу. Не сбылось, потому что *не дали* сбыться...

Устарели нынче те первые пророчества? Как сказать. Конечно, им не дано было произвести переворот в умах до начала битвы, не смогли они оказать воздействия и на последующий ее ход. Не предотвратили войну... Правда, никаким книгам это пока не удавалось. Однако кто-то же их читал! И разве уверенно скажешь, что порой решало исход боя: количество и оснащение дивизий или моральные качества, *дух* солдат?

Книги свой солдатский долг выполнили честно. Как дозорные, успели протрубить тревогу, как пограничники — выстрелить по наступающему врагу.

Впрочем, самые первые тревожные сигналы были одинокими и слишком слабыми, чтобы на них обратили внимание.

Да и картины рисовались чересчур мрачные, читающая публика инстинктивно старалась их не замечать. Что поделать, время не располагало к утопическим грезам, оно, по словам критика, «было насыщено мрачными воспоминаниями о мипувшей войне, заполнено сциентистской заумью в науке и модернистской в искусстве; воображение дополнительно подстегивалось пугающими образами диктаторов, рвавшихся к власти в европейских странах. Для утопий не хватало оперативного духовного простора, свежего воздуха, без которых немислимо построение Нового Иерусалима»⁵⁴.

Намек на новозаветную книгу Откровение, иначе пазываемую Апокалипсисом, не случаен: в промежутке между мировыми войнами любые апокалиптические фантазии уступали по силе воздействия реальным воспоминаниям. Вот и получилось, что обращенным в ближнее будущее пророческим видениям никто не верил.

Вскоре после заключения Версальского мира, когда в Париже еще продолжался торг над поверженной Германией, никому не ведомый американский автор Мило Хастингс выпустил любопытный роман «Город вечной ночи» (1920). В XXII веке Германия развязывает еще одну мировую войну и снова ее проигрывает. Но уже в агонии строит подземную крепость в Берлине, откуда по-прежнему являются на свет планы переустройства мира в общепланетную прусскую казарму. К счастью, в подземный город проникает агент Всемирного правительства, и в финале Германия окончательно капитулирует.

Такой вот любопытный «антик». Он интересен не только тем, что это первая ласточка из долгой серии антигерманских романов-предупреждений 20—30-х годов; число их, естественно, будет расти по мере приближения войны. Но роман Хастингса — это прообраз еще и целого мощного направления в западной фантастической литературе. Ведь за сюжетом вполне в духе военных сценариев, о которых шла речь, проступает схема доселе невиданная. Позже появятся построенные по этой схеме знаменитые романы Евгения Замятина, Хаксли и Оруэлла — и в литературу войдет термин *антиутопия*.

Думаю, одним из ее пионеров был Мило Хастингс. Можно позавидовать его писательской интуиции, безошибочно связавшей антиутопию с германским милитаризмом.

«Фашизм — это не идеология, но что-то более глубинное»⁵⁵, — отмечал в одном из своих репортажей с континента военный корреспондент английской газеты «Обсервер». Было это перед самым концом второй мировой войны. Корреспондента звали Эрик Блэйр, и спустя несколько лет он станет известен во всем мире как автор величайшей антиутопии XX века. Правда, подписана она будет уже его литературным псевдонимом: Джордж Оруэлл...

Но я забегаю мыслью вперед; придет черед и Оруэлла.

Вернемся к книге Хастингса. То, что в подземной крепости обосновались фашисты, сомнений нет, хотя само слово, разумеется, в романе не произнесено. Задолго до «О дивный новый мир» (1932) Олдос Хаксли безвестный американский автор догадался о далеко идущих планах идеологов «нового порядка» по биологическому выведению каст — правителей, солдат, рабов. По тем временам размышлять об этом могла только фантастическая литература; однако хорошо известно, что позже евгеникой всерьез заинтересовалась верхушка третьего рейха.

Так что уже в 20-х годах писатели-фантасты * угладили опасность, о которой в полный голос заговорят позже. Опасность использования фашизмом новейших открытий в биологии, генетике, психологии. Нацистские теоретики потом без стеснения заявят о похожих проектах создания «идеального государства», и в спецблоках Освенцима и Маутхаузена будет развернута даже особая «научная» деятельность в этом направлении... Но во времена Хастингса никто, похоже, о долгосрочных планах фашизма не задумывался. Почти никто.

И планы первоочередные — разгром всех прогрессивных сил внутри страны, создание тоталитарного нацистского государства, нацеливающего Германию на агрессию против соседей, — были «обнародованы» Хастингсом удивительно вовремя. На считанные месяцы его книга обогнала вести из Парижа: решения мирной конференции стали достоянием общественности в конце января 1921 года. После чего не пужно было обладать особой прозорливостью, чтобы заключить: Германия этого так не оставит...

Не прошло и двух лет, как американский посол в Бер-

* Незаслуженно было бы умолчать и о нашем соотечественнике И. Ф. Ильине, писавшем под псевдонимом «Тео Эли», — его роман «Долина новой жизни» был создан в 1926 году, но впервые опубликован только в 1966-м.

лине писал на родину: «Гитлер, молодой австрийский фельдфебель, который во время войны сражался в германской армии, а теперь руководит фашистским движением... медленно идет вперед по тому же пути, что и Муссолини»⁵⁶. Дата на письме стояла — 5 декабря 1922 года.

Годом раньше в Берлине издательство «Геликон» выпустило озорной роман русского писателя Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». Сегодняшний читатель посмотрит совсем иными глазами на эту искрометную сатиру на *все, что угодно* (трудно отделаться от впечатления, что это не Курт Воннегут!). Время многое высветило в головокружительном калейдоскопе образов и идей. Но именно сегодня с особой остротой понимаешь: и тогда многие *знали, видели* — пусть иногда путано — все, что бурлило и кипело в Германии.

Этой книгой начал свой долгий и яркий путь антифашиста Илья Эренбург. С нее же начался и «роман» писателя с набиравшей тогда силу молодой советской социальной фантастикой — к несчастью для нее, роман недолгий...

Досье по темѐ «Канун»:

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

1891—1967

Советский писатель и поэт, общественный деятель. С ранних лет участвовал в революционных кружках, долгие годы прожил в эмиграции. Автор антивоенного романа «Падение Парижа» (1941) и др. и антифашистской публицистики. Был корреспондентом «Известий» во время гражданской войны в Испании, во время Великой Отечественной войны работал в Совинформбюро. Выдающийся борец за мир, вице-президент Всемирного Совета Мира (с 1950 г.). Международная премия «За укрепление мира между народами» (1952).

В конце жизни писатель по-иному оценивал свой первый роман: «Разумеется, в этой книге немало вздорных суждений и наивных парадоксов; я все время пытался разглядеть будущее; одно увидел, в другом ошибся... В «Хуренито» я клеймил всяческий расизм и национализм, обличал войну, жестокость, жадность и лицемерие тех людей, которые ее начали и которые не хотят отказаться от войн... За двенадцать лет до прихода к власти

Гитлера я вывел герра Шмидта, который «может быть одновременно и националистом и социалистом», который говорит французам и русским: «нам необходимо вас организовать», «колонизировать Россию, разрушить как можно основательнее Францию и Англию... Мы оставим голую землю»... Если бы я не писал этого в 1921 году, то в 1940 году не сумел бы написать «Падение Парижа». Я иногда ошибался, иногда видел достаточно ясно»⁵⁷.

С оценкой фашизма Эренбург не ошибся, и в боях с ним судьба еще не раз бросала писателя на передовую. Некоторые страницы романа — кажется, что написаны они гораздо позже, — ярко свидетельствуют, что писатель «видел достаточно ясно». Так, долгие разглагольствования герра Шмидта о «привнесении образцового порядка» в распутившуюся Европу поразительно напоминают мысли его реального соотечественника, всего через три года опубликовавшего некое сочинение. Автор назвал его длинно и претенциозно: «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости», издатель же настоял на другом, более лаконичном заголовке: «Моя борьба» («Майн кампф» по-немецки)...

В следующем романе Эренбурга «Трест Д. Е.» (1923) — этот роман обязательно упомянут в своих работах историки отечественной научно-фантастической литературы — снова звучит тревога за будущее Европы. Речь идет не о мифологическом ее «похищении», но, напротив, о вполне реальном одичании и смерти. Жесточкой иронией звучит то, что у Эренбурга Европу завоевывают французы и начинают с Германии! Но по-прежнему не устаревает основная мысль писателя — о бесчеловечности «нового» оружия, которое непременно бумерангом ударит по зачинщику.

При всем желании трудно отнести «Хулио Хуренито» и «Трест Д. Е.» к вершинам творчества писателя; не назовешь их и яркими примерами молодой советской научной фантастики. В десятилетие, когда активно творили Алексей Толстой и Александр Беляев, фантастические романы Ильи Эренбурга с неизбежностью «задвигались» куда-то во второй, третий ряд. Но и рассказ об антифашистской фантастике в период между мировыми войнами без этих калейдоскопичных, искрометных и порой безжалостно-смешных книг был бы досадно неполон.

Тем более что эстафету подхватили.

Герр Шмидт и «убийца Европы» Енс Боот из романа «Трест Д. Е.» — это еще очень размытый портрет буду-

щего реального «преступника № 1». Заметный штрих к нему прибавил Алексей Толстой.

Создатель образа Гарина перед историками научной фантастики ни в каких «оправданиях» не нуждается. Его роман, вышедший двумя редакциями — в 1925 и в 1927 годах, и поныне одно из самых читаемых произведений писателя; а в отечественной научной фантастике «Гиперболоид инженера Гарина» — просто классика.

Досье по темѐ «Канун»:

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

1882/83—1945

Выдающийся советский писатель и общественный деятель. Автор классических произведений социалистического реализма — трилогия «Хождение по мукам» (1922—1941), «Истр I» (1929—1945) и др. Один из основоположников советской научно-фантастической литературы. Академик АН СССР (1939). Третье лауреат Государственных премий (1941, 1943, 1946 — посмертно). Видный борец за мир, участник первых конгрессов сторонников мира.

Роман Толстого об инженере Гарине заметно уступает по популярности «Аэлите». Можно видеть в книге элемент пародии на сложившийся жанр «красный Пинкертон» — смесь авантюрного сюжета с мечтой о мировой революции; об этом говорят детали, образы, лаконичный, даже залихватский стиль. Но нельзя пройти мимо напрашивающегося сравнения: челка и борода клинышком Гарина — челка и усики торчком Гитлера.

Вероятно, и сам писатель внес во вторую редакцию романа кое-какие штрихи, которые относились к заявлениям тогда еще малоизвестного лидера хилой немецкой группки провокаторов, именовавших себя «партией». Не могу судить, слышал ли до 1927 года Алексей Толстой о Гитлере — первый том «Майн кампф» вышел в 1925 году; вполне возможно, что и слышал. Но общая атмосфера надвигавшейся войны, к которой толкает мир маньяк-властолюбец, в романе уловлена точно и своевременно.

Гарин — художественный портрет Гитлера, даже не карикатура. Многие не похоже. Но «гаринизм» сродни гитлеризму, их сближают и самые прагматические проекты (вроде концлагерей для всех недовольных), и затаен-

ные долгосрочные «грезы», на которых задержим внимание.

Итак, Петр Петрович Гарин — ученый, принесший свой талант в жертву невероятному эгоизму вкупе с честолюбием, — грезит вот о чем. Абсолютная, ничем и никем не контролируемая власть, о которой и мечтать не могли тираны прошлого. Отбор будущей «расы патрициев», которым останется «предаваться высшим наслаждениям и творчеству»⁵⁸, затем — «трудовиков», они должны будут обеспечивать праздное существование элиты. «Ученый» продумал мельчайшие детали: «Они не взбунтуются, нет, дорогой товарищ. Возможность революций будет истреблена в корне. Каждому трудовику после классификации и перед выдачей трудовой книжки будет сделана маленькая операция. Совершенно незаметно, под нечаянным наркозом... Небольшой прокол сквозь черепную кость. Ну, просто закружилась голова, — очнулся, и он уже раб»⁵⁹.

Алексей Толстой понятия не имел о романе американца Хастингса. Но мысль авторов, живших в разных странах, упиралась в одно и то же, стоило только задуматься над перспективами фашизма.

И вот что примечательно: в романе Алексея Толстого явление названо своим именем. Выслушав разглагольствования Гарина, Шельга только и бросает: «Фашистский утопизм...»⁶⁰

Увлеченные детективной интригой, читатели того времени, может быть, и пропустили бы мимо ушей «несущественный» эпизод, в котором русский ученый Хлынов говорит немцу Вольфу: «Вы — немец от головы до ног, бронированная пехота, производитель машин, у вас и первые, я думаю, другого состава. Слушайте, Вольф, попади в руки таких, как вы, аппарат Гарина, чего вы только не натворите...» А в ответ слышит: «Германия никогда не примирится с унижением»⁶¹.

Здесь не просто глухая злоба, позорная память о Версале — угроза, ничем не подавленная, уверенная! Чего недоговаривает Вольф, называет своим именем снова Шельга:

«Гарин и его предприятие — не что иное, как крайняя точка капиталистического сознания. Дальше Гарина идти некуда: насильственное превращение трудящейся части человечества в животных путем мозговой операции, отбор избранных — «царей жизни», остановка хода цивилизации. Буржуа пока еще не понимают Гарина, — да он и сам

не торошится, чтоб его поняли. Его считают бандитом и захватчиком. Но они в конце концов поймут, что империализм упирается в систему Гарина»⁶².

В своем фантастическом романе Алексей Толстой успел показать, как они договорились, все-таки поняли друг друга. В реальной жизни это произойдет позднее. Пока же, захлопнув книгу, читатель не в силах подавить тревогу, в ушах все стоят чеканные слова автора: «Петр Гарин договорился с мистером Роллингом... История была пришпорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепах дураков»⁶³.

Заканчивалось время поразительных открытий одинок. Во второй половине 30-х годов материал для думающего, способного к аналитическим обобщениям писателя был собран огромный. Пришла пора комплексного, как бы мы сейчас сказали, изучения феномена. Фашизма целиком, всего как есть.

А для фантастической литературы — и фашизма, «каким он стремится стать».

В преддверии новой мировой войны на позиции антифашистской фантастики прибыла «тяжелая артиллерия». Сразу два крупнейших представителя своих национальных культур вступили в бой — чех Карел Чапек и американец Синклер Льюис.

Я не буду повторять всего, что написано о романе Чапека «Война с саламандрами» (1936) и вышедшей годом раньше книге Льюиса «У нас это невозможно»⁶⁴. Но они интересны как продолжение заочной переклички писателей-антифашистов, начатой Хастингсом, по крайней мере в двух направлениях.

Это, во-первых, военная агрессия фашизма. А во-вторых, социальный конформизм, питающий эту агрессию изнутри.

Последнее часто недооценивается, а то и просто игнорируется. Между тем военная авантюра нацизма и не могла бы столь успешно начаться, не приведи Гитлер заблаговременно нацию к *требуемому* состоянию. Чтобы народ превратился в слепое стадо — и с неизбежностью в пушечное мясо, надо еще чуть ли не в каждом человеке разбудить животное...

Начну я, невзирая на хронологию, с книги Чапека.

Досье по теме «Канун»:

КАРЕЛ ЧАПЕК

1890—1938

Выдающийся чешский писатель, один из основоположников современной научной фантастики, классик чешской литературы. Окончил Карлов университет в Праге. Автор остросатирических, антимилитаристских романов «Фабрика Абсолюта» (1922), «Кракатит» (1924); пьес, публицистики. К концу жизни включился в активную антифашистскую деятельность.

К роману «Война с саламандрами», «исчерпывающей энциклопедии фашизма»⁶⁵ (удивительное определение книги, написанной до начала второй мировой войны!), чешский писатель шел всю жизнь. Это его творческий итог, чапековское «люди, будьте бдительны».

В 20—30-е годы автор всемирно известной пьесы «Р. У. Р.», давшей миру слово «робот», открывает для себя политическую журналистику. Чешский писатель видит глубже, чем многие его собратья по перу. За иступленно марширующими по немецким площадям «сверхчеловеками» легко различить их покровителей — в самой Германии и за ее пределами. «Безумцы, перестаньте, наконец, кормить саламандр!.. Только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали работать на саламандр. И перестаньте поставлять саламандрам оружие»⁶⁶.

Эти строки будущего романа предназначены тем, кто подкармливал фашизм извне. А в 1934 году писатель высказался по адресу немецких «интеллектуалов», которые не только трусливо опустили очи долу перед наглостью чеканящих шаг лавочников, но и попытались теоретически «обосновать» законность их притязаний: «Мы присутствуем при одном из величайших скандалов в мировой истории: целая нация, целая держава опустилась до веры в животное начало, в расу и подобные бессмыслицы. Посмотрите, целая нация, включая университеты, профессоров, пасторов, литераторов, врачей и юристов! Как вы думаете, могла бы быть провозглашена эта животная доктрина, если бы каждый образованный человек в этой высокообразованной стране пожал плечами и сухо заявил, что он не позволит делать с собой эти идиотские штучки? Произошло не что иное, как огромное предательство обра-

зованных людей, и это наводит на страшные размышления о том, на что способна интеллигенция»⁶⁷.

Тема получит развитие в романе. Достанется профессорам, ратующим за «расово-чистую» науку, и декадентствующим творцам духовной антикультуры («После нас хоть саламандры» — это из романа...). И просто трусам, избравшим страусову политику невмешательства.

Пока же идет 1934 год, и Чапек впервые в жизни участвует в составлении антифашистского манифеста. «На Опернплаце в Берлине уже убрали пепел костров, на которых сжигали книги. Догорели произведения поэтов и ученых; социализм, пацифизм, свобода мысли были сброшены в огонь, словно таким образом их можно сжечь со света»⁶⁸. Опасное соседство в маленькой Чехословакии ощущалось особенно остро: пахло гарью...

И выдуманные чешским писателем саламандры никого в заблуждение, разумеется, не ввели. «Таинственная саламандра, не горящая в огне, — одно из самых ядовитых существ. Ее яд пропитывает плоды деревьев и отравляет воду. Поев плодов с отравленного саламандрой дерева, человек умирает»⁶⁹, — сообщали авторы средневекового «Бастиярия», ссылаясь на более ранние «свидетельства» Аристотеля и Плиния (последний упомянул еще «ледяную кровь»).

Очень ядовита и в огне не горит. На удивление точный образ.

Хотя образ саламандр в романе и неоднозначен, слишком явные аналогии вызывали тупо марширующие пресмыкающиеся; оставалось мысленно дорисовать шлемы с рожками и выкинутую в знакомом приветствии переднюю конечность. Войнственная серость, «среднесть» бессловесных винтиков-исполнителей — вот что такое саламандры в романе Чапека.

Как в зеркале в них отражался фашизм.

По мере развития сюжета нарастает, приближаясь к критической, масса всех его известных признаков. Поначалу тихие и покорные земноводные меняются на глазах: откуда-то повылезли прикрытая броской фразой демагогия, безудержный прагматизм, ломающий на пути все нравственные преграды, и расизм, муштра, борьба за «жизненное пространство». И еще саламандр отличает какая-то «животная глухота к человечности»⁷⁰.

На вопрос, есть ли у них душа, следует ответ: «Все, как один, похожи друг на друга, одинаково старательные, одинаково способные... и одинаково невыразительные, —

словом, в них воплощен подлинный идеал современной цивилизации, то есть Стандарт»⁷¹.

Конечно, только к серости, косности, мещанству социальный феномен фашизма сводить нельзя. Мещанство — лишь дрожжи, на которых он прорастает, когда добавляются факторы социально-политические. Мещанин становится фашистом, как только у него в мозгу забрезжит смутная идея общности с себе подобными, после чего сообщая они начнут укреплять друг в друге агрессивное неприятие всех «иных». Стремление к мировому господству — вечному, на тысячи лет! — жажда бесконтрольной власти, национализм и «голос крови», комплекс фюрерства — все соединится в общем котле, где варят фашистское зелье «повара».

А повара найдутся. Процесс превращения фашизма в агрессивную, направляемую вовне силу требует и внешней подкормки. В книге ясно показано то, от чего, как от навязчивых бредней, отмахивались многие политики Старого и Нового Света. Фашизм *подкармливали!*

Чапеку, вероятно, первому удалось показать фашизм снаружи — в тесной связи с теми, кто заботливо высевал смертоносную бактерию на питательный бульон озлобленного немецкого мещанства. А когда процесс вышел из-под контроля, трусливо попытался «умиротворить» агрессора, бросив ему на съедение союзника послабее. Как в сказках умиротворяли злого дракопа, отдавая в жертву прекрасных девушек... «Пусть саламандры, лишь бы не марксисты!»⁷² — это тоже из романа.

И менее чем через два года — прозвучало в жизни. К чему это привело, мы знаем. Избитая донельзя фраза: «Точку в романе поставила жизнь» — по как подходит к творению Карела Чапека!

...Последние месяцы жизни крестный отец роботов проводит в неустанной борьбе с их «реальными воплощениями» — теми, что со свастикой на рукавах. Спустя ровно три года после начала публикации романа в газете — судьба подгадала: *день в день* — прикованный к постели Чапек заканчивает статью под названием «Защитим жизненные интересы республики». И в тот же день, 21 сентября 1938 года, правительство Чехословакии отвечало на ноту Англии и Франции — умиротворители поддерживали пагубное требование Гитлера об отторжении Судет.

Последствия Мюнхена раскручивались как туго сжатая пружина, и великий провидец вправе был ожидать самого скверного. К счастью для него — не дожил...

Судьбу Карела Чапека, дотяни он до 15 сентября следующего года, когда гитлеровцы вошли в Прагу, нетрудно угадать. Задолго до начала войны местные пронацистски настроенные круги грозили ему концлагерем. Можно не сомневаться, угрозу бы привели в действие (эсэсовцы отыгрались на его брате Йозефе, замученном в концлагере Бельзен-Берген накануне капитуляции). Но вскоре после мюнхенского сговора, который он предчувствовал, писатель умер.

Случилось это па рождество, когда люди еще поднимали бокалы, поздравляя друг друга с наступившим праздником. Кто мог подумать, что наступающий год будет первым годом мировой войны! Смерть чешского писателя, по словам историка фантастики, была «просто атомом той общей тьмы, что неудержимо наползала на Европу»⁷³.

Памфлет американца Синклера Льюиса появился в совершенно иной обстановке, нежели книга Чапека.

Досье по темѐ «Канун»:

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

1885—1951

Видный американский писатель XX века, автор многих классических романов об американском «среднем классе»: «Главная улица» (1920), «Бэббиты» (1922) и др. Бросил учебу в Йельском университете, чтобы примкнуть к группе социалистов. Первый среди американских писателей лауреат Нобелевской премии (1930).

Вслушайтесь еще раз, произнесите про себя название романа Синклера Льюиса. «У нас это невозможно»...

Карел Чапек, какую бы сугубо фантазмагоричную форму он ни выбрал для своей книги, рассказывал о вещах, европейскому читателю уже знакомых. Его американский собрат по перу заведомо шокировал соотечественников. Стоит представить себе среднего читателя той поры, чтобы немедленно вспомнить бессмертное гоголевское: «Но что страннее, что непонятнее всего,— это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... по и во-вторых тоже нет пользы»⁷⁴.

Слова сказаны совсем по другому поводу — по и здесь удивительно к месту.

Мысль Льюиса и вправду отдавала кощунством. Фашизм — и где, в «оплоте демократии»?! Нелепость, клевета... словом, какая-то вредная *фантастика*. Персонажи романа твердят заученные с детских лет заклинания: «У нас это невозможно» — а вокруг льется кровь и рушатся демократические устои, в которые столь уверовали жители этой страны. В финале мы видим Америку, превращенную доморощенными «сверхчеловеками» в свалку людских отбросов, разобщенную и задавленную террором, где на свободе лишь подонки и подхалимы; те же, кто не согнулся, — прячутся, убиты, замучены в концлагере... Все, решительно все возможно в Америке!

Европейцы тогда уже могли познакомиться с непременными подпорками «корпоративного государства», которым в романе искушал американскую нацию сенатор-демагог Уиндрип: погромами и лагерями. Можно было представить и дальнейшую эволюцию фашистского режима. Собственно, после «ночи длинных ножей», поджога рейхстага и развернутого вслед кровавого террора в Германии и представлять было нечего — достаточно читать газеты.

Художественный прогноз Синклера Льюиса заключался в другом. Он подробно исследовал «интерьер» фашистского здания, осветил явление *изнутри*. В глубине человеческой души как раз хранятся кирпичики, из которых сооружено это мрачное здание: молчаливое соглашательство тех, кто пасует перед наглой поступью невежд и бандитов.

Вспомним фразу Чапека о «заговоре образованных людей» (на память приходит еще умный фильм итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи «Конформист»). Издатель провинциальной газеты Джессэп из романа Льюиса тоже поначалу исповедует философию бытия над схваткой; во всем облике, в высказываниях и поступках Джессэпа сквозит нескрываемое гордо-ироничное презрение интеллигента к обезумевшим недоумкам... Однако после их прихода к власти, насмотревшись всякого и побывав в концлагере, Джессэп разительно меняется: интеллигент выбирает «свою» сторону баррикады. Берет в руки оружие.

Буржуазный либерал, на глазах превращающийся в сознательного, закаленного подпольщика-антифашиста, — вот кого разглядел в дымке недалекого будущего Синклер Льюис.

Не его вина, что в родном отечестве не вняли словам пророка. Как ни старался писатель подчеркнуть реаль-

ность, пусть потенциальную, изображаемых им картин, вот уже полвека американская литературная критика упорно рассматривает роман как политическую «агитку», и не более того. Действительно, в 1934 году автор хотел своим романом проголосовать за переизбрание Рузвельта. Но в процессе работы книга зажила своей жизнью, раздвинув рамки первоначального замысла. Не заметить этого в романе Льюиса можно только при активном нежелании смотреть.

Между тем американский писатель разглядел в окружающей жизни многое. В частности, надвигавшуюся войну. На страницах романа она не успела разразиться, но после прочтения книги в душе остается ощущение неизбежности ее.

Кровные узы связывали поднимавший голову фашизм с войной.

Опыт столетия подтвердил, и не единожды, прогнозы Чапека, Льюиса и других выдающихся провидцев.

Когда к власти приходит фашизм, военная агрессия против соседей не заставит себя ждать. Как бы конкретно ни складывался «новый порядок», во все времена, на любой почве фашизму никуда не деться без военных притязаний.

Не была исключением и Германия. «Военно-силовые, геополитические доктрины прошлого играли теперь чисто социальную роль. Нацизм как бы втягивал их в себя, поглощал в непомерных размерах, выдавал в концентрированном виде. И он не мог иначе. В другом случае его диктатура не удержалась бы и года, и расовые и геополитические теории, как и все другое, так и остались бы достоянием философии, не выходящей за пределы пивных. Формой существования фашизма могло быть только военное насилие. И без него германский нацизм не был бы самим собой. Он распался бы» ⁷⁵.

Горькую истину о том, что в XX веке дракона не умиротворить никакими жертвами, художники хорошо понимали уже в первые десятилетия века. У лучших из них, по крайней мере, иллюзии отсутствовали; внутренняя убежденность подсказывала деятелям культуры, что первыми, кого пожрет чудовище, будут как раз подстрекатели, те, кто его натравливал на соседей. Мрачное пророчество Карела Чапека начинало сбываться.

К скверным предчувствиям подталкивало все: и первые внутриполитические авантюры гитлеровской партии,

и громогласные заверения ее лидеров о реванше, о возвращении «старой процветающей Германии», и, наконец, разрыв Версальского мира и начавшаяся бурная индустриализация страны, перевод ее экономики на военные рельсы.

Литература на континенте чутко уловила это предощущение всемирной катастрофы. У Герберта Уэллса в «Самовластье мистера Парэма» (1930) выведен образ некоего фюрера на английский лад, разогнавшего парламент и в союзе с другими диктаторами Европы заварившего кровавую кашу. Война полыхает в романе Чапека; у Синклера Льюиса фашиствующие путчисты только собираются напасть на соседнюю Мексику, но ясно, что их аппетит еще разыграется.

Как тут не увидеть будущих планов Гитлера. Когда находившегося в эмиграции Томаса Манна лишили почетного звания доктора Боннского университета, писатель откликнулся пространном письмом, в котором расставил точки над «і»:

«Национал-социалистическая государственная система предназначена для одной-единственной цели, и в этом весь ее смысл: не допуская, безжалостно подавляя и искореняя всяческое противление и помехи, подготовить немецкий народ к «грядущей войне», превратить его в беспредельно послушную, не зараженную ни единой критической мыслью, слепую и фанатически невежественную военную машину. Никакой иной цели, никакого иного смысла и *оправдания* эта система иметь не может; она считает себя вправе принести в жертву свободу, справедливость, человеческое счастье, без колебаний совершить тайные и явные преступления, и все это во имя одной идеи — неприменной закалки для войны. Лишь только отпадет идея войны как самоцель, вся система окажется не более чем живодерней для людей — совершенно бессмысленной и ненужной» ⁷⁶.

Потому я столь основательно «застрял» на теме фашизма, что его история — это одновременно и *военная* история XX века.

Впрочем, на эту неразрывную связь «тирания — война» обратили внимание, оказывается, очень давно. Вот что, к примеру, писал Жан-Жак Руссо в «Суждении о вечном мире»: «Легко помимо всего понять, что войны и завоевания, с одной стороны, и прогресс деспотизма — с

другой, взаимно содействуют друг другу; что в рабски покорном народе можно вдоволь черпать деньги и людей, чтобы поработать другие народы; что со своей стороны война создает предлог для финансовых поборов, а также не менее серьезную возможность иметь всегда под рукой большие армии с целью удерживать народ в повиновении»⁷⁷. Понято в 1761 году!..

А в 1937-м (им датировано письмо Томаса Манна) гитлеровцы не скрывали своих обширных военных приготовлений. На полные обороты включилась щедро подкормленная иностранными «радетелями» немецкая военная промышленность, благо прекрасный испытательный полигон был рядом, в Испании. Германский военно-морской флот рос и укреплялся год от году и скоро был способен захватить контроль над океанскими просторами. Что до воздушного океана, то Геринг неоднократно похвалялся, что противники рейха еще содрогнутся от ударов «люфтваффе».

Итак, ближайшие военные приготовления гитлеровской Германии были как на ладони. Существовали еще глобальные, долгосрочные планы, но о них никто, кроме их авторов, не знал.

Так уж и никто?

В 1937 году лондонское издательство «Виктор Голландц» выпустило книгу никому не ведомого автора Марри (Мюррея) Константина «Ночь свастики». Ее забыли быстро, хотя, перечитывая это произведение сегодня (перездано в 1985 году), не перестаешь удивляться. Как же могло случиться, что не заметили? Еще тогда — *вовремя*?

Лишь совсем недавно приоткрылась тайна авторства удивительной книги. Все, кто писал о ней ранее (автор этих строк не составляет исключения), были уверены, что написал роман мужчина. Однако выяснилось, что под мужским псевдонимом скрывалась писательница Кэтрин Бурдекин; она, по словам открывшего ее авторство американского исследователя Роберта Кроссли, «более, чем кто другой из авторов утопий, пережила почти полное забвение»⁷⁸.

Я был бы рад включить и ее в досье, но по сей день мои сведения о ней ограничиваются лаконичными датами жизни: 1893—1963. Почти полвека и они отсутствовали, а саму книгу невозможно было достать даже специалистам. А жаль. Если бы массовый читатель предвоенной поры отнесся к ней повнимательнее, то для многих не были бы неожиданными первые шаги по реализации кош-

марных фантазий писательницы, предпринятые прототипами ее «героев». Люди, по крайней мере, были бы вооружены надежным знанием, чем эти шаги грозят.

...Почти семь столетий мир под властью фашизма. После успешной Двадцатилетней войны они делят территорию с союзниками-японцами. Цивилизации в нашем представлении больше нет; в германской оккупационной зоне, например, на ее развалинах воздвигнуты новые феодальные замки. Евреев уничтожили поголовно, похоже, та же участь ожидает христиан (снова гонимые, они тайно собираются в пещерах...). Все виды искусств, кроме музыки, запрещены.

Самые страшные страницы книги связаны с положением женщины в этом «тысячелетнем рейхе». О браке, любви, материнстве забыто напрочь. Единственное послабление мужчинам — разрешен гомосексуализм; женщины, согласно официальной идеологии, лишены души, и к ним относятся как к бездушным тварям, скоту для размножения. Сразу после рождения младенцев мужского пола у матерей отбирают, чтобы воспитывать в специальных интернатах. Родившихся девочек ждет судьба их матерей: обритые наголо, они всю жизнь проведут в клетках, постоянно будут недоедать, и от них еще потребуют беспрекословного повиновения хозяевам-мужчинам. Те иногда нарушают «устав нравов» и насилюют рабынь — но это так, мелкий проступок, на который начальство смотрит сквозь пальцы.

Не менее обстоятельно описана политическая и идеологическая структура «нового порядка». Вся власть в германском секторе принадлежит возрожденному военно-религиозному тевтонскому ордену (вспомнили и его!). Центральный догмат повсеместно внедренного культа Святого Адольфа гласит: Гитлер, которого миф рисует двухметровым, голубоглазым и светловолосым нордическим красавцем, давшим обет безбрачия, не был рожден смертной женщиной и не умер. Он будто бы явился на свет прямо из головы бога-громовержца, а в возрасте тридцати лет живым вознесся на небо, предварительно основав на земле Священную империю.

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство»⁷⁹. Это уже

не фантастика, так звучит 6-я из «Двенадцати заповедей поведения на Востоке», приобщенных к прочим обвинительным материалам Нюрнбергского процесса. Заповеди составлялись при активном участии Геринга, ну а как они были усвоены, старшее поколение знает на собственном опыте...

Только после окончания войны, после Нюрнберга, когда был приоткрыт покров над сверхсекретными планами «Ост» и «Барбаросса»⁸⁰, стало возможным в полной мере оценить интуицию автора «Ночи свастики». Кэтрин Бурдекин все предвидела верно, но... в 1937 году все это приняли за чистую фантастику (как и похожий рассказ американца Стэнли Кобленца «Повелитель Трамерики» и многие другие произведения). Слишком дико, чтобы принять всерьез.

Да и обстановка в Европе менее всего располагала к фантазиям. События разворачивались столь стремительно, что перед их динамикой бледнели самые головокружительные сюжеты фантастов.

В год выхода романа «Ночь свастики» кресло премьер-министра Англии занял Невилл Чемберлен. Годом позже, осенью, состоялся мюнхенский сговор, и в Германии окончательно утвердились в мысли: Европа никуда не денется, теперь уступит. Тем не менее в новогоднем обращении к нации 1 января 1939 года Гитлер клятвенно заверял: «Германское правительство охвачено лишь одним желанием — сохранить мир, чтобы в предстоящем году удалось привести события ко всеобщему примирению»⁸¹.

И ведь нашлись политики, поверившие клятвам уже зарекомендовавшего себя лжеца и провокатора. 9 марта английский посол в Берлине телеграфирует министру иностранных дел правительства Его Величества лорду Галифаксу: «Гитлер сам участвовал в мировой войне, и он решительно против пролития крови и гибели немцев»⁸². В тот день Германия направляет ультиматум Праге, требуя «согласия» на полную оккупацию страны. Через неделю оккупирована Чехия (где, как мы помним, незадолго до этого умер писатель, предвидевший всю эту ситуацию чуть ли не до деталей)...

Прежде чем перейти к фантастике военных лет, хотелось бы обратить внимание на другую крайность, существовавшую в литературе накануне войны: излишнее доверие к фантастике *утешительной*, обещавшей, что все как-нибудь обойдется и гроза пройдет стороной.

Я бы покривил против исторической правды, если бы ограничил разговор об отечественной довоенной фантастике яркими антифашистскими книгами Эренбурга и Алексея Толстого (можно вспомнить и редкие заходы на ее «территорию» других видных прозаиков — Виктора Шкловского, Вячеслава Иванова, Валентина Катаева). К сожалению, в то время уже успела обособиться и утвердиться совсем иная «научная» фантастика. Ее горизонты оставались недалекими — в прямом и переносном смысле.

Об этом написано много ⁸³, и я лишь кратко очерчу сложившуюся к концу 30-х годов ситуацию.

О смелых идеях Алексея Толстого, «летающей» фантазии Александра Грина и даже об успехе раннего Александра Беляева в то время вспоминать было как-то неудобно. На смену первопроходцам заспешили эпигоны, популяризаторы-очеркисты, фактически изгнавшие из научно-фантастической литературы *художественность*. Под их пером она превращалась просто в уныло-дотошные популярные лекции для школьников. Породила «фантастика ближнего прицела» и свою разновидность военных сценариев — и вот в них, напротив, воображение отдельных романистов не сдерживал никакой здравый смысл. Этому способствовали и сложившиеся тогда настроения шапкозакидательства, обещания быстрой и сокрушительной, а главное — почти бескровной победы над врагом. Фантастам оставалось только нарисовать какое-то очередное «сверхоружие», с помощью которого обещанные чудеса казались более реальными. Иные варианты в годы сталинского режима никто разрабатывать не рискнул.

Среди многих победоносных реляций с *будущих* полей сражений в те годы особенно выделялась повесть Николая Шпанова «Первый удар» (1939). Советские критики уже высказались по ее поводу, но приведу только оценку специалиста, причем не литератора, а эксперта по военнотехническим проблемам, затронутым в повести.

Выдающийся авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев вспоминал, что «книгу выпустило Военное издательство Наркомата обороны, и притом не как-нибудь, а в учебной серии «Библиотека командира»! Книга была призвана популяризировать нашу военно-авиационную доктрину» ⁸⁴. Эта доктрина, по мнению писателя-фантаста, выглядела следующим образом: «Наши воздушные силы... за какие-нибудь полчаса вытесняют вражеские самолеты из советского неба, через четыре часа после начала вой-

ны наносят поражение немцам... Только таким рисовалось начало войны Н. Шпанову»⁸⁵.

Если бы только ему одному! В романе П. Павленко «На Востоке» (1936) агрессора громит столь мощная советская авиация, что в небе буквально становится тесно от военной техники. А кто из моего поколения не зачитывался в детстве «Тайной двух океанов» (1939) Григория Адамова! Но ведь и в этом популярном романе автор, мягко говоря, переборщил с идеей чудо-подлодки, в одиночку способной потопить флот противника... Забытый ныне писатель Н. Автократов в повести «Тайна профессора Макшеева» (1940) усыплял тревогу соотечественников «обещанием» таинственных лучей, с помощью которых можно взорвать боеприпасы противника по всему фронту. И т. д. и т. п.

Такая «научная фантастика» убеждала, что «техника сделает войну молниеносной и почти безопасной»⁸⁶.

Разумеется, сегодня мы, оценивая то или иное произведение научной фантастики, не станем столь придирчиво разбирать заложенные в нем конкретные технические идеи. Это прежде всего художественная литература, а не «библиотека командира», не технический паспорт и не патент на изобретение. Но в те годы отношение к фантастике было иным (его сформировали сами же писатели и критики). Книжки фантастов «давали установку», поучали и претендовали на самое серьезное отношение к техническим частностям. Поэтому и вред наносили солидный.

Чем обернулись «утешительные» фантазии накануне войны (разумеется, фантастика лишь заострила их и высветила — прорастали они не на ее страницах), хорошо известно. Взваливать вину на какой-то отдельный литературный жанр, конечно, нелепо. Но и этот грустный опыт, мне кажется, не должен быть забыт.

Ни пугающие военные сценарии, ни бодренькая «фантастика ближнего прицела» отдалить войну, тем более остановить ее, не смогли. Она все-таки разразилась, подтвердив даже для самых недоверчивых справедливость «прогноза» научной фантастики. Наиболее трезвомыслящие писатели главное схватили верно. И когда сбылись самые мрачные их прогнозы, встали в солдатский строй.

В европейских странах, конечно, было не до фантастики: заговорили пушки. Те авторы, кому позволял возраст, в буквальном смысле сменили перо на винтовку; многие с войны не вернулись.

Война убивала не только на фронте. Чапека она убила еще до начала военных действий. В 1940 году умерла талантливая шведская писательница Карин Бойе, едва успев закончить свой роман — леденящую антиутопию «Галлокаин». Видимо, неумоготу было даже на миг представить себе как кошмарное пророчество: управляемый «сверхчеловеками» мир-тюрьма начнет сбываться в реальности. А зимой сорок второго в оккупированном пригороде Ленинграда — Пушкине ушел из жизни Александр Романович Беляев. Вероятно, тоже в последние месяцы жизни вспоминая с горечью своего героя — немца Штирнера, вознамерившегося стать *властелином мира*...

Их ухода фантастическая литература не заметила. Европа уже испытала на себе точность ее прогнозов, самой же фантастике нужно было искать новые места обитания и новые цели.

Неудивительно, что в военные годы полигоном для испытания специфического «НФ-оружия» стали американские специализированные журналы научной фантастики (к тому времени насчитывалось их больше десятка⁸⁷). Они были молоды и открыты для любых, самых шокирующих тем; а кроме того, сам жанр заставлял авторов искать на тех направлениях, где их коллегам-реалистам было не развернуться.

Конечно, не следует преувеличивать значение антифашистской фантастики той поры. Основная читающая публика предпочитала все-таки различные космические приключения или взбунтовавшихся роботов, нежели жесткий, правдивый (это в фантастике-то!) разговор о творящихся в Европе событиях. Примешивалось и типично американское отношение к «остальному» миру: долгое время для большинства читателей война оставалась делом в общем-то «европейским». Чем-то далеким и эфемерным. Даже нападение японцев на Пёрл-Харбор, в корне изменив ситуацию политически (США вступили в войну), в массовом сознании революции не произвело.

Но не стоит и преуменьшать то, что сделали тогда американские писатели-фантасты (и английские, которые часто печатались в США). При некотором общем безразличии к военной тематике проблема фашизма в американских журналах научной фантастики как раз обсуждалась широко. И достаточно серьезно в исторической перспективе (она в фантастике равно уходит в прошлое и будущее). Развитая интуиция, постоянная нацеленность на мысленный (безумный!) эксперимент плюс живые свиде-

тельства очевидцев-иммигрантов давали возможность говорить о фашизме во весь голос. Пусть авторам, в основном молодежи, не часто сопутствовал успех литературный — свою *социальную* позицию дебютанты высказали ясно и недвусмысленно.

Предварю один недоуменный вопрос. Конечно, как можно забыть о яркой антивоенной прозе Хемингуэя и других ведущих американских писателей! Но речь идет об охвате темы не менее значимой — о войне, затеянной фашизмом. Читатель скоро сам убедится, что ее возможные последствия далеко выходили за рамки полотна под названием «Вторая мировая война».

Еще в 1933 году, сразу после прихода к власти Гитлера, ведущий американский журнал научной фантастики «Эстаундинг сториз» предложил читателям рассказ молодого автора Натана Шэкнера «Голоса предков». «Публикация рассказа, — говорилось в редакционной статье, — открывает актуальную дискуссию по проблемам социальных наук, нынешнего положения в мире и его будущем»⁸⁸.

Это рассказ о том, как путешествие в прошлое на машине времени приводит к классическому парадоксу, хорошо изученному фантастами: из-за случайного убийства в V веке варвара-гунна в нашем столетии бесследно исчезают все 50 тысяч его прямых потомков. В их числе — два боксера-финалиста: немец и еврей... Автор, как и всякий здравомыслящий человек, считает «расовый вопрос» абсурдным, особенно при той интенсивности, с какой перемешивались расы и народности Европы за последние два тысячелетия. И тем не менее диктатор некой воображаемой Среднеевропейской империи герр Гелльвиг (тут не удержался художник: на обложке журнала Гелльвиг изображен с усиками и характерной, спадающей на лоб челкой) с пеной у рта изрыгает проклятия «не-арийцам»...

Приглашение к дискуссии оказалось преждевременным. Читателей по-прежнему увлекали всевозможные звездные одиссеи, бунтующие роботы и тому подобная привычная тематика. Да и редакторы не торопились выпускать «чистую политику» на страницы журналов, сохраняя как бы молчаливый нейтралитет в европейских делах. Так, в ответ на энергичные письма читателей с требованиями немедленно прекратить публикацию произведений писателей-фантастов Германии редактор журнала «Уандер сториз» невозмутимо отвечал, что он, мол, вне политики⁸⁹.

Антифашистская тема заполнила страницы научно-фантастических журналов позже, когда война в Европе запыхала вовсю. А еще точнее — после нападения японцев на Пёрл-Харбор, когда *всемирный* ее характер ощутили и в США.

Несколько примеров передают духовную атмосферу тех лет. Война не коснулась территории Соединенных Штатов, но нельзя сказать, что совершенно мирными остались журналы фантастики.

Англичагин-дебютант Джон Бейнон Харрис (впоследствии известный читателям под именем Джон Уиндэм) опубликовал в 1939 году рассказ «Аннигилятор Джадсона», в котором фантастический прибор помогает отбросить в иную историческую эпоху готовые к вторжению части «люфтваффе». Через два года другой начинающий писатель, на сей раз американский, в рассказе «Неудовлетворительное решение» насыляет на Германию... «управляемое» радиоактивное облако. Имя молодого автора — Роберт Хайнлайн; с ним, как и с Джоном Уиндэмом, мы еще встретимся на страницах этой книги. Тем же 1941 годом датирован один из первых рассказов Альфреда Бестера — «Вероятностный человек», в котором молодой автор додумывает страшную мысль: что будет, если войну выиграет фашистская Германия.

...По проселочным дорогам (асфальтовые давно поросли бурьяном) обезлюдившего, скатившегося к варварству континента рыскают банды ландскнехтов-грабителей, именующих себя «свастами». Человек нашего столетия каким-то образом попадает в этот мрачный мир. И стоило ему вытащить записную книжку, как одетые в доспехи потомки эсэсовцев схватились за мечи (как схватились бы за «шмайсеры» во времена написания рассказа): «Эта свинья, выходит, из читателей?! У него в руках книга!»

В своей тревоге Бестер не одинок. В 40-е годы выходит сразу несколько книг, описывающих воцарение Гитлера в Европе и установление «тысячелетнего рейха». Их давно позабыли, и только попадающиеся иногда в справочниках и библиографиях названия книг да краткие аннотации, как гул отдаленной перестрелки, напоминают о гремевших тогда боях. «Гибель Эдема» Д. Брауна и К. Серпелла, «Вторжение» Х. Ван-Луна, «Под звон колоколов» Э. Армстронга и Б. Грэйма, «Когда пришел Адольф» М. Хокина... О том, что поражение союзников в Европе неминуемо вызовет катастрофу и в Америке, пишут в этой стране В. Сэквилл-Уэст, Г. Мортон, У. Чемберс. А писательница

Марион Уэст в 1942 году выпустила целый сборник под названием «Если мы проиграем».

Тревожное ожидание не рассеялось вплоть до самых последних месяцев войны. В 1943 году писатели еще завершали битву с фашизмом «умозрительно» — например, как в рассказе Карлтона Билза «Рассвет над Амазонкой» выкуривали последних гитлеровских недобитков из Южной Америки. Но чем ближе к победе, тем реальнее зрели опасения сепаратных переговоров. Не дай бог — догово-
рятся...

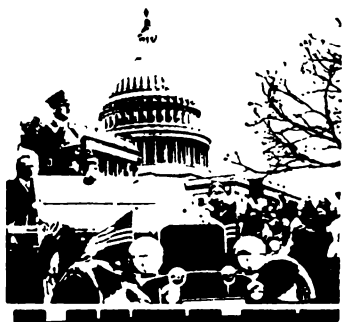
Когда до окончательного разгрома фашистской Германии оставалось менее полугода, в США вышел роман Эрвина Лесснера «Победа-фантом», где эти опасения выражены недвусмысленно: Германия добивается легкого перемирия с западными союзниками СССР и спустя двадцать лет снова развязывает войну — на сей раз чтобы выиграть!

Гитлеровскую Германию не спасли ни последние судорожные попытки договориться за спиной Советского Союза, ни «чудо-оружие», которое ковал в адских кузницах Пенемюнде и концлагеря «Дора» Вернер фон Браун. Не помогла «тотальная война», развязанная в самом преддверии конца и стоившая новых жертв немецкому народу. История все расставила по своим местам: преступники, посягнувшие *на весь мир*, им же были низвергнуты в породившую их темную пучину.

Сломали военно-политическую машину гитлеровской Германии. А был ли окончательно уничтожен фашизм?

Увы... Раковую опухоль вовремя удалили из непосредственной близости от сердца Европы, но на то и сравнение с раком: как *идеология* фашизм оказался необычайно цепок. Идеи разбитых па полях сражений «сверхчеловеков» дали метастазы во все концы света, и сколько еще раз подлая боль напоминала человечеству о затаившемся в его организме смертельном враге...

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

...Итак, колыбель фашизма лежит разбитой у ног победителей, которые от имени всех народов, на себе испытавших прелести «нового порядка», судят в Нюрнберге его вдохновителей и главарей. Самым главным результатом этого первого в истории суда над преступниками против человечества можно считать осуждение фашизма как явления.

На землю Европы пришла долгожданная тишина. Передышка, давшая возможность отдышаться, залечить раны, оплакать тех, кто не вернулся, и задуматься. Пока шли бои, оглядеться времени не было, а наступившее затишье не смогло удержать наплыва тревожных мыслей и переоценок, раздумий о будущем.

Победа над Германией должна была, по-видимому, поставить точку и на той части научной фантастики, о которой шла речь. Но это впечатление кажущееся. Писатели-фантасты вообще склонны смотреть вперед, а не вокруг себя. Тем более что затянувшаяся ночь над Европой требовала *особенного* осмысления. Чтобы оценить меру совершенного всеми антифашистами разных стран, не говоря уже о солдатах, дошедших до Берлина, и тех, кто не дошел, мало было оглянуться назад.

Пришел час размышлений о *сослагательном будущем*, анализировать которое никто, кроме фантастов, не умел.

Я впервые услышал это странное словосочетание — «если-бы-будущее» — от американского писателя Грегори Бенфорда. Осенью 1985 года он был проездом в Москве (торопился в Тбилиси на конференцию по физике плазмы — Бенфорд по профессии физик), но у нас нашлось время встретиться, поговорить.

Разговор шел в основном о делах фантастических, но в юбилейный год беседа неизбежно вырвалась на войну, которую мы оба знаем понаслышке (я родился после того, как она прошла, а Бенфорду было четыре года в сорок пятом). Так я впервые узнал, что мой собеседник подготовил для издательства «Гарланд» сборник американских фантастических рассказов на тему... Собственно, тему приоткрывает название книги: «Гитлер Победитель».

Досье по теме «Канун»:

ГРЕГОРИ БЕНФОРД

Род. в 1941 г.

Американский писатель-фантаст и ученый. Окончил университет штата Оклахома, защитил диссертацию в Калифорнийском университете (теоретическая физика), где работает профессором. В научной фантастике дебютировал в 1965 г. Автор многих книг — «В океане ночи» (1977), «Ландшафт времени» (1981), «Артифакт» (1985) и др. Лауреат премий в жанре научной фантастики.

По оценкам критики, Бенфорд — первый американский фантаст, который может когда-нибудь претендовать на Нобелевскую премию по физике. Типичный технократ, он обладает и несомненным литературным дарованием. Сейчас это один из самых популярных писателей-фантастов США, и сфера его литературных интересов — мир науки, о котором Бенфорд пишет с полным знанием дела.

Никакой особенной *антифашистской* патетики ни в произведениях его, ни в нашей очной беседе я, признаться, не заметил. Ни затаенной боли, кровоточащей памяти, никакого стучащего в сердце пепла Клааса — ничего подобного... Откуда же столь неожиданный выбор темы для сборника?

— Но ведь это очень интересно: описывать «если-бы-будущее», — вполне серьезно ответил Бенфорд. — Перебор вариантов, альтернативных историй Земли, на которой победил фашизм... Мне показалось увлекательным.

Позже я узнал о выходе сборника. Большого успеха книга не принесла, но вызвала весьма одобрительные отзывы в прессе. Одобрительные, благожелательные, но не более того... Антология была признана любопытной, умно и со вкусом составленной, однако не выделявшейся

в ряду других тематических сборников: фантастика о спорте, о религии, с феминистским уклоном или с гомосексуальным...

Всего лишь *тема* научной фантастики. Одна из многих.

Почему я вспомнил этот разговор с Грегори Бенфордом? Зачем вообще потребовался этот краткосрочный «рывок» на сорок лет вперед, в 1985 год?

В ответе американского писателя и в отзывах на его сборник как в увеличительном стекле отразилось весьма любопытное и поучительное направление фантастики, имеющее отношение к разговору.

Вернемся опять в 1945 год. Мир понемногу приходил в себя, радостно оглядывался или оплакивал погибших, люди начали восстанавливать разрушенное войною — а фантасты задумались о недавно пережитом посвоему, с точки зрения истории «если-бы-будущего», истории *альтернативной* (ее еще называют «параллельной»).

Станный интерес к конструированию параллельных историй родился гораздо раньше: вспомним произведения Бурдекин или Бестера. Правда, они фантазировали все-таки о *будущем*, которое война делала более чем неопределенным — после окончания войны писателям приходилось обращаться уже не к истории свершившейся (где были Победа и Нюрнберг), а какой-то иной (где победил Гитлер).

Вообще, для человека с богатым воображением и вкусом к исторической науке сам по себе метод действительно увлекательный, тут с Бенфордом спорить трудно. В чем-то это похоже на математическое доказательство от противного; а если говорить о силе воздействия, то талантливо построенная альтернативная история может вызывать тот же эффект, что и электрошок (с шокотерапией, кстати, данный метод роднит и опасность «переборщить», переоценить физические возможности пациента).

Но что никак не могло удовлетворить меня в ответе Бенфорда — это его недоумение: нужно ли ломать себе голову над вопросом «зачем?». Цель подобного литературного эксперимента, его нравственная сверхзадача, его возможное воздействие на аудиторию — похоже, над всем этим мой собеседник если задумывался, то самую малость. Ведь *интересно* же, чего больше?

А между тем, задаваясь вопросом: «Что было бы с человеческой историей, если бы?..» — писатель разворачивает целый веер возможных продолжений. Просто забавная шутка, парадоксальный «перевертыш», эпатаж

читающей публики (в духе, например, «черного юмора»), тенденциозная политическая пропаганда, философский анализ исторических закономерностей, мысленный эксперимент в области, менее всего допускающей какое бы то ни было экспериментирование,— в свершившейся истории.

Авторам научной фантастики не привыкать, они давно и решительно вторгаются в самые заповедные и недостижимые сферы. Да и оценивать результат лучше всего, исходя из поставленных задач (вышеперечисленных или каких-то иных), а не обсуждать правомерность самого объекта для эксперимента. Тем более ограничивать выбор, как говорят физики, «начальных условий» — на то она и фантастика, чтобы фантазировать.

Но остается вопрос: во имя чего? Вот об этом поговорим.

Начальные условия задаются просто: *что было бы, если...* Если бы Александр Македонский не умер столь внезапно в расцвете сил... Если бы шторм не развеял по морю испанскую Армаду... Если бы Гражданскую войну в США выиграли южане-конфедераты... Наконец, то единственное «если», которое нас в данный момент и волнует.

Жутко звучащее «если»: вторая мировая война, выигранная фашистами.

Таких произведений написано много⁹⁰, но я остановлюсь лишь на некоторых. И подробнее всего — на одной книге.

Вероятно, это вообще одна из первых книг, где изображен мир *после победы фашизма*, и, по-видимому, самая яркая. Автор ее Джон Уолл скрылся под странно звучащим псевдонимом «Сарбан»; ни имени, ни фамилии, просто — Сарбан. И его досье я с удовольствием поместил бы в книгу, но снова не удалось собрать никаких сведений, кроме того, что он — англичанин и опубликовал два сборника рассказов и роман «Звук охотничьего рога», вышедший в 1952 году.

Он один и остался в памяти критиков и читателей. Видимо, автор вложил в книгу всю душу.

Сюжет его несложен. Английский моряк-резервист, взятый в 1941 году в плен на Крите, при побеге из немецкого лагеря внезапно «проваливается» в альтернативное будущее: там войну выиграли немцы. Территория бывшей Англии превращена в гигантский охотничий заповедник, которым управляет Главный лесничий рейха барон фон

Хакельнберг. Под его опекой отдыхающие с континента приятно проводят время. Одетые в костюмы вагнеровских персонажей, новоявленные зигфриды и лоэнгрины устраивают пышные ночные охоты-оргии; бароном заботливо подготовлена и «дичь» — живые люди...

В отличие от Бестера Уолл-Сарбан рисует мир, где наука и техника не преданы окончательному забвению. В непролазной чаще скрыты хитроумные электронные приборы, в ходу все новейшие достижения медицины и фармакологии, а успехи генной инженерии позволили даже вывести новый тип полукошек-полуженщин — охот на них еще больше возбуждает гостей барона. Техника нужна, чтобы держать в повиновении целые народы, но она тщательно замаскирована, чтобы не вносить смуты в умы, с детства отравленные презрением к знанию и прогрессу.

Фантазировать особенно не пришлось. Несмотря на вызывающий антиинтеллектуализм нацистской идеологии, ученых — в прагматических целях — в «реальном» рейхе терпели. Правда, не выставляя напоказ, чтобы не вносить сумятицу в идеально *организованную* вакханалию обскурантизма и мистики⁹¹. От рядового бюргера до поры были скрыты полигоны в Пенемюнде, где лучшие инженерные умы, оставшиеся служить нацизму, работали над снарядами Фау. (Позже, конечно, геббельсовская пропаганда не жалела красок, расписывая на все лады «чудо-оружие», будто бы ниспосланное рейху свыше.)

Вот и в романе Сарбана наследники бюргеров рядятся в бутафорские доспехи и медвежьи шкуры вовсе не потому, что нет цивильных костюмов. Охотникам именно так хочется реализовать свои потаенные желания, выпустить на волю инстинкты — вполне в духе нацистской мифологии, проповедуемой их далеким предком в реальной истории.

«Это ужасное зрелище, — писал Томас Манн в 1943 году, — иррационализм, когда он становится популярен. Чувствуешь — быть беде, такой беде, к которой никак не может привести односторонняя переоценка разума. Он может быть смешон в своем оптимистическом педантизме и может быть посрамлен более глубокими силами жизни; но он не бросает вызова катастрофе. Это делает только посаженный на престол антиразум»⁹².

В романе Сарбана цепко схвачено и вынесено на свет критического анализа то главное, что отличает фашизм от других — политически не менее реакционных — тече-

ний. Его поистине зоологическую ненависть к культуре, его принципиальную ставку на иррационализм и невежество.

Вот что говорит на сей счет история реальная.

Известно, что партия национал-социалистов в Германии состояла в немалой степени из необразованных обывателей, лавочников и люмпен-пролетариев. Не мудрено, что, дорвавшись до власти, они первым делом принялись напяливать на себя сверкающие доспехи героев северного мифопоэса — невежество, возведенное на трон, стремится поскорее избавиться от комплекса культурной неполноценности.

В убогом сознании недоучек, словно в пестром калейдоскопе, смешались антропософия Рудольфа Штайнера (которого они, правда, из Германии изгнали, но идеи усвоили хорошо) и тибетская мистика, геополитика и бредовая космогоническая теория Вечного льда, звериный расизм и вполне житейская зависть к инородцам, вера в легендарную Атлантиду и шовинистическая «научная фантастика»⁹³. А добавить сюда мистические идеи индуизма, перемешанные с северными «нордическими» мотивами, да интерпретированного в определенных целях Ницше, да перевернутого Вагнера... Вся эта мешанина и составила ту эрзац-культуру, которая сопровождала фашизм в его последующих социальных перевоплощениях.

Извращенное самосознание озлобленной посредственности — вот куда завели грезы о сверхчеловеке, превратившиеся в манию.

И сколько раз еще человечество сталкивалось с этим жутким букетом расхожих идей. Ведь нынешний, много раз менявший обличье фашизм тоже, как заведенный уповает на милый его сердцу иррационализм — иначе не может. Ставка сделана на прошлое, на культ героических предков и зов крови; фашизм постоянно вызывает к теням древних героев и мистифицирует последователей, увлекая их назад — в леса, к первобытной дикости разыгравшегося инстинкта. Подальше от ненавистных «химер XX века»: объективного знания, многонациональной человеческой культуры, гуманизма и прогресса.

Сегодня нам пришлось все это хорошо изучить и расставить по полочкам. Во времена Сарбана помогала лишь интуиция художника. Писатель не анализировал социальное явление, но ему повезло: он отыскал на редкость удачный образ-символ. Ночной лес, призывный звук рога и высвеченные отблесками факелов inferнальные чудо-

вища — разодетые в древние доспехи и шкуры «штурмовики», охотящиеся на людей.

Мне кажется, что он сам содрогнулся от посетивших его видений. Оттого и портрет Фашиста Торжествующего, правящего бал на головешках цивилизации, вышел столь страшным.

К счастью, роман не постигла участь многих произведений, о которых шла (и еще пойдет) речь: книгу переиздали, и если не лавину, то устойчивый поток подражаний она вызвала. Но даже наиболее известные из них — рассказы соотечественников Сарбана: Хилари Бейли («Падение Френчи Штайнера», 1964) и Кита Робертса («Weinachtabend», 1972) — несравнимы по силе со «Звуком охотничьего рога». Авторам этих произведений, как выразился Грегори Бенфорд, «просто интересно». У Сарбана другое: страсть, неподдельный ужас, сдавленный крик-предупреждение, обращенный к тем, кто держит в руках его книгу.

Совсем недавно я случайно натолкнулся на строки, которые как бы специально написаны для эпиграфа к роману:

«В 1940 году вот так же возмутительно уверенно, нагло жили за ла-маншской водой английские села и города. Не знали джентльмены, что на другом берегу уже собраны нетерпеливые айнзацкоманды остроумного Штреккенбаха, бригадефюрера СС. По вечерам за чашкой английского пунша (влияние близких островов) Штреккенбах любил весело помечтать, как удивятся англосаксы, когда с ними обойдутся без церемоний — как с обыкновенными туземцами. Не хотите ли, сэры, прогуляться на континент — все, все до одного! — там приготовлены для вас аккуратные жилища. Леди могут задержаться на островах, скучно им не будет — мужчины фюрера самоотверженно позаботятся об оздоровлении англосаксонской крови. Бригадефюрер намекал, что действительно имеется проект всех мужчин убрать с острова. В лагеря! К черту! У айнзацкоманд не было еще того опыта, с каким они вернутся на берега Ла-Манша»⁹⁴.

Тот опыт — это сожженные дотла вместе с их жителями белорусские деревни, сожженные «героями» яростной, умной книги Алеся Адамовича «Каратели». А привел я фрагмент внутреннего монолога, который ведет эсэсовец Дирлевангер, достойный представитель той банды, дела и замыслы которой в отношении Англии сегодня кое-кто в этой стране пытается замолчать. И не только в Англии.

Профессор университета штата Аризона Пол Картер заканчивает обзор альтернативных историй, созданных в самое последнее время, романом некоего Фредерика Маллэли «Гитлер победил» (1974). В нем фюрер-триумфатор провозглашает себя... папой римским!

Дальше, кажется, действительно некуда. Потрясен и американский ученый: «Зачем? Кому это нужно — извлекать на свет божий дьявола нашей недавней истории? Мне кажется, что кошмарный в своей основе акт освящения Гитлера служит последним напоминанием: настало время похоронить этот фантастический призрак раз и навсегда»⁹⁵.

Призывов похоронить, забыть гитлеризм и его творца в западной печати хватает; без малого полвека раздаются эти продиктованные как будто самыми благородными намерениями обращения к неугомонным художникам. Ну что в самом деле за радость — пачкаться об эту мерзость, корпеть над каким-то там «анализом» фашизма, тем более касаться личности Гитлера! Забыть это историческое ничтожество, и дело с концом... Даже особое идеологическое обоснование подводится: мол, забвение и будет «высшей мерой».

Мысль, кстати, не так тривиальна, чтобы отбросить ее, поддавшись только эмоциям. Можно будет вернуться к ней, когда человечество обретет гарантию: подобное не повторится. После того как исчезнет опасность возрождения фашизма — а это произойдет не раньше, чем изменится сам человек, его социальная среда, исчезнет социальный антагонизм в мире, — что ж, тогда посмотрим. Постараемся — удастся ли, вот вопрос — забыть о страхе, который испытали в середине XX века.

Но забыть *сегодня*... Читая полные священного негодования патетические призывы, не следует забывать, что однажды идеология фашизма *чуть было не победила*. А население некоторых стран, словно в жутком «лабораторном эксперименте» истории, совратила почти целиком... И в заключение еще несколько примеров альтернативных историй, в которых нацисты выиграли вторую мировую войну. Почему я отобрал именно эти произведения, станет ясно из дальнейшего.

В романе «Операция «Протей» Джеймса Хогена действие разворачивается в альтернативном 1975 году, но большей частью — в исторически достоверном 1939-м. Именно туда, в прошлое, отправилась группа добровольцев с намерением изменить историю, дать возможность союзникам

выиграть (в то время будущую) вторую мировую войну. Среди персонажей романа — Черчилль, Рузвельт, Эйштейн, Ферми... Последние особенно интересуют спецгруппу из будущего: только скорейшее развертывание работ по изготовлению атомной бомбы сможет спасти «тот» 1975 год от фашистской тирании.

Роман вышел в 1985 году — сорокалетие Хиросимы! А двумя годами раньше вышла книга Альфреда Коппела «Пылающая гора», снабженная подзаголовком «Роман о вторжении в Японию»... После того как в июле 1945-го атмосферная электромагнитная буря расстроила испытания атомной бомбы в Аламогордо, развернулась кровопролитная битва за Японию. Автор в годы войны служил пилотом ВВС, он привлек богатый документальный материал, личные свидетельства участников войны — и его воображаемое вторжение получилось на редкость убедительным. Настолько, что после чтения этой сработанной под «реалистическую прозу» книги не возникает сомнений в моральном оправдании ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Скачок назад еще на пять лет. В романе-бестселлере Лена Дейтона «СС-Великобритания» (1978) Англия в 1940 году оккупирована гитлеровцами. «Идеологическая начинка» книги не так проста и требует особого разговора⁹⁶, но сейчас нас интересует лишь одна деталь. В процессе расследования таинственного убийства, проводимого Скотланд-Ярдом под руководством шефов-гестаповцев, как бы невзначай выясняется, что английское Сопротивление и контрразведка Гиммлера охотятся за английскими физиками-ядерщиками, вплотную подошедшими к тайне атомной бомбы...

Внимательный читатель уже сообразил, в чем дело. Секрета тут нет: во всех этих произведениях сложными сюжетными нитями переплелись две темы — тема фашизма и тема «атомная».

Однако подождем с выводами и совершим еще один скачок от романа Дейтона в прошлое: сразу на двадцать лет.

В июльском номере журнала «Венчур сайнс фикшн» за 1958 год опубликован рассказ хорошо известного нашим читателям Сирила Корнблата «Две судьбы». Герой рассказа работает в «Манхэттенском проекте», и его обуяют сомнения. После того как герой попробовал каких-то загадочных грибов-галлюциногенов, он оказывается в «параллельном» времени, где США конечно же оккупи-

рованы немцами. Некоторые отличия от известного нам хода истории есть: фюрером стал Геббельс, война продолжалась до 1955 года, а в самом рейхе запрет на вообще все научные изыскания положил конец и «атомной проблеме». Немцы атомной бомбой не занимались, Эйнштейну нечего было тревожиться, и знаменитое письмо Рузвельту так и не было написано... Нет нужды говорить, что герой, возвратившись из своего «путешествия», с удвоенной силой принимается за работу.

А весь рассказ предстает «очевидной попыткой, причем, видимо, одной из самых ранних, оправдать бомбардировки Хиросимы и Нагасаки средствами научной фантастики»⁹⁷. Но, оказывается, можно отыскать еще более ранние примеры!

Весна 1949 года. В рассказе Роберта Эбернети «Заложник будущего» американские оккупационные войска обнаружили немецкого физика — изобретателя машины времени. Совершив поездку в «параллельный» ХХІ век, американцы с ужасом узнают, что после победы (!) в Германии тайно была изготовлена атомная бомба. Недобитые фашисты применили ее против союзников, окончательно решив исход войны в свою пользу. Вместо Нью-Йорка теперь Нойеберсдорф, манхэттенские небоскребы разрушены, а Бруклин победители превратили в уютный колониальный городок, частицу «фатерланда». Нацистские «демографы» в Берлине планируют окончательно заселить Землю только представителями нордической расы (из-за высокой автоматизации и доступной атомной энергии отпала даже необходимость в рабах); для всех «лишних» народов предусмотрена модификация газовых камер — управляемые радиоактивные облака.

1947 год. Стюарт Клаут в рассказе «Взрыв» описывает атомную атаку, начатую фашистами, укрывшимися в джунглях Южной Америки.

И наконец, последняя остановка в прошлом: рассказ Филиппа Уайли «Кратер рая». По причинам, которые станут понятными чуть позднее, присмотримся к этому в некоторых отношениях удивительному произведению.

Дело происходит в будущем. Все как положено в научной фантастике: города-мегаполисы под стеклянными куполами, роботы-официанты, летательные аппараты вместо привычных городских автомобилей, «альтернативные» источники энергии и даже коммерческая реклама по телевидению (тогда еще безусловно фантастика). Но вот в разговоре героя с возлюбленной прорывается не совсем при-

вычная для фантастики той поры реплика — об опасности, которую представляет собой оружие, построенное на принципе радиоактивного распада урана-237: «Представляешь, одна чашка урана — и доброго квартала Лос-Анджелеса как не бывало!»

Рассказ-то, оказывается, об *атомном проекте*, о саботаже и заговоре бывших нацистов, не смирившихся с поражением во второй мировой войне и стремящихся овладеть атомными секретами; о подземных лабораториях, где трудятся, несмотря на летальную радиацию, подвижники-ученые, создающие атомные бомбы... Герой не может допустить, чтобы подобное оружие попало в руки немцам (а заговорщики близки к цели), и не находит лучшего выхода, как взорвать подземный завод. Гигантский взрыв выносит грибообразное облако в стратосферу, волна землетрясений прокатывается по территории США и Канады, и еще одна волна, на сей раз цунами, накрывает «дикарей», населяющих некогда цивилизованные Японские острова...

Редактор журнала, в котором рассказ впервые был напечатан, предпослал ему небольшое вступление, объясняющее *уникальность* произведения: «Может ли случиться, чтобы атомное оружие обратилось против нас? Замечательная история о «прекрасном новом мире» 1965 года, которую мы вам представляем, — как раз об этом. Автор закончил ее много месяцев назад, но по вполне понятным цензурным соображениям нам пришлось отложить публикацию до настоящего времени».

Время появления — вот что превратило заурядную, в сущности «шпионскую» фантастику в событие исключительное, в своего рода диковину.

Я намеренно расположил вышеупомянутые произведения в порядке, обратном хронологическому: от 1985 года (роман Хогена) к... 1945-му! Ибо рассказ Уайли «Кратерная» впервые напечатан в октябрьской книжке журнала «Блю бук» за 1945 год. А предложен в журнал еще раньше — в январе 1944-го.

С историей его публикации связаны обстоятельства, сами по себе детективные.

Редактор журнала рассказ принял, но затем отказался печатать, разъяснив автору в письме, датированном 3 июля, что «в Гарвардском университете работают над чем-то подобным, и меня попросили воздержаться от публикации из соображений секретности»!⁹⁸ Писатель-фантаст описал в рассказе все, что только подсказала ему фантазия: уран-237, цепную реакцию, атомный взрыв... Как утвер-

ждает⁹⁹, его даже подвергли домашнему аресту «за разглашение». *Чего именно*, Уайли и сам тогда не знал.

Но все обошлось — спустя месяц рассказ снова был поставлен в план текущего номера. На полях рукописи стояла пометка цензора: «Атомная бомба взорвана над Японией 6 августа 1945 года».

Сам по себе довольно слабый, рассказ Филиппа Уайли тем не менее вошел в историю. Первое произведение «атомной» художественной литературы, опубликованное после бомбардировки Хиросимы (а написанное «до»). Как всегда, научная фантастика подоспела вовремя, даже чуть раньше...

Тема
Вторая

«АТОМНЫЕ ЧАСЫ»

Змея душила в кольцах своих атомную бомбу.

Глаз искал традиционную чашу с целебным ядом — древний символ медицины, но постоянно натывался лишь на непривычного, запеленутого змеиными кольцами технократического дитя-уродца. Старинная змея с чашей намекала на союз, симбиоз самого, по преданию, мудрого творения природы с творением мудрости человеческой. А на рисунке, который стоял сейчас перед взором, запечатлена была смертельная схватка.

Змея ведь не просто обвила бомбу в трогательном геральдическом союзе. Древнее олицетворение *мудрости* вело последний бой с крайним выражением *безрассудства*.

Эмблема международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» преследовала меня повсюду: змея боролась с бомбой на развешенных плакатах, на обложках книг и буклетов, на ярких этикетках, прилепленных к чемоданам и «кейсам» вновь прибывших. В те последние майские дни 1987 года Москва принимала гостей и участников VII Всемирного конгресса врачей, и к эмблеме движения прибавился значок, выпущенный специально для московского конгресса.

На нем изображена была змея как раз привычная — с чашей. Но стилизованная лавровая ветвь в змеиной пасти казалась слишком хрупкой и нежной, чтобы противостоять атомному грибу, выросшему на горизонте. Бомбу еще можно было сжать покрепче — а вот как удержать вырвавшуюся на волю ядерную стихию?

Однако врачи, похоже, не собирались поддаваться панике, наоборот, были настроены трезво и деловито, как и подобает людям их профессии в любой критической ситуации. В Москву они прибыли не заламывать руки и не на зауспокойную молитву по человечеству — собрались на консилиум. Поставить точный диагноз, наметить конкретный курс лечения. Их спокойная целеустремленность терапевтически целебно действовала на нас, пациентов: верилось, что они твердо намерены бороться за жизнь «больного» до конца.

Я не врач и, как все «неврачи», отношусь к медицине со сдержанной неприязнью (пока, конечно, самого не прихватит). Но на конгрессе в Москве у меня с ними дело было общее, поскольку я, можно сказать, представлял на конгрессе одно из направлений их профессиональной деятельности. Назовем его «атомной *диагностикой*».

...Под одной из плакатных «змей», извивавшейся над стойкой регистрации в гостинице «Россия», произошла наконец встреча с человеком, прибытия которого я с нетерпением ожидал весь день. Организаторы включили в программу конгресса специальный симпозиум «Научная фантастика и ядерная реальность», а главным докладчиком пригласили американского литературоведа Пола Брайнса. Найдя его глазами в длинной очереди ожидавших регистрации, я вздохнул с облегчением: теперь симпозиум просто «обязан» был пройти успешно.

В каждой, даже сугубо экзотической области знания всегда найдется свой самый авторитетный специалист. В такой странно звучащей на слух области, как *ядерные войны*, таким «самым-самым» был, безусловно, профессор Брайнс.

Не военный эксперт, даже не ученый-естественник, он тем не менее знает о ядерных войнах — уже *прошедших* — больше кого-либо. К счастью, прогремевших пока только в человеческом мозгу, в воображении, в совокупной ноосфере наших страхов и фантазий. Понятно, что подобный опыт для участников конгресса врачей был бесценен.

После первых приветствий и вполне искренних, но необязательных междометий Брайнс сообщил мне: «Книгу я привез. Правда, это только гранки — книга выйдет через месяц». Что за книгу он имел в виду, объяснять было не нужно.

Досье по теме «Атомные часы»:

ПОЛ БРАЙНС

Род. в 1942 г.

Американский литературовед. Окончил университет штата Индиана. В настоящее время профессор языка и литературы университета штата Вашингтон. Автор книги «Ядерные холокаусты» (1987).

Эту — пока первую и единственную — книгу Брайнса я ожидал с нетерпением. Полное ее название звучит так: «Ядерные холокаусты. Атомная война в художественной

литературе, 1895—1984» — и требует, видимо, некоторых разъяснений.

Начну с непривычного слова «холокауст». «Поначалу, — сообщает автор в предисловии, — я был против использования этого термина. Когда-то он обозначал форму огненного жертвоприношения в древнееврейском религиозном ритуале. Позже, по горькой иронии, слово вошло в обиход, но уже как символ геноцида, развязанного нацистами против евреев во время второй мировой войны. Но поскольку мы с тех пор ничего более страшного не знали, я в конце концов уступил традициям последних десятилетий — обозначать этим термином ядерную бойню»¹.

Книга Пола Брайнса — не только обстоятельный исторический обзор, но и аннотированная библиография на 800 с лишним произведений научной фантастики, вышедших на английском языке с 1895 по 1984 год. Без малого — век (почему именно с 1895 года ведется отсчет, я еще поясню).

Почти тысяча *свершившихся* ядерных войн. И описанных не сухо и бесстрастно, как составляются военные сводки (и впоследствии мемуары военачальников), а, напротив, ярко, эмоционально, взволнованно! Языком, подходящим до сердца, когда порой и разум пасует, блокируется чудовищной «цифирью». Неужели пройти мимо этого уникального коллективного опыта человечества?

Правда, опыта во всех отношениях *странного*. Опыта событий, в реальности еще не случившихся. Случись оно, это событие, — и никакой опыт не спасет. Будет это в первый и последний раз.

Разобраться во всем этом помогает научная фантастика. «Мы призываем художественную литературу, — пишет коллега Брайнса американский литературовед профессор Брюс Франклин, — всегда основанную на воображении, с единственной целью: помочь нам исследовать этот удручающий факт и как-то построить нашу жизнь в зависимости от него. Ответить на призыв может пока одна научная фантастика. Просто потому, что, какую бы область художественного творчества мы ни взяли, и сама ядерная война, и желанный конец этой угрозе человеческому существованию все еще остаются научной фантастикой по определению»².

Странная и тревожная, что греха таить, тема в литературе, другой такой нет.

Атомной фантастике скоро минет век, но ничего ее авторы, видимо, не желают столь дружно, как *закрыть* те-

му — раз и навсегда. Не следует, конечно, идеализировать: для многих создателей «атомных» научно-фантастических бестселлеров подобные сюжеты не более чем допинг, пикантная приправа к основному блюду (мелодраме, авантюрному боевику и т. д.). На атомной фантастике уже нажили столько денег, что их хватило бы с лихвой на финансирование всех современных отрядов антивоенного движения... Но просто как *люди, граждане, отцы семейств* — все они с удовольствием похоронили бы саму возможность реализации столь удачно найденного «сюжетного приема».

Трудно представить себе нормального, не отягченного душевной патологией современного человека, который (повторяя название известной книги и еще более известного фильма) «перестал беспокоиться и возлюбил атомную бомбу». Правда, сознание наше — штука хитрая, возможности самоуговора поистине неисчерпаемы, но *на духу*, перед зеркалом собственной совести, никто, уверен, не рискнет сказать «да» бомбе. Не поднимется ничья рука поджечь фитиль под пороховым погребом, в который мы сами себя загнали.

Значит, остается только установить перед каждым это зеркало.

Задача не из легких во многих отношениях. Ведь и реагируют на пробудившуюся внутри себя самого тревогу по-разному. Для кого-то это пепел К्लाаса, другим обсуждение подобных вопросов приносит вполне понятный «дискомфорт», третьи просто глушат боль разнообразными наркотиками. Все чаще раздаются голоса о моральной правомерности такой литературы, как атомная фантастика, — она, мол, только привносит ощущение безысходности в наш и без того не слишком уверенный в своем завтрашнем дне мир... Но разве *аморально* бить в набат, будить, призывать к спасению, когда еще есть время спастись? «Литература ядерных катастроф моральна в том смысле, что поднимает вопрос, какими мы должны стать и что должны делать. Размышляя об этом, причем интеллектуально, а не на уровне эмоций, такая литература значительно освежает и традиционную прозу, и укрепляет всеобщее доверие к научной фантастике»³, — пишет в своей книге «Литература ядерных катастроф» американский литературовед Дэвид Даулинг.

Важно разобраться со всеми и каждому прописать одному ему пригодное целительное средство.

Как я уже сказал, позиция писателей-фантастов близка позиции врачей: и те и другие до лечения нуждаются в точном, правдивом диагнозе.

Есть и различия. Как выкинуть из художественной литературы эмоции, душевные срывы, перехлесты! Иногда эта осознанная, а может быть, подспудная потребность сначала заглушить тревогу в себе самом, а потом в пациенте. Или, наоборот, терапевтический «надрыв», обнаженный нерв, выплеснутая на страницы книг человеческая боль... Все было в краткой, но бурной истории атомной фантастики, но, переболев всеми мыслимыми заболеваниями, она сейчас отчетливо склоняется прежде всего к точной и, возможно, более объективной *диагностике*.

Стремится детально представить себе историю болезни, ее причины и нынешнее состояние «больного».

Что касается истории болезни, то фантасты, верные своему ремеслу, заполняли ее первые страницы еще тогда, когда всем остальным людям «больной» казался здоровым, резвым и вполне благополучным молодцом. «Романисты не ждали 6 августа 1945 года, чтобы начать обыгрывать тему атомной войны, — пишет Пол Брайнс. — Возмущение читающей публики задолго до этого было воспламенено и породило самые мрачные фантазии на сей счет. То была реакция на открытие рентгеновских лучей в 1895 году, радиоактивности урана Беккерелем — в 1896-м; радия и полония супругами Кюри — в 1898-м и, наконец, на специальную теорию относительности в 1905 году, особенно на ее следствие — возможность превращать вещество в энергию. Массовая литература не замедлила с оперативным внедрением всех этих новинок научного прогресса в военное дело»⁴.

Об атомной фантастике и о реальностях атомной эры дальше и пойдет речь.

Глава 4

ШЕСТИДЕСЯТИ- МИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ

Для начала я предлагаю внимательно вчитаться в три фрагмента. И попытаться определить, откуда они и в какое время написаны.

«Я сделал снимки. Это было захватывающее зрелище. Гриб пепельно-серого дыма с красной сердцевинкой. Видно было, что там внутри все горит. Мне было приказано сосчитать пожары. Черт побери, я сразу же понял, что это немыслимо! Крутящаяся, кипящая мгла, похожая на лаву, закрыла город и растеклась в стороны к подножию холма... Все в этом облаке было смертью. Вместе с дымом вверх летели какие-то черные обломки. Один из нас сказал: «Это души японцев возносятся на небо»⁵.

«Тесно прижатые друг к другу деревянные домики вспыхивали как солома. Переулки разом превращались в огненные реки. Обезумевшие толпы людей бежали к берегам Сумиды и ее протоков. Но даже речная вода, даже чугунные пролеты мостов стали обжигающе горячими от чудовищного жара. Над городом бушевали огненные смерчи ураганной силы. Вызванные ими турбулентные воздушные потоки швыряли американские «сверхкрепости» так, что летчики едва сохраняли управление»⁶.

«...Тут раздался грохот, похожий на раскаты грома. Грохот обрушился... как удар... Мир вокруг куда-то исчез. На земле не существовало уже больше ничего, кроме пурпурно-алого, ослепительного сверкания и грохота — оглушающего, поглощающего все, не смолкающего ни на мгновение грохота. Все другие огни погасли, и в этом слепящем свете, оседая, рушились стены, взлетали в воздух колонны, кувыркались карнизы и кружились куски стекла... Казалось, что огромный пурпурно-алый клубок огня бешено

крутится среди этого вихря обломков, яростно терзает землю и начинает зарываться в нее подобно огненному кроту...»⁷

Цитаты подобраны по степени легкости их расшифровки.

В первой явная подсказка. Как только взгляд выхватил «возносящиеся души японцев» и «пепельно-серый гриб», нетрудно сообразить, что это свидетельства очевидцев, а скорее всего непосредственных участников атомных бомбардировок Хиросимы или Нагасаки. Совершенно верно, так вспоминали о совершенной ими 6 августа 1945 года атомной «кремации» Хиросимы члены экипажа бомбардировщика Б-29 — бортстрелок Кэрон и борт-механик Шумард.

И второй фрагмент, по крайней мере его датировка, несколько прояснится, если продолжить умышленно оборванную мною цитату: «За одну ночь в Токио погибло от пожаров свыше ста тысяч человек — больше, чем пять месяцев спустя в Нагасаки от атомной бомбы»⁸.

Писатель и журналист Всеволод Овчинников, автор документальной повести-хроники «Горячий пепел», похоже, первым обратил внимание широких слоев читателей на факт сам по себе поразительный. То, что спустя почти сорок лет получило название «сценарий ядерной зимы», было эффектно, словно на лабораторном стенде, продемонстрировано в ночь с 9 на 10 марта 1945 года, когда 300 американских бомбардировщиков буквально забросали японскую столицу зажигательными бомбами. Долго не затихавшие огненные «торнадо» — вот в чем состояло военное новшество, испытанное во время этой операции, цинично названной «Молитвенный дом».

Правда, произведенный эффект (как и результат аналогичных варварских бомбардировок Дрездена авиацией союзников) удалось в полной мере оценить значительно позже: августовское «событие» в том же 1945 году затмило собой все остальное. Только в начале 80-х годов вернулись мыслью к «обычным» налетам на Токио и Дрезден специалисты, изучившие экологические и климатические глобальные последствия массовых пожаров...

Наконец, третий фрагмент. Не случайно, что именно он замыкает триаду: самое эффектное лучше приберечь на конец. Боюсь, читатель, не относящий себя к глубоким знатокам научной фантастики, вряд ли догадается, откуда взято это яркое описание — ну, конечно, атомного взрыва, чего же еще.

Верно, атомного взрыва. Но описание, сделанное... накануне первой мировой войны — в 1914 году! Все станет на свои места, как только будет сообщен источник: роман Герберта Уэллса «Освобожденный мир».

Самое время еще раз перечитать эти три фрагмента один за другим. Какой искушенный глаз заметит разницу в тридцать один год?

Раньше я обещал вернуться к разговору о *главном* «военно-техническом» предвидении знаменитого английского фантаста. Теперь пришло время; только разговор пойдет не о технике.

Трудно все же поверить: 1914 год... Общественному мнению еще предстоит свыкнуться с такими военными новинками, как танк, отравляющие газы, авиация; да и сама мировая война разразилась одновременно с выходом в свет романа Уэллса — а тут: *атомная бомба!* И не беглое упоминание, брошенное вскользь эффектное словцо — в деталях разработанная концепция, подробно расписанная будущая история мира, преображенного атомным оружием с потянувшимся за ним шлейфом разнообразных общечеловеческих проблем.

Разумеется, на безукоризненно точный с научной точки зрения прогноз автор «Освобожденного мира» (в оригинале роман называется энергичнее — «Мир будет свободным») не претендовал, хотя и проштудировал «Объяснение радия» Фредерика Содди — первую популярную книгу по атомной физике, вышедшую в 1908 году. Об этом сам писатель сообщил в письме к другу: «Я внезапно ощутил желание вновь вернуться к этим славным «научно-фантастическим романам» прошлого. Но мне необходимо собрать все новейшие данные об атомной теории и источниках энергии... Идею я почерпнул из книги Содди. Предположим, люди открыли, как вызвать атомный взрыв тяжелых элементов — как они обнаружили много лет назад, как сжигать уголь. Вот и бесконечное количество энергии»⁹. Однако книгу Содди из писателей читал, очевидно, не один Уэллс — а никто не догадался!..

Погрешностей против данных науки в романе Уэллса полно. Впрочем, их хватает в любой научно-фантастической книжке, которой посчастливилось прожить в памяти читателей несколько десятилетий.

Во-первых, «атомные бомбы» английского фантаста — это скорее реакторы, поддерживающие состояние перманентного «взрыва» в течение нескольких суток (ближе всего сравнение с проснувшимся вулканом). Писатель яв-

но спутал химические реакции с атомными: говоря о последних, постоянно имеет в виду первые. Ошибочным было предположение, что в результате радиоактивного распада образуется золото. Наконец, Уэллс — профессиональный биолог и медик — очевидно, не подозревал о лучевой болезни и других последствиях атомной бомбардировки для организма человека.

Но еще раз вспомним, когда создавалась книга (автор на рукописи проставил дату: 1913 год). И великодушно простим ему эти «мелочи». Все они не в состоянии омрачить чувство завистливого восхищения, когда еще раз пытаешься оценить его редкое даже для этой литературы прогностическое попадание. «Самое замечательное — это то, сколько же всего смог Уэллс «выжать» из данных, которые давала на тот год наука. Он явно превзошел всех в понимании вывода теории относительности о том, что уничтожение вещества на атомном уровне высвободит энергию невиданной разрушительной силы. Выдуманный им «каролинийум», если внимательно вчитаться, имеет много общего с плутонием. И атомные бомбы в его романе сбрасывают на города с самолетов»¹⁰.

Не знаю... Можно, конечно, проводить скрупулезный научный анализ романа Уэллса, отдать должное отдельным описаниям (вроде процитированного в начале главы), сделанным как будто «с натуры», — но меня больше поразило в этой удивительной книге другое. Пронзительно-ясное осознание того, что несет в мир атомное оружие: «После атомных взрывов все международные споры словно утратили всякое значение... Ибо нам стало совершенно очевидно, что эти бомбы и те еще более страшные силы разрушения, предтечами которых они являются, могут в мгновение ока уничтожить все, созданное человечеством, и порвать все существующие между людьми связи»¹¹.

Одна эта фраза, которую впору поместить на плакат какого-нибудь современного конгресса миролюбивых сил, — произнесенная в канун первой мировой войны! — перевешивает в моих глазах все естественнонаучные ошибки и социальные заблуждения фантаста.

Три десятка лет отделяют это художественное провидение от канцелярского отчета исполнителей бесчеловечного приговора Хиросиме и Нагасаки. Три десятилетия, за которые «фантастика» стала ощутимым фактом реальности.

...Когда у меня впервые возник образ *атомных часов*, которые автоматически включают, как только над

полигоном завывала сирена, извещающая о часовой готовности?

Наверное, после бесед с Полом Брайнсом во время того конгресса врачей. Во всяком случае, помню, мы заспорили, какой год считать официальным вступлением человечества в атомную эру, и как-то сама собой родилась модельная ситуация: уплотнить время, представить десятилетия «до Хиросимы» как минуты, отсчитанные атомными часами.

Минуты до взрыва, перевернувшего все в нашей жизни. Разрушив многие старые ценности и воздвигнув новые, он и все-то наше существование наполнил каким-то необычным новым смыслом, незнакомым предшественникам.

Точную схему перевода воображаемых атомных часов на привычную шкалу лет и десятилетий я придумал позже, когда внимательно взгляделся в заглавие книги Брайнса.

1895 год. От даты атомного крещения человечества — ровно полвека. Это чуть больше 18 тысяч дней, сколько-то часов и минут. Если уплотнить их, сжать пружиной в один-единственный час *полной готовности* всех полигонных служб...

В таком случае на один реальный год, прожитый нашей цивилизацией в период объявленной готовности, придется 72 секунды, отсчитанных на светящемся циферблате атомных часов. Хотя, почему светящемся? Вероятно, часы и сами по ходу дела претерпят удивительную метаморфозу — от каких-нибудь массивных «Павел Буре» с боем, которые быстро сменит тихо щелкающий хромированный секундомер на цепочке, до первых ламповых электронных индикаторов. Эти-то появятся *за минуту* до взрыва...

Итак, сверим часы.

60 минут до взрыва (проверка). Не будем «мелочиться» с месяцами и установим исходное время: август 1895 года. Как уже говорилось, в этом году произошло едва ли не первое значительное событие, открывшее эру атомной физики. Немецкий физик Рентген обнаружил таинственные икс-лучи, названные позже его именем.

Образно говоря, они сразу же осветили пытливым умам физиков целый новый мир бесконечно малых объектов. Тогда никому в голову не приходило, к каким вели-

ким последствиям это приведет в самом скором времени... Те, кому предстояло броситься на штурм микромира, в 1895 году оказались по возрасту и по силам вполне готовы к предстоящей осаде.

Из будущих творцов атомной физики только сын благонамеренных датчан Боров — Нильс пока никак себя с наукой не связывал, а предавался бесконечным радостям детства. Ему шел десятый год... Пятнадцатилетнему Абраму Иоффе и обогнавшему его на год Альберту Эйнштейну было самое время определиться в жизни. Что же касается двадцатичетырехлетнего англичанина Эрнеста Резерфорда, то его научная карьера была на взлете. Способный молодой ученый, вероятно, без должного почтения поглядывал на «великих старцев» — тридцативосьмилетнего геттинггенского профессора Макса Планка и соотечественника «лорда Кельвина» («Джи-Джи» Томсона), которому тоже не исполнилось сорока.

Так, по крайней мере, все видится сейчас, с наблюдательной площадки, без малого на столетие вознесенной над боевыми порядками готовящейся штурмовать атом физики. Реконструируя историю, легко впасть в известное заблуждение: пытаться приписать ее действующим лицам чувства и побуждения не истинные, в то время действительно ими владевшие, а *вычисленные*, логически «интерполированные» из известных результатов (к которым привели эти чувства и побуждения). Об опасности «копания в истоках» прозорливо предостерегал Марк Блок: «...во многих случаях демон истоков был, возможно, лишь воплощением другого сатанинского врага подлинной истории — мании судить»¹².

И все же мысленный перевод стрелок часов назад, взгляд на прошлое с точки зрения результатов, о которых еще не знают его «участники», тоже своего рода интеллектуальный вызов для каждого, кто не боится не устоять перед «демоническим» искушением. Погрузиться в ту эпоху, представить себе, как жили, о чем думали и как могли *случайно встретиться* — на улице, в кафе, на вокзале... — ничего не зная друг о друге, будущие творцы атомной физики... Не значит ли это — *понять*?

И не тем ли, в сущности, заняты если не историки, то уж во всяком случае все уважающие себя авторы исторической прозы? (Между прочим, встретил я у Блока и другое любопытное признание: «Кто из историков не мечтал, подобно Улиссу, накормить тени кровью, чтобы они заговорили? Но... у нас нет другой машины времени,

чем та, что работает в нашем мозгу на сырье, доставляемом прошлыми поколениями»^{13.})

Я не собираюсь повторять биографии великих физиков — они общеизвестны. Их открытия отпечатались в памяти человечества надежнее, чем в книгах их биографов: названия химических элементов, «именное титулование» универсальных констант, законов, уравнений, формул. Гораздо реже сообщают об их ошибках и заблуждениях — подчас столь же великих, как и личности, их допустившие.

Об одной такой ошибке напоминает биография Эрнеста Резерфорда.

Досье по теме «Атомные часы»:

ЭРНЕСТ РЕЗЕРФОРД

1871—1937

Выдающийся английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома. Родился в Новой Зеландии, окончил Новозеландский университет. Директор Кавендишской лаборатории в Кембридже (с 1919 г.), создатель всемирно известной научной школы. Открытие альфа- и бета-лучей (1899) и объяснение их природы, создание теории радиоактивности (1903, совместно с Ф. Содди), планетарной модели атома (1911). Осуществил первую искусственную ядерную реакцию (1919), предсказал существование нейтрона (1921). Нобелевская премия (1908).

Досье на великого ученого я открыл не для того, чтобы пополнить знание читателя в атомной физике. Разговор идет все-таки об *атомной проблеме* (под этим мы понимаем иное, нежели формулы и эксперименты физиков), а к ней в биографии Резерфорда, на мой взгляд, имеют прямое отношение два эпизода.

Отвлечемся ненадолго от циферблата атомных часов. Для точной установки «нуля отсчета» нам потребуются кое-какие знания из истории более поздней.

Когда Резерфорда на склоне лет спросили, что он думает о возможности использования неисчерпаемых атомных кладовых энергии, он только бросил царственное: «Вздор!» Так и не поверил в близкий практический выход новой физики, основы которой сам заложил. Спустя несколько лет Энрико Ферми весьма непочтительно «по-

правит» своего учителя, осуществив первую управляемую реакцию расщепления урана...

Знаменательнее, впрочем, другое. В те же 30-е годы Резерфорд, по-видимому, *все* знал и понимал! По крайней мере, предчувствовал, куда может завести научное любопытство иных из его учеников, не скованных моральными ограничителями. Иначе трудно объяснить ярость, с какой прославленный хозяин Кавендишской лаборатории указал на дверь способнейшему ученику — венгру-эмигранту Лео Силарду, пришедшему с невинной на первый взгляд заявкой: на цепную реакцию в бериллии! Сама идея оказалась ошибочной — позже в Нью-Йорке Силард достигнет успеха с *другим* материалом, но важна в данном случае реакция Резерфорда. По свидетельству очевидцев, он прокричал что-то вроде: «Я не позволю, чтобы мои сотрудники брали патент на взрыв земного шара».

Значит, в глубине души считал такое возможным?

Я вполне допускаю, что Резерфорд мог не знать строк русского поэта Андрея Белого, написанных в 1919 году:

Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой,
А электронные струи —
Невоплощенной гекатомбой.

Но странным покажется предположение, что великий физик не слышал о произведении своего не менее знаменитого соотечественника и сверстника. Между тем в «Освобожденном мире» писатель Герберт Уэллс описал достаточно, чтобы воспламенить мозг специалиста тревогой. «Он не любил, — сказал об Уэллсе Илья Эренбург, — чтобы действительность шла вразрез с его прогнозами. Он многое успел предугадывать, был дальнзорким: если Андрей Белый говорил в 1919 году об атомной бомбе, это было предчувствие поэта, а когда Уэллс в 1914 году описал применение в будущей войне атомного оружия, это можно назвать научным прогнозом»¹⁴.

Про другого участника неприятного инцидента в Кавендишской лаборатории можно сказать совершенно определенно: Лео Силард роман Уэллса читал. И, как показали дальнейшие события, хорошо усвоил прочитанное...

Досье по материалу «Атомные часы»:

ЛЕО СИЛАРД

1898—1964

Венгерский физик-атомщик, автор трудов по молекулярной биологии. Жил и работал в Германии, Великобритании, США. Обнаружил вторичные нейтроны при делении ядра урана и обосновал возможность цепной ядерной реакции. Участник создания первого ядерного реактора (1942). Определил критическую массу урана-235 (совместно с Э. Ферми). В последние годы жизни активно выступал за запрещение ядерных испытаний.

«Атомные бомбы как оружие были использованы через семь лет после первого эксперимента по расщеплению атома. И в течение всего времени практически никто, за исключением горстки ученых и высших правительственных чинов, не задумывался о практических приложениях атомной физики к военному делу. Впрочем, горячо и заинтересованно спорили об этом, пожалуй, лишь авторы и читатели научной фантастики. Среди них «затесался» один физик — Лео Силард, впоследствии признавший, что открытием в 1934 году возможности цепной реакции всецело обязан «Освобожденному миру» Уэллса»¹⁵.

Профессор Франклин, сообщив об этом в предисловии к собранной им антологии «антиатомной» фантастики — «Отсчет к полуночи» (1984), ссылается на второй том мемуаров Силарда. Действительно, в них венгерский физик довольно пространно излагает историю с озарением, посетившим его после прочтения романа Уэллса. Силард тогда еще встревожился, во что обойдется человечеству этот бесподобный «физический эксперимент» — цепная реакция деления атома, и даже решил было помалкивать до лучшей поры.

Как показали дальнейшие события, коллеги Силарда моральными сомнениями себя изводили, но о том будет сказано позже. Сейчас важнее зафиксировать другое — редкий пример признания ученого, что на научное открытие его натолкнула фантастическая литература (Силард и сам отдал ей дань на склоне лет, о чем тоже еще пойдет речь).

Не пора ли вернуться к фантастике?

Установка часов и их проверка завершены. Включаем время...

60 минут до взрыва (отсчет времени начался). Снова 1895 год. Пора наконец объяснить заинтригованному читателю, чем еще, кроме открытия рентгеновских лучей, так славна эта дата.

О том, был ли это первый год атомной физики, можно спорить. Но неустанными трудами библиографов, исследователей научно-фантастической литературы другое установлено совершенно точно: в этот год родилась *атомная фантастика*.

Так уж случилось — снова совпадение, ничего не попишешь, — что отсчет и в науке, и в литературе начался практически одновременно. Мы не знаем точно, в каком именно месяце вышла книга, которую я сейчас назову, но «для ровного счета» будем считать, что произошло это, как и открытие рентгеновских лучей, в августе.

Появилась на свет *проблема* поначалу в художественной литературе. Атомные часы были включены, когда в Англии вышел роман малоизвестного автора Роберта Кроми. Назывался он «Трубный глас».

Это имя уже мелькнуло раз на страницах книги, которую вы держите в руках. Хотелось бы дать пусть несколько скупых строчек из биографии автора (он это безусловно заслужил), но, увы, досье на него пусто. Я не смог отыскать никаких сведений о писателе; так он и остается в нашей истории просто Робертом Кроми, автором первого романа об атомном оружии. Впрочем, и это немало.

Автору-пионеру вообще редкостно не повезло. Не возбудил читательского ажиотажа вышедшее в том же году произведение другого дебютанта, сразу обратившего на себя внимание, — «Машина времени», как знать, может быть, заинтересовались бы и книгой Кроми. Хотя как сказать... В ту пору у поклонников жанра сложилось свое представление о мере достоверности в научной фантастике, и, с их точки зрения, автор романа «Трубный глас», видимо, все же перегнул палку.

Надо же такое придумать: сверхоружие, взрыв запасов которого способен разнести вдребезги земной шар! И даже сообщить заметный импульс Солнечной системе. Да, конечно, фантастика — но все же...

Подобное предположение и сегодня не более чем беспочвенная фантазия. Но почему оно не вызывает у нас снисходительной улыбки?

36 минут до взрыва (1913 год). Когда Уэллс дописывал заключительные страницы «Освобожденного мира», минутная стрелка атомных часов подбиралась к середине циферблата.

За истекшие *24 минуты* много воды утекло.

Мир физики отпраздновал несколько выдающихся открытий, приблизивших человека к пониманию фундаментальных закономерностей в микромире. В первую же минуту (напомню: она приблизительно равняется десяти месяцам) Анри Беккерель открыл естественную радиоактивность солей урана, и этот до того ничем не примечательный обитатель периодической таблицы сразу оказался в центре внимания. На исходе второй — Томпсон обнаружил электрон, а еще спустя минуту супруги Кюри — радий и полоний. Первую «пятиминутку» достойно завершил Эрнест Резерфорд своим открытием альфа- и бета-распада.

Когда стрелка на циферблате переместилась в следующий пятиминутный сектор, мир вступал в *календарное* XX столетие новой эры. К этому времени успели родиться Лео Силард, Фредерик Жолио-Кюри и Вольфганг Паули. А к исходу первых десяти минут объявленной часовой готовности к ним присоединились, один за другим, Энрико Ферми, Вернер Гайзенберг, Игорь Курчатов, Роберт Оппенгеймер.

Вся команда была в сборе. Можно было начинать штурм основ мира.

Когда время сжато, нагляднее картина стремительно и неудержимого приступа нового поколения на твердыню «старой» физики. До начала первой мировой войны на циферблате атомных часов стрелка успела отсчитать 24 полных деления. К началу войны родились — в один год, 1908-й — Эдвард Теллер и Лев Ландау; зато команда потеряла своего знаменитого ветерана Пьера Кюри... Были уже созданы теория радиоактивности и специальная теория относительности, несколько вариантов планетарной модели атома. И все потрясение основ физики еще не перестало казаться безоблачно-чистым, сугубо мирным академическим делом...

Впрочем, отдельные скептики рано почувствовали, как далеко может завести ничем не сдерживаемое любопытство ученых — в мире, которым управляют отнюдь не они. В *научной фантастике* тоже шли полным ходом приготовления к решительному штурму проблемы, о которой ни ученые, ни тем более политики в ту пору даже не задумывались.

Штурм писателей-фантастов, как мы знаем, увенчался блестящей победой. Чем, как не триумфом воображения, стал роман Уэллса «Освобожденный мир»! Но победа не возникла на пустом месте, ее подготовили сразу несколько менее известных произведений, выпедших в начале века. В них среди прочих «фантазий» наметанный глаз специалиста обязательно выхватит искомое сочетание слов: *атомное оружие*.

На 13-й минуте (шел 1906 год) плодовитый британский фантаст Джордж Гриффит приступил к написанию утопического романа «Властелин труда». Закончил он его в том же году, но издать смог лишь спустя пять лет. Воображение автора добралось до «атомной базуки», стреляющей управляемыми гелиево-радиевыми снарядами, которые дистанционно взрывались при приближении к цели.

А минутой позже хорошо известный у нас в стране американский прозаик Эптон Синклер тоже решает попробовать руку в становящейся модной фантастике. Он пишет пьесу «Тысячелетие», где не только повторяет выдумку Гриффита (теперь это «радиевые ружья»), но и делает несомненный шаг вперед. Изобретенный им новый элемент «радиумит» уничтожает все живое на Земле после того, как безумец ученый разбивает контейнер, содержащий смертоносное вещество. Уже *теплее* — хотя пьеса, быстро переделанная в роман, не увидела света раньше 1924 года...

Совершенно случайно на исходе первой четверти «часа» — это был июльский номер за 1907 год английского журнала «Черный кот», а в нем рассказ некоего Эдгара Бэкона «Сам собой» — промелькнул намек на какие-то *целебные* свойства радиоактивности. Никто, разумеется, в эту выдумку всерьез не поверил. Собственно, и о вредных последствиях облучения в те годы еще понятия не имели!

И наконец, на 20-й минуте зафиксировано произведение действительно любопытное.

В 1912 году сразу двумя романами дебютировал в научной фантастике бывший моряк, бывший коммивояжер, бывший... словом, записной неудачник, скрывший имя под псевдонимом «Норман Бин». Может быть, он и стал сочинять фантастические истории от отчаяния, не найдя себе более подходящего дела, однако выбор оказался для него поистине «звездным часом».

Романы назывались «Под лунами Марса» и «Тар-

зан — повелитель обезьян». А настоящее имя автора, как теперь нетрудно догадаться, — Эдгар Райс Берроуз.

Сам факт появления этого имени в любом историческом очерке о ранней американской фантастической литературе сомнений не вызывает. Но при чем здесь тема атомной войны? Казалось бы, далекие от треволнений века утопические фантазии потому и принесли Берроузу неслыханный успех, что уж очень старательно он отгораживал читателя от реальных тревог, уводил в мир заведомо выдуманный, простой и ясный.

Все так. Но тем более неожиданно упоминание (в первом томе бесконечной марсианской одиссеи) об *атомном оружии!*

Технически открытие Берроуза малоинтересно: по сути, те же «радиевые пули», которые годом раньше ввел в научную фантастику Гриффит. Другое любопытно. Если у такого неутомимого компилятора, как Э. Р. Б. (аббревиатура для американского читателя не нуждается в расшифровке), мы встретили эти приметные знаки наступающего атомного века, значит, в фантастической литературе он воистину наступил. Создатель Тарзана ведь почти ничего *своего* не придумал, только ловко заимствовал прочитанное...

13 минут до взрыва (1934 год). Если продолжать сравнивать мир физики с миром фантастики, то первую четверть часа после выхода в свет романа Уэллса и начала мировой войны *напряженнее* прошли во втором. Реальному миру было как-то не до осмысления и обсуждения атомной проблемы — война, наползавшая угроза фашизма направляли мучительные раздумья совсем в другом направлении.

Усилия физиков, штурмующих микромир, разумеется, не прекращались и в эти смутные два десятилетия, уложившиеся в ровную четверть на циферблате атомных часов. Под руководством Эрнеста Резерфорда была успешно проведена первая искусственная ядерная реакция, а через две минуты он же предсказал существование нейтрона. К исходу указанной четверти часа французские ученые, только что поженившиеся Фредерик Жолио и Ирэн Кюри, обнаружили искусственную радиоактивность. А еще одна представительница этой славной семьи физиков — мать Ирэн, Мария Склодовская-Кюри, умерла от болезни, причиной которой была радиоактивность естественная...

Однако пока общественное мнение во всей этой череде открытий не видело ничего, кроме «физики». Неудивительно, и непосредственно занятые атомной проблемой ученые не вкладывали в эти слова иного смысла, кроме профессионально-технического. Для них проблема пока существовала в решении уравнений, в постановке эксперимента, в интерпретации результатов.

Совсем другое настроение царило в среде писателей-фантастов.

Сразу вслед за «Освобожденным миром» — в 1915 году — вышел роман Артура Трейна, написанный в соавторстве с выдающимся американским ученым и изобретателем Робертом Вудом (с 1930 года он — иностранный почетный член-корреспондент Академии наук СССР). Роман назывался «Человек, потрясший Землю», и название следовало понимать в обоих смыслах — прямом и переносном.

Сюжет произведения, авторы которого открыто ссылаются на Уэллса, заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

«Антигерой» романа, безумный ученый, называющий себя Пакс («мир» по-латыни), решает на свой манер прекратить кровопролитие мировой войны. С помощью открытых им «расщепляющих уран» лучей он демонстрирует потрясенным жителям Земли возможности нового оружия: затапливает Сахару, смещая направление земной оси, и вызывает серию землетрясений во всем мире. Замысел «миротворца» в том, чтобы *наказать* человечество, неспособное жить в мире. Технически он планирует раскачивать ось планеты до тех пор, пока в Северном полушарии температура не упадет ниже критической, достаточной для поддержания жизни... К счастью, есть и положительный герой (вполне в традициях фантастики той поры), который вовремя останавливает мапьяка-миротворца. Война прекратилась, и на Земле воцарилась идиллия (однако отнюдь не умирание вызывает у сегодняшнего читателя подобное «решение» атомной проблемы).

Атомное оружие, способное вызвать необратимые геологические и климатические изменения на Земле... Это первая из тревожных догадок авторов (хотя они вряд ли создавали это в 1915 году). И вторая: искушение диктовать — с помощью монополии на это оружие — свою волю всему остальному миру.

Шел всего только 1915 год, еще половины пути на циферблате не проползла стрелка атомных часов.

Ученый-безумец, достигший успеха в «дезинтеграции атома», встречается и в известном романе Карела Чапека «Кракатит» (1924), переизданном спустя двадцать лет на английском языке с характерным подзаголовком: «Атомная фантазия». Чешский писатель уже ясно и открыто пишет о заговорщиках, одержимых идеей мирового господства и начавших охоту за новым оружием огромной разрушительной силы. В финале романа оно, к счастью, уничтожено, а его создатель забывает все детали, относящиеся к его изготовлению. Надолго ли?

На исходе 39-я минута (1927 год). Впервые, видимо, писатель-фантаст пугает читателя идеей, ставшей впоследствии расхожей, о гипотетической древней цивилизации на Земле, которая в результате забав с «атомными игрушками» исчезла без следа (роман американца Пирпойнта Нойса «Бледнолицый гигант»). В том же году в Советской России выходит утопический роман Вадима Никольского «Через тысячу лет», где мы встретим удивительную реплику о том, как во время неудачного эксперимента «атомы отдали скрытую в них энергию» и «взрыв тысячи девятьсот сорок пятого (курсив мой.— Вл. Г.) года стер с лица Земли пол-Европы»¹⁶.

Оставим в стороне совершенно поразительное совпадение дат. Но и другие примеры — например, роман Владимира Орловского (Грушвицкого) «Бунт атомов», датированный следующим годом, — подтверждают то, во что трудно поверить.

«Ослепительно-жгучий шар, в клубах дыма и пара плывущий в воздушных течениях над землей, сжигающий все живое, — этот образ превосходно передает величественную мощь сил, которые могут быть использованы и на счастье, и на горе людям.

Представления Орловского о ядерной реакции сегодня устарели. Впрочем, относительно. Медленно горящий огненный шар плазмы не очень похож на грибовидное облако атомного взрыва, зато воспринимается как метафорическое изображение будущей, тоже «медленной» управляемой реакции. У Орловского можно найти и ее схему, в грубом, разумеется, приближении: комок плазмы удерживает электромагнитное поле»¹⁷.

Но если бы только научным предвидением ограничился автор романа! Он ведь задумался и о том, как народы мира сообща будут бороться с атомной опасностью.

Итак, писатели-фантасты разглядели ее настолько ясно, что уже бьют в набат, предлагают конкретные пути

устранения угрозы, о которой еще не болит голова у ученых, тем более политических деятелей. Кажется, солидарны с фантастами оказались только священнослужители.

Те тоже почувствовали смутную тревогу — хотя, в общем, им привычную: приближение Судного дня. В проповеди, обращенной к Британской ассоциации пауки, епископ Рипони смиренно спросил аудиторию: «Могу ли я, рискуя подвергнуться линчеванию со стороны некоторых из моих слушателей, предположить, что человеческое счастье вне пределов науки не обязательно уменьшится, если в течение десяти лет все физические и химические лаборатории будут закрыты, а настойчивые и находчивые умы будут переключены на восстановление утраченного искусства жить в мире и на поиски формулы, как сводить концы с концами в масштабах человеческой жизни...»¹⁸ Газета «Таймс», поместившая этот призыв в номере от 5 сентября 1927 года, вероятно, не подозревала, как прозвучат эти слова через десять лет.

В научной фантастике тех лет рядом с первыми «атомными» кандидатами в мировые диктаторы мы встретим и первых же «атомных» пацифистов.

Еще в 1908 году вышел роман американца Холлиса Годфри «Остановивший войну», сейчас позабытый всеми, за исключением разве что добросовестных библиографов. Герой, чем-то смахивающий на капитана Немо, открывает пекий газ, интенсивно выделяющий радиоактивное излучение. Уничтожив один за другим все флоты ведущих держав, ученый-миротворец силой заставляет их разоружиться, после чего кончает жизнь самоубийством, унося тайну загадочного газа в могилу. «Правда, остается неясным, что удержит мир от новой гонки вооружений после того, как и угроза возмездия за это исчезла»¹⁹.

Это была наивная «не — атомная» пацифистская утопия. Вышедший спустя почти четверть века роман английского автора Гарольда Николсона «Общественные лица» может быть назван «самым ранним примером ядерного разоружения посредством демонстрации мускулов»²⁰. Во время вооруженного конфликта (местом на этот раз выбран Ближний Восток) англичане разрабатывают новые «супербомбы» — и межконтинентальные ракеты! — которые призваны осуществить демонстрацию военной мощи воюющим сторонам. Новым оружием уничтожены избранные цели: американский крейсер, корабль, принадлежавший компании «Юнайтед фрут», а также (видимо, «по недосмотру») часть Флориды. Самое интересное, что в ре-

зультате этих действий английский министр производит дворцовый переворот в правительстве и навязывает миру полное разоружение. Автор не скрывает своей оценки этого поступка, называя его *ренегатством*...

Задержим на минуту внимание.

Истекают три четверти часа «объявленной» готовности — и писатели-фантасты весьма живо обсуждают проблемы, которые взволнуют военных, ученых, политиков только в 70—80-е годы. Спустя полвека это будут уже проблемы более чем реальные, они вызовут неутихающую полемику, расколют общественное мнение пополам: осознанное, свободное атомное разоружение — или навязанное силой?.. Пока же все это лишь *фантастика*.

На исходе 42-й минуты в литературу робко вошла и другая тревожная тема, на которой также стоит остановиться.

В сентябрьском номере за 1929 год первого американского специализированного журнала научной фантастики «Эмейзинг сториз» появился рассказ «Красная опасность» некоего «Капитана П. Мика» (очевидно, псевдоним). Формально это такой же военный сценарий, как и те, о которых речь шла раньше, однако по сравнению с многочисленными предшественниками автор добавил ряд эффектных деталей. Русский флот нападает на тихоокеанское побережье США, и даже американские «атомные» аэропланы, вооруженные «радитом» — новым оружием, вызывающим расщепление атома, не в состоянии остановить агрессоров. Только после того как разведка похищает русского ученого, знающего секрет экрана от «радита» (и выдающего его после пыток), русский флот уничтожен, и Америка сохранила независимость.

Именно последнее обстоятельство, а также ряд навязчивых подробностей выводят рассказ «Капитана» за рамки *просто* военных сценариев. Окажись его опус лишь одним из примеров атомной фантастики, не стоило бы задерживать внимание. Но интереснее в данном случае пионерская разработка другой, впоследствии очень мощной, воистину «золотой» жилы — фантастики *антисоветской*.

Об этом говорит не только название и дата (в 1929 году «русский флот» можно понимать только как флот советский). Автор не забывает сообщить, что в конце концов народная революция в России свергнет «кремлевских диктаторов». А операция по удалению тромба в мозгу русского лидера поможет ему избавиться от прежних иррациональных заблуждений в отношении американцев!..

Запомним обязательно и этот «антик» научной фантастики пачала века.

8 минут до взрыва (1938 год). Еще пять минут прошли в неотступной тревоге.

Захват власти в Германии Гитлером и первые военные авантюры фашистов очень быстро продемонстрировали — по, разумеется, тем, кто *умел* видеть, — куда все это заведет в самом скором времени. На исходе пяти минутки мир замер перед пропастью новой войны.

Быть может, ученым-физикам пужен был наглядный исторический пример фашизма, показавшего, к чему приводит варварство в середине XX столетия, чтобы позже их объединила общая ответственность за судьбы мира. Богатое воображение, свойственное людям этой профессии, легко подсказало специалистам-атомщикам кошмарную перспективу: Гитлер, овладевший еще и «абсолютным оружием».

Правда, осознанию этого пужно было «выкристаллизоваться» в мозгах. Пока же ученые всецело отделились азартной гонке «внутрь материи». Кто скорее всех достигнет заповедного атомного ядра, откроет его закономерности и выпустит на волю невообразимую энергию? Зачем и кому она, эта энергия, достанется, вопрос не стоял.

Сейчас нам, конечно, легко оценивать результаты этого увлекательного соревнования любопытных. Мы знаем о событиях более близкой к ним истории, о которых они не подозревали, и вольны бесконечно долго и тщательно взвешивать все плюсы и минусы открытий, совершенных полвека назад. Но любая история — это не только «теоретические закономерности», но и *феномен*. Уникальный, неповторимый и, увы, не подверженный корректировкам из будущего (разве что в научно-фантастической литературе).

Как было — так и было. Нам остается только думать и сопоставлять, находить аналогии с сегодняшним днем и по возможности предостеречь нас, сегодняшних, от повторения ошибок. Впрочем, и история, *участниками* которой мы сами являемся, тоже феномен...

Можно по-разному подходить к оценке наступления атомной эры. Но я не могу отделаться от мысли, что ее прошедшие годы продемонстрировали прежде всего трагическую противоречивость каких бы то ни было поисков абсолюта в военно-политической сфере.

Исследуй физики разных стран просто строение материи, неизвестно, как бы повернулись события дальше. Но ведь не кто иной, как они — крупнейшие, выдающиеся ученые, — подтолкнули политиков в гибельном направлении: создание *абсолютного оружия* против Гитлера (гибельном, потому что сегодня мы знаем точно: война против гитлеровского фашизма была бы выиграна и без атомной бомбы). Удивительно, с какой настойчивостью они еще преодолевали консервативное сопротивление военных и властей предрежащих...

«Мы — атом и я — были дружны до самого последнего времени, — писал Макс Борн много лет спустя, вспоминая о тех годах невинного научного любопытства. — Я видел в нем ключ к глубочайшим тайникам природы, и он открыл мне величие творения и Творца. Он дал мне возможность заниматься интересными исследованиями и преподаванием и обеспечил средствами к жизни. Но теперь он стал источником глубокой печали и опасений как для меня самого, так и для каждого человека» ²¹.

Говоря об относительном безразличии ведущих ученых к социальным последствиям того, что атомный джинн выходит на свободу, несправедливо будет замолчать проскользнувшие искры тревоги. Их было немного. Скорее всего тревога просто органично вплеталась в течение мысли, привыкшей к системности — просто как еще одна возможность.

Невероятная, «безумная» — но отчего бы и ее не рассмотреть разом?

В 1936 году на первых Менделеевских чтениях в Москве едва ли не самым запомнившимся был доклад новоиспеченного нобелевского лауреата Фредерика Жолио-Кюри. Шла (взглянем на циферблат наших атомных часов) 50-я минута с момента объявления часовой готовности, и в *научном* докладе прославленного физика промелькнуло нечто такое, что даже по меркам склонной к безумству ядерной физики отдавало некоторой литературщиной. Сказал же ученый следующее:

«...Мы должны с опасением предвидеть последствия катастрофы космического порядка. Астрономы иногда наблюдают, что звезды средней яркости внезапно разгораются. Такое внезапное возгорание звезды вызывается, может быть, превращениями взрывного характера, которые предвидит наше воображение. И если когда-нибудь исследователь найдет способ их вызывать, то не попытается ли он сделать опыт? Думаю, что он этот опыт осуществит,

так как исследователь пытлив и любит риск неизведанного»²². Такое вот раннее оповещение...

А время шло неумолимо. В 1937 году умер Резерфорд. И эта смерть в точности совпала с переходом стрелки атомных часов в последний десятиминутный сектор.

Сразу после объявления десятиминутной готовности (в 1938 году) произошли два события, резко ускорившие и без того плотно спрессованный график атомной гонки. Из Германии эмигрировал в США последний из «стартовой» команды (официально еще не укомплектованной) — Энрико Ферми, увозя с собой самые свежие впечатления о гитлеровском режиме и его приготовлениях к войне. А оставшиеся в Германии физики Отто Ган и Фриц Штрассман открыли необычный эффект: ядро урана способно делиться при бомбардировке его нейтроном.

Сколько я не читал книг, посвященных описываемым событиям, любой автор — склонный к журналистскому «накручиванию» или бесстрастно придерживавшийся фактов — в этом месте не удерживался от *подчеркиваний*. Сейчас можно со всей определенностью судить, что эффект от сообщения об опытах Гана и Штрассмана произвел впечатление взорвавшейся бомбы. В свете последующих событий метафору можно понимать буквально.

О бомбе задумались физики, эмигрировавшие из рейха и осевшие кто в Англии, кто в Америке. О бомбе, вероятно, задумался и Жолио-Кюри в пока еще не оккупированной Франции. О бомбе задумался и Курчатов... Впрочем, говоря о «задумавшихся», я перескакиваю через год — но ведь это всего минута на атомных часах!

Правда, открытие немецких физиков (его вскоре повторили их соотечественники Лиза Мейтнер и Ганс Фриш) пока не высветило во всем блеске проблему *бомбы* — страшно представить, что на нее обратили бы внимание обычно близорукие в научных вопросах нацистские главари. Однако оно открыло дорогу цепной реакции событий, покотившихся дальше как под горку — и скоро лавину уже было не остановить.

Если мир науки только вступал в период откровений, то авторы научной фантастики и их верные читатели к этому моменту ничему не удивлялись.

«Никто еще не открыл секрета атомной энергии... Но в одном вы можете быть совершенно уверены: *тот, кто его откроет, уже живет среди нас*. Его статьи и результаты экспериментов регулярно появляются в научной периодике; имя его известно»²³.

Примерно такими уверенными словами возбуждал интерес читателей редактор американского журнала научной фантастики, вышедшего в июне 1938 года. Редакционная статья, откуда взята цитата, называлась «Фантастическая литература», журнал — «Эстаундинг сайнс-фикшн», а имя редактора было Джон Кэмпбелл.

Досье по теме «Атомные часы»:

ДЖОН В. КЭМПБЕЛЛ-МЛАДШИЙ

1910—1971

Американский писатель-фантаст и редактор. Окончил Массачусетский технологический институт и университет Дюка (по специальности — физик). Дебютировал в научной фантастике в 1930 г. Возглавил журнал «Эстаундинг сториз» (впоследствии «Эстаундинг сайнс-фикшн», «Аналог») в 1937 г. и был его бессменным редактором до самой смерти. Назван американской критикой «соавтором всех авторов», дал путевку в литературу признанным ныне писателям-фантастам — А. Азимову, Р. Хайнлайну, Т. Старджону, Л. Дель Рею, А. Ван-Вогту, С. де Кэмпфу, Д. Уильямсону, К. Саймаку, Г. Каттнеру и К. Мур.

Фигура Джона Кэмпбелла-младшего — это священная статуя в храме, место поклонения целых поколений американских фантастов.

О нем ходят легенды, и это неудивительно. Кэмпбеллу американская научная фантастика, вероятно, более чем кому-либо, обязана своим расцветом в 40—50-е годы. Прорыв заграждений «литературного гетто», где жанр пребывал как бы в добровольном заключении, совершили его ученики, все те, кто поименован в досье. Но тем значительнее заслуга «папы Кэмпбелла», ведь это он собрал их под одной крышей, обучил и духовно направил.

Кэмпбелл, в частности, заложил тенденцию знакомить своих читателей не только с новинками научной фантастики, но и с последними данными науки, с новостями политики. С его приходом к редакторскому рулю «Эстаундинг» превратился в орган, который мы бы сегодня называли журналом научно-художественным и общественно-политическим.

Лозунг, в скором времени прочно укрепившийся на обложке журнала, прямо под названием «Научный факт — научная фантастика», не просто рекламный прием для завлечения читателей. Это была политика журнала.

«Крестный отец» большинства сегодняшних классиков американской фантастики был фигурой противоречивой. Он мог в своих редакционных статьях (а они успешно конкурировали с печатавшейся рядом фантастической прозой) едко пройти по адресу многих социальных институтов Америки, но в целом за свои политические взгляды был единодушно отнесен к «правым». (И в общем справедливо: в тех же статьях проскальзывали расистские нотки, специфическое чувство презрения ко всему неамериканскому.) Мог со страстью, достойной лучшего применения, пропагандировать очевидную чепуху — так называемую «машину Дина», еще один вариант вечного двигателя. А в другой раз выдвигал поразительные по силе догадки, диктаторски требовал от своих авторов обязательного *просчета* социальных последствий того или иного фантастического изобретения.

Такая была личность. Во всем: в словах и поступках, как вспоминают сегодня его «птенцы», Кэмпбелл был шумным, бескомпромиссным, увлекающимся. И если мы говорим о расцвете атомной темы в американской журнальной фантастике накануне Хиросимы, то это, несомненно, заслуга Кэмпбелла. В его школе получали первые уроки научной грамотности те, кто впоследствии сам станет наставником новых поколений писателей-фантастов.

В 1938 году Кэмпбелл только-только открыл двери своего журнала атомной фантастике. И уже в то время читатель «Эстаундинг» мог, к примеру, познакомиться с миром, пережившим ядерную войну «ценою» человечества: Землю населяют мутировавшие разумные обезьяны и псы. К автору — в то время дебютанту, — Лестеру Дель Рею, я еще вернусь...

6 минут до взрыва (1940 год). Эти последние доатомные минуты окончательно перепутали науку, политику, научную фантастику. Все сплелось в один клубок событий и идей. Две независимые дорожки, одна из которых вела к началу атомной эры фантастику, а другая — атомную физику, сошлись в одну. И теперь этот странный союз «научная фантастика — научный факт» был нерасторжим.

Начало второй мировой войны и разом прекратившая поступать из Германии научная информация об успехах атомных физиков тревожным набатом прозвенели для тех, кто имел голову на плечах. Если до 1939 года мало кто из физиков думал об атомной бомбе, то теперь перспектива ее тайного изготовления в рейхе побуждала думать. И дей-

ствовать, действовать — не по атомным часам, по самым обычным счет мог пойти на дни, часы, минуты!

Оставалось семь минут до взрыва...

Лео Силард обосновал возможность цепной ядерной реакции (деление урана), которая самоподдерживала бы себя; эту мысль независимо подтвердили Ферми и Жолио-Кюри. В марте 1939 года солидный британский научный журнал «Нейчур» опубликовал статью Жолио-Кюри (в соавторстве с Г. Холбаном и Л. Коварским), название которой уже намекало на военное использование новейших данных физики: «Высвобождение нейтронов в ядерном взрыве урана». Если говорить о научной литературе, то «взрыв», кажется, упомянут впервые.

А ровно за месяц до начала войны Силард приехал к Альберту Эйнштейну и без обиняков предложил использовать весь авторитет автора теории относительности, чтобы начать работы по *атомной бомбе*.

Исторический разговор Силарда и Эйнштейна не единожды описан в литературе²⁴, и я напому лишь некоторые его важные детали.

Силард не сомневался, что Европа — на пороге войны. Но больше его тревожило другое: Европа одновременно на пороге величайших открытий в физике, обязанных своим рождением ученому, сидевшему напротив, — Эйнштейну. И еще венгерского физика взволновала странная статья, появившаяся в английском журнале «Дискавери». Номер был сентябрьский, но по традиции был разослан подписчикам до поступления в розничную продажу.

Его открывала статья известного писателя (и одновременно физика по специальности) Чарлза Перси Сноу. Тот писал: «По мнению некоторых ведущих физиков, в течение нескольких месяцев может быть изготовлено для военных целей взрывчатое вещество, в миллион раз более мощное, чем динамит. Уже не секрет, что начиная с весны 1939 года в лабораториях Германии, Франции, Англии, США лихорадочно работают над расщеплением атомного ядра. Задуманное, может быть, и не удастся. Компетентные люди расходятся во взглядах на то, осуществима ли эта идея на практике. Если да, то наука впервые смогла бы разом изменить характер военных действий».

Силард сообщил Эйнштейну, что тревогу разделяют и другие физики-эмигранты; год назад Энрико Ферми безуспешно пытался достучаться до высших чинов министерства обороны США. Были, наконец, и объективные данные в пользу того, что немцы начали работу над бомбой

(резко прекратился экспорт урановой руды из чехословацкого местечка Яхимов сразу же после оккупации страны вермахтом).

Великий физик молча слушал. Убеждать его было не пужно — и свежий номер «Дискавери» лежал прочитанный на письменном столе, и недавние личные воспоминания о нацистском «новом порядке» не позволяли предаваться расслабляющим иллюзиям. Но он слушал экспансивного венгерского коллегу, а думал о другом.

Об ответственности, которую взваливает себе на плечи.

«Я полностью отдавал себе отчет в страшной опасности, которую будет означать для человечества успех этого мероприятия,— признался Эйнштейн много позже.— Однако, поскольку существовала возможность того, что над той же самой проблемой и с надеждой на успех могли работать немцы, я был вынужден сделать этот шаг. Мне не оставалось ничего другого, хотя я всегда был убежденным пацифистом»²⁵.

«Сделать этот шаг» означало ринуться с головой в ненавистную политику, подписать письмо президенту с настоятельной просьбой без промедления приступить к работе над бомбой.

Досье по теме «Атомные часы»:

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

1879—1955

Великий немецкий физик-теоретик, один из основателей современной физики, создатель новой естественнонаучной картины мира. Жил и работал в Швейцарии, впоследствии эмигрировал в США (1933). Создал специальную (1905) и общую (1907—1916) теорию относительности. Автор основополагающих трудов по квантовой теории света: ввел понятие фотона (1905), установил законы фотоэффекта, предсказал индуцированное излучение (1917). Развил статистическую теорию броуновского движения, заложив основы теории флуктуаций, создал квантовую статистику (Бозе — Эйнштейна). Работы по космологии и единой теории поля (1933—1954). Нобелевская премия (1921). Неутомимый борец против фашизма, против применения атомного оружия.

При перечислении научных заслуг Эйнштейна становятся неуместными запятые. Он не тратился на частности, открывал только *фундаментальные* закономерности...

Общественная биография великого физика также поражает разнообразием и проглядывающей во всех ее внешне не связанных эпизодах целеустремленностью.

Отвлечемся на миг от перипетий «атомной гонки» и обратим внимание на некоторые штрихи к портрету общественного деятеля, гуманиста, выдающегося «философа мира».

Еще во время марокканского кризиса 1911 года, спровоцированного германским милитаризмом, молодой физик — *но уже в зените славы* — крайне презрительно высказался в печати по поводу немецкой военщины. А спустя три года, когда, поддавшись шовинистическим настроениям, многие ведущие ученые Германии подписали документ, известный как «Манифест 93-х» (среди них В. Нернст, Ф. Хабер, В. Рентген, Ф. Ленард, Э. Гаккель, В. Освальд, М. Планк — цвет немецкой и мировой науки!), Альберт Эйнштейн снова пошел против волны. Он составил свое собственное «Воззвание к европейцам», в котором призвал ученых использовать свой авторитет для скорейшего прекращения войны.

На протяжении всех 20-х и 30-х годов он в водовороте общественной деятельности: участвует в работе различных «обществ» и «союзов», сам создает объединение борцов за мир, десятками подписывает различные воззвания...

До 1933 года это образец бескомпромиссного пацифиста, для которого естествен отказ вообще оправдывать участие в войне. Но, по свидетельствам его биографов, пацифистское мировоззрение Эйнштейна дало заметную трещину после прихода Гитлера к власти. Когда весной 1933 года бельгийские пацифисты обратились к Эйнштейну с вопросом, что им делать в случае нападения Гитлера на их родину, великий физик «разочаровал» их ответом: «В этом случае каждый, по мере своих сил, должен бороться за свободу своего отечества»²⁶.

Есть еще одно любопытное свидетельство.

В начале 30-х годов он публикует статью-размышление под названием «К вопросу о разоружении». В ней, очевидно, впервые промелькнула мысль, которая позже — пройдет война, упадут атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки — ляжет в основу знаменитого «Манифеста Эйнштейна — Рассела»: «От нас самих зависит, найдем ли мы путь мира или будем продолжать идти по прежнему, недостойному нашей цивилизации пути грубой силы. Наша судьба будет такой, какую мы заслужили»²⁷.

Такова ретроспектива. Вернемся теперь к событиям 1939 года. Эйнштейн подписал письмо Рузвельту. Только 11 октября друг Эйнштейна крупный финансист Александр Сакс передал письмо президенту. Тот вначале не проникся содержанием письма, не убедили его и пояснения Сакса, но потом, видимо, суть схватил и заразился тревогой ученых. Так на историческое письмо Эйнштейна слева, в углу, легла историческая же резолюция президента: «Это требует действия!» Машина завертелась...

Интересно, что в тот же год, в апреле, на приобретавшем знаменитость «физтеховском» семинаре впервые, по-видимому, задумался о возможности *военного* применения цепной реакции еще один непосредственный участник событий, которых недолго осталось ждать. Это был тридцатилетний советский физик Игорь Курчатов...

Досье по теме «Атомные часы»:

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ КУРЧАТОВ

1902/03—1960

Выдающийся советский физик и организатор науки. Академик АН СССР (1943). Обнаружил ядерную изометрию. Открыл спонтанное деление ядер урана (1940). Руководил созданием первого советского циклотрона (1939), первого в Европе ядерного реактора (1946), первой в СССР атомной бомбы (1949), первых в мире термоядерных бомб (1953) и АЭС (1949). Основатель и первый директор Института атомной энергии (1943). Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954), четырежды лауреат Государственной премии (1942, 1949, 1951, 1954), первый лауреат Ленинской премии (1957). Член Советского комитета защиты мира.

За две недели до этого семинара произошло событие: физики-антифашисты, эмигрировавшие в Америку, обратились к своим французским коллегам с призывом прекратить публикации по делению урана. Известно, что немецкий ученый Виктор Вайскопф послал в Париж телеграмму Жолио из ста слов, убеждая знаменитого физика прекратить исследования, так как Гитлер может употребить их открытия во зло.

Знал о телеграмме и Курчатов. Было от чего задуматься! Драма еще в будущем — почти каждый из творцов атомной физики в той или иной мере ощутит ее после

Хиросимы,— но сомнения возникли. И судя по свидетельствам очевидцев, застряли в сознании Курчатова надолго...

Вот что пишет в своей книге «Творцы» (1979) советский писатель Сергей Александрович Снегов, которому довелось принимать участие в создании советской атомной бомбы:

«— Что-то мы недооцениваем или чего-то не знаем,— задумчиво сказал Курчатов.— Главная предпосылка цепи — появление вторичных нейтронов — обнаружена. Но в экспериментах Флерова и Русинова нет даже намек на цепь... Почему? Очередная загадка! И еще одно — взрывная реакция может быть использована в военных целях.

Возражения не развеяли тревоги. Жюлио четыре года назад говорил, что взрывные превращения ядер могут уничтожить всю планету, если охватят большое количество элементов. Тогда это казалось фантастикой. А если это пророчество? Фашизм ведет мир к истребительной войне. Деление урана открыто в Берлине, не надо об этом забывать. Из Германии масса талантливых физиков бежала, но и многие остались. Кто даст гарантию, что все они сейчас не нацелены на создание ядерной взрывчатки?

...Курчатов всегда засыпал, чуть голова касалась подушки. В эту ночь он долго не мог уснуть. Тревожная беседа породила тревожные мысли и видения. Это не был кошмарный сон, это была бессонница, расцветенная кошмарами» ²⁸.

Уже в 50-е годы в одном из выступлений он скажет: «Нестерпима мысль, что может начаться атомная и водородная война...» ²⁹

Курчатов-то засомневался, а отечественная печать в 30-е годы всю успокаивала читателя оптимистическими сценариями будущей войны — даже с использованием новейшего оружия. Причем порой совершенно *фантастического*... Сегодня для нас это не новость, но все же приведу еще два примера. Они взяты из журнала «Вокруг света» за 1933 год и дают, на мой взгляд, достаточное представление об общей атмосфере тех лет.

«В прошлом году,— сообщает журнал,— американец Барлоу объявил, что он изобрел «лучи смерти». Так называются лучи, которые могут на расстоянии останавливать машины, взрывать пороховые погреба, зажигать здания, убивать людей. Впрочем, о них еще мало известно. Но зато известно точно заявление Барлоу. Барлоу сказал, что он не хочет, чтобы его изобретение послужило убий-

ству людей. Он отдаст свои «лучи смерти» только той стране, которая действительно хочет мира. «Если начнется война,— сказал Барлоу,— я отдам мое изобретение СССР»³⁰.

Как в таких случаях пишется: «Журнал печатает и фантастику!..» Впрочем, наряду с подобными умилительными сказками в журнале публиковались и *научно-популярные статьи*, в которых авторы разъясняли читателю, что «на изобретение новых, более сильных взрывчатых веществ, по мнению химиков, рассчитывать нельзя. Но если бы даже открыли такие вещества, вряд ли пушки выдержали бы давление при взрыве»³¹.

Полезно иногда вспоминать, о чем писали газеты и журналы. Когда мы говорим о принятии общественным сознанием той или иной научной концепции, пусть на память придут не только легендарные «физтеховские» семинары, но и подобные публикации в научно-популярных изданиях.

И еще один малоизвестный эпизод из истории отечественной физики.

В конце 1939 года ее общепризнанный «патриарх» Абрам Федорович Иоффе написал обзорную статью для «Вестника Академии наук». Очень интересной фразой начинается в статье академика раздел «Атомное ядро»: «Этот передовой участок современной физики наиболее удален еще от практики сегодняшнего дня». А завершилась рукопись фразой, свидетельствующей о совсем иных мыслях прославленного физика: «В феврале 1939 года в неожиданной форме возродилась проблема использования внутриядерной энергии, до сих пор не преступавшая рамок фантастических романов»³².

Это редкое упоминание научной фантастики в солидной академической статье не случайно. Время само превратилось в сюжет научно-фантастического романа, и читатели этого захватывающего произведения готовы были к любым сюрпризам.

Когда стрелки атомных часов подошли к границе последнего пятиминутного сектора, в американской прессе появились приметные статьи. Это были, видимо, последние ласточки *предвидений* на тему атомной бомбы.

Броские заголовки: «Наука обнаружила источник атомной энергии, не сравнимой ни с чем, доселе известным», «Потрясающая взрывчатая сила» — открыли номер газеты «Нью-Йорк таймс» от 5 мая 1940 года. В статье научного обозревателя Уильяма Лоуренса расписывалась

мощь гипотетической «урановой бомбы», причем автор особенно упирал на то, что и «Германия стремится к этому»³³. Чтобы читатель не поддавался панике, журналист уверенно предсказывал скорое появление подобной бомбы на вооружении великих держав.

В другой статье в газете «Сатердей ивнинг пост» от 7 сентября он же писал об атомной бомбе как о чем-то само собой разумеющемся. (Забегая вперед, скажу, что энтузиазм журналиста был очень скоро вознагражден по достоинству: он единственный из представителей его профессии был допущен на аэродром, где в бомбовый люк бомбардировщика Б-29 грузили странную, необычного вида бомбу, которую все ласково именовали «Малышом»...)

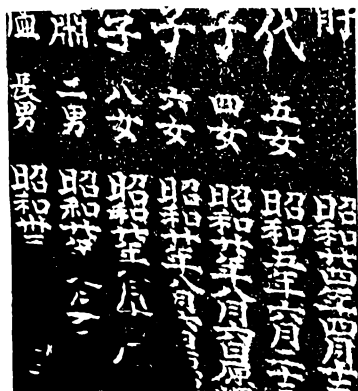
«В каком-то смысле,— пишет Пол Брайнс,— «Манхэттенский проект» захлопнул двери конюшни уже после того, как украли лошадь. Об этом прямо сказано в редакционной статье «Сатердей ивнинг пост» от 8 сентября 1945 года: оказывается, военное министерство всячески пыталось воспрепятствовать распространению того злополучного номера газеты 1940 года, включая «нажим» на публичные библиотеки с требованием не выдавать его на руки. Основные принципы расщепления атома и возможность создания урановой бомбы были общеизвестны, и цензура военного времени могла скрыть очень немногое из той информации, которая была доступна шпионам. Однако *популярные* статьи на эту тему отсутствовали, и, кажется, поглощенная злоключениями второй мировой войны публика успела забыть эти сенсационные предвоенные сообщения ученых.

Только на страницах научной фантастики не переставали бушевать страсти вокруг атомной бомбы»³⁴.

Истекла 55-я минута, и стрелке на циферблате оставалось пройти последние пять делений.

И тут все настолько переплелось и закрутилось в водовороте событий — фантастика, реальность,— что обстоятельный разбор событий потребует включения на наших часах еще одной шкалы. Секундной...

Глава 5

СЕКУНДЫ И ГОДЫ ХИРОСИМЫ

Когда объявили пятиминутную готовность, по календарю шел 1941 год.

Он был особенным. Не в истории «атомной проблемы» (начиная с конца 30-х годов каждый год был для нее особенным), а в истории нашей страны, в истории второй мировой войны. А значит, и во всемирной истории. Когда на жарком изломе его гитлеровские армии напали на Советский Союз, фашизм подписал себе смертный приговор, хотя исполнения его пришлось ждать четыре бесконечно длинных года и заплатить десятками миллионов жизней.

Приговор народы вынесли и веками культивировавшейся политике агрессии, наглого разбоя. Размышляя над ценой, которую пришлось заплатить во вторую мировую войну за эту, с тех пор уже очевидно *немыслимую* политику, люди приходили к первым зачаткам того, что спустя почти полвека назовут новым политическим мышлением.

Впрочем, и в истории создания атомной бомбы 1941 год оказался временем этапным.

Случилось так, что решение американцев приступить к работам по созданию атомного оружия было принято в день начала контрнаступления советских войск под Москвой — 6 декабря. Письмо Эйнштейна подтолкнуло высшие эшелоны власти к мысли о необходимости развернуть небывалые по тем временам практические работы.

Через сутки (это по календарю, а с учетом разницы во времени — почти в тот же день!) японцы напали на крупнейшую американскую военно-морскую базу на Тихом океане — Пёрл-Харбор. Был уничтожен почти весь

флот, стоявший на рейде, и Соединенным Штатам не оставалось ничего иного, как официально вступить в войну.

Впоследствии не раз утверждалось, что решение создать атомную бомбу если и не было прямым актом мести за это крупнейшее военное поражение США, то, во всяком случае, продиктовано этим чувством. Мы еще поговорим об этом, но обратите внимание на даты! В тот день, когда атомная бомба официально была «прописана» в планах американского военного ведомства, ни о каком нападении японцев там, очевидно, не подозревали. Бомбу собирались делать с более далеким расчетом — не думаю, чтобы многие в ту пору помышляли о нем.

Некоторые причастные к этой истории люди, впрочем, *догадывались* и даже хладнокровно высчитывали эти грядущие, пока еще гипотетические цели. «Наша стратегия в области охраны тайны,— делился своими воспоминаниями в книге «Теперь об этом можно рассказывать», шеф проекта генерал Лесли Гровс,— очень скоро определилась. Она сводилась к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полностью неожиданным для противника; и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов»³⁵.

Такая вот трогательная, ничего не скажешь, забота о союзниках...

Но от кого, несмотря на все усилия Гровса и его аппарата, так и не удалось уберечь секреты, так это от писателей-фантастов. Те, правда, и не подозревали, что в своих произведениях выдают *действительные* военные секреты — мы уже знаем, что в научной фантастике перспективы атомного оружия обсуждались давно и ничего таинственного не содержали.

«В следующем месяце Энсон Макдональд представит на ваш суд свой новый рассказ «Неудовлетворительное решение»,— сообщал читателям Джон Кэмпбелл в редакционной статье (апрельский номер «Эстаундинг» за 1941 год).— Это рассказ о новом несокрушимом оружии. Автор полагает, что оно скоро появится на вооружении, и даже убежден, что это случится в ближайшие три года. Лично я более всего опасаюсь, как бы он не оказался абсолютно точным в своем прогнозе»³⁶.

Кажется, где-то нам уже встречалось это название... Совершенно верно, но автором почему-то был назван Хайн-

лайн! Дело в том, что «Энсон Макдональд» — это один из ранних псевдонимов Роберта Хайнлайна. Мы еще остановимся подробнее на этой фигуре, а вот о «Неудовлетворительном решении» пришел черед сказать сейчас.

Напомню: на атомную *бомбу* в рассказе нет и намёка, хотя, по сути, произведение посвящено как раз атомному оружию: фантазия автора остановилась на управляемом облаке радиоактивной пыли, которое американцы посылают на Германию. Среди прочих пионерских предвидений начинающего фантаста бросается в глаза и такое. Он убежден, что сохранить монополию на использование нового оружия вряд ли удастся, и новое оружие предполагает и введение нового мирового порядка.

Мысль здравая, но каким видит американский писатель этот «новый порядок»?

То, что предлагал Хайнлайн, значительно позже, в первые годы атомной эры, получит название «плана Баруха». Иными словами, это диктат с помощью ядерной монополии, принудительное разоружение других стран, лишенных «атомных» аргументов в споре с Соединенными Штатами. В рассказе американский президент распространяет обращение к нациям, в котором, в частности, говорится: «Соединенные Штаты сейчас в состоянии победить любую державу, или группу стран, в один миг. Поэтому мы объявляем войну вне закона и требуем немедленного разоружения»³⁷.

Словно окрик из какого-нибудь вестерна: «Парни, опустите оружие, вы у нас на мушке!» Как видно, рецепт установления «мира без оружия», впервые описанный в произведениях Ньюкома или Трэйна — Вуда, не был забыт.

Есть в рассказе Хайнлайна еще одна приметная деталь. К несчастью — для Америки, разумеется, — в некоем государстве, весьма прозрачно зашифрованном как «Европейский Союз», ученые тоже нашли секрет нового оружия. Конец вспыхнувшей тотчас же Четырехдневной войны кладет некий решительный полковник, еще один счастливый обладатель «атомной тайны» — с ее помощью он устанавливает наконец прочный мир. Ценой железной диктатуры... Это и есть абсолютно неудовлетворительное «решение» по Хайнлайну.

Чего только не нафантазировали писатели-фантасты в 1941 году!

2 минуты до взрыва (1943 год). К этому моменту наука выходит на финишную прямую в решении атомной проблемы. Окончательно распределились и места на финише трех, пожалуй, главных участников гонки — Энрико Ферми, Роберта Оппенгеймера и Эдварда Теллера.

«Оба они, Оппенгеймер и Теллер,— вспоминал Макс Борн,— а также Ферми и другие участники этой работы, включая нескольких русских физиков, были когда-то моими сотрудниками по Геттингену задолго до этих событий, еще в те времена, когда существовала чистая наука... Приятно сознавать, что у тебя были такие одаренные и деятельные ученики, но мне бы хотелось, чтобы они проявили меньше одаренности и больше мудрости. Я чувствую, что заслуживаю порицания, если все, чему они у меня научились,— это лишь методы исследования. Теперь их одаренность повергла мир в отчаянное положение»³⁸.

Положение стало действительно отчаянным после того, как в начале 1942 года под руководством Ферми в Чикаго был запущен первый ядерный реактор. Путь к созданию бомбы был открыт...

Досье по теме «Атомные часы»:

ЭНРИКО ФЕРМИ

1901—1954

Выдающийся итальянский физик, один из создателей ядерной и нейтронной физики. В 1938 г. эмигрировал в США. Разработал квантовую статистику Ферми-Дирака (1925), теорию бета-распада (1934). Открыл искусственную радиоактивность, вызванную нейтронами, замедление нейтронов в веществе (1934). Построил первый ядерный реактор и первым осуществил в нем цепную ядерную реакцию (1942). Нобелевская премия (1938).

Первая цепная реакция деления атома была блестяще проведена Ферми на исходе 1942 года — 2 декабря.

И как бы параллельно с нею пошла другая реакция, не закончившаяся по сей день. Реакция пробуждения совести, гражданской ответственности у ученых, непосредственно занятых в «Манхэттенском проекте» (получившем, кстати, свое название в августе того же года).

«Я употребил слово «ответственность», а не «вина», — пишет Борн.— Ибо кто может осмелиться судить людей, которые, неся бремя войны, честно отдавали свои силы и

знания. В качестве оправдания этого решения обычно выдвигается тот довод, что оно ускорило окончание войны и спасло жизнь сотням тысяч солдат, не только американских, но и японских. Мы избегаем упоминать сотни тысяч японских мирных граждан — мужчин, женщин и детей, которые принесены в жертву. Или если о них упоминают, то говорят, что их уничтожение существенно не отличается от того, что происходило при обычных воздушных нападениях. И действительно, этого нельзя отрицать. Но можно ли оправдать большое преступление утверждением, что мы привыкли совершать множество мелких преступлений»³⁹.

И снова — отставим на время в сторону хронику, чтобы внимательнее присмотреться к участникам «атомной гонки».

Об этой драме — людей и идей — написаны десятки книг, пьесы, стихи. Почти полвека идут споры. То разгораясь, то затухая, они продолжают по сей день. Причем самое простое и заведомо бесперспективное дело в этом споре — развести физиков по углам ринга, охарактеризовать их гражданскую позицию либо как во всем «положительную», либо как сугубо «отрицательную».

Если бы все было так просто... Взять, к примеру, Ферми. Один из тех, кому американцы обязаны своевременным началом работ по атомной бомбе, человек, подтолкнувший Эйнштейна на поистине гражданский, ответственный шаг, — и тот же Ферми после первого ядерного взрыва произнес историческую фразу: «А по-моему, это только прекрасная физика!»

Позже драматический конфликт возникает в душах двух, вероятно, главных «крестных отцов» бомбы: атомной — Роберта Оппенгеймера и водородной — Эдварда Теллера.

Досье по теме «Атомные часы»:

РОБЕРТ ОППЕНГЕЙМЕР

1904—1967

Американский физик. Труды по квантовой механике, физике атомного ядра и космических лучей, разделению изотопов, астрофизике. Руководил созданием первой атомной бомбы (1942—1945). Председатель генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии США (1946—1952), директор Института фундаментальных исследований в

Принстоне (1947—1966). Выступал против водородной бомбы и был обвинен в «нелояльности», после чего отстранен от секретных работ (1953).

Досье по теме «Атомные часы»:

ЭДВАРД ТЕЛЛЕР

Род. в 1908 г.

Американский физик. Родился в Венгрии, учился и работал в Германии, Дании, Великобритании; с 1935 г. гражданин США. Труды по ядерной физике, термоядерным реакциям, астрофизике. Участник работ по созданию атомной бомбы, после отстранения Р. Оппенгеймера возглавил работу по созданию водородной бомбы, на всех этапах ратовал за «практическое применение» нового оружия. Директор Ливерморской лаборатории им. Лоренса, где в 80-е годы возглавил работы по созданию рентгеновского лазера (программа СОИ). Профессор Калифорнийского университета. Один из энергичных противников разрядки. Член американского «Общества физиков-ядерщиков», нескольких иностранных академий, Бюро научных советников ВВС США. Автор книг «Наше ядерное будущее» (с Э. Лэттером, 1958), «Наследие Хиросимы» (с Э. Брауном, 1962), «Покорившийся революционер» (1964).

В 1943 году Оппенгеймер был назначен руководителем «Манхэттенского проекта». В характеристике, секретно составленной службой безопасности, в частности, говорилось: «Можно полагать, что как ученый Оппенгеймер глубоко заинтересован в приобретении мировой известности и в том, чтобы занять свое место в истории после осуществления проекта. Представляется также вероятным, что Пентагон может позволить ему осуществить это, но что он может и перечеркнуть ему имя, репутацию и карьеру, если найдет это нужным. Если дать Оппенгеймеру достаточно ясно осознать такую перспективу, это заставит его по-новому взглянуть на свое отношение к Пентагону»⁴⁰.

В секретных характеристиках спецслужбы только одного, по-видимому, не сообщают: есть ли у человека *гражданская совесть*. Роберт Оппенгеймер ею, несомненно, обладал, но, судя по биографическим книгам о нем, проснулась она поздно. Хорошо, что все-таки проснулась.

У сотрудника Оппенгеймера Теллера «ничего такого» не случилось и за последние четыре с лишком десятка лет.

Эдвард Теллер — фигура в научном мире одиозная. К образу «типичного» ученого читатель привык: крупный специалист в своей области, но по-детски наивный в политике, обычно идеалист и пацифист. Но это все не о Теллере. Достигнув весьма преклонного возраста, он последние полвека был последовательным и принципиальным реакционером-антикоммунистом. Не скрывал — даже не думал — своих откровенно человеконенавистнических взглядов, а в 50-е годы даже свидетельствовал против своего коллеги Оппенгеймера, когда того заслушивали в Комитете по расследованию антиамериканской деятельности. Впрочем, в то время побудительным мотивом Теллера скорее всего была зависть и жажда сделать карьеру на водородной бомбе...

Писатели, исследовавшие «драму физиков», занятых в «Манхэттенском проекте», чаще обращали внимание на фигуру Оппенгеймера. Нас всегда подсознательно более тянет к жертве, образы во всем удачливых баловней судьбы не в пример скучнее... А мне вот гораздо интереснее Теллер. Как по-прежнему интригующе непостижимы для меня Гамсун и д'Аннунцио — незаурядные личности, ставшие прислужниками «идеологии толпы», фашизма. Тут уж не просто конфликт гения и злодейства, но что-то более сложное, глубинное, таящееся в нас самих, в чем мы сами стыдимся себе признаться.

Одно дело — оставаться демоническим злодеем-одиночкой, презирающим обывательский здравый смысл и ханжескую мораль буржуа. И совсем другое — вместе с организованными бандами обывателей-чернорубашечников принимать участие в физическом уничтожении интеллигентов, творцов и носителей культуры...

Эдвард Теллер не «интеллектуальный недоумок» вроде воннегутовского героя профессора Хоникера. Он образован, не чужд искусствам, много читает. Работы по созданию рентгеновского лазера для будущих «звездных войн» закодированы как «Проект «Экскалибур» — романтично! Хотя, конечно, название волшебного меча из рыцарского цикла о короле Артуре руководством Ливерморской лаборатории выбрано не для того, чтобы привлечь внимание благородных рыцарей, отправляющихся на поиски чаши святого Грааля...

Он и научную фантастику читал! Хотя бросил. «Не то

чтобы мои вкусы изменились,— пишет Теллер в «Наследии Хиросимы»,— просто изменилась сама фантастика. Отражая общую установку читателей, она вместо прежнего: «Как прекрасно!» — теперь восклицает: «Как ужасно!» ⁴¹

Эдакий оптимист рода человеческого... Но как же сочетается занятие интеллектуальной деятельностью, культура мысли, здравый смысл, наконец, с такими вот поистине пещерными сентенциями: «Оледенение загнало людей в пещеры, а радиация в них сильнее, чем па открытом воздухе. В результате этого человеческая раса развивалась быстрее, и человек стал человеком, вероятно, как раз в результате воздействия этой повышенной радиации. Теперь мы покинули пещеры, и наше развитие прекратилось. Мы станем вследствие этого все более тучными и тупыми» ⁴².

Но вернемся в начало августа 1942 года. Чем же памятным пометил для себя тогда еще молодой и честолобивый эмигрант-физик Теллер эти *две последние минуты* перед взрывом? Тем, что впервые, оказывается, задумался о водородной бомбе — ровно за три года до реального взрыва первой атомной.

Между прочим, в книге «Наследие Хиросимы» (название в сочетании с фамилией автора на переплете, согласитесь, отдает кощунством) Теллер поместил короткий научно-фантастический сценарий собственного сочинения. Фактически литературную иллюстрацию к любимому тезису Теллера: «ограниченную» ядерную войну можно успешно вести и выиграть. Конфликт между СССР и США по поводу применения обеими сторонами ракет класса «воздух — воздух» приводит к обмену ядерными ударами; Америка конечно же побеждает... Но я снова забегаю мыслью вперед.

А чем были заняты мысли писателей-фантастов за две минуты до вступления человечества в атомную эру?

Заняты, в частности, ею — атомной эрой.

Под руководством Кэмпбелла журнал «Эстаундинг» дал атомной теме статус едва ли не магистрального направления редакционной политики. Многие начинающие авторы, только попробовав перо в научной фантастике, сразу же с головой погружались в мир таких терминов — в то время еще звучащих фантастически,— как «цепная реакция», «уран-235», «вторичные нейтроны».

Среди таких ранних атомных волонтеров был молодой писатель со звучным именем Лестер Дель Рей.

Досье по теме «Атомные часы»:

ЛЕСТЕР ДЕЛЬ РЕЙ

Род. в 1908 г.

Американский писатель-фантаст. Систематического образования не получил. Дебютировал в научной фантастике в 1938 г. Автор романов «Нервы» (1942), «Двенадцатая заповедь» (1962) и др. В последние годы — издатель.

Я мог бы увеличить досье ровно вдвое, выписав полное имя писателя: Рамон Феличе Сан-Хуан Марио Сильвио Энрико Смит Ниткур Брэйс Сьерра-и-Альварец-Дель Рей-и-де лос Уэрдес. Обладатель столь пышного имени смог достойно «поддержать» его полувековым литературным трудом; написал и издал Лестер Дель Рей немало... По крайней мере, в атомной фантастике Дель Рей «образца 40-х годов» был признанным мэтром.

Напомню, что еще в апреле 1938 года на страницах журнала «Эстаундинг» появился его рассказ «Верный» — о мире, пережившем ядерную войну и населенном мутантами — разумными обезьянами и собаками. А в сентябре 1942 года вышел роман Дель Рея «Нервы», на долгие годы превратившийся в образец литературы такого рода. Темы атомного оружия автор в романе не затрагивал, но описал событие, тоже до боли знакомое нам, жителям конца 80-х годов: аварию на *атомной электростанции*...

Месяцем позже в другом рассказе — «Высадка на Луну» Дель Рей описывает (неожиданно) марсиан, у которых мировая война прошла без применения атомного оружия. Его просто побоялись построить.

И наконец, в майском номере «Эстаундинг» за следующий, 1943 год подписанный псевдонимом «Джон Альварец» вышел еще один рассказ молодого писателя — «Пятая поправка». Тут уж все названо своим именем: атомная бомба (причем, согласно нынешним нашим знаниям, скорее нейтронная, ибо убивает радиацией, а не тепловым излучением и не взрывной волной)! И даже изотоп урана под правильным номером — 235 указан мимоходом.

Насколько же уверенно разрабатывали *свою* тему «птенцы Кэмпбелла»!

1 минута до взрыва (1944 год). Если точно следовать минутной стрелке атомных часов, то одноминутная — правильнее называть ее уже *шестидесятисекундной* — го-

товность была объявлена в октябре 1944 года. А до этого, за девять месяцев, произошло много всего.

Начало и середину года руководителям Англии и США неприятности доставлял в основном знаменитый физик, бежавший 30 сентября 1943 года из Дании,— Нильс Бор...

Досье по теме «Атомные часы»:

НИЛЬС ХЕНРИК ДАВИД БОР

1885—1962

Великий датский физик, один из создателей современной физики. Основатель (1920) и руководитель Института теоретической физики в Копенгагене, одного из крупнейших научных центров в мире. В 1943—1945 гг. работал в США. Создал теорию атома. Труды по теории металлов, теории атомного ядра и ядерным реакциям, философии естествознания. Активный участник борьбы против атомной угрозы. Нобелевская премия (1922).

В мае датский физик добивается приема у Черчилля и пытается поделиться с британским премьером своей растущей тревогой по поводу создающегося (Нильс Бор не сомневается в этом) атомного оружия. Тревожит Бора не возможность создания атомной бомбы в Германии, а возможность ее применения союзниками.

Может быть, это было первое обращение выдающихся ученых к правительствам по поводу атомной угрозы. Первый ясно выраженный пример нового мышления.

И первое унижение, которое пришлось испытать науке после этого пионерского контакта с властями предрежащими: Черчилль с видимым раздражением посоветовал ученым не лезть в политику, а в секретном меморандуме Рузвельту поставил вопрос о «лояльности» Бора...

Нильс Бор все же не отступил и 7 сентября написал американскому президенту письмо, где с поразительной точностью сформулировал свою тревогу всего в нескольких компактных фразах: «Перспектива высвобождения огромного количества энергии за счет расщепления атома бесспорно окажет глубокое влияние на будущее человечества. Но надежды, порожденные данным открытием, могут быть омрачены самыми зловещими угрозами для безопасности народов, если в надлежащее время не будет

выработано международное соглашение об эффективном контроле над новым ужасным оружием»⁴³.

Спустя двенадцать дней состоялась острая встреча Черчилля с Рузвельтом; речь на ней шла, в частности, о Боре. Мнение руководителей двух ведущих капиталистических держав было единодушным: эти ученые, когда ударяются в политику, становятся невыносимыми. Делали бы свое дело — бомбу, а как распорядиться ею, решат люди более компетентные в военных и политических вопросах.

Рузвельт на этой встрече был более осведомлен о деталях, чем британский премьер, которого к тому времени американские союзники вежливо, но решительно от «атомного проекта» отстранили. Летом 1944 года, как явствует из мемуаров генерала Гровса, военный руководитель «Манхэттенского проекта» уже конкретно подумывал над возможным военным применением еще не созданного атомного оружия. По крайней мере операция «Серебряное блюдо» под начальством Гровса была утверждена, и в соответствии с нею была создана специальная авиачасть — 509-й сводный авиаполк под командованием тридцатилетнего полковника Пола Тиббетса.

Этим же летом, 6 июня, войска союзников под командованием генерала Дуайта Эйзенхауэра начали осуществление другой, куда более знаменитой военной операции — «Оверлорд», высадившись в Северной Франции и открыв таким образом второй фронт в Европе. Но мало кто представляет себе, что в «Манхэттенский проект» было вовлечено людей больше, чем их значилось в рядах экспедиционного корпуса Эйзенхауэра!

Атомной бомбой военно-политическая верхушка США к тому времени уже успела «загореться». И в данном случае надо отдать должное проницательности американских военных и политиков: перспективы предстоящей операции рисовались их воображению, вероятно, куда красочнее, чем даже близкая победа над фашистской Германией...

Одно ясно: Нильс Бор явился со своими опасениями весьма некстати. И руководство «Манхэттенского проекта» имело все основания опасаться утечки информации.

На фоне этого резкого повышения бдительности и произошла, вероятно, самая удивительная из всех удивительных историй, какие только испытала на своем веку атомная фантастика.

Об эпизоде с американским фантастом Кливом Карт-

миллом можно прочесть и в отечественной литературе — правда, иногда с перевранными деталями, а то и с измененной фамилией героя этой истории. Постараюсь восстановить ее в точности, такой, как она произошла весной 1944 года.

Итак, в мартовском номере кэмпбелловского журнала появился рассказ «Линия смерти» не очень известного автора Клива Картмилла (название можно перевести двояко: *dead line* по-английски значит также и «крайний срок»). Автор, может быть, и заслуживал нескольких строчек в досье по теме «Атомные часы», но уж больно неприметно сложилась его судьба в научной фантастике. О нем, собственно, и помнят только по этому рассказу.

Точнее, по *последствиям* его публикации.

О чем там шла речь? Произведение, кстати, никакими особенными литературными достоинствами не блистало, «типичный любительский фантастический боевик»⁴⁴, да и по меркам тогдашней научной фантастики сюжет вряд ли был чем-то из ряда вон выходящим.

На далекой планете, где идет разрушительная война между государствами Сикса и Сейлла (если написать название латинскими буквами, то это будет просто «Ось» и «Союзники», переписанные сзади наперед!), объявляется некий ученый безумец «Д-р Ситрук» (Куртис). Он изготовил *атомную бомбу*, основанную на чудовищном выделении энергии в результате цепной реакции деления ядра. И если бы не агент другой державы, тайно проникший в лабораторию и похитивший, а затем уничтоживший взрывное устройство, не миновать бы тому инопланетному миру... чего? Своей Хиросимы?

А теперь я приведу длинную, скучную и местами путаную — с точки зрения сегодняшнего школьника старших классов — цитату:

«Кусочек изотопа урана-235 может вызвать резкое повышение температуры находящегося рядом с ним вещества до точки, скажем, воспламенения. Очевидно, это будет связано с большим выделением энергии. Итак, если взять щепотку урана-235, это приведет ко взрыву всего окружающего вещества. Температура его резко повышается, а затем следует столь же резкое охлаждение: в течение примерно одной стомиллионной секунды, пока температура не опустится до 1 миллиона градусов, и еще минута или около того — пока излучение не станет видимым. По интенсивности оно теперь не больше одной сотысячной того, что было в «невидимом» состоянии, но все

равно глаз ослепит вспышка в сотни раз ярче солнца... Однако такой взрыв воздействует на все живое главным образом теплом и ударной волной. Физическое давление света, разогретого до миллиона градусов, чудовищно; оно сметет многоэтажные здания как титанический шторм — те из них, что не успеют испариться без следа...»⁴⁵

Вот эти-то пассажи и вызвали реакцию, которую не могли предвидеть ни автор рассказа, ни редактор.

Через несколько дней после того, как журнал разошелся подписчикам и появился в книжных киосках, в редакцию нагрянули агенты ФБР. Кэмпбеллу был учинен допрос по всей форме: службу безопасности интересовало, как была допущена утечка *сверхсекретных* сведений по «Манхэттенскому проекту». Собственно, такого названия ни агенты, ни Кэмпбелл, понятное дело, не знали, но агентов «накрутили» сверху, что все технические подробности, относящиеся к цепной реакции деления урана-235, ни в коем случае не подлежат огласке.

Вообще, сегодня, когда эта история покрылась музейной пылью, можно представить себе ужас какого-нибудь высокопоставленного чиновника той поры, посвященного в детали «Манхэттенского проекта», которому на стол попала такая вот «фантастика». У него, вероятно, не было ни малейшего сомнения насчет утечки, хотя бы и организованной в столь необычной форме.

Ну а что Кэмпбелл? Поскольку названные гости явно «темнили», не сообщая, что же именно их так взволновало в рассказе Картмилла, дотошный редактор, конечно, смекнул, в чем дело. Однако подозрения по меркам военного времени были нешуточные, и он поспешил их развеять. Долгих объяснений не потребовалось. Кэмпбелл просто подошел к книжному шкафу, где стояла «Американская энциклопедия» (по другой версии — «Энциклопедия Британика» или просто стопка физических журналов и книг), и быстро убедил агентов, что написать такой рассказ писатель-фантаст мог, основываясь только на сведениях, опубликованных в *открытой* печати.

Инцидент был исчерпан. С точки зрения руководства «Манхэттенского проекта» — но только не читателей журнала. Они, разумеется, ничего не знали о визите в редакцию, но просто живо обсуждали только что опубликованный рассказ в письмах, адресованных в «Эстаундинг». Одна оценка стоит того, чтобы процитировать ее: любитель фантастики называет рассказ Картмилла «не научной, а посредственной ненаучной фантазией»⁴⁶.

Поразительное признание — и от кого! От ревностного поклонника научно-фантастической литературы, которая уже десятилетия приучала своего читателя к «чему-то в этом же духе».

И чтобы закончить с годом 1944-м, напомним еще раз о начавшейся в конце его одиссее с рассказом другого провидца — Филиппа Уайли (об этом речь шла в конце предыдущего раздела). Очевидно, последним рассказом на эту тему, написанным в доатомную эпоху. И первым, вышедшем в эпоху атомную.

Две линии — реальная и научно-фантастическая — соединились как две половинки критической массы. Теперь взрыв был неминуем, и счет пошел на секунды.

29 секунд до взрыва (март 1945 года). 13—14 февраля авиация союзников бомбила Дрезден, устроив что-то вроде репетиции «ядерной зимы», о чем все забыли на долгих три с половиной десятилетия. А в мартовском номере «Эстаундинг» (неуемный Кэмпбелл!) появился рассказ Роберта Эбернети «Когда посыпались ракеты». В нем речь шла о захватчиках-марсианах, но высказано моральное осуждение всем, кто применит *атомную бомбу* — какие бы цели ни приводились в оправдание.

23 секунды до взрыва (апрель 1945 года). Теперь заволаговался и Эйнштейн. Лео Силард вновь навестил его, и великий физик, своей рукой запустивший машину «Манхэттенского проекта», теперь предпринимает отчаянную попытку остановить чудовищный атомный маховик. 25 марта он письменно обращается к президенту с протестом против применения атомной бомбы. 13 апреля, в день смерти Рузвельта, письмо Эйнштейна лежит в канцелярии Белого дома без всякого движения...

20 секунд до взрыва (конец апреля). В Америке теперь новый президент, не скрывающий своих убеждений. Это ему принадлежала иезуитская формулировка целей внешней политики США во время войны: если будут побеждать русские, Америке следует прийти на помощь Германии, если чаша весов начнет перевешивать в пользу Гитлера, будем помогать русским — и пусть они поубивают друг друга как можно больше.

На совещании у Трумэна 25 апреля военный министр Стимсон и генерал Гровс знакомят президента с деталями работы по изготовлению атомной бомбы. Трумэн сразу загорается идеей: работы ускорить, чтобы обязательно испытать новое оружие, причем еще до окончания войны.

13 секунд до взрыва (май 1945 года). Начало его было солнечным во всех уголках земного шара, независимо от причуд местного климата.

Закончилась самая кровопролитная война из всех, что испытало человечество. Но, оказывается, в это же время отдельные политики и военные, воспользовавшись плодами труда ученых — был собран цвет мировой науки! — планировали следующую, не идущую ни в какое сравнение с только что закончившейся.

В день капитуляции Германии на тихоокеанский атолл Тиниан, входящий в состав Марианских островов, начали прибывать первые подразделения 509-го сводного авиаполка. А 31 мая собрался на ответственное заседание Временный комитет по проблемам атомного оружия.

Предстояло решить, что делать с почти готовыми, единственными пока в мире двумя атомными бомбами. В этот день японским городам (каким именно, определяют позднее) был вынесен смертный приговор. Хотя кто тогда предполагал, на какую именно казнь обрекли сотни тысяч японцев...

10 секунд до взрыва (июнь 1945 года). Ясно, что катившийся камень остановить было уже не в человеческих силах. И все-таки многие из прозревших ученых, занятых в «Манхэттенском проекте», предпринимают последнюю попытку образумить горячие головы в Вашингтоне. Ведущие специалисты во главе с нобелевским лауреатом Джеймсом Франком 15 июня составили документ, в котором впервые, видимо, обосновали свою тревогу средствами науки. Авторы «Доклада комиссии Франка» канцелярия президента США не удостоила ответом.

Спустя месяц неутомимый Силард вновь везет в канцелярию другое письмо, подписанное 69 ведущими учеными. «Развитие атомной энергии, — говорится в нем, — открывает перед нациями Земли новые, доселе невиданные пути к самоуничтожению. Имеющиеся в нашем распоряжении атомные бомбы представляют только первый шаг в

этом направлении, а предела разрушительной мощи, которая окажется доступна в результате дальнейших усовершенствований, вообще не видно. Таким образом, нация, создавшая прецедент использования — в целях разрушительных — этих вырвавшихся на волю сил природы, должна нести ответственность за то, что открывает дорогу эре взаимоуничтожения в масштабах, которые пока невозможно вообразить» ⁴⁷.

4 секунды до взрыва (июль 1945 года). Всю вторую половину июля незримые, известные только считанным людям в правительстве США нити связывают три точки на земном шаре. Берлинский пригород Потсдам, куда прибыли руководители стран антигитлеровской коалиции, чтобы решить судьбу послевоенной Германии; суровое, пустынное плато на северо-западе американского штата Нью-Мексико, пророчески названное некогда Долиной Смерти; и атолл Тиниан в Микронезии, куда продолжают поступать странные и все, как один, сверхсекретные грузы.

Трумэн напряженно ждал первых испытаний пробного ядерного устройства, ибо перед началом Потсдамской конференции с удручающей простотой признался, что «если бомба взорвется, то у него наверняка появится дубина «на этих парней». Дубиной он собирался грозить в послевоенном мире недавним союзникам — русским...

Пока американский президент пересекал на корабле Атлантический океан, направляясь в Потсдам, отдаленная авиабаза Аламогордо, расположенная в Долине Смерти, напоминала развороченный улей. От Лос-Аламоса, где физики трудились над изготовлением бомбы, до места испытания — Аламогордо — было что-то около 500 километров.

Полтысячи километров отделяли «физику» от «войны».

Взрывное устройство смонтировали на стальной тридцатиметровой башне, за 16 километров от нее помещался наблюдательный блиндаж.

В ночь на 16 июля на долину внезапно обрушилась электромагнитная «буря», чуть было не сорвавшая испытания (помните роман Альфреда Коппела, о котором рассказывалось в предыдущем разделе книги?), но утром погода наладилась...

Нет необходимости в деталях переписывать у других авторов хронику первого испытания атомной бомбы в Аламогордо (читатель найдет исчерпывающую информацию, например, в книге Всеволода Овчинникова «Горячий

пепел», на которую я не раз ссылаясь). Стали уже хрестоматийными и цитирование потрясенным Оппенгеймером строчек из «Бхагаватгиты» о вспышке «ярче тысячи солнц». И мрачное предсказание, вырвавшееся у физика Джо Кистяковского: «Я уверен, что перед концом мира, в последнюю миллисекунду существования Земли, последний человек увидит то же, что видели нынче мы»⁴⁸. И спекшаяся остекленевшая почва на месте взрыва...

Но я позволю себе привести длинное свидетельство уже знакомого нам официального летописца «Манхэттенского проекта» — американского журналиста Уильяма Лоуренса. Все-таки репортер есть репортер, а Лоуренс в Аламагордо поработал на совесть:

«Будто из недр Земли появился свет, свет не этого мира, а многих солнц, сведенных воедино. Это был такой восход, какого никогда не видел мир. Громадное зеленое сверхсолнце поднялось на доли секунды на высоту более двух с половиной тысяч метров. Оно поднималось все выше, пока не достигло облаков, освещая землю и небо ослепительно ярким светом. Этот громадный огненный шар диаметром почти в полтора километра поднимался, меняя цвет от пурпурного до оранжевого, расширяясь, увеличиваясь, пришла в движение природная сила, освобожденная от пут, которыми была связана миллиарды лет.

Вслед за огненным шаром с земли поднялось громадное облако. Сначала это была гигантская колонна, которая затем приняла формы фантастически огромного гриба. Громадная гора, рожденная за несколько секунд (а не за миллионы лет), поднималась все выше и выше, содрогаясь в своем движении.

В течение этого очень короткого, но кажущегося необычайно долгим периода не было слышно ни единого звука. Потом из этой тишины возник громовой раскат. В течение короткого времени то, что мы видели, повторилось в звуке. Казалось, тысячи мощных фугасных бомб разрывались одновременно и в одном месте. Гром прокатился по пустыне, отозвался от гор Сьерра-Оскуро. Эхо накладывалось на эхо. Земля задрожала под ногами, как будто началось землетрясение»⁴⁹.

На следующий день состоялось открытие Потсдамской конференции. О поведении на ней Трумэна, Черчилля и Сталина, о том, что реально стояло за их поступками и речами, также хорошо известно.

А 27 июля крейсер «Индепенденс» доставил на остров Тиниан свинцовый цилиндр — урановый заряд для первой бомбы, которую предполагалось «испытать в боевых условиях». Директива Гровса о подготовке атомной бомбардировки Японии была утверждена Трумэном за четыре дня до этого. Из Потсдама, по телефону.

Секунда до взрыва (начало августа 1945 года). Секундная готовность — какой смысл учитывать и ее? — наступила точь-в-точь с завершением работы Потсдамской конференции. То есть 2 августа.

Еще спустя трое суток в штаб «509-го сводного» на Тиниане был вызван экипаж бомбардировщика В-29 с бортовым номером 82. Специнструктаж оказался для летчиков ошеломляющим: им не только рассказали, что предстоит совершить утром следующего дня, но и показали фото, сделанные на полигоне в Аламогордо сразу после взрыва. Полковник Тиббетс решил сам вести самолет и нарек его именем своей матери — «Энола Гэй». Он не усмотрел в этом ничего кощунственного...

6 августа в 2.45 утра самолет тяжело взмыл в воздух и взял курс на Японию. Был еще один «герой» тех событий почти полувековой давности — майор Клод Изерли, с которым мы еще встретимся. А пока он вел одноместный самолет-разведчик, проверяя метеорологическую обстановку в небе над предполагаемыми целями. В эту истекающую секунду на циферблате атомных часов чья-то невидимая рука взвешивала на весах шансы Хиросимы, Нагасаки и Кокуры.

Погода решила судьбу Хиросимы (Нагасаки судьба оставила три дня *бессмысленной* отсрочки). В 7.09 «Стрейт-флэш» майора Изерли появился в небе над Хиросимой, и, летчик, увидев, что в сплошной облачности образовался просвет, радировал Тиббетсу: «Рекомендация — цель № 1».

В 8 часов 14 минут 15 секунд — реального, а уже не условного «атомного» времени — раскрылись створки бомбового люка на «Эноле Гэй». И уродливый «Малыш» начал свое медленное снижение на парашюте (немногие, видимо, отдают себе отчет в том, что бомба не летела стремительно вниз, а спускалась целых 47 секунд на парашюте).

Время «ноль». Какой странный и страшный, фантастический смысл заложен в уже стереотипной фразе военных сводок.

Ноль — значит *отсутствие* времени, конец отсчета и начало следующего. Застывшие часы со знаменитого полотна Сальвадора Дали, водораздел между когда-то бывшей реальностью и еще не наступившей «фантастикой» — будущим, относительно которого никто ничего в точности не знает. Граница между опытом и предчувствием.

Пошли *годы* Хиросимы. Они и сейчас идут — и трудно сказать, когда люди прекратят вести им счет.

До 8.15 утра (по токийскому времени) 6 августа человечество пребывало в каком-то одном секторе истории. И вдруг в один миг произошел квантовый скачок, мир был уже не тот — но не ясно, заметил ли кто этот переход, шевельнулась ли в чьей-то душе тревога. В самой Хиросиме все непосредственные, сиюсекундные ощущения очевидцев трагедии тотчас же смел, выжег и завалил пеплом огненный шквал — а в других городах?

В Москве было 2 часа ночи: люди спали, еще не зная, какое известие принесет следующий день. Полночь пробили старинные часы на уцелевших зданиях поверженного, дымящегося в развалинах Берлина. Спали англичане и французы. На другом берегу Атлантики роковой понедельник 6 августа еще не наступил, и американцы продолжали весело «догуливать» выходные...

А над Хиросимой вставало солнце, которого никто из ее жителей встретить не ожидал, — *второе* за это утро.

Парашют
в то утро,
которое мы, хиросимцы,
не сможем забыть вовеки,
плавно покачивался
под легкими облаками... ⁵⁰

Сколько всего было написано о трагедии японского города! Но картина, запечатленная очевидцем — поэтом Санкити Тогэ, неотрывно стоит перед глазами. Три четверти минуты, в течение которых экипаж полковника Тиббетса уносил ноги от места еще не состоявшегося преступления, глаза японцев, издавна воспитанных в преклонении перед искусством *видеть*, могли восторгаться спускавшимся на город белым цветком.

Три четверти минуты — а потом... Мы хорошо знаем, что было потом.

Американский журналист и психолог Роберт Джей Лифтон, написавший о трагедии Хиросимы книгу «Смерть при жизни», вспоминал: «Они протягивали руки... и с них

свисала кожа — не только с рук, но и с лица, и с тела... Если бы их было двое или трое, возможно, это не произвело бы на меня такого впечатления. Но эти люди встречались мне повсюду... Многие из них умирали на обочине. Я до сих пор их вижу — они проходили мимо меня, словно призраки. Они не были похожи на людей из этого мира»⁵¹.

А поэт увидел картину еще более страшную:

Безлюдно,
но пахнет людьми...
На дне впадины,
окруженной внезапно возникшей
горной грядой,—
Хиросима...
О, как выросли годы,
Когда Хиросима стала равниной!⁵²

Холокауст... Огненное жертвоприношение, дошедшее из временной дали. Но во имя кого — или чего?

Вот уже полвека не прекращаются попытки как-то оправдать варварскую бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Обелить ее непосредственных участников, исполнявших-де воинский приказ. Но ведь исполнительны, послушны воле начальства были и гитлеровские «сверхчеловеки», для управы на которых строили атомную бомбу!

Версия о неизбежности атомного удара по японским городам убедительно опровергнута, в том числе и высшими чинами американской армии. «Япония капитулирует даже в случае неприменения атомной бомбы, даже если Россия не вступит в войну и даже если США откажутся от планов массированного вторжения на Японские острова»⁵³, — рапортовали авторитетные эксперты Управлению стратегической бомбардировочной авиации ВВС в первые месяцы 1945 года. А командующий штабами при Рузвельте и Трумэне адмирал Уильям Леги в автобиографической книге «Я был там» (1950) вспоминает: «Использование этого варварского оружия против Хиросимы и Нагасаки не приносило нам никакого материального преимущества в войне с Японией. Японцы уже были разбиты и вот-вот капитулировали бы»⁵⁴.

Однако многие коллеги адмирала по военной службе не скрывали восторга перед этими урановыми «штучками». И не генерал, а сенатор Макмагон, председатель сенатской комиссии по атомной энергии, вскоре после бомбардировки Хиросимы отозвался о ней как о «величайшем событии в мировой истории после рождения Иисуса Христа»⁵⁵. Дальше, кажется, некуда...

Принимая решение об атомном жертвоприношении старейшего японского города, президент Трумэн менее всего думал о штурме островов. Не японцев стремился он наказать, а прежде всего «показать» этим русским! В жертву политической игре, откровенному шантажу были принесены сотни тысяч ничего не подозревавших жителей Хиросимы и Нагасаки.

Американцы долгое время значительно преуменьшали число жертв: по официальной версии командования, в Хиросиме из 240 тысяч жителей погибло 75 тысяч. Японские исследователи привели другие цифры: 6 августа в городе было (вместе с отбывающим трудовую повинность воинским гарнизоном и эвакуированными) около 450 тысяч человек — и погибло из них почти 240 тысяч.

Четверть миллиона в один день...

По многим причинам правду о Хиросиме скрывали и от японцев. Без малого месяц прошел, и газета «Асахи» бесстрастно сообщила: «Хиросима — город смерти. Даже люди, оставшиеся невредимыми при взрыве, продолжают умирать». И все, никаких будоражающих подробностей. Лишь почти сорок лет спустя американский публицист Джонатан Шелл, автор прогремевшей книги «Судьба Земли», ссылаясь на сведения очевидцев, сообщил ужасную деталь: «После буйства огня над городом нависло молчание. Люди страдали, не произнося ни слова, и умирали, не издав ни единого звука»⁵⁶.

Однако правда пробивалась и сорок лет назад — хоть и медленно, но неудержимо.

Сказать, что человечество было потрясено атомной трагедией, по меньшей мере, неточно. Во всяком случае, это отдавало бы идиллией, неисправимым оптимизмом. Значительная часть населения планеты и сегодня вряд ли об этом задумывается, а кто-то предпочитает с усталым раздражением отмахиваться от надоевших причитаний ученых и публицистов... Но все же, оценивая всю послевоенную ситуацию из нашего почти полувекового далека, можно утверждать, что 6 августа 1945 года взрыв произошел и в общественном сознании (а оно, как известно, не обязательно определяется арифметическим большинством индивидуальных сознаний).

Это был, конечно, перелом. Если не следовать высмеянному Марком Блоком «пуризму», согласно которому мы отсчитываем века человеческой истории — Век Реформации, Век Просвещения, Атомный Век — строго по наступлению годов с окончанием на «01», то этим августовским днем

наша цивилизация перешла не просто в новое столетие, а в совершенно иную *эпоху* своего существования.

Раньше других — сразу же, как только поступила достоверная информация о последствиях атомной бомбардировки, — это осознали творцы этой новой эпохи. «...Это скорее похоже на кошмарный сон, чем на пророчество. Хотя я сам не принимал участия в применении научных знаний для разработки столь разрушительных устройств, какими являются атомная и водородная бомбы, я все же чувствую, что несу за эти вещи определенную ответственность»⁵⁷, — мрачно признал Макс Борн.

Что же говорить об Эйнштейне! Вот кто мог считать себя во всех отношениях *ответственным* за случившееся...

Тягостные мысли не оставляли великого физика до конца жизни. Незадолго до смерти он вместе с коллегами — Борном, Жолио-Кюри, Лео Инфельдом, Лайнусом Полингом, Хидэки Юкавой и другими подписал воззвание к правительствам великих держав. Это был коллективный документ. Его называют «Манифестом Эйнштейна — Рассела», ибо самое деятельное участие в его составлении принимал знаменитый английский математик и философ Бертран Рассел.

Досье по теме «Атомные часы»:

БЕРТРАН АРТУР УИЛЬЯМ РАССЕЛ

1872—1970

Выдающийся английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Окончил Кембриджский университет, был профессором ряда университетов. Видный пацифист (сидел в тюрьме за пропаганду пацифизма), активный борец против фашизма, один из основателей Пагуошского движения ученых. Премия Калинги (ЮНЕСКО) за популяризацию науки (1957). Нобелевская премия по литературе (1950).

Напоминание о Нобелевской премии по литературе не случайно. Философ и математик пробовал силы в фантастике (снова фантастика!), написав несколько горьких, язвительных эссе о мире, в котором власти предержащие не прислушались к советам физиков-атомщиков... Фантастические рассказы ученого тоже были вкладом в общую борьбу за запрещение ядерного оружия. Не замечены они остались лишь потому, что их затмил «Манифест».

Судьба этого редкого по силе интеллектуального прозрения памятника мысли оказалась непростой по обе стороны реально существовавшего долгие годы «железного занавеса».

На Западе к творению Эйнштейна — Рассела оперативно прикрепили ярлык «коммунистическая пропаганда». Горько сознавать, что и до нашего массового читателя «Манифест Эйнштейна — Рассела» дошел лишь в середине 80-х годов — уже без расхожих ярлыков: «либеральный утопизм», «буржуазный пацифизм» и т. п.

Фактически, выходом «Манифеста» было положено начало явлению, точнее, процессу, позже названному *новым политическим мышлением*. Читая сегодня этот документ, трудно отделаться от впечатления, что авторы намеренно сокрыли его от широкой публики с указанием вновь извлечь на белый свет, как только повсеместно начнется обсуждение проблемы «ядерной зимы» и всем известных политических инициатив, направленных на окончательное уничтожение ядерных запасов.

Давайте еще раз вслушаемся в сказанное сорок лет назад:

«В течение бесчисленных веков Солнце вставало и садилось, Луна прибывала и убывала, звезды светили в ночи, по только с появлением Человека эти явления были поняты. В огромном мире астрономии и в малом мире атома Человек раскрыл секреты, которые считались непостижимыми. В искусстве, литературе и религии некоторые люди показали такие возможности сублимации чувств, которые делают всех людей достойными сохранения их биологического вида. Неужели всему этому должен прийти страшный банальный конец потому, что думать о Человеке, а не об интересах той или иной группы людей, способны лишь немногие? Неужели род человеческий настолько беден мудростью, так не способен к бескорыстной любви, так глух даже к простейшему зову самосохранения, что последним доказательством его глупости должно стать уничтожение всякой жизни на нашей планете? И — оттого, что исчезнут не только люди, но и звери и растения, которых никто не может обвинить в коммунизме или антикоммунизме, — мы не можем поверить, что такой конец неизбежен»⁵⁸.

Будто писали поэты или пламенные проповедники, а не физик с философом! Впрочем, все члены Пагуошского движения ученых, возникшего после обнародования «Манифеста», были одержимы тем же страстным пафосом,

который в сочетании с истинно научной организацией мысли давал весомые плоды, доходя до сознания всякого здравомыслящего человека.

Однако после Хиросимы должно еще было пройти без малого десятилетие... Официально Пагуошское движение ведет свое начало от марта 1954 года, когда общественное мнение было озабочено опасностью радиоактивного заражения после испытания ядерного оружия на атолле Бикини. Говорят, что именно в те дни Бертольдт Брехт пророчески заметил: «Теперь уже не потребуются война для того, чтобы уничтожить мир: благодаря развитию атомной физики вполне достаточно военных приготовлений»⁵⁹.

«Мы уверены, — вспоминал Борн, — что большая война между великими державами стала невозможной или по крайней мере станет невозможной в ближайшем будущем. Она привела бы, вероятнее всего, к всеобщему уничтожению не только воюющих, но и нейтральных стран. Известное положение Клаузевица... теперь больше несправедливо, так как война стала безумием, и если род человеческий не способен отказаться от войны, то его зоологическое название должно образоваться не от *sapientia* (мудрость), а от *dementia* (безумие)»⁶⁰.

Эйнштейн, в те годы безусловный лидер научной общественности, активно возражал в печати и против «плана Баруха», целью которого было укрепление атомной монополии Соединенных Штатов. Ученому, до самых последних дней жизни не оставлявшему научную работу, по его собственному признанию, не оставалось ничего другого, как делить свое время «между политикой и уравнениями».

Смерть — таинство, и даже закоренелый материалист подспудно подозревает, что за медицинским заключением о причинах смерти наверняка скрывается «что-то еще». Да и сами врачи не отрицают, что в значительной степени смерть наступает потому, что умирающий человек позволяет ей наступить... Эйнштейн скончался от тяжелой неизлечимой болезни, но совершенно очевидно, что нестерпимой болью мучила физика и обожженная атомным огнем совесть. Его друг и авторитет в вопросах морали Альберт Швейцер сказал об этом просто и определенно: «Эйнштейн умер от сознания своей ответственности за нависшую над человечеством опасность атомной войны»⁶¹. Уже в больнице (начинался апрель 1955 года), в часы просветов, которые становились все реже и короче — умирал он тяжело, мучительно, — Эйнштейн попросил бумагу и

ручку, чтобы закончить свою *последнюю* рукопись. Это была статья о предотвращении ядерной войны, оборванная на словах: «Повсеместно развязанные политические страсти требуют своих жертв...»⁶²

Многоточие предполагало продолжение. Великий ученый ушел, оставив *общественное* дело своей жизни паразитально быстро окрепшим, утвердившимся в сознании людей, громко заявившим о себе на весь мир.

Однако мы как-то забыли на время о фантастике. В то время как движение ученых, боровшихся за скорейшее запрещение детища своих интеллектуальных усилий, росло и набирало силу, что делала она, литература, все это предвидевшая столь давно, что в конце 40-х годов об этом ее достижении мало кто помнил?

Прежде чем перейти к собственно фантастике, расскажу об одной категории ее авторов и читателей — об ученых. Бертрам Рассел уже упоминался, но вот еще один любопытный пример.

Уже в 1946 году вышел сборник статей «Один мир или никакого» под редакцией Декстера Мастерса и Кэтрин Уэй. Книга с подзаголовком «Доклад общественности о том, что из себя представляет атомная бомба» оказала огромное влияние на массового читателя: под одной обложкой были собраны высказывания людей, безусловно знающих, о чем говорили. Статьи, воззвания, научные исследования и, между прочим... *научно фантастический сценарий* будущей атомной бомбардировки Манхэттена! Правда, сочинил его не профессиональный писатель-фантаст, а выдающийся физик, будущий нобелевский лауреат Филипп Моррисон — непосредственный участник «Манхэттенского проекта» и один из первых инспекторов, прибывших в Хиросиму вскоре после атомной бомбардировки.

Наверное, не абстрактной игрой ума выдающегося физика можно объяснить этот странный экскурс в научную фантастику. Как же быстро прозрели франкенштейны XX века!

И еще штрихи к теме «ученые и научная фантастика».

В конце 40-х годов трое школьников-одноклассников из нью-йоркского района Бронкс начали выпускать любительский журнал научной фантастики (так называемый «фэнзин»). Само по себе событие рядовое — подобную издательскую самодеятельность среди американских любителей фантастики никогда не рассматривали как нечто из ряда вон выходящее. Однако в данном случае уникально «трио» «редакторов»: Джеральд Фейнберг, Шелдон Глэ-

шоу и Стивен Вайнберг. Два последних стали лауреатами Нобелевской премии, да и Фейнберг, вероятно, входит в десятку виднейших физиков-теоретиков нашего времени! ⁶³

Другой будущий ученый (он был постарше и в то время уже занимался самостоятельной научной работой) не только истово читал научную фантастику, но и пробовал писать сам. И быстро сообразил, что именно — с точки зрения любимой им литературы — произошло 6 августа 1945 года.

«Итак, была взорвана атомная бомба,— писал он четверть века спустя,— и неожиданно это событие сделало научную фантастику респектабельной. Впервые фантасты предстали пред всем миром не как малочисленная группка чокнутых фанатиков, наоборот, мы сразу ощутили себя в положении кассандр, которым мир отныне внимал с почтительным благоговением. Но право же, я бы мечтал остаток своих дней провести с клеймом «чокнутого» вместо того, чтобы завоевывать нынешнее признание такой ценой — нового дамоклова меча, занесенного над человечеством» ⁶⁴.

Книга, в предисловии к которой это написано, называется «Опус 100». Ее автор Айзек Азимов не нуждается, кажется, в подробных рекомендациях.

Досье по теме «Атомные часы»:

АЙЗЕК АЗИМОВ

Род. в 1920 г.

Выдающийся американский писатель-фантаст и популяризатор наук, автор более 300 книг: «Я, робот» (1951), «Конец Вечности» (1955), трилогии «Основание» (1951—1953) и др. Неоднократно награждался высшими премиями в жанре научной фантастики. Выходец из России (в США с 1923 г.). Окончил Колумбийский университет, до 1958 г. занимался активной научной деятельностью, был профессором биохимии Бостонского университета.

...До середины марта 1988 года Айзек Азимов оставался для меня живой легендой. Какая-то непостижимая фантастическая «литературная машина» работала, по слухам, дни и ночи напролет в Нью-Йорке, исправно выдавая добротную продукцию на протяжении почти полувека. Сотни книг, иногда отличных, порой средних, но всегда надежных во всем, что касалось их научного содержания,

фантастических и детективных, по физике, химии, биологии, истории, даже шекспиро- и библиеведение! А еще — сотни собранных им антологий фантастики, тематических и мемориальных, посвященных милому его сердцу «золотому времени», когда и он, и фантастика были молоды и дерзки.

Словом, в глубине души я все-таки сомневался в существовании этого человека, о котором говорили, что он не покидает своей нью-йоркской «берлоги», не любит летать, не доверяет литературным агентам и сам ведет свои дела. Когда же счастливый случай свел нас, я наконец убедился в *правдивости* слухов об Азимове.

Например, об его активной общественной деятельности. Когда он находит время и на нее, не могу взять в толк!

А она не прекращается и сегодня, несмотря на приближающееся семидесятилетие писателя. Несколько лет назад его избрали президентом Ассоциации американских гуманистов. Члены ее верят в то, что «люди способны улучшить условия своего существования, если будут прилагать ко всем своим начинаниям разум и мораль»⁶⁵. Хочется думать, что среди многих наград, свидетельствующих об общественном признании деятельности Азимова, эта — самая значимая и дорогая для него. Он неоднократно выступал в печати и на телевидении против гонки вооружений, против программы «звездных войн», вообще против атмосферы подозрительности, которая разъедала отношения между нашими странами.

Но интереснее всего то, что в конце 40-х годов молодой ученый, оказывается, был включен в группу экспертов, которым поручили исследовать и оценить результаты атомных испытаний на полигоне в Бикини! Правда, на атолл Азимов не попал — его имя было вычеркнуто из списка. Как рассказал писатель, кому-то из офицеров службы безопасности пришлось в голову покопаться в его личном деле, в результате чего обнаружили более чем подозрительные обстоятельства его появления в Америке. (Русский! И родной дядя, оказывается, жив и занимает высокий пост в Красной Армии!) «И атолл Бикини мне улыбнулся», — с видимым сожалением закончил Азимов.

В 1930 и 1953 годах на английском языке были изданы две книги, названные по случайному совпадению одинаково — «Конец света». Обе по жанру принадлежали к литературоведческому обзору. Но если автор первой Г. Деннис ни словом не обмолвился о ядерной войне как апо-

калипсической теме, то во второй книге, принадлежащей перу его коллеги К. Хэйра, этой теме посвящен целый раздел.

Первый отклик в литературе на атомную бомбардировку Хиросимы датирован совершенно точно. Отклик *после* события (ибо в фантастике, как мы убедились, встречаются и «отклики до»). Речь идет о рассказе молодого тогда писателя Теодора Старджона «6 августа 1945 года», появившемся в декабрьской книжке журнала «Эстаундинг» за тот же год. По странному стечению обстоятельств редактор Кэмпбелл посчитал пришедшую по почте рукопись письмом в редакцию, и текст Старджона увидел свет в постоянной колонке читательских отзывов.

В кратком «письме» содержится столько, что писателям-фантастам хватило бы не на один год. Достаточно уже ясно выраженного *двойственного* отношения к бомбе: поздравление писателям-фантастам в связи с блестящим пророчеством и вместе с тем — какие-то недобрые предчувствия... «Человек знает отныне,— писал Старджон,— человек узнал это 6 августа 1945 года, что он один настолько велик, что может убить себя или жить вечно»⁶⁶. Не случайно один из лучших рассказов раннего Старджона — «Гром и розы» (1947) и в историю атомной фантастики вошел как своего рода классика.

Справедливости ради нужно сказать, что первое время после взрывов в Хиросиме и Нагасаки широкие массы читателей не могли отчетливо представить себе масштабы свершившегося. Тем более задуматься о последствиях. Даже упоминаемую в прессе разрушительную мощь атомного оружия многие рассматривали как пропагандистскую «утку»; что до фантазий писателей, то к ним читатель относился как к кошмарным фантазиям, не более⁶⁷.

Ранняя «постхиросимская» фантастика об атомной войне сейчас хорошо изучена специалистами. В монографиях, статьях и диссертациях детально описаны все рассказы, беллетризованные очерки и даже стихи*, вышедшие в 40-е годы⁶⁸. Среди причин, вызвавших рост фантастики на атомную тему — теперь бы ей, казалось, и уступить место реалистической прозе,— все авторы называют одну: «холодная война».

В ноябрьском номере журнала «Лайф» за 1945 год читателей ждал сюрприз в виде девятистраничного «фото-

* Не прошло и двух недель с момента атомного взрыва над Хиросимой, а в газете «Чикаго дефендер» (от 18 августа) уже было напечатано стихотворение крупнейшего негритянского поэта США Ленгстона Хьюза «Простак и атомная война»!

репортажа», рассказывающего о ядерной атаке на США. Противоракеты (1), стартовые шахты, Нью-Йорк в развалинах... Комментировал «снимки» военный специалист генерал Генри Арнольд, заверивший сограждан, что Америка все равно победит, хотя и потеряет около 40 миллионов убитыми. А секретарь по военно-морским делам США Кеннет Мэтьюз, словно не чувствуя иронии в своих словах, в речи от 26 августа 1950 года высказался в том духе, что «развязывание военной агрессии снискало бы нам славный и популярный титул — мы стали бы первыми агрессорами ради мира»⁶⁹.

Как в такой обстановке не активизироваться писателям-фантастам!

В 1949 году в декабрьском номере «Журнала Американского легиона» был опубликован рассказ Роберта Хайнлайна «Долгая вахта» об атомном заговоре на лунной базе. Согласитесь, что названный журнал — более чем странное место для публикации научной фантастики. Впрочем, некоторые факты биографии «самого американского из американских фантастов», как назвала Хэйнлайна критика, проливают свет на загадочный источник...

Досье по теме «Атомные часы»:

РОБЕРТ ЭНСОН ХАЙНЛАЙН

1907—1988

Крупнейший американский писатель-фантаст, один из классиков современной американской фантастики. Образование получил в университетах штатов Миссури и Калифорния (физика); окончил также Военно-морскую академию в Аннаполисе. Служил в ВМС США, вышел в отставку по состоянию здоровья. Во время второй мировой войны работал инженером на экспериментальной станции техобслуживания морской авиации. Печататься начал с 1939 г. Автор десятков научно-фантастических романов: «Воины звездного корабля» (1959), «Чужой в чужой земле» (1960) и др. — и сборников рассказов; лауреат высших премий в жанре.

...Работа над этой книгой подходила к концу, когда в начале лета 1988 года я получил сразу от нескольких моих корреспондентов в Америке открытки с грустной вестью: во сне на восемьдесят втором году тихо ушел из жизни Роберт Хайнлайн. Мир американской фантастики

погрузился в траур (в том же месяце умер и Клиффорд Саймак, но по значимости смерть Хайнлайна перечеркнула и эту потерю).

Он, действительно, остался в памяти как «самый американский». Это не преувеличение: одно из последних серьезных исследований творчества писателя — монография профессора Брюса Франклина так и называлась: «Роберт Хайнлайн: Америка в призме научной фантастики». И еще о многом говорит дружеский шарж из английского научно-фантастического журнала «Сайнс фикшн мансли»: Хайнлайн изображен в позе римского цезаря, завернувшегося в звездно-полосатую тогу...

Творчество Хайнлайна многогранно и неровно; всякий однозначно осуждающий разбор его приведет к искажению образа писателя, первым получившего сравнительно недавно учрежденную в научной фантастике премию «Великий мастер». Но вот одну черту Хайнлайна-писателя — *отличительную* — я бы все-таки отметил.

В одном из его ранних рассказов — «Проект «Кошмар» (1953) действуют специальные отряды «сверхчеловеков», способных усилием мысли детонировать атомные заряды на расстоянии. Лучше б они их разряжали... А спустя шесть лет вышел роман «Воины звездного корабля» — и снова о «сверхчеловеках»! — вызвавший восторг читателей (присудивших ему премию как лучшему роману года) и одновременно лавину упреков.

Писатель сам дал повод к этому. В романе отчетливо слышен отдающий сталью призыв к «сильной личности» (то есть человеку, который прошел армейскую муштру, не привык рассуждать, зато впитал в кровь с молоком матери «великие американские идеалы»): решительно забрать власть из рук рефлексирующих интеллигентов!

Мысль эту Хайнлайн сформулировал еще в романах 40-х годов «Шестая колонна» и «Космический кадет». А с выходом в свет «Воинов звездного корабля», как бесстрастно сообщает энциклопедия научной фантастики, «творчество Хайнлайна вступило в новую фазу... Этот жестокий роман о межзвездной войне завоевал премию «Хьюго» в 1960 году, но одновременно создал автору репутацию милитариста, даже фашиста». Редакторы энциклопедии, правда, тут же уточняют: «Природа политических взглядов Хайнлайна представляется достаточно ясной. Он не столько фашист, сколько анархист правого толка, т. н. «либертарианец», приверженец идей социал-дарвинизма»⁷⁰. А умеренно консервативный американский журнал

«Мир и я» в спедномере, частично посвященном научной фантастике, пытается окончательно реабилитировать роман Хайнлайна, называя его «демократической утопией, иначе говоря, описанием общественного устройства, в котором отказались от принципа всеобщего равенства, а право голоса нужно завоевывать двадцатью годами *общественной деятельности* (курсив мой.— Вл. Г.). Автор сконцентрировал внимание только на одном аспекте — воинской службе, отчего вызвал целую бурю возражений. Его немедленно обозвали фашистом, реакционером, милитаристом и всеми прочими дурными словами, которые обычно валяются на голову писателя консервативного толка»⁷¹.

Я не случайно подчеркнул эти слова: «общественная деятельность». Американский писатель сконцентрировал внимание не просто «на одном аспекте» — Хайнлайн безусловно считает его *главным!* Военная служба для него, сам воинский дух — это нечто имманентно присущее настоящему мужчине и долженствующее оставаться таковым присно и во веки веков. Ясно, что его «утопия» (позволю себе все же кавычки) — не для интеллигентов. И вообще, всем слабым, нерешительным, мятущимся в ней не место...

Давайте вспомним прочитанные в русских переводах книги американских фантастов того периода. Критики называли 50-е годы «десятилетием социальной ответственности» в истории американской научной фантастики; в это время свои лучшие, гуманистические книги создали Рэй Брэдбери, Клиффорд Саймак, Роберт Шекли, Фредерик Пол... По-разному они подходили к вопросам войны и мира, но никто не забирал так круто вправо, как Хайнлайн. К счастью, его гимн космосу-казарме прозвучал как *соло* на трубе или военном барабане. Подхватить партию желающих не нашлось.

В последних книгах Хайнлайна — а писатель не прекращал активно работать до самого конца — боевая труба звучит куда тише. Однако его старые романы тоже не сбросишь со счетов; да и во всех современных дискуссиях о войне и мире это имя неизменно поставят в лагерь убежденных адвокатов, а не противников тотальной милитаризации общественной жизни.

Жаль, что не успел с ним поговорить... Только листая траурный выпуск журнала «Локус», полностью посвященный его памяти, я узнал любопытную деталь биографии писателя. Оказывается, весной 1961 года Роберт Хайнлайн с супругой совершили туристскую поездку в

СССР. Все им понравилось, было очень интересно — но тут случился всем памятный инцидент с американским самолетом-шпионом У-2. Вирджиния Хайнлайн вспоминает, что они были доставлены в местное (в то время Хайнлайны находились в Казахстане) отделение милиции, «где провели несколько часов в тревожных размышлениях о Гулаге. Боб за одну ночь превратился в ярого консерватора, поклонника Голдуотера, защитника СОИ и активного сторонника выдвижения Джин Киркпатрик в президенты»⁷².

Такая вот версия... Мне все-таки представляется сомнительным, чтобы прямо так «вдруг».

Достаточно перечитать «Воинов звездного корабля», вышедших за год до той поездки, чтобы почувствовать крепость незримых нитей, что все послевоенные годы связывали Роберта Хайнлайна с американской армией. Армейским духом он был буквально пропитан. А какую роль сыграл этот дух (присущий, конечно, не только Хайнлайну) в развитии американской фантастики, мы скоро узнаем.

А сейчас вернемся вновь в первое послевоенное десятилетие.

Среди авторов самых первых вышедших после Хиросимы произведений об атомной войне мы встретим знакомое имя: Лео Силард.

Его рассказ «Как я был осужден на процессе военных преступников» — своего рода горькое покаяние измученного, разуверившегося в своем деле человека. В каком еще состоянии мог быть написан — и кем? Физиком-атомщиком! — трагифарс, в котором русские после удачной бактериологической войны оккупируют Америку и устраивают показательный процесс над всеми учеными, занятыми в атомных исследованиях! Судят их, кстати, согласно процедуре, разработанной еще в Нюрнберге...

Позже, в 1961 году, университетский журнал в Чикаго, где продолжал до самой смерти работать Силард, опубликовал другой его рассказ — «Доклад о центральном вокзале». Он переведен на русский язык; напомним только, что его герои — инопланетяне с дотошностью архивариусов копаются в духовном «наследии» человечества, после которого сохранились только радиоактивные развалины общественных туалетов... Эпиграфом к рассказу могли бы послужить слова Макса Борна: «Несмотря на всю мою любовь к научной работе, результаты моих размышлений оказались угнетающими... Теперь мне представляется, что

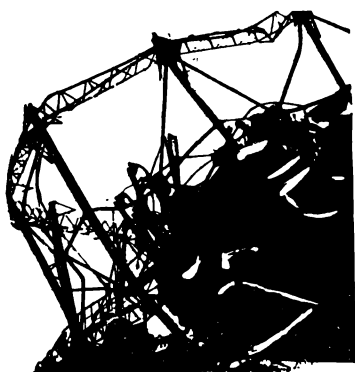
попытка природы создать на этой земле мыслящее животное вполне может кончиться ничем. Доводом в пользу такого заключения служит не только большая и всевозрастающая вероятность развязывания ядерной войны с уничтожением всей жизни на земле. Если даже такую катастрофу удастся предотвратить, ничего, кроме темного будущего, не ждет человечество. Другого будущего я увидеть не смогу»⁷³.

Такие бытовали настроения. Ученых можно понять, однако ничего хорошего не обещали человечеству и книги писателей-фантастов. До взрыва бомбы над Хиросимой еще можно было предаваться «сослагательным» рассуждениям на тему атомной войны. Теперь же никаких спасительных «если» не оставалось. Для тех, кто профессией своей был постоянно обращен в будущее, атомная война стала фактом свершившимся. Она *уже* полыхала в душах.

И вопрос, следовательно, ставился так: а что потом?

Глава 6

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

«В это мгновение началась и окончилась война... Бомбардировка закончилась, как только самолеты, мчась со скоростью пять тысяч миль в час, приблизились к цели и приборы предупредили о ней пилотов. И столь же моментально, как взмах серпа, окончилась война... Город поднялся на воздух. Казалось, бомбы и город поменялись местами. Еще одно невероятное мгновение — новый неузнаваемый, с неправдоподобно высокими зданиями, о каких не мечтал ни один строитель, зданиями, сотканными из брызг раздробленного цемента, из блесков разорванного в клочья металла, в путанице обломков; с переместившимися окнами и дверями, фундаментом и крышами, сверкая яркими красками, как водопад, который взметнулся вверх, вместо того чтобы низвергнуться вниз, как фантастическая фреска, город замер в воздухе, а затем рассыпался и исчез»⁷⁴.

Прежде чем прокомментировать только что приведенную цитату, предлагаю еще одну — из другой книги:

«...Там, за окном, за раскалившимися стенами лежала мертвая планета. Ее убили в самый разгар весны, когда на деревьях едва проклюнулись листочки и в норах только что появились крольчата. Теперь нигде не единого зверя. Ни одной птицы. Даже насекомых. Только сожженная земля. Жилища обратились в пепел. Лишь кое-где торчат обуглившиеся, искореженные колья, вчера еще бывшие деревьями. И на развалинах мира — горсточка людей, возможно оставленных в живых в качестве подопытных морских свинок, необходимых для какого-то гигантского эксперимента. Незавидная доля. В этой всемирной гигантской мертвецкой осталось всего несколько работающих легких, перегоняющих воздух. Несколько живых сер-

дец, перегоняющих кровь. Несколько мыслящих голов. Мыслящих во имя чего?..» ⁷⁵

Почти двадцать лет разделяют книги. Обе хорошо знакомы нашему читателю — это, соответственно, «451⁰ по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «Мальвиль» Робера Мерля. Первый роман вышел в 1953 году, а второй — в 1972-м. Войны человечество счастливо избежало, но тревога остается — и ее эстафетная палочка по-прежнему в руках фантастов. Все вроде бы без изменений... Однако изменения есть. Опасность, о которой давным-давно возвещали писатели, перестала быть сферой их узкопрофессиональных интересов.

Чтобы почувствовать сдвиг в представлениях, достаточно вернуться к предыдущим главам, к цитатам из «Освобожденного мира» Уэллса. Помните картины атомной бомбардировки: клубы огня, «огненный крот»?

Удивительная переключка времен: Уэллс — Брэдбери — Мерль. 1914—1953—1972. Уэллс дал волю фантазии, а вот Брэдбери наверняка были доступны документальные материалы, описания очевидцев трагедии Хиросимы и Нагасаки. Спустя еще два десятилетия фантазия Робера Мерля, вооруженная витавшими тогда в воздухе идеями, изобразила нечто недоступное воображению предшественников: «чистое» оружие.

И что знаменательно. Рэя Брэдбери пугает образ *города*, поднявшегося на воздух; Мерль сочиняет реквием по целой *планете*, убитой в разгар весны.

Образ «следующего дня», пейзажа после ядерной битвы, как и само понимание, что никакой такой *битвы* не будет, а произойдет лишь общепланетная бойня, родились не вдруг, не в чьем-то одном гениальном мозгу. Подобные страхи вообще чаще всего произрастают, накапливаются, зреют в подсознании, чтобы потом мгновенно овладеть нами, бросив в липкий холодный пот...

Изменение шкалы образов, относящихся к ядерной войне и ее последствиям, совершалось постепенно. Иногда фантазия художников шла параллельно общественной мысли — господствовавшим представлениям ученых, политиков, военных; но случалось, что и блуждала по каким-то своим, не ведомым никому катакомбам сознания.

Проследить ее маршруты особенно интересно сейчас, когда мы хотя бы в общих чертах можем сказать, как будет развиваться тот или иной возможный вариант «ядерной зимы». Ретроспектива атомной фантастики представ-

ляет интерес не только академический, в беспрецедентном мозговом штурме писателей-фантастов (сравнить его можно только с фантазиями космическими) и сегодня отыщется немало поучительного.

Конечно, большинство авторов ошибалось — в деталях, в сроках, в вопросах принципиальных. Теперь это абсолютно ясно. Но предрассудки и заблуждения, обильно произраставшие и в среде «впередсмотрящих», можно извинить в сравнении с близорукостью других — экспертов, военных.

Вот что пишет о последних Д. М. Проэктор:

«История большинства буржуазных военных доктрин в XX столетии достойна удивления... Оказалось, что вся милитаристская мудрость не стоила и ломаного гроша. Что первосвященники оказались безнадежно отставшими не только в понимании социальных движущих сил войны, но и изменений в самом военном деле. Что все, что они делали по «законам военной науки», представляло собой шаманство. Что вся их слава оказалась дутой, тем же бесовестным обманом, что и волшебства Мерлина во времена короля Артура... Несмотря на очень большое разнообразие буржуазных военных доктрин, у них было нечто общее: большинство из них, за малым исключением, оказывались никуда не годными... Большинство империалистических доктрин XX века на проверку не стоило бумаги, на которой их писали. А после 1945 года война — ядерная — стала вообще невысказанной, поэтому и доктрины развязывания такой войны стали видением из потустороннего мира»⁷⁶.

Впрочем, оказывается, что общество периодически испытывает необходимость и в такой странной деятельности, как вызывание духов. Это не просто дань моде, обычно подобные социальные «сеансы» преследуют вполне определенную цель. Потребовались потусторонние «создания» и в Америке, как раз во времена маккартизма и атомной истерии. На сей раз на роль *спиристов* время назначило фантастов.

Они точно угадали едва зашифрованный социальный заказ. Поскольку обществу в целом явно недоставало информации (в 40—50-е годы все военные планы ведения атомной войны были строжайшим образом засекречены), только фантастам и оставалось писать об этом. Лишь они обладали фантазией, интуицией, наконец, тем особым, более никому не доступным *знанием*, которое развили их предшественники в прошлом веке.

И писали...

В одной из редакционных статей Хорас Голд, возглавлявший популярный журнал научной фантастики «Гэлакси», пеняет на авторов — и за что! «Свыше 90% предлагавшихся в журнал рассказов,— пишет он,— это уже всем приевшаяся атомная, водородная и бактериологическая война, послеатомный мир, возврат к варварству, дети-мутанты, которых убивают за то, что у них только по десять пальцев на руках и ногах — вместо двенадцати... Послушайте, братцы, так же нельзя! До конца света еще далеко» ⁷⁷.

Самое любопытное, однако, дата: январь 1952 года. Продолжая наше наблюдение за циферблатом атомных часов — они «тикают» и после взрыва, отсчитывая теперь уже секунды, минуты атомной эры,— можно подсчитать, что со «времени ноль» не прошло и *десяти минут*. А тема третьей, чаще всего последней мировой войны уже успела редакторам прискучить.

Голд имел в виду коммерческий вал американской фантастики. В этой стране налаженный издательский конвейер действительно способен быстро откликнуться на любой спрос и выдавать продукцию сразу «промышленными партиями». Причем в полноводном потоке обычно все перемешивается: паника, трезвый анализ, протест, циничный расчет на всегдашнюю любовь читателя к страшенькому и просто стихийная реакция на моду, которая, бог даст, продержится долго. Шум, ярость, страх, надежда, боль, недоумение...

Разумеется, те, кто громко протестовал и возмущался, вступали в определенное противоречие с официальной доктриной «накачки» атомных мускулов. Но книжный рынок исправно поглощал и этих, недовольных. Дело не в «плюрализме»: чего не было в маккартистской Америке, это свободы мнений! Причина в другом. Вал, заглушавший голоса отдельных «прогрессистов», сам по себе оказался уж очень могуч.

Издательская «бетономешалка» быстро справилась с поначалу неудобной темой. Традиционный, вошедший в кровь и плоть нации оптимизм не смогли поколебать тревожные картины ядерного Апокалипсиса, их быстро переиначили, приспособили на вкус «среднечитающего» американца. Правда, выяснилось это позднее, когда атомная фантастика в США оказалась не чем иным, как развлекательной безделушкой.

Однако самое интересное в этом потоке — как раз камешки исключения. Вот только три ярких примера.

О военной доктрине ядерного устрашения, подземных противоатомных убежищах и многих других технических деталях, в то время широкой публике неизвестных, рассказал Мюррей Лейнстер в своем раннем романе «Убийство Соединенных Штатов Америки» (1946). В трагической и человечной «Тени над домом» (1950) канадская писательница Джудит Мерилл описала почти *реалистическую* историю жертв атомной бомбардировки, умирающих от лучевой болезни. А уже известный нам Филипп Уайли в романе «Завтра!» (1954) — тот вообще попытался представить себе то, что, кажется, просто не возьмется описать рука художника. «Время ноль», мгновение перехода в небытие людей, оказавшихся в эпицентре ядерного взрыва.

«Вот оно и явилось,— подумал он со странным чувством.

Длинный темный цилиндр с огненным оперением на хвосте, сверкнувший на зимнем небе. Куда-то он нацелился — у человека возникло такое ощущение; и в тот миг, когда светящееся тело возникло на горизонте, до пункта назначения было уже, вероятно, рукой подать. Нос падающего предмета был тонким, заостренным.

Затем, почти мгновенно, возник Свет.

Он был до того яркий, что Коули не смог бы ничего сказать о нем, кроме того, что он режет глаза и стремительно заполняет все вокруг. Коули мог бы рассказать, что именно чувствовал в это мгновение, только начал чувствовать: странное физическое ощущение отсутствия тяжести... он взлетает, его уносит куда-то далеко-далеко, и все тело будто пронизывают мариады шипов, а кожу обжигает нестерпимый жар...

Но он никому ничего не рассказал, ибо в тот момент его уже не существовало на свете»⁷⁸.

Эти одиночные выстрелы заглушила в самом начале 50-х годов грозная «канонада»: к теме атомной войны обратились подлинны художники. В особенности один — новичок, уже второй своей книгой снискавший мировую известность. Это был Рэй Брэдбери, автор вышедшего в 1950 году сборника «Марсианские хроники».

Досье по теме «Атомные часы»:

РЭЙ ДУГЛАС БРЭДБЕРИ

Род. в 1920 г.

Выдающийся американский писатель, классик современной фантастической литературы. Систематического образования не получил, рано посвятив себя литературной деятельности. Печатается с 1941 г. Автор романов «451° по Фаренгейту» (1953), «Вино из одуванчиков» (1957), «Чувствую, что Зло грядет» (1962), сотен рассказов, эссе, стихотворений, пьес, киносценариев.

Так обычно бывает: чем более знаменит писатель, тем лаконичнее, скуднее на подробности его досье. Разумеется, если не перечислять книги — они-то и составляют наиболее весомые «факты» подлинной писательской биографии...

В годы войны Рэя Брэдбери не призвали в армию из-за его близорукости. Физический недостаток с лихвой искупила зоркость социальная. Одним из первых он смог не только разглядеть ядерный гриб на горизонте, но и отлить свои эмоции — гнев, страх, страсть — в совершенную художественную форму.

Это важный момент. До Брэдбери многие предвидели — ему удалось все это впечатляюще *показать*. Расторжиться соотечественников, а затем и читателей всего мира (книга только на английском языке вышла шестьюдесятью изданиями и переведена в сорока с лишним странах), заставить сердцем прочувствовать еще не свершившуюся трагедию как трагедию их собственную, уже пережитую. Атомная тема под пером Брэдбери превращалась в явление искусства.

Потому что не о далеком Марсе его книга. Скорее о Земле, населенной глупыми, невежественными эгоистами, нетерпимыми ко всякому проявлению неординарности. И в конце концов погубившими свою планету.

Те из них, кто не мог дальше готовить это убийство планеты-матери, бросили все и подались на Марс: «Прилетали, потому что чего-то боялись и ничего не боялись, потому что были счастливы и несчастливы, чувствовали себя паломниками и не чувствовали себя паломниками. У каждого были свои причины. Оставляли опостылевших жен, или опостылевшую работу, или опостылевшие города; прилетали, чтобы найти что-то или избавиться от чего-то, или добыть что-то, откопать что-то или зарыть что-

то, или предать что-то забвению. Прилетали с большими ожиданиями, с маленькими ожиданиями, совсем без ожиданий»⁷⁹.

Но, оказывается, бежали и от надвигавшейся войны: «Любой здравомыслящий человек мечтает унести ноги с Земли. Не позже, чем через два года на Земле разразится атомная мировая война...»⁸⁰ Знали о ней, боялись ее, она неотступно стояла перед мысленным взором людей, но, вместо того чтобы как-то ей противодействовать, предпочли бежать. Только разве от себя убежишь?

Земля была беременна войной. Она неотвратимо вызревала в обществе, добровольно отдавшем себя на попечение машин. Комфорт был своеобразной платой — за отказ от поступка, от ответственности и необходимости думать. Но за комфорт пришлось заплатить еще дороже. И когда в финальных эпизодах «Хроник» колонисты на Марсе видят родную планету, расцвеченную атомным заревом, они с горечью понимают, что видят собственное детище. Большинство улетает обратно на Землю, скорее всего на верную гибель — но хоть так выполнить свой долг перед прахом тех, кого в свое время покинули...

Эти патетические сцены оставляют, мне кажется, чувство неудовлетворенности. Героизм в ситуации, когда какая-либо героиня теряет смысл, не просто нелеп или смешон — он становится чем-то сродни раскаянию матерого преступника, выслушавшего зачитанный ему смертный приговор... Может быть, писатель еще в начале 50-х годов хотел подчеркнуть именно это: атомная война все самые светлые человеческие качества, такие, как героизм и самопожертвование, сведет к абсурду, сделав тот самый единственный шаг от великого до смешного.

Не буду подробно разбирать весь цикл «Марсианских хроник»⁸¹. Но остановлюсь на одном рассказе — художественно совершенной новелле «Будет ласковый дождь». Заупокойная служба по человечеству не обязательно должна поражать размахом действия — Брэдли потрясает и своим маленьким, камерным реквиемом.

...Техника, созданная людьми, пережила их. Трудно отыскать более доходчивую метафору, символ иррациональности атомного побоища, его несовместимости ни с военной логикой, ни с обыденным здравым смыслом (что говорить о нравственных категориях!). На атомном пепелище нетронутым остался лишь автоматизированный Дом — слуга, наставник и защитник своих хозяев, давно сгинувших. Только светящиеся радиоактивные силуэты на

стене напоминают о миге, когда здесь пронесся огненный шквал. А Дом уцелел. Исправно работает техника, повторяются идиотские ежедневные ритуалы: Дом будит несуществующих хозяев, готовит им пищу, отправляет на работу и в школу, сообщает последние известия. Одержимый введенной в электронное сознание паранойей по отношению к «чужакам», Дом безжалостно преследует вторгшегося нарушителя — бродячего издыхающего пса.

И весь этот бесконечно растянувшийся на бог весть какое время «день после» проходит под своеобразный аккомпанемент — стихотворение американской поэтессы начала века Сары Тисдейл, начинающееся с таких успокоительно-мирных слов: «Будет ласковый дождь, будет шепот весны...» А в заключительных строках:

И Весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет...⁸²

Короткая новелла, штрих на батальном полотне, тонкая сольная партия в огромном оркестре художников разных стран, объединившихся для борьбы с надвигающимся безумием. Но почему этот тихий голос трогает, вводит в дрожь сильнее, чем грохот ударных и звон меди — Dies Irae ядерного Апокалипсиса? Может быть, оттого, что Брэдбери как раз и не ставил себе задачу *живописать* кошмары, бить читателю по нервам?

Книга завершается на тревожной ноте. Вспомним еще раз финальную сцену на берегу древнего марсианского канала, в застывшую воду которого смотрятся новые «марсиане» — последнее семейство, улетевшее с гибнущей (уже наверняка погибшей) Земли, чтобы попытаться здесь, на Марсе, начать все заново. Они надеются, что прилетит еще одна семья, дети переженятся, и человеческая раса не умрет.

И писателю тоже хочется верить в это.

От всей души он желает мужества и удачи новоявленному Ною. Но отчего-то его вера не заглушает ноющей тоски. Всем знакомо это состояние души, когда прямо *не веришь* окружающей тишине и благодати и все ждешь тучи, грозы, откуда-то подкрадывающейся беды.

Земляне бежали с Земли, где свирепствовала эпидемия бесчеловечности. Но кто поручится, что и сами они не подхватили этот вирус, не принесли его с собой на Марс...

К счастью, спасительной мысли о «второй попытке» писатель себя убаюкать не дал. Злое наваждение — сго-

рающий в атомном пламени мир — преследовало его постоянно. Многие рассказы 40—50-х годов — «Лиса в лесу» (русский перевод — «Кошки-мышки»), «Шоссе», «Мусорщик»; не вошедшая в цикл «Марсианских хроник», но примыкающая к ним новелла «Были они смуглые и золотоглазые» — все опалены этим огнем. Но даже среди них выделяется роман «451⁰ по Фаренгейту» (1953) — второе крупное произведение Брэдбери, воспламеняющее читателя каждой страницей, каждой фразой, каждым словом.

В этой брэдбериевской «поэме огня» главный герой — пламя. Пущенное из огнеметов, оно пожирает страницы книг; как светлячок, указывает путь заблудшим душам. Наконец, стирает с лица планеты Город — оплот невежества и бездуховности.

Двух атомных войн обитателям Страны Дураков, как оказалось, недостаточно. И они продолжают держаться за свою глупость в бастиионе невежества, где пожарные из отряда «Саламандра» (живи в 50-е годы Карел Чапек — вот кто оценил бы!) жгут книги, человеческое общение заменяют телевизионные стены и бормочущие «ушные раковины», а демократию — охота на диссидентов-книжников с помощью Электронного Пса. Две мировые войны произошли после 1960 года — об этом упоминается мельком. Но вот третья вызревает прямо на глазах. Автоматизированный город — символ общества, добровольно отказавшегося от свобод, книг, роскоши человеческого общения, — сам подписывает себе приговор.

Его быстро привели в исполнение. Отбомбились налетевшие автоматические же стервятники, и все — нет города. Только в далеких, не тронутых взрывами лесах остаются «люди-книги», изустно хранящие и передающие друг другу и своим детям человеческую культуру. Будет ли удачной новая попытка Возрождения? По крайней мере, сам автор хочет верить в это.

В 1953 году основания для подобных надежд были. Но уже спустя четыре года вышла книга, составившая по популярности серьезную конкуренцию произведениям Брэдбери. В ней читателя лишали последних иллюзий.

Книга знаменовала собой принципиальный поворот мысли в атомной фантастике. И если спросить американцев, какое из произведений послевоенных десятилетий ассоциируется у них с ядерной войной, вероятно, первым назовут не «Фаренгейт» и не «Марсианские хроники», а совсем другую книгу, к сожалению практически неизвестную у нас. Роман Невила Шюта «На берегу».

Досье по теме «Атомные часы»:

НЕВИЛ ШЮТ НОРУЭЙ

1899—1960

Английский писатель, позднее переселившийся в Австралию. Окончил Оксфордский университет. Работал авиационным инженером, специализировался в строительстве дирижаблей. В литературе дебютировал в 1926 г. Известен в основном своей реалистической прозой.

Да, Невил Шют (этот псевдоним он сам себе выбрал) писателем-фантастом не был и обратился к фантастике, возможно, случайно. Ему повезло: вышедший в 1957 году роман «На берегу», а также последовавшая двумя годами позже — по тем временам блистательная — экранизация произвели сенсацию.

Вспомним, что это был за год. Космический триумф Советского Союза вызвал на Западе не только прилив «звездной романтики», но и заставил многих американцев усомниться в собственной безопасности. То, что мощные ракеты-носители способны кроме научных аппаратов выводить на орбиту еще кое-что, в ту пору понимали многие. И хотя ядерный арсенал США намного превосходил советский, жители «сверхдержавы», приученные двумя предыдущими президентами к мысли о своей непобедимости, приуныли, неожиданно почувствовав себя *беззащитными*.

А тут как раз выходит книга, убедительно показывающая, что вообще *никто* не сможет обеспечить себе полную безопасность в атомной войне!

«Что делает роман Невила Шюта самым неотразимым из всех многочисленных хроник атомной войны? — размышляет Пол Брайнс в книге «Ядерные холокаусты». — Думаю, причина успеха заключена в поистине уникальной настойчивости, с которой проводится главная мысль: в атомной войне погибнут все без исключения. Ничто не отвлекает внимания читателя от главного. Никаких вторжений из космоса, никаких подземных убежищ, где главные герои могли бы отсидеться, ни битв за выживание в обстановке нового варварства, которое хоть и жестоко, но по-своему возбуждающе, — ничего этого в романе нет. Просто показаны мужчина и женщина, мучительно приходящие к единственно правильному в создавшихся условиях решению. Сначала убить собственное дитя в колы-

бельке, а затем самим принять яд, пока вокруг умирают остатки человечества»⁸³.

Слава романа Шюта не оказалась бы столь велика и долговечна (а роман по-прежнему переиздают), если бы не могущественное американское кино. Не знаю, как насчет книги, но одноименный фильм, поставленный режиссером Стэнли Креймером в 1959 году, посмотрели в Америке все, кто вообще ходит в кино.

Досье по теме «Атомные часы»:

СТЭНЛИ КРЕЙМЕР

Род. в 1913 г.

Известный американский кинорежиссер. Окончил Колумбийский университет. Участник второй мировой войны. Поставил фильмы «Корабль дураков», «Благослови детей и зверей» и др.

В фильме фантастична только исходная ситуация — третья мировая война произошла и пока не затронула Австралию. Никаких фантастических декораций и специальных эффектов, на которые американское фантастическое кино расщедрится двумя десятилетиями позже. Но, оказывается, и абсолютный *реализм* происходящего на экране может быть фантастичным, способным бить по нервам.

Все, что наблюдал зритель в зале, вполне могло произойти — завтра, сегодня ночью, прямо сейчас. Люди расходились с сеансов в шоке, и, судя по степени популярности картины (одни Ава Гарднер и Грегори Пек в главных ролях вряд ли вызвали бы такую реакцию), «послание» Креймера поняли и приняли те, к кому оно было обращено.

Может быть, впервые произведение искусства с неопровержимой логикой донесло до *десятков миллионов* мысль, ранее сформулированную в романе (его читало на порядок меньше): произойди атомная война — и никому, нигде не удастся отсидеться. Она отменит само понятие нейтральной стороны.

В фильме есть кадры незабываемые. Подводная лодка, посланная в Сан-Франциско с целью узнать, кто остался в живых (в эфире постоянно присутствует какая-то нелепая «морзянка» — значит, чья-то рука нажимает на ключ?), всплывает в бухте Золотые Ворота. Одетые в противорадиационные костюмы, члены экипажа проходят по улицам обезлюдившего города — чтобы убедиться: на

рации «работает» ветер, гуляющий по помещению пустынной радиостанции.

За первым тяжким ударом по всегдашнему человеческому оптимизму, дающему веру в лучшее даже в ситуациях безнадежных, следует второй. Над Австралией проливается благодатный в этих местах *ласковый дождь*, на сей раз несущий всему живому гибель от лучевой болезни. И людям начинают раздавать пилюли с ядом.

Все, конец...

Как посерьезнела научная фантастика всего за несколько лет, прошедших после Хиросимы. Теперь вопрос о *выживании цивилизации* поставлен жестко и бескомпромиссно, без обычных в фантастике утешительных «если».

Чтобы подчеркнуть эту бескомпромиссность, и Шюту, и Креймеру нужна была именно научная фантастика. На меньшее — просто реалистический антивоенный роман и фильм — не соглашались. И хотя фильм, например, оставляет вопросы — неясно, почему Сан-Франциско стоит себе целехонек, а жители вымерли все до единого (нейтронная бомба?), — художественный образ создан потрясающий.

Нужен был режиссеру этот вымерший, но абсолютно сохранившийся город. Города отстраиваются и на пепелищах, а в честь погибших в войнах ставят мемориалы. После новой, последней войны цивилизацию заново не построишь, и служить панихиду по всему человечеству будет некому.

Финальный эпизод фильма ныне причислен к киноклассике. Ветер бродит по пустынной площади, лениво перебирает рассыпанные клочки бумаги — листовки, призывающие обреченных на мучительную смерть к добровольному уходу из жизни. И полочет огромный транспарант с надписью: «Еще не поздно, брат!»

К кому обращен жутко смотрящийся на безлюдной площади призыв? К оставшимся в зрительном зале. От них теперь зависит финал этого «кино».

Разговор об атомной фантастике первых двух десятилетий после Хиросимы останется неполным, если не упомянуть другой знаменитый фильм с непривычно длинным названием: «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил бомбу». Его поставил в 1963 году уже знакомый нам Стэнли Кубрик.

В различных биографиях имя автора литературного первоисточника называют по-разному. Некоторая путаница, действительно, имела место.

В 1958 году бывший военный летчик англичанин Питер Джордж под псевдонимом «Питер Брайант» выпустил научно-фантастический роман о начале третьей мировой войны. Книга называлась «За два часа до гибели» (в США она вышла под названием «Красный телефон тревоги»).

Отдельные сюжетные линии и образы — безумец ученый, свихнувшийся на почве антикоммунизма американский генерал, отдавший приказ нажать злополучную кнопку, — привлекли внимание Стэнли Кубрика. Однако он увидел в книге совсем не то, что пытался изобразить автор. В соавторстве с известным кинодраматургом Терри Сазерном Кубрик написал сценарий фильма и поставил картину, принесшую ему успех. А Питер Джордж, книгу которого, не выйдя фильм Кубрика на экран, скорее всего просто забыли бы, довольствовался тем, что в тот же год создал новую «версию» (фактически добросовестно переписанный сценарий) — уже под собственным именем и сохранив название фильма... Так появился «роман» Джорджа «Доктор Стрейнджлав».

Имя автора ныне действительно забыто. Два года спустя он еще раз попробовал силы в фантастике (герой романа «Командир-1» — еще один спятивший, капитан атомной подводной лодки, начинающей третью мировую войну), а затем случилось событие непредвиденное и драматичное. Не выдержав давления атомной истерии, Питер Джордж в 1960 году покончил с собой... Что касается Стэнли Кубрика, то его имя отныне прочно ассоциируется с фильмом «Доктор Стрейнджлав...».

Режиссеру удалось создать нечто принципиально новое по сравнению с предшественниками. Брэдбери с библейским пафосом клеймил, Шют и Креймер взывали к холодному разуму, здравому смыслу. А Кубрик попытался атомную бомбу *высмеять*. Высечь ее беспощадным смехом.

Тут, конечно, встает вопрос: а можно ли? А нужно?..

Вопрос закономерен, но, как часто в искусстве случается, решение зависит от прецедента, от чьей-то удавшейся попытки. Как метод, пример для подражания — выщучивание атомной бомбы, хохот над сожженным, пусть и в результате собственной глупости, человечеством вряд ли вызовет сочувствие. Но в качестве исключения... В данном случае фильм удался, и победителя не судят!

Время Кубрик вычислил точно. В те годы настроение отчаянного безрассудства в отношении видов на будущее преобладало. Считалось само собой разумеющимся, что во-

енные безумны, вся их атомная машинерия абсолютно неуправляема и, следовательно, катастрофа неизбежна. А психологам хорошо известно: когда наваливается отчаяние и вот-вот произойдет истерический срыв, психологическим механизмом его предотвращения часто служит смех.

В этом тоже чувствуется какая-то уступка, слабость. Защищаться от «дискомфортной» мысли можно ведь и по-другому? Мужественно и трезво взглянув в лицо опасности, искать пути ее предотвращения, как бы ни был затруднителен этот поиск: бить в набат, заставляя проснуться и других.

Но... высмеять оказалось проще: «Вместо трезвого анализа постановщик предложил свой метод — абсурда, своего рода защитный механизм, позволявший просто выкинуть проблему вон из головы. Мало ли в жизни трагических, в принципе не поддающихся исправлению мерзостей!.. Так люди проникаются чувством фатальной неотвратимости гибели и первыми стремятся туда, где наиболее интенсивная бомбардировка: чем скорее, тем лучше. Большого мужества, впрочем, в таком отчаянном шаге мало»⁸⁴.

Присмотримся к персонажам «черной комедии» Кубрика. Свихнувшийся на почве антикоммунизма американский генерал (его фамилию можно перевести на русский язык как «Потрошитель»), пославший стратегическую авиацию бомбить советские города. Командир одного из экипажей, чей самолет из-за поломки в бортовой рации не удалось вернуть на базу, — форменный дебил с тоже «говорящей» фамилией Конг (немедленная ассоциация с крушащей что ни попадя гигантской обезьяной из напумевшего кинофильма «Кинг Конг»). Наконец, еще один потенциальный пациент психиатрической лечебницы — член экипажа злополучного бомбардировщика, севший верхом на атомную бомбу с надписью на боеголовке: «Эй там, приветик!» — и ринувшийся вниз, едва раскрылись створки бомбового люка...

Шутовской хоровод возглавляет совсем уже inferнальная маска доктора Стрейнджлава, фамилия которого переводится как «Странная любовь». Это маньяк-ученый, искалеченный — у него все, и душа, кажется, тоже на протезах, — но бодро деловитый, когда речь идет об уничтожении человеческих особей. На его прошлое указывают любопытные детали: оговорки «мой фюрер» (в обращении к президенту США) и чисто рефлекторное выбра-

сывание вперед руки-протеза... За экраным доктором Стрейнджлавом американские зрители увидели и некоего «доктора» из Освенцима, по имени Йозеф Менгеле, и коекого из персонажей более близких по времени. Бывшего военного министра США Джона Форрестала или, скажем, Вернера фон Брауна.

Да, конечно, все это зло, остроумно, забавно, но...

К середине 60-х годов подобные образчики «черного юмора» на тему атомной войны можно было рассматривать уже как тупик, кризис сознания, не находящего выхода. В то время многие почувствовали зловещую западню, в которую загоняло себя человечество — позже ее точно охарактеризуют как «атомный пат», — и, чтобы от отчаяния не опустили руки, всюю язвили и зубоскалили.

Страх парализовал волю, мысль, остатки гражданского чувства. И вот уже наступление атомного конца света некоторыми авторами было воспринято как нечто неизбежное — «преступление» природы, вроде лавины или землетрясения, остановить которое невозможно. И единственное, что остается: попытаться пережить, пересидеть. Восстановить все заново, когда уцелевшим, выжившим из своих нор-убежищ предстанет ужасающий «пейзаж после битвы».

Пол Брайнс в книге «Ядерные холокаусты» с тревогой отмечал, как мало в американской фантастике произведений, герои которых хоть что-то попытались бы сделать в «дни до» (их действия в «день после» описаны сотни раз, и об этом еще пойдет разговор). Предотвратить катастрофу, вместо того чтобы напрягать воображение в поисках вариантов выживания на атомном кладбище. «Если герои романов все же протестуют против наличия у сверхдержав атомного оружия и его распространения по планете, — пишет Брайнс, — то эти протесты, как правило, выглядят либо неразумно, либо подозрительно. Но если даже персонажу той или иной книги удастся убедительно разъяснить читателю свою точку зрения и продемонстрировать самые благородные намерения, его попытки вмешаться в исторический процесс и предотвратить катастрофу обычно малоэффективны»⁸⁵.

Зато, как только дело доходило до описаний жизни в «постатомном» мире, фантазия обычно разыгрывалась не на шутку. Настолько выигрышным — как ни кощунственно это звучит — оказался кое-кому ядерный «антураж», что в американской фантастике образовался сам собой даже особый поджанр: *post-holocaust story*. Произведение о мире после ядерной катастрофы.

И такие книги вскоре пошли потоком...

«Нет необходимости указывать на ту неоспоримую истину, что третья мировая война была бы последней мировой войной, развязанной против мира, против самой нашей планеты. Этот конфликт поставил бы один-единственный вопрос: не о том, скольким бы людям удалось выжить при ядерном ударе, а о том, как долго был бы час их умирания на умирающей планете»⁸⁶.

Слова, произнесенные сенатором Эдвардом Кеннеди в 1983 году, содержат опыт, накопленный за почти три десятилетия после Хиросимы. Исследования ученых со всей убедительностью поставили крест на каких бы то ни было утешительных фантазиях о жизни людей после ядерной войны. Жизни?! Читая лучшие произведения мировой фантастики, рано или поздно проникаешься пафосом авторов (а они в этом вопросе на редкость солидарны): выжившие еще позавидуют сгоревшим в атомном пламени, ибо для тех все кончилось быстро...

Как часто случалось в истории этой литературы, наиболее смелые идеи высказаны на удивление рано.

И двух лет не прошло после хиросимской трагедии, как вновь решил тряхнуть стариной — написал второй свой научно-фантастический роман, точнее, сценарий — живой классик британской литературы Олдос Хаксли. Мудрый и скептический автор знаменитого романа «О, дивный новый мир» на сей раз особых литературных лавров не стяжал, но его новая книга «Обезьяна и сущность» (1947), по крайней мере, в атомной фантастике заметный след оставила.

Досье по теме «Атомные часы»:

ОЛДОС ХАКСЛИ

1894—1963

Выдающийся английский романист, критик, эссеист, один из основоположников современного интеллектуального романа. Окончил Оксфордский университет, учился на врача, но потом полностью переключился на литературную деятельность. Автор романов «Желтый Кром» (1921), «Контрапункт» (1928), «О, дивный новый мир» (1932) и др. С 1937 г. жил в США.

В 1947 году еще существовала теоретическая надежда на выживание в ядерной войне. Хотя бы части человечества. Но автор романа серьезно задумался над опытом

двух мировых войн, коим был свидетелем, и, видимо, сделал в уме подсчеты, связанные со скоростью процесса, эскалацией разрушительных сил, которые человечество осваивало с каким-то самоубийственным пылом.

Справедливости ради следует сказать, что над феноменом войны — *войны в XX веке* — Хаксли глубоко задумался еще в двадцатилетнем возрасте. Это неудивительно: как раз началась первая мировая война. Служить в армии ему не пришлось из-за поразившей незадолго до того тяжелой болезни глаз, но, как и в случае с Рэем Брэдбери, можно утверждать, что как писатель *видел* он отменно. «Мы жили в мире, потерпевшем социальное и моральное крушение, война и порожденная ею новая психология разбили вдребезги большую часть установлений, традиций, верований и духовных ценностей, которые поддерживали нас в прошлом»⁸⁷, — писал молодой автор, в 1919—1921 годах входивший в антивоенное писательское объединение «Кларте».

После второй мировой войны писателю стало не до язвительных выпадов в адрес вечного объекта его изящной и острой как бритва иронии — прогресса. Несмотря на «черный юмор», которым заполнен роман «Обезьяна и сущность», книга написана человеком смертельно *испуганным*.

В отличие от героев романа и фильма «На берегу», персонажам Хаксли повезло: они выжили. От Новой Зеландии, берегов которой не коснулась война, уходит на поиски других очагов цивилизации экспедиция на подводной лодке. Но что она обнаруживает в Калифорнии? «Цивилизацию» варваров-канибалов, исповедующих новомодный культ смерти... Причем «обезьяна» из названия романа — это конечно же та самая обезьяна из пролога к фильму Кларка и Кубрика.

Ранняя попытка оказалась первой ласточкой. Вариант Олдоса Хаксли — чем не обобщающий, редкостно точный символ всей последующей постатомной фантастики?

Олдос Хаксли был первооткрывателем, разведчиком. Когда месторождение было разведано и признано перспективным, за менее разборчивыми «старателями» дело не стало. Тема постядерного мира превратилась в настоящую золотую жилу западной фантастики.

В романе «Ярость» (1950) Генри Каттнера и Кэтрин Мур есть примечательная фраза, не утратившая значе-

ния и поныне: «Не ядерная война уничтожила Землю, а ядерный образ мысли».

Ядерный образ мысли — это подсчет «их» боеголовок против «наших», это надежда на атомные «кулаки» в деле реализации часто и вовсе мизерных политических амбиций, это по-прежнему вера в победоносную войну с использованием атомного оружия. Научная фантастика показала и цену такой «победы», и ее возможный результат.

Перелистывая книги, теперь уже безусловно отошедшие в *историю* научной фантастики, мы везде натыкаемся на одни и те же картины.

Коллапс цивилизации, лишившейся большинства своих внутренних связей. Разрозненные феодальные княжества — хорошо если не родовые общины. Рост суеверий и агрессивного невежества, искореженная и выброшенная на свалку истории человечность и нравственность, торжествующее право сильного. И полная безнадежность в перспективе. А еще мутанты, рождающиеся на радиоактивном пепелище, странные животные и растения, начинающие свой поход против умирающего человечества; и даже новые, невиданные физические, химические и биологические явления, которые, увы, изучать скорее всего будет некому...

И в самых оптимистических (насколько это слово вообще уместно в контексте разговора) книгах дальнейшая судьба человечества, начавшего новый, постатомный эволюционный разбег, выглядит жутко. «Отныне мы можем смотреть в будущее с надеждой. Если только к данным обстоятельствам применимо слово «надежда»⁸⁸. Этой невеселой фразой завершается роман Роберта Мерля «Мальвиль». Но то 1972 год, французский писатель лишь подытожил опыт, накопленный за четверть века — *двадцать минут* по атомным часам — эры Хиросимы.

Опыт действительно огромный.

Видимо, с легкой руки Каттнера и Мур, описавших конфликт между «нормальными» и мутантами, последние буквально заполонили американскую фантастику. Злодеи или жертвы (в зависимости от обстоятельств и намерений авторов), мутанты в любом качестве были эффектны, и часто за их злоключениями читатель быстро забывал о причине, вызвавшей этих убогих существ.

Кроме того, мутанты обеспечивали накал и другого конфликта — между традициями, сохраняемыми наиболее консервативными силами в обществе, и вносящими раз-

лад *чужаками*. Расизм, нетерпимость, предрассудки — все это в большей степени, чем сама атомная война, волновало уже встречавшегося нам на страницах этой книги английского фантаста Джона Уиндэма, чей роман «Куколки» (в США книга вышла под названием «Перерождение»), безусловно, относится к постатомной классике.

Досье по теме «Атомные часы»:

ДЖОН УИНДЭМ ПАРКС ЛУКАС

БЕЙНОН ХАРРИС (ДЖОН УИНДЭМ)

1903—1969

Английский писатель-фантаст. Систематического образования не получил. После смены нескольких профессий переключился на литературную деятельность. Участник второй мировой войны. Дебютировал в фантастике в 1931 г. Автор книг «День триффидов» (1951), «Кукушки Мидвича» (1957) и др.

Нет нужды пересказывать роман, вышедший в 1955 году, — книга недавно переведена на русский язык. Напомним только, что изгоями мутанты стали в обществе, где сородичи поклоняются возрожденному культу нормы, а против всех «деформированных» объявлен самый настоящий «крестовый поход». Особую ярость толпы вызывает дар, чудесным образом открывшийся у переживших атомную бойню, — телепатия, ясновидение. Кстати, на этот же дар уповает и автор, не смея отказывать себе в вере — эта сверхспособность или какая-то иная, но что-то же должно спасти человечество?

Хотя о каком спасении говорить... На опустошенной планете долго не прожить. Зараженные радиацией воздух и вода, переставшая родить земля и рождающие уродов ее дети, впавшие в варварство. Что касается культуры, знания, то удушливый мрак темных веков человеческой истории покажется в сравнении с постатомной «цивилизацией» идиллической Аркадией или Афинами времен Перикла. Кто-то, возможно, и приспособится — границы адаптации для человеческого организма никто пока не установил, — но одно ясно: это будут уже не люди.

По-видимому, автор «Куколок» в те годы, когда писал книгу, еще не смотрел на вещи столь мрачно. В финале читателя одаряют искоркой надежды: оказывается, в Новой Зеландии (опять!) цивилизация сохранилась и люди полны решимости возродить человечество.

Но шло время, и совсем по-иному «прочли» роман Уиндэма два десятилетия спустя. Сюжет книги лег в основу песни из альбома «Венец творения» популярной английской рок-группы «Джефферсон Эйрплейн». На обложке альбома — известное фото атомного гриба над Хиросимой, а что касается песни, навеянной романом Уиндэма, то от нее веет ледяным спокойствием *конца*. В середине 70-х годов даже молодежная контркультура имела о ядерной войне представление большее, чем умудренные фантасты 50-х...

Однако вернемся в первые десятилетия постатомной эры, когда минутная стрелка атомных часов (еще не появились световые индикаторы) не прошла и половины циферблата...

Многие, подобно Уиндэму, в своих выводах шли до логического конца.

Во-первых, росло и крепло подозрение, что и после такой встряски, как ядерный Апокалипсис, человечество едва ли успокоится — и в романе Мюррея Лейнстера «Полет во имя жизни» (1947) выжившие вновь принимаются за самые обычные авиабомбы. А во-вторых — как в романе Брайна Олдисса «Серая борода» (1964) — угнетало предчувствие, что женщины вообще перестанут рожать. Герои Олдисса живут одними слухами: говорят, что где-то... у кого-то... Реальных детей никто не видел, зато видели, по другим рассказам, в лесах гномов и гоблинов.

Нельзя сказать, чтобы это «упадочное» искусство пользовалось особой популярностью у массового американского читателя (Уиндэм и Олдисс — англичане, и читали их больше на родине, в Англии). Особенно не удовлетворяла пессимистическая концовка, для американцев, впитавших оптимизм с молоком матери, требовалось нечто иное. Им ближе по духу оказался Пэт Фрэнк, автор восторженно принятого романа «Увы, Вавилон» (1959).

Под пером этого американского фантаста словно ожили тени Робинзона Крузо и Сайруса Смита. Но где? На радиоактивных развалинах цивилизации! Ее последний оплот — городок во Флориде, который выжил, сохранился и даже стал местом общенационального возрождения благодаря своим жителям, превыше других социальных благ ценившим *порядок*. Традиции, разумный консерватизм и хладнокровие в любых ситуациях — вот что, по мнению Фрэнка, может противостоять атомному пожару.

Многие читатели в Америке приняли подобные «теории» всерьез. Однако в тот же год вышел еще один ро-

ман. «Оптимистичным» его не назовешь при всем желании, однако успех он снискал не меньший, чем утопия Фрэнка!

Роман Уолтера Миллера «Кантата на смерть Лейбовица» по сей день остается одним из самых ярких и глубоких произведений на интересующую нас тему.

Досье по теме «Атомные часы»:

УОЛТЕР МИЛЛЕР-МЛАДШИЙ

1922—1985

Американский писатель-фантаст. Получил религиозное образование в католической школе. Работал журналистом. Печататься начал с 1951 г. Обладатель высших премий в жанре научной фантастики.

Еще в 1952 году начинающий писатель-фантаст опубликовал рассказ «Тупой официант», в котором критика и читатели заметили переключку с новеллой Брэдли «Будет ласковый дождь». Тот же отданный «на откуп» машинам постатомный мир, где все живое уничтожено, и управляемые автоматами самолеты продолжают бомбить города, населенные... роботами.

Для писателя это была проба пера, первый подступ к теме, которая заиграла в полную силу в «Кантате на смерть Лейбовица».

Совсем не случайно включена в досье информация о религиозном воспитании автора романа: он возложил миссию духовного спасения человечества, карабкающегося из ядерной преисподней, на... римско-католическую церковь!

Ею создано на обломках цивилизации нечто вроде монашеского Ордена Хранителей знаний. И все же, несмотря на первые успехи в деле объединения рассыпанных в североамериканской радиоактивной пустыне крошечных аграрных сообществ и полуфеодальных государств-штатов, церковь и на этот раз терпит поражение. Собираемая буквально «по винтику» цивилизация оказалась не в силах изгнать из себя разъедающего ей душу беса. Новая война — теперь уж наверняка последняя — ставит окончательную точку и на чаяниях монахов, и на самом человечестве.

Может быть, автор верил — хотел верить — в возможность создания «нового неба на новой земле». Не случайно в финале группа монахов на построенном с невероятным трудом звездолете отправляется искать счастья в космос. Мне кажется, Миллер искренне искал «вариант»

духовного возрождения на атомном пепелище. Но многие детали романа, и в особенности его финал, убеждают лучше любой атеистической лекции: христианский бог не спасет.

...Через восемь лет американский писатель Деймон Найт опубликует коротенькую новеллу «Восславит ли прах Тебя?» (1967). В ней Господь в сопровождении ангелов отправляется на Землю, чтобы узнать, почему никто не восстал из могил по трубному гласу, возвестившему приход Страшного Суда. Земля обезлюдела, океаны испарились, и даже горы разрушились в результате ядерной катастрофы, вызванной Его неразумными чадами. Впрочем, кое-что они все-таки разумели, ибо оставили гигантскую надпись, «вырезанную» в горах и залитую расплавленным металлом их машин и приборов. И Бог прочел: «Мы были здесь. Где же был Ты?»

Но вернемся к Миллеру. В рассказе «Тупой официант» мелькнули отголоски темы, которую потом развивали и расцветчивали разными красками многие авторы. Речь идет о технике, которая после смерти человечества в атомном пожаре возьмет все в *свои* руки.

Еще раньше Брэдбери в рассказе «Будет ласковый дождь» описал бессмыслицу, идиотизм запрограммированных действий в отсутствие и «программистов», и какой бы то ни было *цели* подобных операций. О том же пишет и Миллер (можно добавить «Летучего голландца» Уорда Мура)...

Но в отдельных случаях фантазия авторов шла дальше простой констатации ирреальности происходящего.

...Два военных суперкомпьютера, построенные враждующими странами, тайно «сговариваются» и уничтожают все человечество. За исключением случайно уцелевших одной женщины и четырех мужчин, брошенных ими в подземелье, на свалку *бесполезных машин* (рассказ Харлана Эллисона «У меня нет губ, чтобы кричать», 1967) *.

Компьютер министерства обороны США, призванный избавлять население от «военного невроза» во время затяжной ядерной войны, влюбляется (!) в свой советский аналог, после чего вместе они уничтожают автоматизированные армии противников и восстанавливают мир на

* Два года спустя Эллисон опубликовал рассказ «Феникс», в котором экспедиция из *будущей* Атлантиды (а не легендарной древней) разыскивает погибший город, о котором рассказывают, будто он недавно поднялся со дна морского. Оказывается, что это радиоактивные развалины Нью-Йорка...

планете (рассказ Альберта Фриборга «Неосторожное чувство», 1954).

Наконец, нельзя не упомянуть целую серию произведений на эту тему Филиппа Дика, имя которого нам уже встречалось.

Досье по теме «Атомные часы»:

ФИЛИПП КЕНДРЕД ДИК

1928—1984

Ведущий американский писатель-фантаст. Систематического образования не получил, сменил много профессий, прежде чем обратился к литературной деятельности. Печататься начал с 1952 г., за тридцать лет опубликовал несколько десятков книг: «Человек в Высоком Замке» (1962), «Убик» (1969) и др., сотни рассказов. Лауреат высших премий в жанре научной фантастики.

В 50—60-е годы картины постатомного мира преследовали писателя неотступно.

Правительство бежит от войны на «персонализированную» Луну, а на Земле продолжается бойня. Она идет без остановки даже после того, как все человечество истреблено, а драться продолжают военные роботы. Они бьются между собой, а также с мутировавшими крысами, которые научились строить «убежища» из пепла. Это рассказ «Вторая разновидность» (1953). В том же году вышел еще один, вероятно самый известный и наиболее часто упоминаемый, рассказ Дика — «Защитники» (впоследствии на его основе был написан роман «Предпоследняя правда»), в котором автор предлагает оптимистичный вариант того, что впоследствии, если люди не образумятся. Образумят их... роботы!

Долгие восемь лет ядерную войну вели на поверхности планеты автоматы, пока их хозяева отсиживались в подземных убежищах. И вот на поверхность послан исследовательский отряд, который обнаруживает невероятное: оказывается, роботы войну давно *имитируют*, чтобы люди сидели себе под землей и не вмешивались. Ибо у роботов есть цель. Они чистят, дезактивируют планету, возводят разрушенное — готовясь к тому дню, когда люди, преодолев наконец свои примитивные инстинкты саморазрушения, смогут снова выйти на поверхность, чтобы отныне жить в мире и согласии...

Чего больше в этом рассказе — веры или отчаяния? Не знаю, смотря как читать эту притчу. Сам факт, что произведений, подобных «Защитникам», в американской фантастике — *единицы*, говорит о многом. На фоне того, что пишется, рассказ Дика можно читать как произведение безусловно оптимистическое.

Если же честно... Стоит только серьезно задуматься о судьбе закопавшихся под землей людей, и к выводам приходишь совершенно иным. Никакой второй попытки не будет. А само выживание превратится в растянувшийся на долгие годы и оттого еще более мучительный *конец*.

Вдвойне мучительный. Потому что, умирая, люди будут вспоминать содеянное ими там, наверху, на поверхности Земли. У них хватит времени обо всем поразмыслить перед смертью.

В один год с «Каптатой на смерть Лейбовица» вышла книга, которую заметили и высоко оценили такие выдающиеся борцы за мир, как Лайнус Полинг и Бертрам Рассел, — роман Мордекай Рошвалда «Уровень 7».

...На сей раз мир погиб просто по ошибке. В живых остался только персонал сверхсекретного подземного центра управления ядерными ракетами. Отсюда планировалось нанести удар возмездия. Все было рассчитано: при атомной атаке на «Уровне 7» успели бы нажать соответствующие кнопки... Дневник безымянного офицера (имен у жителей убежища пет, они заменены цифровыми индексами), последнего летописца атомной эры, опускающегося все ниже и ниже, с уровня на уровень, никто на поверхности никогда не прочтет. Те, кто составлял проект убежища, *не предусмотрели* лифтов и эскалаторов, идущих вверх... Пропитания, энергоресурсов у выживших — на добрые сотни лет; но вот солнца ни они, ни их дети никогда не увидят.

До боли ясный образ-символ всей постатомной фантастики. Раз нажав роковую кнопку, человечество никогда не выберется на поверхность.

И вздрогнул мир, и затих — распорот!
Ссутулясь от войп, приподнявши ворот,
Они уходили в подземный город,
Сами, наверно, не зная тогда,
Что не вернутся уже никогда⁸⁹, —

написал четверть века спустя западногерманский поэт и писатель Эрих Кёстнер.

...В массе своей постатомная фантастика представлена американскими авторами. Но не только в Соединенных Штатах были озабочены судьбой цивилизации, прошедшей через горнило ядерной войны. Может быть, эта проблема в первую очередь затрагивала, должна была затронуть, как раз писателей-неамериканцев. Одно дело престиж, амбиции «сверхдержавы» и совсем другое — ощущения безвинных заложников в ядерной игре.

Тем не менее подобных примеров почему-то немного. В библиографиях встречаются произведения шведа Свена Хольма, венгра Питера Жолдоша, итальянца Ливио Хоракха; рассказы и отдельные книги японских фантастов. В своих розысках самых ранних, созданных еще в первое десятилетие после Хиросимы примеров такого рода я обнаружил только два романа французских авторов — Р. Б. Брюсса и Рене Баржавеля.

Но нашему читателю, без сомнения, известна одна такая книга писателя-неамериканца. Дебют в научной фантастике молодого тогда польского врача и начинающего литератора — роман «Астронавты» Станислава Лема.

Досье по теме «Атомные часы»:

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Род. в 1921 г.

Выдающийся польский писатель-фантаст, публицист, автор оригинальных философских работ; один из классиков современной научной фантастики. Окончил Львовский университет, работал врачом. Печататься начал с 1949 г. Дебютировал в фантастике в 1951 г. Автор романов «Солярис» (1961), «Непобедимый» (1964), «Возвращение со звезд» (1961) и др. Лауреат высших польских и европейских премий в области литературы.

Роман «Астронавты» (1955) не отнесешь к вершинам творчества Лема; в этой пробе пера лишь зоркий и искусленный глаз смог бы разглядеть будущего автора «Соляриса» и «Возвращения со звезд». Но в развитии темы, за которой мы следим, первая фантастическая книга польского писателя свой след прочертила.

В романе изображена глобальная ядерная катастрофа, гибель всего живого в масштабах планеты. Пусть это не Земля, а Венера, жители которой планировали осуществить ядерную бомбардировку своей небесной соседки,—

все равно, земной цивилизации дапо ясное и недвусмысленное предупреждение. Картины, которые застали на Венере члены международной экспедиции, только в общих чертах позволяли мысленно реконструировать события, которые произошли задолго до этого.

Еще один «пейзаж после битвы», рассказавший не о битве даже — о коллективном, целепом и по-своему закономерном самоубийстве целого мира.

«Энергия, которая должна была обрушиться на Землю, встала над всеми городами этой планеты в виде атомных солнц — солнц, заблеставших не навек, чтобы творить и улучшать жизнь, а лишь на мгновение, чтобы уничтожить ее. При температуре в миллион градусов кипели и растворялись их великолепные здания, пылали машины, лопались и плавились мачты радиоактивных излучателей, взрывались подземные трубы, по которым текла черная плазма. Так возникли картины, которые нам довелось увидеть через много десятков лет после катастрофы: развалины, пепелища, пустыни, леса скопденсированных кристаллов, реки ферментирующей плазмы в диких ущельях и этот Белый Шар, последний свидетель катастрофы, механизм которого, разладившийся, но все еще действующий, продолжает работать, бессмысленно и хаотически освобождая накапливаемую энергию... и будет работать, пока в подземных резервуарах еще пульсируют запасы черной плазмы. Это может тянуться сотни лет...»⁹⁰

При всем обилии постатомной фантастики, написанной на исходе первого десятилетия Хиросимы, книга Лема особенно впечатляет. Встречались в книгах его американских коллег картины пострашнее, но, пожалуй, только в его романе «*атомная лавина*» получила адекватное воплощение.

Сорвавшаяся от случайного крика лавина. Бикфордов шнур в пороховом погребе, зажженный от искры в проводке... Спустя почти тридцать пять лет мы в состоянии оценить точность сравнения, но не будем забывать: Станислав Лем привел его в 1955 году, когда счет шел по старинке: у нас бомб столько-то, у противников — меньше (больше), соответственно в результате молниеносной ядерной атаки шансов победить у нас больше (меньше). В те годы подобная логика никому не представлялась *пещерной*, за исключением, может быть, отдельных авторов фантастических романов. Но кто их читает? Дети, подростки, отдельные фанатичные поклонники этого жанра...

Тем более ценным — и сегодня все еще редким — представляется трезвый и логичный взгляд польского писате-

ля на проблему. Большинство его коллег все это время откровенно *развлекали* читателя приключениями или мелодрамой, разыгранными на постатомных подмостках.

Особенно заметна игра с читателем в последние годы. Если задуматься, то в этом не было ничего удивительного. «После того как предсказания ученых становились все более и более мрачными, «внутренние ландшафты» серьезной постъядерной фантастики являли собой вид все более бледный. И разве странно, что в ворота, перед которыми в задумчивости останавливались авторы *научной* фантастики, сломя голову и давясь кинулись авторы фэнтези»⁹¹, — ставит диагноз новому поветрию обозреватель журнала «Локус».

Фэнтези на радиоактивном пепелище — это что-то новое. А почему бы и нет? Большинство авторов научной фантастики, по-прежнему остающейся в Америке популярной коммерческой литературой, массовым чтивом, в первую очередь озабоченно мыслью: как *подать* себя? Или продать. В этом термине на американский слух не содержится ничего предосудительного, скорее наоборот. А уж предотвращение угрозы ядерной войны — дело десятое...

И понеслись по страницам американской фантастики, по пустыням и развалинам городов, еще «чадящих» радиацией, бесчисленные орды варваров, вооруженных волшебными амулетами и мечами. Не уступают им в кровожадности и сатанизме вооруженные до зубов амазонки. Из всех щелей повылезли волшебники, демоны, мутанты, какие-то «неопанки» или «неорокеры» на остатках уцелевшей колесной техники. Ядерные взрывы «стимулировали» появление драконов и уж попросту необъяснимых темных сил, века, если не тысячелетия, сидевших под запором. В мире, пережившем ядерную войну, вновь воцаряется магия, а орды неолуддитов громят остатки ненавистного прошлого, в том числе его памятники, технику, произведения искусства...

Конечно, дело вкуса, но читать подобное в большом количестве (а в последние годы еще и смотреть — достаточно привести пример популярного киносериала о Бешеном Максе!) мне представляется допустимым только с целями исследовательскими. Это не явление литературы, даже если серьезно изучать ее «массовую» составляющую, а феномен общественного сознания.

Авторы большинства позднейших произведений на редкость солидарны: на радиоактивном попелище идеально «проходят» битвы и вооруженные схватки, «ядерные драки на мечах определено в моде»⁹².

В качестве примера подобной «фантастики на тему атомной войны» (как часто критиков и издателей у нас в стране вводят в заблуждение такие сверхлаконичные аннотации) я приведу серию книг американского автора Роберта Адамса «Всадники».

Первый роман серии — «Появление всадников» вышел в 1975 году. Поначалу темп «изготовления» книг не вызывал тревогу (все могло ограничиться и весьма популярной на американском рынке трилогией), однако позже автор вошел во вкус, и издательство «Сайнет» стало выпускать книги серии с бесперебойностью штампующего прессы.

Рассказывать о таких многосерийных опусах очень просто. Περιετιη конкретныъ выпусков, во-первых, быстро забываются, а кроме того, похожи как капли воды; так что беглая аннотация «в целом» достаточно ясно даст представление о подобной продукции.

Итак, Адамс изображает мир 2250 года. Прошло шесть столетий после ядерной войны, длившейся всего два дня. Человечество вернулось к варварству, слегка «украшенному», правда, открывшимся даром телепатии (популярная идея). Но вот что поновее, так это телепатическая связь с братьями нашими меньшими — от ягуаров до лошадей.

С экспозицией покончено. Происходит же на сцене привычное, так сказать, большой джентльменский набор: кровопролитные битвы, переходящие в резню, изуверские пытки и изнасилования всех, кого ни попада: женщин, мужчин, детей обоего полу. Последние вообще, кажется, представляют для автора особый интерес; честно говоря, не читал я произведений, где бы столь планомерно, долго и, да простятся мне кощунственные слова, «с чувством» насиловали детей...

Научная фантастика! Боже правый, мир человеческого будущего... Надо ли говорить, что «атомную» тему автор припел лишь из соображений актуальности.

Впрочем, он не остановился на достигнутом и в последних выпусках серии описал еще кровосмешение, каннибализм, скотоложество, некрофилию... В восьмом романе «Всадников» (вышел в 1981 году) Адамс вроде бы смиловился над главным героем, убив его и избавив в будущем от новых подвигов на ниве половых извращений.

И такая продукция находит читателя. По крайней мере, серийный конвейер продолжает работать безостановочно: в 1988 году издательство порадовало читателей

очередным, восемнадцатым по счету выпуском адамовой эпопеи.

Что же, с одним из полюсов современной постатомной фантастики как будто все ясно. Но переведем свой взор на противоположную границу спектра; справедливости ради нужно указать и редкие примеры настоящей *литературы* о мире, пережившем ядерную войну. За последние полтора десятка лет атомный пепел стучал в сердца честных, талантливых художников, и они пытались сказать что-то новое по сравнению с предшественниками. Только вот что они могли предложить?

Предлагали — даже утопию, новую робинзонаду! Причем без пошлого «звездно-полосатого» оптимизма с его святым убеждением, что крепкие руки, природная смекалка, умение стрелять, а также спасительные остатки передовой американской технологии, мистически пощаженной войной, обеспечат привычное «о'кэй» и в постатомном мире.

Правда, французский писатель Робер Мерль (а о нем и пойдет сейчас речь) несколько облегчил участь своим «робинзонам», героям романа «Мальвиль» (1972). В его *чистой* литиевой бомбе, не оставляющей смертельного фона радиации, легко угадывается вполне реально разрабатывавшаяся тогда нейтронная...

Досье по теме «Атомные часы»:

РОБЕР МЕРЛЬ

Род. в 1908 г.

Ведущий французский прозаик. Окончил Парижский университет, защитил диссертацию по литературе. Во время второй мировой войны сражался в армии, пережил трагедию Дюнкерка, описанную впоследствии в романе «Уикэнд на берегу моря». Автор романов «Война — мое ремесло» (1948), «Мадрапур» (1976) и др. Член Французской коммунистической партии. Гонкуровская премия по литературе (1949), лауреат международных премий в жанре научной фантастики.

«Мальвиль» — произведение значительное во многих отношениях и разговора требует обстоятельного⁹³. Но некоторые детали полезно напомнить.

Формально это классический «роман о выживании», пропетый — вполне в традициях Жюль Верна — гимн неистребимой человеческой способности выстоять, отстроить

вновь по кирпичикам разрушенное (пусть даже атомным смерчем) здание цивилизации. Начав, можно сказать, с нуля... Герои «Таинственного острова» во главе с Сайрусом Смитом использовали знания, опыт, смекалку и природный оптимизм, поставив задачу не просто выжить, но и выжить достойно, сохранив человеческий облик. Мальвильской общине, возглавляемой Эмманюэлем Контом, предстоит то же самое.

Только на сей раз исходные условия принципиально иные.

Персонажей Жюль Верна поддерживала надежда на спасительный белый парус на горизонте. Они лишь временно оказались оторваны от человечества, но оно само жило, присутствовало незримо во всех их мыслях и поступках. И вопрос стоял: как сохранить в себе выработанные цивилизацией мораль, законы поведения, повседневный опыт, знания, как не растерять их до момента возвращения в общество, воспитавшее этих людей. Да если б у них хоть на мгновение погасла надежда на возвращение — что бы заставило их держаться за истинно человеческое в условиях абсолютно нечеловеческих!

Обитателям замка Мальвиль начинать в полном смысле слова с нуля. Никакого возвращения не будет, ибо «оборвалась за отсутствием объекта История; цивилизации, о которой она рассказывала, пришел конец»⁹⁴. И вместе с ней — писатель не пытается как-то смягчить жестокую правду — и морали этой цивилизации, и ее культуре, и науке, и социальным институтам — словом, всему-всему, что было с ней связано. Что, подобно неприступной замковой твердыне, укрывшей мальвильцев от атомного пламени, защищало на протяжении веков и человека, его сознание, духовный мир; его человечность... Отныне все признано недействительным, все отменено, превратилось в пустой звук, в фантом — кроме горстки людей, представляющей теперь население Земли.

Оптимизм Мерля кажется заразительным: веришь, что население маленькой общины сохранится и умножится. Только сможет ли опять стать *человечеством*? Целый мир придется возводить заново, не оглядываясь на прошлый опыт и подчиняя все заботы, идеи и действия единственной задаче — выжить. Выкарабкаться из ямы, куда завел этот проклятый «опыт», и оставить будущим поколениям какой-то новый, тот, что *их* — уберет.

Многое из того, что предлагает Мерль, вызовет активное неприятие, даже протест у определенной категории

читателей — будь то новая сексуальная политика или новая же политика *социальная*, замешенная па католицизме. И в становящейся совершенно уж харизматической фигуре вождя — Эмманюэля Конте начинают проступать до боли знакомые черточки «отца и учителя», идущего буквально на все (в том числе наступающего на мораль) во имя «народа»... Не потому ли так скоропалительно, с точки зрения внутренней логики произведения, *необоснованно* убивает его в финале автор, что обоснования у него другие, не литературные? Он ведь помнит, к чему это не раз приводило в истории...

Двусмысленная утопия, если разобраться. И финал оставляет ощущение двойственное: «Теперь мы можем смотреть в будущее с надеждой. Если только к данным обстоятельствам применимо слово «надежда», — ставит свою последнюю точку в повествовании друг и соратник Конта, новый летописец Мальвиля, отметив знаменательное событие: мальвильцы заново открыли порох. Продержаться — то они продержатся, но останутся ли *человечеством*? Все тот же вопрос, на который нет ответа...

И смогут ли противостоять искушению — все попробовать заново: сначала с порохом, потом с иными изобретениями неумного человеческого духа?

Эти вопросы автор только формально оставляет открытыми. Кажется, он хорошо знает, что ответить, но сохраняет внешне бесстрастную, объективистскую манеру изложения, призывая читателя самостоятельно прийти к ответам.

Кстати, идея с вторичным открытием пороха — не случайная оговорка французского романиста. Верят, что заново открытый атом вернет человечество в существовавший до ядерной войны «золотой век», и персонажи романа английского писателя Рассела Хобана «Гуляка Риддли» (1980). В этом блестящем литературном эксперименте — роман представляет собой фейерверк словесных находок и фольклорных аллегорий — герой совершает паломничество в Кентерберийское аббатство с целью обнаружить тщательно скрываемый или же безвозвратно утерянный секрет атомной энергии. И что произойдет, если он разбудит искомое?

«С точки зрения литературной техники, — пишет в своей книге «Видения конца света» (1982) профессор-историк Уоррен Уэйгар, — «Гуляка Риддли» представляет собой одно из оригинальнейших и наиболее профессионально сделанных произведений современной литературы вообра-

жения. Но по содержанию книга не вносит решительно ничего нового. Просто наследует формулу романтизма: противопоставление утерянному Рая с его святой невинностью и незнанием — обреченной современности, вожделем по науке и власти»⁹⁵. Правда, сами поиски в прошлом, показывающие растерянность и даже отчаяние ищущих, — это тоже по-своему содержательная информация о настроениях, бытующих сейчас, на пятом десятке лет атомной эры.

Все вернется на круги своя... Унылый, похожий на заклинание мотив звучит, как мы убедились, даже в произведениях безусловно талантливых, написанных неравнодушными людьми. Как в заколдованном лабиринте, бродят они по темным «закоулкам», не в силах ни самостоятельно выбраться на волю, ни, на худой конец, взорвать этот лабиринт к черту!

Хотя их блуждания все-таки приносят пользу. Можно не доверять политическому документу (политика!) или журналистскому репортажу (пресса!). Однако вредные иллюзии ненадолго застрянут в голове, если время от времени перечитывать книги, подобные романам Брэдбери, Миллера, Шюта, Мерля.

Из лабиринта, о котором речь, не выведет никакой мифический Персей — взрывать нужно лабиринт. Решать «атомную» проблему — без всякой приставки «пост», ибо никакого после не будет.

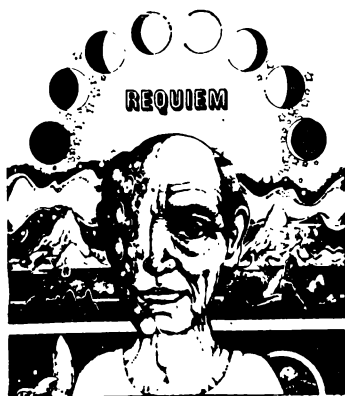
И в заключение — два слова еще об одной книге.

Ищет ответов на вопросы, заданные Робером Мерлем, и героиня романа Вонды Макинтайр «Змей снов» (1978). Бродячей целительнице, лечащей с помощью особых «гипнотических» змей, нельзя поддаваться малодушию, постоянно искать какой-то выход призывает профессия, долг. Не задумываться, а просто ходить от поселения к поселению, раскинувшихся в радиоактивной бескрайней пустыне, и лечить, лечить, благо страждущих тысячи...

Благородный порыв — однако *разум* все ставит с ног на голову. Ибо что за смысл лечить отдельных выживших — скорее всего обреченных, когда лечить-то нужно было раньше и все общество целиком! Героине романа Макинтайр сочувствуешь, но выхода все равно не видно.

Почему я завершаю рассказ этой книгой? Она напоминает об эмблеме международного движения врачей. Змея душит в кольцах бомбу... Справится ли та змея со своим и нашим врагом?

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

6 августа 1985 года в сороковой раз скорбно поплыл колокольный звон над площадью в Хиросиме, где установлен монумент погибшим.

Сорок лет — и менее пятидесяти минут высветил индикатор атомных часов, продолжавших отсчет и после взрыва. Если точно, то сорок восемь минут прошло — новой атомной эры. Чтобы сравнение было наглядным, вспомним обратный отсчет: за это же время *до* Хиросимы близилась к развязке русско-японская война, авиации не исполнилось и двух лет, а вершиной военной техники были отравляющие газы и ток в колючей проволоке...

И все сорок лет не гас огонь в лампадке, зажженный японским крестьянином Тацуно Ямамото от пламени атомного костра, в котором сгорел его дом вместе с родными. Ровный язычок пламени не только напоминает о погибших тогда, но и возвращает нас к положению нынешних хибакуса (так называют в Японии тех, кто носит атомное проклятие в своих костях, тканях, генах). «Кровоточащей раной человечества» назвал Хиросиму писатель Кэндзибуро Оэ: «На ее искромсанном теле прорастают два побега: надежда на возрождение человечества и угроза его полного гниения»⁹⁶.

Память о Хиросиме особого рода.

Можно сказать, взрыв *достал* всех нас — и живших тогда, и появившихся на свет позже. Даже те, кто ни разу в жизни не ступал на землю Японии, хранят в сознании образы с фотографий, из книг и фильмов. Скелет «атомного дома» на холме. Изящную строгую арку монумента в честь погибших. Бумажных журавликов, которых посы-

лали в Хиросиму дети всего мира в надежде спасти девочку, умирающую от лучевой болезни.

Звонит колокол, и ровно горит свеча-память. Но по все, оказывается, слышат и видят. Не хотят...

В стране, руководство которой осуществило варварское жертвоприношение 100 тысяч японцев, трагический «юбилей» Хиросимы был встречен подчеркнутым молчанием. Никаких комплексов, не разбредила душу больная память, и безмятежно дремала совесть. Никто из высших правительственных чинов — ладно бы извинился! — не высказал даже приторно-официального сожаления по поводу случившегося сорок лет назад.

Зато с голливудским размахом отпраздновали годовщину другого события — первого испытания атомной бомбы. Было множество юбилейных статей, банкетов, в пустыне Аламогордо к торжественной дате открыли музей, куда водили специальные экскурсии школьников...

В хоре славословий и звоне патриотических фанфар лишь очень тонкий слух настроился бы на тревожную короткую ноту: газета «Нью-Йорк таймс» словно нехотя процедила, что «спустя 24 дня после эксперимента под кодовым названием «Троица» две небольшие по нынешним понятиям примитивные атомные бомбы разрушили два японских города, унеся 106 тысяч человеческих жизней»⁹⁷. И все.

Так отписались за Хиросиму, попутно еще почти вдвое занизив число жертв. А о том, что накануне памятной даты покончил с собой бывший штурман «летающей крепости» В-29 Пол Брегман, припимавший участие в атомной бомбардировке Нагасаки, большинство американских газет вообще не сочло нужным оповестить читателей даже абзацем.

Зато почти все крупнейшие печатные издания поместили слова отставного бригадного генерала ВВС шестидесятидевятилетнего Пола Тиббетса: «Хиросима? Если бы это надо было повторить, я снова предпринял бы полет... Могу подтвердить и сегодня, сорок лет спустя после того, как я сбросил бомбу: я несколько не сожалею об этом. Воспоминания о том, что я сделал, не вызывают у меня никаких угрызений совести. У меня за все эти сорок лет не было ни одной бессонной ночи»⁹⁸.

Так что — совсем не заметили? В том-то и дело, что нет, не прошел бесследно мрачный «юбилей» и в США. Только уж очень странно и двусмысленно его отмечали.

На фоне официального молчания поражает беспрецедентная вспышка активности американских писателей-фантастов. Только за 1985 год опубликовано около трех десятков книг, посвященных атомной войне. И еще половину этого количества — в предыдущем, 1984-м. Много это или мало? Оценка зависит от учета всех факторов.

Читатель этой литературы приучен к другим «фантастическим» цифрам: ежегодно на книжный рынок США выбрасывается около полутора тысяч отдельных названий фантастики. Да и убедились мы уже, что тема далеко не нова. Все так. Но большинство книг, о которых ранее шла речь, создано два, три десятилетия назад. Тогда американская фантастика действительно испытывала тревогу за будущее человечества — и книги выходили яркие, страстные, бередящие душу. Тогда создавали свои лучшие вещи Брэдбери, Шют, Миллер.

Времена изменились. И сегодня те водопады американских научно-фантастических книг, что обрушиваются на читателей во многих странах мира, менее всего придет в голову ассоциировать с такими понятиями, как «гражданская ответственность» или «политическая активность». (Если и вспоминается, то активность иного рода — с очевидным креном вправо.)

Разумеется, постатомные сценарии пишутся и по сей день. Но в большинстве случаев как-то вяло, неинтересно, равнодушно «пугают» читателя нынешние авторы. Тем более заметен всплеск 1984—1985 годов.

Выходит, и американскую фантастику — как минимум, ту часть ее, о которой идет речь, — не миновал хиросимский синдром⁹⁹. Множество мелких деталей говорит за это, но достаточно одного веского доказательства — тех поистине героических усилий, которые были предприняты с целью скрыть его симптомы! В Вашингтоне, судя по всему, были настроены решительно; ни в коем случае нельзя было допустить повторения другого синдрома — вьетнамского.

Скрывали по-разному: холодным резонерством, вызывающе злой и даже агрессивной бравадой, развязным шутовством. Ядерную войну на все лады расхваливали и оправдывали, утешали радостной перспективой гарантированного выживания в ней, строили изощренные, по большей мере утопические проекты ее предотвращения. Ну и, наконец, масс-культура по старинным рецептам не преминула использовать атомные ландшафты как место действия авантюрного боевика, мелодрамы или фарса.

А проблема — острая, тревожная, болезненная — прямо проступала сквозь частокол фраз и всевозможные словесные ухищрения. Как неотвратимо проявляется на фото пленке положенный в конверт со срезом дерева траурный (на темном негативе он выходит как раз светлым) круг, соответствующий годовому кольцу 1945-го.

Деревья планеты *помнят* Хиросиму.

Американская атомная фантастика 1984—1985 годов — это именно отступление от темы.

Темой нашего разговора была атомная война в научной фантастике. Мы проследили ее истоки, познакомились со всеми значительными авторами, отдавшими дань этой теме. А год сорокалетия атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — это уже наше атомное настоящее, какая тут фантастика... Да и потом, почти все, что она могла сказать, она уже сказала.

Значительных произведений в «хиросимской серии» немного, да и большинство сюжетных ходов покажутся читателю удивительно знакомыми: в этой книге он о чем-то подобном уже читал. Верно, в массе своей произведения, о которых пойдет речь, откровенно эпигонские и по идеям неоригинальные. Но они интересны другим. Как урожай одного года — и столь обильный, они представляют любопытную иллюстрацию социальных нравов, царивших в годовщину Хиросимы в Америке.

Прежде всего интересно то, что ни японский город, ни трагедия, случившаяся сорок лет назад, в этих произведениях почти не упоминаются! Ну в крайнем случае — вскользь, намеком, как пикантная подробность.

Идея пришла в голову авторам коммерческого чтива, обычно держащим нос по ветру, и пришла задолго до «юбилея». Так, еще в детективном романе Алана Гарнера «Усилитель», вышедшем в 1963 году, действует пилот, сбросивший бомбу на Хиросиму. А персонаж похожего шпионского боевика Александра Корделла «Смертельно опасный евразият» (1967), наоборот, жертва хиросимской трагедии, жаждущий отмщения... В последующее десятилетие — полтора Хиросима и Нагасаки часто включались в список обязательных пунктов посещений для героев различных альтернативных историй (о них, как помнит читатель, речь шла в предыдущем разделе книги). Обычно это профессионально сработанные авантурные или детективные романы; однако в них просматривается некий повторяющийся мотив, на который хочется обратить внимание.

...Трагическое событие 6 августа 1945 года в параллельной истории, оказывается, можно было предотвратить. Каким образом? Похитив самолет с учеными, занятыми в «Манхэттенском проекте», и представив их документы и их самих в качестве свидетелей японскому правительству. Однако исполнению гуманного замысла неожиданно мешают русские (?). Их шпионская сеть, опутавшая и ученых-атомщиков, разузнала о готовящемся похищении, и если бы не находчивость американца-контрразведчика, обведшего и русских, и собственных пацифистов вокруг пальца, намеченное «мероприятие» в Хиросиме могло быть на грани срыва. Но — *все нормально*, бомба взорвана, и американский читатель вздохнул с облегчением: «наши» вновь оказались на высоте.

Понимаю: звучит дико, но я почти не утрирую. Именно так! Американским авторам Джорджу Симпсону и Нилу Бергеру, чей роман «Предупреждение» (1980) я только что пересказал, вся эта затея — спасти «желтопузых» — представляется делом морально нечистоплотным и даже безумным. Спасать *врагов!* *

И вот другая книга — «Фактор Иисуса» Эдвина Корли, вышедшая десятью годами раньше. Герои ее — реальные пилоты, бомбившие Хиросиму, но по прихоти автора проживающие часть жизни в опять-таки некоей параллельной истории (главы, происходящие в ней, чередуются с главами, действие которых разворачивается в реальном, «нашем» 1945 году). Один из бывших летчиков становится кандидатом в президенты США и свою предвыборную кампанию строит на объявлении «крестового похода» за ядерное разоружение!

Поспешим, следуя недавним традициям наших критиков и журналистов, назвать «Фактор Иисуса» *прогрессивным антивоенным* романом? Разумнее повременить — ибо в романе Корли быстро обнаруживается «двойное дно».

Оказалось, что в 1945-м все происходило совсем не так, как описано в учебниках истории: ученые-физики были прекрасно осведомлены о том, что бомба не взорвется (из-за некоего побочного физического эффекта). История с любой имевшей место «атомной бомбардировкой» Хиросимы была чистой воды надувательством, «спектаклем», дезинформацией с целью подстегнуть во всем мире

* Правда, не уступают американцам — долой сантименты! — и японские фантасты. В романе Арицуне Тойота «Война во времени» (1975) жесточайшей японской бомбардировке подвергается Вашингтон — в отместку за Хиросиму.

гонку вооружений. Позже ядерные заряды все же «научились» взрывать, и с тех пор безудержное накопление их, как выясняется, остается единственной контрмерой назревающей бактериологической войне. Осознав неизбежность ядерного паритета, будущий президент снимает свое требование о разоружении.

По-моему, тенденция ясна. Это мы уже проходили. Снова оправдания атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки... Книжки, которые я только что упомянул, вероятно, так и затерялись бы в потоке аналогичных шпионских «триллеров», если бы не «хиросимская серия» 1984—1985 годов. Тогда исследователи поневоле вспомнили и эти первые ласточки, заговорив о *тенденции*.

Как было сказано, «хиросимская серия» почти не содержит упоминаний о Хиросиме, вообще о Японии. Только в рассказе «Лаки-Страйк» молодого талантливого писателя Кима Стэнли Робинсона, очередной «альтернативной истории», бомбардировщик, нареченный именем матери полковника Тиббетса, терпит аварию, и 6 августа 1945 года в спецполет отправляется другой экипаж. И еще в романе «Кибернетический самурай» Виктора Милана робот, в которого «встроили» дух бусидо, наречен Токугавой* — известное имя для всех, кто мало-мальски интересовался японской историей.

И все. словно невидимая рука (неужели чувство стыда или раскаяния? Прозрение?) удержала американских писателей от публикаций на «японские» темы в тот год. Зато об *атомной войне* напечатано обильно.

Перелистаем эти страницы.

Утверждать, что в «хиросимской серии» представлены одни литературные поденщики, почуявшие конъюнктуру, было бы неверно. Хотя бы потому, что среди ее авторов можно обнаружить и, например, Фредерика Пола.

Досье по теме «Атомные часы»:

ФРЕДЕРИК ПОЛ

Род. в 1919 г.

Ведущий американский писатель-фантаст. Специального образования не получил. Рано начал работать редактором, сотрудничал со многими научно-фантастическими журналами и

* «Бусидо» («Путь воина») — феодальный кодекс поведения японских самураев. Токугава Иэясу (1542—1616) — японский феодал, завершил объединение страны.

издательствами. В фантастике дебютировал в 1940 г. Автор романов «Торговцы космосом» (в рус. пер. «Операция «Венера», 1953), «Человек-плюс» (1976), «Врата» (1978) и др. Некоторые произведения написаны в соавторстве с С. Корнблатом, Д. Уильямсом, Д. Меррил. Лауреат премий в жанре научной фантастики. Президент Ассоциации писателей-фантастов США (1974—1976).

Советский читатель знает этого титулованного и авторитетного автора прежде всего как острого и беспощадного сатирика. И в романе «Встает Черная Звезда» (1984) писатель верен себе. Однако на фоне таких произведений, как, скажем, «Мальвиль» или «На берегу», сатира Пола оказывается лишь злой, ехидной *шуткой*.

Но встает вопрос, от которого не уйти: можно ли в наше время шутить, пусть и упичтожающе зло, на тему атомной войны?

Ссылки на Воннегута, на другие счастливые *исключения* в данном случае, как мне кажется, не проходят. Ибо здесь даже не сарказм, не горький смех сквозь слезы — просто ехидная ухмылка. Над «своими» и «чужими», над всем и вся.

Сюжет романа прост. После того как СССР и США взаимно уничтожили друг друга в опустошительной ядерной войне — заодно погубив и добрые три четверти территории земного шара, — лишь Индия и Китай остались последними островками цивилизации. Американцам только чудом удалось избежать поголовного превращения в людей «второго сорта»; на помощь соотечественникам, угнетаемым китайцами, поспешили выжившие обитатели американской орбитальной колонии. А то ждала бы самоуверенных янки незавидная участь белых (и черных) рикш... Это хлесткая пощечина читателю-американцу. Но все же рука не поднимается «записать» роман Пола в произведения *протестующей* фантастики, даже *предостерегающей*. Анекдот забавный, в меру злой — но... не смешно. Подобная тишина неловкости повисает в компании, когда кто-то петактично позубоскалил над недавно умершим.

Ведь читая роман Пола, постоянно забываешь о ядерной преамбуле всех этих забавных перипетий. А в ней все дело, ибо в 1984 году невозможность какой бы то ни было *пре-амбулы* была очевидна всем.

Может быть, писатель сам почувствовал некоторую фальшь, и вышедшая в следующем году прекрасная новелла «Ферми и мороз» написана совсем по-иному. Снова, как раньше, Фредерик Пол трезв, жёсток и строго логичен, подводя читателя к единственному возможному выводу: третья мировая война будет последней. И даже в далекой от театра военных действий Исландии не отси-деться, не «перезимовать».

Об этом рассказе мне довелось беседовать с самим автором, когда он посетил Москву в 1987 году. Наш разговор в гостинице «Космос» постоянно крутился вокруг атомной темы. В те сентябрьские дни мой собеседник имел все основания считать себя ведущим специалистом по атомным делам: на стендах расположенной рядом, на ВДНХ, Международной книжной ярмарки красовался последний бестселлер Фредерика Пола. *Реалистический* роман под исчерпывающим названием «Чернобыль».

Менее чем через год после сорокалетия хиросимской трагедии ворвалось в языки всех народов мира это славянское слово, означающее «попынь». Вторглось тревожным предупреждением, заставив вспомнить новозаветную книгу Откровение Иоанна Богослова, иначе — Апокалипсис: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде опынь; и третья часть вод сделалась опынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8: 10—11)...

Случись трагедия в Чернобыле лет десять назад, она, наверное, воспринималась бы исключительно как техническая авария на АЭС, не более. Да еще вопрос, узнали бы мы тогда всю правду о случившемся в свое время... Что касается литературоведов, занимающихся научной фантастикой, то скорее всего они припомнили бы аналогичные «литературные предупреждения»: первую ласточку — вышедшую еще в 40-е годы книгу Лестера Дель Рея «Нервы» или свежее испеченный бестселлер «роман-катастрофу» Томаса Скортия и Фрэнка Робинсона «Кризис на «Прометее» (1975), где авария на атомной станции описана словно с натуры.

Но в 1986 году люди восприняли события в Чернобыле как предупреждение иного рода. Второе после Хиросимы и Нагасаки. Не «репетицию» гигантской *технической катастрофы* мы увидели в чернобыльской истории, а — страшно выговорить — микрорепетицию *ядерной войны*.

В это время пророческие слова Брехта о том, что в наши дни уже нет необходимости делать различие между ядерной войной и приготовлениями к ней, обрели неожиданное подтверждение. Любая крупная авария, связанная с ядерным «горючим», будь то на мирной атомной электростанции или на военном складе «спецоружия», — простое наличие огромных запасов этого оружия может послужить детонатором. «Ядерная зима», в сущности, безразлична к причинам, ее вызвавшим. Для того чтобы она наступила, нужно лишь, чтобы кто-то где-то взорвал (случайно или намеренно) определенное количество ядерного боезапаса. И чтобы возникшие гигантские пожары вынесли в верхние слои атмосферы определенное, подсчитанное математиками на компьютерах количество сажи и других примесей...

«Мирная» трагедия (чудовищное сочетание слов!) в Чернобыле заставила всех вздрогнуть от предчувствия куда более грозного.

А потому возвратимся к Фредерику Полу. Меня особенно интересовала его новая книга; прочесть ее довелось лишь полгода спустя, тогда же, в сентябре 1987 года, я мог основываться лишь на противоречивых суждениях рецензентов.

Мой собеседник от острых вопросов не уходил, но и о его позиции сказать что-либо определенное долгое время было затруднительно. Пол считал, что роман «Чернобыль» ни просоветский, ни антисоветский, а о рассказе «Ферми и мороз», в котором атомную войну начинают все-таки русские, высказался в том духе, что это его самое объективное произведение на тему атомной войны... Только позже, познакомившись с «Чернобылем» поближе, я, кажется, понял, как ко всем этим серьезнейшим проблемам относится ведущий американский писатель-фантаст.

Увы, прежде всего как к проблемам, гарантирующим успех на книжном рынке.

Роман хотя и корректен по отношению к нашей стране, но это произведение в первую очередь *коммерческое*. Выплывший на волне всеобщего интереса в мире к событиям в Чернобыле, роман тревожит душу и предостерегает ровно в той мере, в какой это «положено» общенациональному бестселлеру. То есть: не слишком серьезно, но и без излишней вульгарности; чуть-чуть «социально», но с включением обязательной мелодрамы; с искренним сочувствием к советским людям, но и с обязательной до-

зой стандартных претензий в адрес системы, «допустившей» *такое*. Пресловутой «развесистой клюквы» в романе меньше, чем в среднем антисоветском боевике, но все же, прочитав, что жену ведущего «кагэбиста» на Чернобыльской АЭС (по фамилии Хренов) зовут «Иванна Хреновна»¹⁰⁰ (именно так, это не опечатка!), улыбаешься и досадуешь одновременно...

Но в общенациональные бестселлеры обычно пробируются как раз такие книги, со строго дозированными «про» и «контра». Фредерик Пол за свою долгую жизнь в литературе твердо усвоил это.

Теперь, надеюсь, читателю ясно, зачем было мимоходом *упоминать* (в рассказе «Ферми и мороз») о том, что атомную войну начали русские. Произведение, в котором это сделали бы американцы, в год хиросимского «юбилея» в самой Америке было бы обречено на неуспех. Невзирая ни на какие литературные достоинства.

К этому рассказу я еще вернусь, а пока приглашаю читателя взглянуть на «хиросимскую серию» с точки зрения проблемы «зачинщиков». Кто только не начинал в этих книгах ядерную войну!

...В результате действий загадочных ближневосточных террористов Вашингтон превращен в радиоактивные руины. В романе супругов Джанет и Криса Моррисов «Сорокаминутная война» как будто прямо не сказано, кто учинил это варварство, но почему бы не совершить минимальное умственное усилие! Мужественный американский дипломат, рискуя жизнью, доставляет уникальные медикаменты пострадавшим в Хьюстон, куда экстренно перебралось правительство. Лекарства доставлены из Израиля — по-прежнему надежного союзника США.

В рассказе уже знакомого нам Нормана Спиррэда «Последняя мировая война» безумный арабский шейх грозит атомной бомбардировкой Израилю, в то время как банда торговцев наркотиками похищает президента США и выжигает ему мозг... В небольшом по объему рассказе еще много чего происходит на фоне приближающейся атомной войны, мир катится в пропасть и все же... мир живет! Автор, демонстрируя чувство юмора («черного!»), подспудно вводит в сознание читателя простенькую мысль: ведь пока живы... Конечно, жизнь эта бурная и яростная, раздираемая конфликтами, но кто сказал, что нынешний мир тих и смирен? Приспособились же. А значит, научимся жить и в том, будущем, когда наступит «следующий день».

Рецептов выживания в постатомном мире и «хиросимский год» предоставил в изобилии. Но то, что в 50—60-е годы еще объяснимо было относительным незнанием последствий термоядерной катастрофы, в середине 80-х годов иначе как спекуляциями назвать нельзя. И не вызвали удивления даже обнаруженные мною в списках научно-фантастических книг 1985 года романы «Дети пыли» Луизы Лоуренс или «После бомбы» Глории Микловиц. Судя по аннотациям, эти «руководства по выживанию» предназначены для вполне определенной категории читателей: детей десяти — двенадцати лет!

Найдется что почитать и для аудитории постарше. В романе «Закат» Джона Ширли описан вариант «Евросимы», причем, с точки зрения сегодняшних читателей-подростков, весьма *увлекательный*. Хотя третья мировая война превратила континент в радиоактивные руины, они оказались не столь отталкивающими, и развалины того, что когда-то называлось Парижем или Амстердамом, вполне подходят для вызревания новой молодежной «контркультуры». Правда, юным бунтарям — бродягам и революционерам — приходится воевать на два фронта: с неофашистской группировкой «Новый союз» и одновременно с внешне мирными «либералами», стремящимися захватить агонизирующий континент, подчинить себе остатки правительств и промышленных корпораций (и даже, по слухам, сохранившиеся на орбите космические поселения)... Юный дикарь с пальцем на курке автомата, анархия и кровавая каша, в которой все сражаются против всех и где быстро рождается культ сверхчеловека, нового мессии. Это тоже своего рода «рецепт» спасения цивилизации.

Но герои романа молоды, агрессивны и в меру беззаботны. И читателю-сверстнику нарисованные кошмары вряд ли покажутся *невыносимыми*. Ведь власть в постатомном мире принадлежит молодым, они более других приспособились к новой обстановке и не прочь этой властью попользоваться.

А если все-таки «заденет» и Америку? Об этом — два серьезных романа: «Фискадеро» Дениса Джонсона и «Дикий берег» уже знакомого Кима Стэнли Робинсона.

Оба содержат новую сюжетную деталь. На повержепную, буквально «истекающую радиацией» Америку страны, уцелевшие в ядерном конфликте, наложившие *карантин*. Проходят десятилетия (в романе Джонсона — целый век), американцы отрезаны от всего белого света и, по

сути, обречены на медленную мучительную агонию. Казалось бы, вот тот суровый беспощадный реализм, который единственный сегодня и нужен? Но весь фокус в том, что и в описанных условиях жизнь-то продолжается!

Название книги Робинсона ясно напоминает о романе Шюта и фильме Креймера. Однако как все изменилось за три десятилетия! Фильм кончался на траурной ноте. А совсем свежий роман американского писателя, полный точных и реалистических деталей (автор использовал последние данные науки, описав ситуацию, когда на территории Америки произошла одновременная детонация сотен единиц нейтронных боеголовок), оставляет в душе читающего надежду...

Что же плохого в *надежде*, которая столько раз одна спасала людей в самых на первый взгляд безнадежных ситуациях? «Надежда, я останусь цел, не для меня земля сырая» — мое поколение осваивалось в мире вместе с этими пропетыми под гитару строками. И для скольких одно ощущение надежды, ее присутствие во все времена означало спасение...

Еще об одной книге «хиросимской серии» хотелось бы сказать особо. О самом, на мой взгляд, значительном и в то же время самом противоречивом произведении из всех названных, по искренности и точности интонации приближающемся к классическим романам Шюта, Брэдбери или Миллера. Надеждой — иррациональной, почти «задыхающейся», но за которую хочется цепляться из последних сил, — буквально пронизан роман молодого талантивого автора Дэвида Брина «Почтальон».

Сюжет его новизною вряд ли поразит: Соединенные Штаты разрушены атомной войной, и случайно уцелевшие фактически *доживают*. Мало что добавляют к уже читанному и картины правственного распада, анархии, отчаяния. Но — найден *образ*. Герой романа, паткнувшись на полуистлевший труп почтальона, недолго мучается сомнениями. Перебросив через плечо сумку с никому теперь не пужной корреспонденцией, он начинает свой удивительный, хотя и безнадежный индивидуальный «марш мира». От развалин к развалинам, от убежища — к убежищу.

Почтальон... Значит, кто-то пишет письма, значит, теплится где-то жизнь.

Сильный и честный роман. Во время чтения его все время вспоминаешь фольклеровские слова о человеке, «который не только выживет, но и победит». И еще в памяти

возникают знакомые образы «людей-книг» Рэя Брэдбери, детей-мутантов Джона Уиндэма, отважных мальвильцев Робера Мерля... Но все равно, образу никак не совладать с *логикой ситуации*. Ибо надежду он внушает ложную. Надеяться, в сущности, не на что.

Так что же остается фантасту, чья гражданская совесть не позволяет ему молчать? И уже не выручает просто *хорошая литература*? А старые, веками формировавшиеся представления, нравственные ценности не только не вписываются в особую постатомную логику, но, наоборот, тормозят наше гражданское сознание, внушая вредные иллюзии.

Вообще, что делать, когда вредной оказывается надежда?

Впору руки опустить, дать зарок вообще больше не писать...

Может быть, если не к ответам, то к самим этим вопросам и вела нас кружными путями «хиросимская серия». И задуматься приспело как раз в Год Хиросимы.

...В канун его два американских автора — Уитли Страйбер и Джеймс Кьюнетка — выпустили фантастический роман «День войны», быстро ставший бестселлером (сейчас, по сообщениям печати, к его экранизации приступил известный французский режиссер Коста Гаврас). Это вымышленный «документальный» репортаж двух журналистов, в 1993 году совершающих поездку по американскому континенту. Прошло пять лет после того, как США и СССР обменялись «ограниченными» ядерными ударами. К счастью, удалось предотвратить глобальную катастрофу, однако картины, представшие взорам путешественников, столь мрачны и безысходны, что потухнет взор и самых непробиваемых оптимистов. «Уитли Страйбер и Джеймс Кьюнетка, — отмечал Пол Брайне, — попытались однозначно доказать, что даже «небольшая» ядерная война, весьма далекая от Армагеддона, все равно станет беспрецедентной трагедией»¹⁰¹.

Удаче книги способствовал, как я думаю, и необычный писательский дуэт: Страйбер известен как один из ведущих мастеров современного «романа ужасов», а Кьюнетка, наоборот, тяготеет к документальной прозе, он автор биографии Роберта Оппенгеймера и популярной хроники испытания первой атомной бомбы. «Нам казалось, — сказал он в интервью газете «Нью-Йорк таймс», — что книга удастся, если по прочтении ее никто не сможет уйти от вопроса, обращенного к самому себе, — все ли

ты сделал для того, чтобы ничего подобного не произошло?» ¹⁰²

А теперь обещающее возвращение к рассказу Фредерика Пола «Ферми и мороз».

Действие его, как уже говорилось, происходит в Исландии, где укрылись последние выжившие в ядерном «жертвоприношении». Герой рассказывает спасенному им мальчику об ученом по имени Эприко Ферми, некогда решившем знаменитый парадокс «молчащей Вселенной» с обезоруживающе-ледяной логикой. Разумные цивилизации «молчат», потому что: (а) они не существуют; (б) они боятся вступить с нами в контакт; и (в) они действительно высокоразвиты, а значит, обладают не только звездолетами для покрытия космических расстояний, но и оружием, способным истребить их самих еще до широкого выхода в космос...

Рассказ закапчивается тоже неожиданным *вариантным* финалом:

«Можно закончить рассказ так. Когда солнце наконец вновь засияло, было уже поздно. Исландия до этого оставалась последним местом на Земле, где еще теплилась жизнь, но и сюда в конце концов пришел голод. И отныне на всей планете не пайти было живого существа — никого, кто бы говорил, или строил машины, или читал книги. Третий вариант ответа Ферми оказался единственно верным.

Но это не единственное окончание рассказа. Почему бы не предположить и такое: солнце вновь появилось над горизонтом *вовремя*. Может быть, и не совсем вовремя, по пицци хватило, чтобы дожить до того дня, когда под воздействием солнечных лучей где-то опять поднялась зелень... В этом варианте финала Тимоти выжил и превратился в мужчину. Когда же Малиберт и Эльда поженились и родили дочерей, Тимоти по прошествии времени женился на одной из них. И кто-то из его потомков — спустя одно поколение или дюжину — жил уже в то время, когда о парадоксе Ферми с улыбкой вспоминали как о стародавнем заблуждении. Вроде того, как моряки в старину боялись плыть слишком близко к краю плоской Земли, дабы не свалиться на край ее. В этом варианте финала Вселенная больше не молчала — в ней было кому откликнуться...

Именно так все и произошло!

По крайней мере, хотелось бы верить, что так» ¹⁰³.

Хотелось бы... Но можем ли мы довольствоваться одной лишь верой!

Тема
третья

«УЛЬТИМАТУМ»

Впервые я увидел триптих весной 1979 года.

В те утренние часы зал Ереванской галереи современного искусства на проспекте Ленина был пустынен и полон спасительной в майские дни прохлады. Помню, что поначалу я рассеянно посматривал по сторонам, переходя от картины к картине, и отмечал про себя разве что цвет, форму, неожиданность композиции. Вокруг много было смелого, дерзкого, даже шокирующего — в столичных музеях тогда не часто можно было встретить подобную раскованность, — но впечатление оставалось внешним, глубоко ничто не задевало. Пока взгляд не остановился на трех аскетичных, каких-то даже невзрачных — по сравнению с царившим вокруг буйством красок — холстах... И все. Больше ничего уже для меня в той галерее не существовало.

Наверное, именно тогда зародилась у меня мысль, которая позже воплотилась в статьях и очерках; а теперь вот — в этой книге. Первоначально даже не мысль, а образ. И навевал его триптих замечательного армянского живописца Акопа Акопяна.

Май, как и ожидалось, выдался жаркий и солнечный, и все участники регионального совещания писателей-фантастов с тоской поглядывали в окна конференц-зала. Зачитывались доклады, что-то такое мы там решали, кажется, даже спорили о чем-то. Работа текла по-восточному спокойно и несуетно. Надо отдать должное гостеприимным хозяевам — «деловой частью» нас особенно не перегружали.

Но стоило мне забрести в галерею на проспекте Ленина и один раз увидеть триптих Акопяна, и сонную истому как рукой сняло. На картинах было то, ради чего

стоило собираться вместе людям, посвятившим себя фантастике. О чем единственном, пожалуй, нужно было говорить — пока нам оставлена еще возможность говорить.

...Бесконечное людское море, запрудившее свободное пространство до самого горизонта. Оно выплескивается на улицы города, растекается по квартирам и заводским цехам. Мужчины и женщины, старые и молодые; много детей... Строгая серо-коричневая гамма; память услужливо подсказывает: в тех же красках выполнена и «Герника». Смутная тревога растет в душе при виде этой бесконечной человеческой массы. Только присмотревшись, понимаешь причину испуга: на всех трех холстах — *нет людей*. Только одежда — пиджаки, рубашки и брюки, платья. Сгрудившиеся, сохраняющие очертания тел, совсем недавно заполнявших эти *тряпки*, и последнее уходящее из них тепло...

Одежда осталась. Как сохранены в неприкосновенности дома, асфальт на тротуарах и мостовой и даже заботливо укрытые решетчатой оградой редкие в этом урбанистическом «пейзаже» деревца. А творцов «второй природы», не совладавших с природой собственной, внутренней, — нет. Ушли, растворились, исчезли без следа.

Думаю, полчаса провел я в оцепенении, прежде чем догадался прочесть название триптиха. Такое уместнее было встретить на газетной полосе или плакате: «*Нет*» — *нейтронной бомбе!*» Очевидно, не от бедности воображения; зачем-то понадобилась художнику эта обнаженная, жесткая публицистичность.

А теперь об образе. Странная ассоциация связала этот триптих, научную фантастику и будущую книгу, которая в ту пору не существовала даже в проекте.

Ведь это не только человеческие одеяния застыли в немом укоре. Не только одежда — материальная оболочка тех, кто не успел. Можно представить, как на такую же страшную в своем безмолвии демонстрацию протеста вышли *книги*.

Шуршит ветер страницами, потрескивают выдавшие виды корешки у обложек «ветеранов», и тонкие брошюры прислонились, чтобы не рассыпаться страницами по земле, к могучим старинным фолиантам в переплетах из свиной кожи. Все они здесь сегодня — мудрые и не очень, дающие веру и пропитанные горечью отчаяния, едко саркастичные и полные тяжеловесного библейского пафоса. На марш вышли все те, кто знал, предвидел, предупреждал загодя о том, что может случиться.

Немым укором к *неприслушавшимся* проходят книги в своей молчаливой демонстрации. И о ней, право же, не грех вспоминать еще и еще раз.

Среди авторов этих книг, однако, согласие в вопросе о том, выходить ли на марш, возникло не сразу...

До сих пор разговор (за редким исключением) шел о *книгах фантастов* — иногда это были книги-борцы, чаще пассивные хроникеры; но речь шла о литературном материале. Однако «антнатомная» фантастика — это еще и совокупность поступков, позиций, редких по драматизму индивидуальных эволюций. Или, соответственно, инволюций, то есть развития вспять... Обо всем этом пришел черед рассказать поподробнее.

«Я все не могу прийти в себя от обилия *политических* дискуссий на конвенции. Даже если организаторы очередного «круглого стола» темой объявляют что-нибудь вроде: «Следующие сто лет» — споры быстро сворачивают к обсуждению одного-единственного вопроса. А именно: проживет ли человечество столь долго?.. После чего — топтание на месте, потому что эта же проблема обсуждается в других аудиториях («Третья мировая война и ее последствия» — в четверг, «Как перезимовать ядерную зиму?» — в понедельник). Несмотря на название, большинство согласно с тем, что, если разразится третья мировая, нам ее не пережить. Честно говоря, пять лет назад во время аналогичных встреч любителей фантастики вы вряд ли бы услышали подобный ответ»¹.

Так описывал съезд (Всемирную конвенцию) фантастов, проходивший осенью 1984 года в Лос-Анджелесе, писатель и критик Паскаль Томас. О том, что такое Всемирная конвенция, чуть ниже, а пока фрагмент другого его отчета — об аналогичном событии, но имевшем место три года спустя (на сей раз в английском курортном городке Брайтон): «Кажется, самая страшная перспектива — будущее вообще без катастроф... Думаю, однако, что тема ядерного холокауста скоро выйдет из моды: слишком уж *очевидное* зло. По крайней мере, дискуссия «Нужна ли война?» вызвала малый отклик у аудитории. Все замкнулось на специфическое отражение темы войны в научной фантастике, и участники ограничились только несущественными историческими или политическими репликами по этому поводу»².

В 1988 году мне посчастливилось лично побывать на аналогичной Всемирной конвенции в Новом Орлеане, и могу засвидетельствовать: *тема из моды не вышла*... Но

прежде — несколько слов о том, что из себя представляют съезды американских любителей фантастики («всемирными» они именуются из снобизма, хотя гостей обычно приглашают со всех концов света) и почему свидетельство Паскаля Томаса привлекло мое внимание.

Американская «конвенция» менее всего напоминает привычный нам конгресс с его солидностью и чопорностью. У «фэнов» все по-другому. До 7000 (!) участников, в основном просто читателей-энтузиастов, но также и писателей, критиков, художников, издателей, торговцев, почетных гостей и просто так — «любопытствующих»; все они, конечно, посещают и пленарные заседания, и секционные, и «круглые столы», но главное не в этом. Главное — это неофициальные «междусобойчики», театрализованные представления, пятидневный киномарафон, слайд-шоу, банкеты и приемы, и даже маскарад с конкурсом на лучший фантастический костюм. В фантастических костюмах (иногда фантазия выражает себя в отсутствии оно-го) участники конвенции, впрочем, свободно прогуливаются и в кулуарах заседаний... Словом, почти неделя приятного отдохновения, полная шума и гама и какой-то не исчезающей все это время эйфории в воздухе.

И вдруг — *политика!* Тем более — ядерный *холокауст*.

Неверно было бы думать, что этой проблемой мир научной фантастики в Америке так уже озабочен. Несколько сусальная картинка, созданная в восприятии нашего читателя: писатели-фантасты все, как один, шагают в «марше мира», боюсь, весьма далека от реального положения дел. В этом литературном сообществе тоже случаются свои штили и бури, и после пронесшихся ураганов наступит долгое затишье. И читатель уже имел возможность убедиться, насколько же *не все* западные писатели сгорают от желания включиться в борьбу за ядерное разоружение...

Проследить какую-то общую закономерность пиков гражданской активности американских фантастов (и любителей фантастики) мне, признаюсь, не удалось. В какие-то моменты все поголовно казались активистами; в другое время — просто «убивали» меня своей беспробудной гражданской апатией.

Но на фоне этих колебаний одно остается неизменным вот уже без малого полвека. Повышенное внимание к теме «русских». Поиски ответа на жгучий вопрос: хотят ли русские войны?

Про это меня пытали и на конференции в Форт-Лодердейле, куда съехались солидные профессора колледжей — члены красиво названной Международной ассоциации фантастического в искусствах. И в Новом Орлеане — лишённые какой бы то ни было солидности читатели-фэны. И ещё раньше, в Москве, на конгрессе врачей прозвучал тот же сакраментальный вопрос.

Не забуду, с какой гордостью развернул тогда профессор Брайнс перед камерами наших телевизионщиков раритет — печально знаменитый спецномер американского журнала «Кольерс» за 1951 год. Где во всю полосу красовалось жуткое «фото» (конечно, картина художника): атомный смерч над Москвой, плавающие камни Кремлевской стены... Номер был задуман как «весть из будущего», в котором развязана ядерная война. Советские телеоператоры увлеченно «писали» страницу за страницей — Пол Брайнс только успевал перелистывать их...

Правда, в те дни я и сам толком не знал, как буду писать обо всем этом — о спецномере журнала, в котором впечатляюще поведано об атомной войне и оккупации американцами территории Советского Союза, и прочих подобных опусах — в своей собственной книге. Даже это вертевшееся на языке словечко «опусы» в таком контексте безошибочно указывало на стереотипы ушедших времен, когда разоблачали происки врага и стойко противодействовали идеологическим диверсиям...

Обращаться к печальной памяти «холодной войны» в наши дни, когда ломаются стереотипы и шаткий мостик доверия — вот, кажется, укреплен окончательно, а в следующую минуту грозит рухнуть, — дело сверхделикатное. Но с другой стороны, всем нам, думаю, хочется, чтобы перестройка в исторической науке не свелась к простому развороту на 180° с демократически-гласным переименованием черного в белое и наоборот. А по исторической правде было и то, о чем сейчас я все-таки поведу речь.

Можно, однако, по-иному взглянуть сегодня на приевшийся ярлычок «антисоветчина», которым привычно награждали критики аналогичные произведения.

Сравнивая, например, две научно-фантастические литературы эпохи «холодной войны», испытывать чувство стыда если кому и подобает, то скорее американцам. И в нашей литературе хватало *всякого*, но «спецномера», подобного «Кольерсу», не было. Тогда, может быть, правильнее именовать скандальный выпуск журнала *антиамериканским*?

А то правда, взять да и выкинуть из головы эту «пепу», налипшую за долгое время взаимного ожесточения! Послушаться мудрого совета Сэма Кинга и сломать стереотип *врага...*

Думаю, что решать вопрос о «забвении» не нам — история литературы сама все поставит на свои места, растворив, как в кислоте, память о том, что к литературе отношения, как выяснилось, не имело. Но пока феномен, о котором пойдет речь, не превратился окончательно в факт *истории литературы* и его влияние все еще явственно ощущается в жизни общества, о социально-психологическом стереотипе «красной опасности» говорить необходимо. Хотя бы в качестве гарантии против повторения старых ошибок.

Да и кто сказал, что все это — давно в прошлом?

Глава 7

«РУССКИЕ
ИДУТ!»

Утверждают, что таковы были последние слова министра обороны США Джона Форрестала. Один из самых яростных идеологов «холодной войны», он в буквальном смысле свихнулся на почве антикоммунизма и выбросился из окна: везде ему чудились «красные»...

С тех пор много воды утекло. Однако истошный крик по-прежнему стоит в ушах, то чуть затихая — сообразно последним изменениям в политике, то нарастая с новой силой. Кому-то, видимо, просто необходим «образ врага», и его реанимируют, как только могут. А поскольку реалистическая литература и кино, по определению, имеют дело с *реальностью* (можно было послать Рэмбо во Вьетнам или в Афганистан, но не в Москву!), то для художественного подкрепления старательно раздуваемой волны пепависти и страха вновь возник соблазн привлечь на помощь научную фантастику.

Долгое время *золушка* литературы (и на Западе тоже, и даже в США, где, как убеждены многие ее ревностные поклонники, она и родилась) — научная фантастика неожиданно понадобилась, и ее тепло приняли во дворце, осыпали милостями. Правда, как выяснилось, небескорыстно: работу ей все-таки подыскивали самую грязную...

«Говоря о политике дворов,— писал Василий Федорович Малиновский в начале прошлого века,— не должно умолчать и о тех писателях, которые в политическом составе Европы суть то же, что черви, зарождающиеся в ранах человеческого тела, растрavляющие опое и препятствующие их излечению... Извинительнейшие из сих писателей суть те, коих производит ослепленная любовь оте-

чества, они, помышляя только об оном и возбуждаясь ненавистью неприятелей, думают, что отечество их должно быть право во всех своих требованиях и имеет более других земель право быть счастливым даже на счет счастья других. Детское ослепление!»³

Ничего удивительного, что и научную фантастику социально апгажировали. Но поразительна «предусмотрительность» отдельных авторов научной фантастики: они и тут умудрились забежать вперед!

Помните, в начале книги промелькнуло упоминание о рассказе некоего «Капитана П. Мика», автора «военного сценария» под названием «Красная опасность»? Заканчивалось третье десятилетие XX века, и рассказ прозвучал сигналом тревоги для перепуганного Запада. Первым, но не единственным. Другой ранний пример — вышедший в том же 1929 году роман американца Флойда Гиббонса «Красный Наполеон», в котором повествуется об «азиатском коммунистическом лидере, вторгшемся в Америку» (цитирую беспристрастную аннотацию в библиографическом справочнике)... Еще пример. «Тихоокеанские силы» под водительством, естественно, США ведут ожесточенные бои с войсками «Евразии», ведомыми — тоже легко догадаться — Советским Союзом. Это роман «Москва 1979 года» Эрика и Кристип фон Кюнелт-Леддин. Дата выхода в свет — 1946 год...

Давно все это началось... «Что и говорить, — со свойственной ему образностью и страстью размышляет Алесь Адамович, — после всего, что плыло по реке истории, низовья загажены изрядно, чем только не занавожено русло. И все же истояник всегда чист. Но падо, чтобы как можно больше людей осознало наконец смертельную угрозу загрязнения не одной лишь природной среды, но и человеческих душ. Конечно, привычнее спускать ядовитую грязь в реки и озера. Быстро и дешево! И еще привычнее иметь не граждан, не людей, а палитых фанатичной бурдой крестоносцев, штурмовиков, хунвэйбинов, суперменов. Быстро, кратчайшим путем, дешево с их помощью решаются дела государственные и всякие иные. Так некоторым кажется. Да только очень дорого сегодня, завтра это может обойтись всему человечеству, планете. Придется осознать и это, если мир не хочет погибнуть. Как там у поэта: «Осторожно, человечество! Слово «ненависть» включено!»⁴

...Вернемся снова в сорок пятый год. По трагическому совпадению, на которые горазда История, он остался в

ней одновременно Годом Победы над фашизмом и Годом Хиросимы. Но не прошло и двух лет, как была развязана новая война, на сей раз необычная — «холодная»; и кто скажет, повторяя за великим американским поэтом Робертом Фростом, что выбрать из двух смертей — лед или пламень? В этой войне не рвались снаряды, хотя и заготавливались в достатке, смерть не косила десятки миллионов (но медленно отравляла их ядом ненависти) — а мир тем не менее вновь оказался на краю пропасти.

Только на сей раз пропасти невиданной. На карту было поставлено само будущее человечества.

Формально «развязал» новую войну один из победителей предыдущей. Расставшийся с креслом британского премьера Уинстон Черчилль произнес в американском городке Фултоне зажигательную речь, которая прославила городок и местный университет, ибо под именем «фултонской» вошла в энциклопедии, монографии и архивные документы. В этой речи экс-премьер призвал Запад к «крестовому походу против коммунизма». Но уничтожить неверных на сей раз предлагалось огнем и мечом *ядерными*...

«Черчилль — один из первых, кто был поражен атомным безумием, — вдруг развеселился: «Строим бомбы — и ищите этих русских! Где, где эти русские?» Но еще несколько лет минуло, и тот же Черчилль растерянно представил к карте островной Великобритании пятерню: вот, достаточно пяти бомб, и нас нет! Его слова: «Мы не должны забывать, что превратим себя в мишень, возможно, в самую середину мишени, если создадим в Англии американскую ядерную базу». Дошло! Но выпущенный джип уже понесся над миром»⁵.

Снова говорит Алесь Адамович, и, как всегда, говорит ярко, образно и просто. Многие, вероятно, решат, что упрощенно... Но суть дела ухвачена верно.

В мои намерения не входило повторять общеизвестные факты краткой, но оставившей такую долгую память истории «холодной войны». Об этом много писали, и уроки ее, надо думать, сейчас хорошо усвоили даже те, кто в свое время раздувал ее «холодное» горнило. Однако некоторые страницы этой самой бескровной — но оттого не менее опасной — войны освещены, на мой взгляд, недостаточно. И поскольку тема этой книги — войны реальные и воображаемые, самое время поговорить о тех войнах, что полыхали на политической карте мира и в видимое заатишье «холодной войны».

Карты эти, правда, были воображаемыми — как та карта СССР с надписью «Оккупационная зона», помещенная на обложке журнала «Кольерс»... Военные действия всегда предполагают пропагандистскую обработку — своих собственных солдат и солдат противника. Стратегам «холодной войны» тоже потребовалась солидная пропагандистская поддержка — и они нашли ее!

«Нас, американцев, буквально утопили — постарались школа, средства массовой информации, фильмы, книги, церковь — в океане стереотипных образов. Советские люди, коммунисты вообще представляли нашему воображению как злодеи и заговорщики, жестокие и фанатичные агрессоры, единственная цель которых — захват и порабощение Америки. В течение трех лет, последовавших за периодом военного союза с СССР, каждый американец, чтобы подтвердить свою лояльность, вынужден был смотреть на Советский Союз как на врага»⁶.

Эта на первый взгляд *обычная* цитата любопытна тем не менее по многим причинам. Она взята из статьи, датированной 1981 годом, речь в статье идет о событиях более чем тридцатилетней давности; но читается отрывок словно свежий газетный комментарий к сегодняшнему дню. (Ну, может быть, «вчерашнему», ибо что-то же меняется на глазах!) Однако самое интересное, что «свидетельство» пришло не из мира политики, социологии, журналистики — это вряд ли поразило бы неожиданностью, — а из мира американской *научной фантастики*.

В нем имя ведущего специалиста по американской фантастической литературе XIX—XX веков профессора Брюса Франклина давно пользуется заслуженным авторитетом. Признают его даже те, кому гражданская позиция профессора-филолога явно не по нутру...

Досье по теме «Ультиматум»:

ГОВАРД БРЮС ФРАНКЛИН

Род. в 1934 г.

Американский литературовед. Окончил Стэнфордский университет, где защитил диссертацию; там же организовал один из первых двух курсов научно-фантастической литературы. Покинул университет в 1973 г. в знак протеста против травли, организованной в отместку за его «левые» убеждения. В настоящее время профессор университета Ратжерс (штат Нью-Йорк).

Лауреат высших премий в научно-фантастическом литературоведении. Автор книг «Будущее совершенно» (1966), «Роберт Хайнлайн: Америка в призме научной фантастики» (1986) и др.

Одна строка в досье проливает некоторый свет на совсем «неакадемическую» возню вокруг профессора Франклина. Многие любители фантастики в Америке знают его как ведущего теоретика, составителя «этапных» сборников (вроде «Отсчета к полуночи», уже упоминавшегося на страницах этой книги). Не столь широко известны познания ученого-филолога в другой области — истории гонки вооружений.

По крайней мере, присланная профессором ксерокопия его статьи «Америка — первой» в журнале «Нью-Бостон ревью» (откуда и приведена цитата) стала для меня подлинным откровением.

«Я без тени сомнения верил в то, — вспоминает профессор, — что Америке угрожает коммунистический заговор, что мы постоянно под угрозой внезапной советской ядерной атаки. С этой уверенностью я приступил к несению военной службы в январе 1956 года... Так получилось, что процесс сползания моей страны к фатальной границе «ядерного балансирования», за которой могла начаться война, происходил при моем непосредственном участии. Первые два года я служил навигатором звена стратегической авиации, летал на самолетах-заправщиках в северных широтах; а в свободное от полетов время по совместительству выполнял обязанности офицера военной разведки в эскадрилье, получив доступ ко всей секретной документации — из нее я и узнал, что главной нашей целью была как раз дестабилизация положения в мире. Мы должны были убедить рядового американца, что ему перманентно угрожает ядерная атака со стороны СССР. Хотя кто-кто, а мы-то были прекрасно осведомлены в ту пору, что никаких планов атомных бомбардировок городов США у Советского Союза не было»⁷.

Убеждения Франклина заметно выделяют профессора из среды коллег. Себя он открыто называет *марксистом*. Когда он демонстративно оставил кафедру и позже, в разгар «антивьетнамской» кампании, Франклин, вероятно, нередко мог слышать в свой адрес: «Коммунист!» — слово в нынешней Америке *бранное*.

Ничего не могу сказать определенного о его членстве в Компартии США (хотя от многих слышал о ФранкLINE

и такое, но не от него самого), но то, что имя профессора для многих его «нейтральных» коллег как красная тряпка для быка, могу засвидетельствовать. Разменяв шестой десяток, Брюс Франклин не отказывается дать бой тем, кто ничего не желает помнить из прошлого, — на книжной странице или очно, как это случилось, например, в 1985 году во время съезда Ассоциации исследователей научной фантастики.

...Когда я уже заканчивал работу над книгой, в американской прессе запестрели рецензии на новую монографию профессора Франклина «Военные звезды: сверхоружие и американское воображение» (1988). Открывается книга словами: «Для того чтобы создать нечто, угрожающее существованию людей на Земле, какие-то люди должны вначале представить себе это «нечто». Далее, чтобы воплотить этот продукт воображения в техническое решение, гораздо большее количество людей должны мысленно представить себе весь последующий сценарий — образ будущего, которое нас ожидает в случае изготовления этого сверхоружия, и выбрать из всех вариантов наиболее желательный. Таким образом, свое первое рождение всякое «сверхоружие» претерпевает в воображении людей, в воображении, которое формирует значительную часть нашей культуры»⁸.

Начинает свой рассказ профессор Франклин со времен американской Войны за независимость и особый акцент делает на годах 50-х. Эрудированный специалист и непосредственный участник событий тридцатилетней давности, профессор Франклин помнит, как все начиналось...

Одно из первых заметных произведений на тему «русские идут!» — роман Леонарда Энгеля и Эммануэля Пиллера «Мир в огне» (1947) имел подзаголовок: «Русско-американская война 1950 года». Посвящено это краткое, но детальное и весьма корректное (с научной точки зрения) описание ядерной катастрофы, по словам авторов, «тем, кто сообразит, что следующая война будет не чем иным, как опасной авантюрой, и завершится самоубийством всех трех видов — индивидуальным, национальным, всемирным. Авторы искренне надеются, что число таких людей будет расти, пока их влияние не предотвратит подобную возможность»⁹.

Поскольку это первая ласточка, есть смысл остановиться на сюжете подробнее.

Авторы выбрали форму официального радиорепортажа. И так, в мае 1950 года после пограничного инцидента

американцы предпринимают (заметим: *первыми*) ядерную атаку против СССР — начинается война. Русские отвечают массированным наступлением по всей Европе. США устанавливают союз с поверженной Германией, вызывая недовольство Англии, Франции и всей остальной Европы. Война разгорается: американцы безуспешно бомбят советскую территорию, русские используют отравляющие газы — тоже без видимого эффекта. Наконец США решают применить особый токсический газ, уничтожающий весь урожай злаков в СССР, после чего советская авиация обрушивает атомный груз на пять крупнейших городов США. Западная цивилизация гибнет...

Последствия атомной бойни в Чикаго явно *списаны* с других источников (один очевиден: реалистический роман Джона Херси «Хиросима»). Списаны небесталанно, чего стоит, к примеру, жуткий образ: манекены, вышвырнутые взрывной волной из витрины магазина одежды, *ничем* не отличаются от валяющихся на тротуарах и мостовых трупов... А что творится в Западном полушарии после того, как «русские пришли»? «Тоталитарный режим», общая и постоянная нехватка продовольствия и промышленных товаров, развал хозяйства; конечно, концлагеря для недовольных. И поневоле забываешь, *кто* все это начал...

Авторы, как им самим кажется, горько иронизируют: в борьбе за свободу других народов — потерять свою собственную! Однако право на «защиту» других народов — против их воли — похоже, иронии не вызывает — вспомним наставника Пушкина В. Ф. Малиновского!

«В писаниях американских идеологов по проблемам войны и мира, — отмечает А. Н. Яковлев в книге «От Трумэна до Рейгана», — много нелепого и противоречивого. Задающие тон пропагандистской машине политологи не отличаются особой сдержанностью в определениях и оценках, вероятно, вследствие гипертрофированного представления, будто сама судьба «возложила» на их страну всю ответственность за род людской»¹⁰.

Забегая вперед, можно сравнить это с высказыванием рецензента журнала «Локус» о самом свежем сборнике Нормана Спинрэда «Другие Америки» (1988): «Как утверждает сам автор в предисловии, неважно, в конце концов, насколько не любят Америку во всем мире и как много еще предстоит переоценить в ее политике или культуре. Все равно Америка неотразимо воздействует на умы людей. Русских, латиноамериканцев или аборигенов Новой

Гвинеи — все они грезят об Америке. Это символ будущего (другой вопрос: хорошего или дурного), и как раз этот аспект в научно-фантастическом преломлении взялся исследовать автор»¹¹.

Но вернемся в первое послевоенное десятилетие. Может быть, сочинение Энгеля и Пиллера осталось бы настольной книгой «советологов», да только двумя годами позже вышла другая книга, затмившая все когда-либо написанное об ужасах тоталитаризма. Роман «1984» Джорджа Оруэлла.

Досье по теме «Ультиматум»:

ЭРИК АРТУР БЛЭЙР
(ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ)

1903—1950

Выдающийся английский писатель и журналист, один из основоположников современной антиутопии. Окончил колледж, до войны работал журналистом. Участник гражданской войны в Испании. Автор сатирического памфлета «Звероферма» (1945), а также романа «1984» (1949), принесшего Д. Оруэллу всемирную славу.

Подробно останавливаться на романе «1984» — значит отказаться от самой идеи когда-нибудь завершить собственную книгу. Фактически, это означало бы начать следующую (об Оруэлле и его главном произведении не одна книга, кстати, написана¹²). Но и в нашем разговоре пройти мимо этой страшной и сильной книги невозможно. Потому что «1984» — это не только Большой Брат, двоемыслие и новояз, но и роман о войне, милитаристской истерии, об «образе врага».

Мало того, что в тексте романа встречаются упоминания о ядерной войне, происшедшей будто бы в 50-е годы. Но и на всем протяжении романа воюют бесконечно. Войну принципиально невозможно закончить, ибо на постоянном страхе населения перед какими-то мистическими захватчиками и держится кошмарная тоталитарная система Ангсоца — «английского социализма». «Война — это мир» — из четырех лозунгов, лежащих в основе идеологии, этот поставлен на первое место.

Во всем обилии критической литературы о романе Оруэлла внимание пишущих на войне сконцентрировано в меньшей степени. То ли, действительно, слишком бегло о нем описал — по сравнению, скажем, с социальным и идео-

логическим устройством своей «утопии навыворот», то ли читателям романа, еще совсем недавно пережившим войну, «мирная жизнь» оруэлловской Океании показалась куда большим адом. Но как бы то ни было, один из четырех главных лозунгов Ангсоца оказался в относительной тени. Известный американский историк Уоррен Уэйгар, специалист по Уэллсу и утопии, лишь с облегчением констатирует в своем исследовании об Оруэлле, что предсказанная тем третья мировая война, слава богу, пока не произошла — в реально наступившем 1984 году ¹³.

Наверное, не было в первой половине века произведения с более сложной и непредсказуемой судьбой. Со времени написания оценка этого предсмертного романа (писатель умер от туберкулеза спустя полгода) много раз пересматривалась — критиками, читателями, пропагандой. И западной, и нашей: бессменно возглавлявший долгие годы разного рода «запретительные» списки *антисоветской* литературы, роман Оруэлла только в 1989 году пришел наконец к советскому читателю. Заодно была восстановлена и справедливость в идейной оценке романа ¹⁴.

Но это — спустя сорок лет. Тогда же, в самый разгар «холодной войны», роман просто не мог быть не поднят на щит теми, кто кричал о «красной угрозе», об ужасах «советского тоталитаризма». «Джордж Оруэлл... был реактивным, или, как говорят, реакционным, писателем. Само по себе это не плохо и не хорошо; вопрос в том, против чего реакция... Это писатель великий... но, к несчастью, практическое влияние его романа в Англии оказалось реакционным в политическом значении этого слова» ¹⁵, — прозорливо сказал об авторе «1984» современник Оруэлла, один из лидеров лейбористской партии, экономист и литературный критик Джон Стрэчи. Не в первый раз история демонстрировала истинность суждения о некой независимой от намерений автора жизни литературных произведений...

Доля цинизма во всей этой кампании «антисоветизации» Оруэлла была изрядной, ибо прежде всего уводила внимание читателей от других мишеней, избранных автором. Но сегодня, на новом уровне знания о нашей собственной истории нельзя не признать и другого. Очевидно, что Оруэлл многие реалии романа вывел из доступной в те годы информации о творящемся в сталинской России.

Как бы то ни было, западного читателя к «образу врага» приучила и эта книга. Благодаря ее колоссальной популярности все последующие авторы, фантазирующие на

тому мировой войны и оккупации Запада советскими войсками, имели дело с читателем подготовленным: во что превратят его родину «красные», он во многом знал из романа Оруэлла.

В том, что русские «вот-вот придут», в западной фантастике последующих двух десятилетий не сомневались.

Библиографии и справочники пестрят аннотациями па книги, о которых сегодня никто и не вспомнит.

Нью-Йорк оккупирован советским десантом в романе Гая Ричардса «Два рубля до Таймс-сквер» (1956). Политически пассивная английская общественность, годами бесстрастно взиравшая на выходки смутьянов-пацифистов, «донгралась» до установления в Англии... Народной республики — не без помощи извне, конечно (роман К. Фидигбона «Когда прекратились поцелуи», 1960). И еще одна оккупация Англии, на сей раз советским танковым десантом, — в романе Джона Бэрропа «Бомба Зилова» (1962). Примеры можно приводить десятками...

Один из *запомнившихся* романов той поры — «Решение Т-25» Теодоры Дюбуа. Вышел он в 1951 году и посвящен, в сущности, тому же. Атомную бомбардировку территории США автор прямо сравнивает с Пёрл-Харбором; а оккупантов-русских в их противорадиационных костюмах — с одетыми в черное эсэсовцами. Методы «демографической политики», которую предлагают израненному, поставленному на колени народу, действительно, мало чем отличаются от гитлеровских: массовые казни, стерилизация и отсылка детей в спецлагеря на перевоспитание...

Важно не пагромаждение лжи, а последовательность и планомерность, с которыми она преподносится. Сегодня среднему читателю в США трудно судить о духовной атмосфере тех лет, по крайней мере по произведениям научной фантастики. Но когда натыкаешься в библиографиях на десятки, *сотни* аналогичных параноидальных фантазий, становится не по себе.

Каково же им было жить тогда — американцам, если страх и ненависть внушались ежедневно, ежечасно, преподносились не только газетами, радио, телевидением, но таились под любой яркой обложкой с заманчивыми и на вид вполне невинными буквами «SF»?

Впрочем, оказалось, что не все было забыто.

...В 1984 году, на диво *вовремя*, переиздали старый роман популярного американского писателя-фантаста Си-

рила Корнблата. Роман пазывался «Не этим августом» и впервые был опубликован в 1955 году. Спустя почти три десятилетия издатели, чутко уловив новые веяния, решили в очередной раз заняться политическим спиритизмом: наряду с новомодными «штучками» — типа фильмов о боксере Роки и солдате Рэмбо с участием Сильвестра Сталлоне — на свет божий срочно были вызваны и дүхи прошлого.

Книгу переиздали с новой обложкой: государственная печать Соединенных Штатов с белоголовым орланом, укрытая Красным знаменем с серпом и молотом. Переиздали с помпой, с отличной рекламой — но цель, цель?! Кому нужно было возвращать к жизни явно устаревший и далеко не лучший роман покойного писателя?

Книга, в общем, как книга, вполне в духе того времени. По сравнению с другими такими же — ничего особенного. Русские в союзе с Китаем оккупируют Америку, устанавливают квоту на продукты, разоряют американских фермеров, подавляют недовольство жестокими карательными мерами. Находятся, правда, непокорившиеся, которые партизаният в горах и лесах и даже ухитряются из похищенного с военных баз урана и плутония тайком соорудить атомные бомбы... Ясно, что во второй половине 80-х годов подобный сценарий выглядит, как минимум, устаревшим.

Но вот что не устарело, так это идея Соппротивления «красным захватчикам». Корнблат — писатель известный, не какой-нибудь автор конъюнктурных однодневок, и, надо признать, ему удалось впечатляюще показать героизм нации, которую не поставишь на колени. Которая за саму идею свободы отдает, не колеблясь, жизни своих сыновей и дочерей и, если потребуется, будет всячески *насаждать* «свободу» везде, где только удастся.

Великий американский писатель Амброз Бирс как-то составил едкий «Словарь Сатаны», в котором, «поправляя» предшественника — Сэмюэла Джонсона, высказался о патриотизме резко и недвусмысленно: «Первое прибежище негодяя»¹⁶. *В каком-то смысле* да — к патриотическим чувствам подчас прибегают с целями далеко не благовидными. Но нужно помнить о том, что патриотизм, провозглашаемый талантливым художником, и патриотизм, к которому апеллирует пропаганда, суть вещи разные. Корнблат был мертв и «объясниться», естественно, перед читателем не мог...

В 50-е годы, не сомневаюсь, он боялся вторжения «красных орд» искренне. Что можно было требовать от *романистов*, когда политические фантазии той поры оставили далеко позади даже самые «смелые» научно-фантастические пророчества.

Вернемся теперь к спецномеру журнала «Кольерс» за 27 октября 1951 года, о котором уже шла речь.

Его обложку украшал заголовок «Предсказание войны, которой мы не хотели», и изображена на ней была карта *оккупационной зоны* под названием «СССР» и американский солдат в каске с буквами «МР» (от military police — военная полиция). До встречи с Брайнсом мне не раз приходилось читать у других авторов об этом номере журнала ¹⁷ — а на этот раз посчастливилось самому полистать его страницы. Удивительный все-таки документ человеческой мысли (правильнее сказать — недомыслия)!

Статьи, репортажи, рисунки и карикатуры, даже смонтированные «фото» — более 20 материалов — все посвящены одной теме. Будущей мировой войне 1952—1953 годов, о которой в «футурологическом» номере журнала повествуется как о реально состоявшейся.

Вот каким виделся поэтапный ход войны «команде» (о ее составе позже), готовившей спецвыпуск.

В мае 1952 года русские вместе с союзниками пытаются осуществить убийство Тито с последующей оккупацией Югославии. Одновременно проникшие на территорию США советские диверсионные группы совершают акты саботажа, а регулярные части Красной Армии идут маршем по Западной Европе и на Ближний Восток. В ответ американцы избирательно (только по военным целям) сбрасывают на территорию СССР атомные бомбы... Далее начинается «такое, что и во сне не снилось самым блистательным писателям-фантастам и никогда, дай бог, реально не осуществится» ¹⁸.

По прошествии трехмесячной бомбардировки Советского Союза запас американских бомб иссяк (это результат политической близорукости конгресса), и русские беспрепятственно вторгаются на Аляску, атакуют Лондон, Детройт, Нью-Йорк, американские военные базы. Поскольку на территории США гражданская оборона практически бездействовала, то результаты ужасающи. (Россия тоже лежит в радиоактивных руинах, но американская «свободная» пресса сообщает о собственных потерях, в то время как советская — молчит...) Европейские столицы Москва не бомбит, так как «падает» местных коммунистов.

10 мая 1953 года ядерный гриб взметнулся в небо над Вашингтоном; ударная волна сбивает каменного Авраама Линкольна с его величественного кресла перед мемориалом первого президента США... Американцам ничего не остается, как взорвать атомную бомбу над советской столицей; они, однако, настолько гуманны, что заблаговременно разбрасывают над Москвой листовки с предложением гражданскому населению эвакуироваться. Одна из «обычных» бомб взрывается как раз неподалеку от зловещей Лубянки — и заключенные вырываются на свободу!.. После того как отряд американских «коммандос» совершает смелый десант на уральские военные заводы, атомная мощь Советов окончательно подорвана.

Любопытная деталь: на территорию СССР обильно забрасываются и русские эмигранты, желающие с оружием в руках «восстановить свободу» на родине...

К 1955 году военные действия прекращены и подписана Денверская декларация, предусматривающая репатриации и достижение всеобщего ядерного разоружения в течение десяти лет (при этом контроль за всеми ядерными запасами переходит к ООН). В Советском Союзе Сталин смещен Берией, по и того вскоре «убирают»; что касается «советского народа», то, вырвавшись из колымских лагерей, он свержает власть коммунистов и открывает для себя запретные прелести «западного образа жизни».

И так — весь номер журнала, имевшего несколько миллионов подписчиков! Причем придумано как оригинальный документальный репортаж из будущего. Среди авторов номера писатели Филипп Уайли, Артур Кёстлер, Джон Бойнтон Пристли, журналисты и политологи Роберт Шервуд, Уолтер Рейтер — во главе с редактором Маргарет Чейз Смит; наконец, советские эмигранты-невозвращенцы...

Можно было и отделаться иронической ухмылкой, если бы речь шла о *чистой фантастике*. Но все оказалось сложнее: «Американский солдат у карты Советского Союза, территорию которого пересекает надпись «оккупировано»; создание штаба оккупационных войск в Москве; переименование Ленинграда в Петроград; выборы с участием «великорусских монархистов» и «украинских сепаратистов» — это не только бредовые фантазии «Кольерса», но и колючие цели плана «Дропшот», популярному изложению которых, в сущности, и посвящен специальный номер журнала»¹⁹.

Вывод автора этих строк Всеволода Овчинникова следует, по-видимому, понимать в том смысле, что *сегодня* читаешь этот номер журнала как популяризацию уже известного. В 1949 году, очевидно, никакие, даже самые искусленные журналисты не были в курсе сверхсекретных *планов ядерного нападения на СССР*, среди которых достойное место занимал и «Дропшот»... То, что они регулярно составлялись начиная с 18 августа 1948 года, когда была утверждена директива Совета национальной безопасности № 20/1 под названием «Цели США в отношении России», мир узнал лишь недавно ²⁰.

Можно представить себе, какой удар по профессиональному самолюбию получили бы писатели-фантасты, разреши им кто ознакомиться с планами, над которыми регулярно трудились в Пентагоне! Но тайну хранили крепко — и в 60-е годы, и даже в 70-е американская и английская фантастика продолжала изобретать сценарии один кошмарнее другого, не подозревая, насколько тот или иной из них близок к истине.

Нельзя сказать, что всеобщее ослепление идеей «победоносной» ядерной войны против Советского Союза не претерпевало изменений. Все чаще на страницах книг и статей можно было *натолкнуться* (увы, именно так: случайно и пока еще достаточно редко) на достаточно трезвую оценку перспектив такой войны. Видный американский психолог Чарлз Осгуд еще в 1962 году дал точное сравнение: «Решать политические вопросы посредством ядерных бомб все равно что пользоваться динамитом, чтобы избавиться от мышей в доме» ²¹.

Что касается научной фантастики, то в США она-то как раз оставалась островком мышления преимущественно консервативного. Речь идет не о «романах выживания» и даже не об отдельных сильных антивоенных произведениях этого периода — со многими из них читатель знаком; говоря о консерватизме, я имею в виду фантастику *особую*, фантастику на тему американско-советской войны.

Консерватизм означал констатацию этой войны: читатель научной фантастики воспринимал ее как данность. И «русские», естественно, представляли в таких книгах сущими чудовищами.

Вот, например, роман англичанина Бернарда Ньюмена «Голубые жуки», датированный 1962 годом. «Все книги Ньюмена антикоммунистичны до абсурда,— пишет Пол Брайнс,— но ни одна не может сравниться по параноидальности с этой» ²².

Роман имеет подзаголовок: «Первое правдивое описание русско-китайской войны 1970 года». Дело в том, что начало фатальным событиям кладет не советское нападение на какую-либо западную страну и не захват одной из этих стран территории СССР; всему виною заговорщик-китаец по имени Фен Фонг, решивший перессорить СССР и США. Серия военных инцидентов оказывается безуспешной, ибо русские слишком хитры, чтобы поддаться на провокацию, и не идут на использование ядерного оружия. Но после китайского вторжения в Киргизию, публичных пыток и казней местных советских и партийных руководителей терпению Москвы приходит конец: атомные бомбы летят на Пекин. Этого и добивался Фонг! Среди жертв атомной бомбардировки были и русские, и американцы, и теперь, по логике провокатора, США не могут не вступить в войну против Советского Союза.

Дальше — больше. Китайцы, используя какую-то фантастическую технику, «отводят» часть советских боеголовок на территорию СССР, а кроме того, с помощью небольших самолетов развеивают над советскими городами особую радиоактивную пыль и ею же обрабатывают нефтяные месторождения. Россия — на грани краха; а тут еще взбунтовались «сателлиты», поставив СССР перед альтернативой — погибнуть или пойти на поклон к Западу. Советские лидеры избирают второе и обращаются к НАТО за помощью. США выдвигают ультимативное условие: советский блок должен быть разрушен, а во всем мире, включая СССР, должны быть проведены «свободные» выборы...

В романе кроме грубой схемы формально присутствуют и сюжеты, и герои, и интрига — но говорить о них не хочется. Если и существует такое понятие: «политическая фантастика» — не литература имеется в виду! — то лучшей иллюстрации не найти.

В Великобритании вышла и популярная трилогия Клайва Игглтона — «Частица Сопротивления» (1970), «Последний пост партизан» (1971), «Мандат Иуды» (1972). Останавливаться на ней подробно нет смысла. Заголовки сами говорят о сюжете и политической ориентации автора; добавить можно только, что «партизанят» против советских оккупантов непокоренные сыны Альбиона.

Не теряли бдительности патриоты и по другую сторону Атлантики. Из таких книг, как «Ванденберг» (1971) Оливера Лэнджа, «Если погибнут все бунтовщики» (1966)

Сэмюэла Саутвелла и «Крыло Дня Смерти» (1963) Джорджа Смита, остановлюсь на этих, чтобы не перечислять десятки названий — произросли впоследствии напумевшие сочинения, такие, как «Третья мировая война», «Красный рассвет» и «Америка». Но об этих произведениях — чуть позже...

Оттенок фатальной неизбежности советской агрессии в 60-е и 70-е годы становится обязательным. И даже в произведениях талантливых мастеров, оставивших след в американской литературе и кино, агрессия *американская* если и изображалась, то с таким количеством оговорок и притворного изумления, что автоматически закреплялась в сознании аудитории как событие исключительное. Во всяком случае, маловероятное.

Через год после триумфа «Доктора Стрейнджлава», в 1964 году, на экраны Америки вышел фильм Сиднея Люмета «Гарантировано от неполадок», снятый по одноименному роману Юджина Бердика и Харви Уилера, опубликованному в 1962 году. Если бы не шедевр Кубрика, то фильму Люмета была бы гарантирована добрая слава. Но, как заметили авторы энциклопедии научной фантастики, на которую я не раз ссылался, «зритель предпочел черный фарс Кубрика жесткому реализму Люмета»²³.

Сюжет картины достаточно неправдоподобен и действительно смахивает на фарс. Атомная американская атака на Советский Союз происходит в результате ошибки приборов. С целью «успокоить» русских президент (его роль играет Генри Фонда) принимает тягостное решение: дать согласие на *атомную бомбардировку* Нью-Йорка! «В этом произведении, — пишет Пол Брайнс, — первыми, конечно, нападают Соединенные Штаты, однако виноваты оказываются... русские! Дело в том, что технические неполадки, вызвавшие катастрофу, произошли из-за того, что русские глушили все американские радиопередачи... Вообще, по-видимому, никому просто в голову не приходило изобразить атомную агрессию США. Среднему литератору эры «холодной войны» более вероятным и даже неизбежным представлялось такое развитие событий, при котором русские, и только они, начинают свой крестовый поход против Запада»²⁴.

Этот поход «русских медведей» против западной цивилизации волнами прокатывался по страницам американской и английской фантастики и в 50-е годы, и в 60-е, и в 70-е... Обычно чуткая к социальным переменам, в этом вопросе фантастическая литература оказалась на диво

медлительна и негибаема, никак не реагируя на появление в политическом словаре нового слова «разрядка».

В последующие годы страх перед «красными» достиг, казалось, всех мыслимых пределов...

Изучение «урожая» последнего десятилетия в англо-американской фантастике приводит к одному неприятному выводу. Воистину смешались «левые» и «правые»; обвиняющие США в развязывании мировой войны и те, что возлагают ответственность на СССР. Однако все солидарны в одном: катастрофа неизбежна, кто бы ее ни начал.

Идет густой всход книг-предсказаний войны, — пишет советский исследователь Б. Д. Пядышев, — начиная со схватки обычным оружием и кончая ракетно-ядерным светопреставлением. Сюжеты Апокалипсиса — кошмарных видений апостолом Иоанном битв между «воинством небесным» и антихристом, конца света и страшного суда — монтируются в перспективу международной жизни, да не просто так, не из-за любви к сочным библейским сказкам, а с увесистым умыслом и расчетом. До конца века, пишут и говорят пророки, случится катастрофа, если не забить в колокола, не опоясаться новыми рядами пушек и ракет. Если же позаботиться заранее, не считаясь с ценой и, добавим, здравым смыслом, то дело можно повернуть к выборочной заварухе так, чтобы в тартарары загребел не целый свет, а только его красная часть»²⁵.

Перелистывая страницы книг, выпущенных в конце 70 — начале 80-х годов, поневоле оказываешься в плену у этой глобальной завороченности приближающимся концом света. Авторы-предшественники, как мы убедились, описывали тоже далеко не розовую идиллию, но в их произведениях все же прорывался если не набат, то хоть слабый сигнал тревоги — и отнюдь не по поводу «недовооруженности»! В большинстве современных произведений мировая ядерная катастрофа — это нечто почти обыденное. Как неизбежны смены дня и ночи, снег зимой и палящее солнце летом. Интересует, по-видимому, только один вопрос: как именно, по словам Томаса Эллиота, кончится мир — взрывом или взвизгом?

Среди новомодных вариантов конца света, за который несут ответственность две «сверхдержавы», и война, начатая... по ошибке. Вероятно, это вообще самое страшное, что только может случиться.

...Когда гигантская вспышка на Солнце вызвала хаос

в Восточном полушарии, у русских не было и тени сомнения в том, что это ядерное нападение. И они немедленно запускают межконтинентальные ракеты в сторону Америки. Это читателя пугает Бен Бова в романе «Испытание огнем» (1982). Спустя пять лет выходит «Аврора» Стивена Лоу, где автор изобразил более *сдержанный* вариант недоразумения, не приведший к таким фатальным последствиям: советнику президента удалось убедить своего патрона, что засеченные радарами «советские ракеты» — на самом деле части близко подошедшей к Земле кометы. Томас Блок, автор романа «Бортовой номер 9» (1984), ответственность за развязывание термоядерной войны возлагает на обе стороны. Сначала неисправность на американском военном спутнике приводит к несанкционированному запуску 48 ядерных ракет против СССР, а затем и русские отвечают тем же...

Популярный «тандем» — Джерри Пурнелл и Ларри Нивен — тоже отдал дань «кометной» тематике. В их романе «Молот Люцифера» (1977) массивное небесное тело врывается в Землю, вызвав цепь природных катастроф. По логике авторов, лучшего повода для начала мировой войны не найти, и обмен ядерными ударами действительно происходит. Но не между СССР и США, а между СССР и... Китаем! Причем Соединенные Штаты даже оказывают военную помощь русским — но «все это сущие пустяки по сравнению с космической катастрофой. В большей степени, нежели политика, авторов интересуют следующие темы: поддержка атомной энергетики, критика «зеленых» и оправдание авторитаризма и даже рабства в исключительных условиях»²⁶.

Одно из наиболее достоверных с научной точки зрения описаний крупномасштабной ядерной войны со всеми сопутствующими эффектами глобального характера, включая «ядерную зиму», содержится в серьезном романе Уильяма Прохнау «Дитя Троицы», вышедшем в 1983 году (причем еще *до* знаменитой статьи американских ученых Турко, Туна, Эккермана, Поллака и Сагана в декабрьском номере журнала «Сайенс» за тот же год — ныне эта статья считается первым изложением в широкой печати эффекта «ядерной зимы»). «Прохнау, — мрачно замечает Пол Брайнс, — очень вдумчиво провел предварительную работу, и в результате вероятность описанного им конфликта представляется чрезвычайно высокой, а наших усилий избежать ее — чрезвычайно низкой»²⁷. Но вопрос об *ответственности* за развязывание войны автор,

увы, решает все в том же ключе: под давлением собственных «ястребов» из военного окружения *советский* премьер вынужден отдать приказ об избирательной атомной бомбардировке военных объектов на территории США. Крупномасштабного конфликта он, естественно, не желает, но вследствие многочисленных поломок (как же у русских да без них!) события выходят из-под контроля.

Американский читатель, если судить по количеству распроданных экземпляров романа, все это тем не менее «съел». Как просто его было *подготовить* за четверть века!

Впрочем, прогресс не стоял на месте и в этой специфической литературе. В 80-е годы, когда научная фантастика превратилась в один из «столпов» коммерческого массового чтения, стали появляться уже не отдельные книги, а целые *серии*. Тема все та же — «русские идут!».

Если пользоваться сообразной случаю терминологией, то это были уже «килотонны» пропагандистского оружия. *Мегатоннаж* пошел, когда в военные действия были втянуты кинематограф и телевидение; боюсь, что их роль в пропагандистской войне сегодня точнее всего сравнить со *стратегическим* оружием. Производимый им эффект «накрывает» аудиторию на два-три порядка больше, чем насчитывает армия читателей. Да и зрительное восприятие острее, особенно когда видишь на экране такие картинки, как опустошительную ядерную войну, кровавые бесчинства оккупантов на земле твоей родины...

При президенте Рейгане вышел на телеэкраны Америки фильм «Третья мировая война». Случилось это в 1981 году. Шум он вызвал изрядный. Хотя после просмотра возникает подозрение, что кто-то очень *постарался*, чтобы был шум. Сама картина — а о ней газеты писали, что в течение двух вечеров *все* население Соединенных Штатов прильнуло к экранам своих телевизоров и разом превратилось в записных антикоммунистов, — ей-богу, ничего особенного из себя не представляет. Даже если оценивать ее по шкале антисоветской «осатанелости».

Ну действительно... Перепуганный американский обыватель, конечно, с замиранием сердца следил за героическими действиями малочисленного патруля национальных гвардейцев на Аляске — ведь американцам противостоят численно их превосходящие, специально натасканные советские «коммандос». Дьявольский план Москвы состоит в том, чтобы захватить и отключить стратегически важный нефтепровод, после чего *шантажировать* Америку и весь

Запад. В случае с таким противником, конечно, ожидать каких-то цивилизованных методов ведения войны не приходится. Русские убивают, насилюют, грабят мирное население Аляски без проблеска моральных сомнений. Когда же их командир, кажется, проникается сознанием того, что за ужасы они творят, то окончательно раскаяться ему не дают: рядом, как и положено, оказывается еще более inferнальный «комиссар» с гранатой... Финал закономерен. Русский генерал и американский президент нажимают роковые кнопки; президент нажимает *вторым* — со слезами на глазах.

Даже по самым заниженным критериям фильм сделан на удивление топорно. Видно, что создатели его — и особенно те, кто стояли за ними, — торопились: вопрос о размещении «евроракет» как раз впервые повис в воздухе из-за бурной реакции в Западной Европе, нужно было что-то срочно решать, и, на счастье, вновь подвернулась научная фантастика.

Кроме того, *название-то* было у всех на устах!

Тремя годами раньше вышла в свет и быстро разошлась — за рекламой дело не стало — еще одна «Третья мировая война», на сей раз литературная. Такое название дали своему сочинению, очередному военному сценарию, написанному под «мемуары из будущего», авторы — отставные военные «под командованием» натовского генерала англичанина сэра Джона Хэкетта. В состав его команды входили также главный маршал авиации сэр Джон Барраклоу, главный политический советник сэр Бернард Берроуз, бригадный генерал Кеннет Хант, вице-адмирал сэр Йен Макгеок, Норман Макрай и генерал-майор Джон Строусон. Вот это созвездие имен, рыцарских титулов, орденских планок и звезд в петлицах произвело на свет сенсационный увесистый том в 500 страниц, снабженный картами, фотографиями, фотокопиями документов и газетных заголовков. *Документальное свидетельство* о третьей мировой...

В книге, не претендующей на какие-то литературные лавры, скрупулезно и профессионально рассказано о битвах на земле Европы между войсками НАТО и стран Варшавского Договора. О сражениях на юге Африки, где «одинокая» ЮАР сражается со всеми остальными. И о военных действиях на Ближнем Востоке, где и вправду довольно скоро заговорили пушки. Разумеется, упомянуты и воздушные, и даже почти космические баталии, подробно описывается военная техника и ход военных действий.

Идея авторов книги изложена с обезоруживающей простотой и откровенностью: «Хотите ядерного мира? Тогда готовьтесь к не-ядерной войне. Только учтите, что за это придется платить»²⁸. Но главное не в этом.

От первой до последней страницы это сочинение пронизывает навязчивая идея: русским доверять нельзя. Это фанатики, готовые весь мир поставить на край гибели. Они *первыми* принимают «ядерное решение» (так и названа соответствующая глава) нанести тактический атомный удар по Бирмингему. Ответ последовал незамедлительно: ракетные силы НАТО уничтожают одной ядерной боеголовкой Минск.

Последняя глава книги названа «Начало будущего». Авторы настроены оптимистично: «восточный блок» распадается как карточный домик, «сателлиты Москвы» откололись, предпочитая выждать. Да и в самой Москве происходят драматические события. «Украинские националисты» в партии внедряют *своего человека* Василия Дугленко в центральный аппарат КГБ, где он поднимается до поста заместителя председателя комитета. После атомной бомбардировки Минска «сепаратисты» считают, что их время пришло...

Подробно описывать перипетии последних глав все равно что пересказывать сюжет дешевенького шпионского боевика на темы «тайны Кремля» (таких много выходит на Западе). Авторами-генералами явно овладел зуд сочинительства: описывая «дворцовый переворот», произведенный в Москве Дугленко, они отступают от ими же декларированной линии на бесстрастную объективность в стиле военных мемуаров. Потому что на страницах книги начинается твориться воистину нечто фантасмагоричное!

Сначала Дугленко устраивает «автомобильную катастрофу» своему шефу — и как раз в день заседания Политбюро, после чего «по штату» попадает на это заседание. Там он убивает из пистолета Председателя Президиума Верховного Совета, а друзья-заговорщики быстро разоружают охрану и арестовывают членов Политбюро. Первым шагом нового советского лидера следует звонок по «горячей линии» американскому президенту: война прекращается. Вторым — отделение Украины, а вслед за нею — и других республик и фактический развал СССР. Чрезвычайная встреча глав государств в Хельсинки принимает решения, на которых настаивал Запад. «Расколотому» Советскому Союзу и странам Восточной Европы не до сопротивления, им хватает своих внутренних забот...

Власть попереживав за судьбы «своей» демократии, западный читатель, пожалуй, согласится, что подобная «заварушка» в Европе — оно и к лучшему. Во всяком случае, война положит конец *настоящей* угрозе — советского вторжения, от которой он, читатель, порядком устал.

...В беглом пересказе я сознательно допустил *смешение* двух сюжетов²⁹. То, что вы прочитали, — это своего рода «винегрет» из *двух* сочинений одной и той же бравой команды. Оба имеют одинаковое название: «Третья мировая война», но подзаголовками снабжены разными — «Нерассказанная история будущего» (вариант 1978 года) и «Август 1985 года» (пересмотренный и значительно расширенный вариант 1982 года)... Что же пришлось пересматривать и дописывать?

Самое интересное, что, за исключением сугубо профессиональных деталей, ровным счетом *ничего*. И четыре года спустя команда Хэкетта не сомневается, что все описанное реально грозит Западу.

Злое упрямство было оценено по достоинству. Среди тех, кто особенно горячо аплодировал писаниям Хэкетта с компанией, можно выделить одно имя — Рональд Рейган³⁰. После этого неудивительно, что в середине 80-х годов генерал-фантаст Джон Хэкетт занял пост редактора журнала «Записки по национальной безопасности» — официального органа консервативнейшего «Фонда наследия»...

Но вернемся к кино. Отношение к нему бывшего тогда президентом США Рейгана тоже общеизвестно, поэтому снова никого особенно не поразило, что именно из Белого дома поступило одно из самых теплых и энергичных поздравлений режиссеру Джону Милиусу. Автору снятого в 1984 году, вероятно, *самого* злого и нелепого фильма на тему «русской опасности» — «Красный рассвет» (словосочетание за рейгановские неполные десять лет превратилось в парицательное — как имена Рэмбо и Роки, как заведомо ошибочно написанное по-английски слово «Америка» *).

Режиссеру в то время не было и сорока, хотя он успел выпустить несколько нашумевших лент. Среди них, во-первых, «кровоточащий» гангстерский боевик о реально существовавшем налетчике, грозе банков Диллинджере. А во-вторых — фильм, снятый в жанре «heroic fantasy» (буквально «героическая фантазия»): «Конан-варвар».

* Amerika вместо America.

На нем-то необходимо, на мой взгляд, задержать внимание.

Герой фильма, впечатляюще сыгранный звездой-культуристом Арнольдом Шварценеггером,— дикарь с великолепно развитой мускулатурой и с полным отсутствием даже проблеска мысли во взгляде. Он инстинктивно хватается за меч, как только возникают «проблемы», а их ему на каждом шагу создают какие-то темные личности, тираны и чародеи, *змеиное* (в фильме — буквально!) племя которых словно для того и создано, чтобы дать возможность Конану бесконечно демонстрировать свою удаль и отвагу.

Он по-своему прост, открыт и даже наивен — этот дикарь. Рефлексии он чужд напрочь, предпочитает полагаться на инстинкт и голос крови, который ведет его на бой со злодеями. Отличительные черты последних — коварство, жестокость, приверженность к тайным мистическим ритуалам и идее власти над людьми и стихиями. В борьбе с ними Конан легко принимает *лидерство* над всеми обиженными и не брезгует знаками *царской* власти, которую понимает принадлежащей ему по праву.

Да так ли он примитивен, как может показаться при поверхностном взгляде? А если еще обратить внимание на то, что фильм открывается эпиграфом — цитатой из Ницше... И вслед за этим — эпизод, в котором старик учит маленького Конана: нет ничего важнее стали и никому и ничему нельзя доверять — ни мужчине, ни женщине, ни зверю,— лишь одному *мечу*. Вся эта знакомая «героика» аналогии вызывает совсем не фантастические!

Впрочем, не скрывает замысла и сам Милиус, во всеуслышание заявивший: да, это картина о «сверхчеловке», «белокурой бестии». Что касается идеологии, когда-то, помнится, поставившей на эту бестию, то он, Милиус, не только не намерен падать в обморок от обвинений в фашизме, но, напротив, гордо считает себя учеником того самого — *бесноватого!*

Теперь, когда прояснено кредо постановщика «Красного рассвета», можно сказать два слова о сюжете. В фильме беззащитную Америку — которую все предали: союзники, ООН, «третий мир»... — с невероятной, какой-то немотивированной жестокостью завоевывают советско-кубинско-никарагуанские десантники! Они расстреливают заложников, грабят и насилуют, покрывают Америку сетью концлагерей, не забыв создать что-то вроде «вишистского правительства» из трусов-коллаборационистов. И ес-

ли бы не отважные «юные мстители», американские школьпики, партизапящие по горам и лесам, лежать бы оплоту западной демократии в руинах, как некогда Риму.

Что до общей оценки фильма, то на ум приходят только два слова: зло и глупо. Настолько зло и глупо, что оккупанты в этой картине — все, естественно, на одно «азиатско-латиноамериканское» лицо — изъясняются почему-то на ломаном русском, а перевод их речи дается в субтитрах *. И этот «русский язык» под стать всему фильму как кинематографическому (не хочется употреблять всеу слово «художественному») целому.

...Я смотрел картину в Москве во время одной из встреч советской и американской общественности. Сидевшие в зале русские *хохотали*; кажется, весьма неловко себя чувствовали и американцы, когда говорили со мной о «Красном рассвете».

Зло и глупо. Пожалуй, этой оценки заслуживает вся подобная продукция, состряпанная на тему «русские идут!». Правда, глупость, да еще и агрессивно-злая, часто не такая и безвредная, результат ее дает себя знать и сегодня. А кроме того, опыт с «Красным рассветом» был, видимо, учтен, и о последнем «шедевре» такого рода — нашумевшем телесериале «Америка» — не скажешь, что делали фильм *глупцы*.

Об «Америке» у нас много писала пресса — писала разнообразно, хотя не всегда, на мой взгляд, точно. Добавил огня в споры и исполнитель главной роли известный американский актер Крис Кристофферсон — известный, кроме всего прочего, и своими *прогрессивными* убеждениями! И хотя его выступления по советскому телевидению во время работы московского форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» мало кого убедили, некоторую новую краску в понимание картины (которой, к сожалению, советский зритель не видел) он добавил.

* Впрочем, память подсказывает аналогичный пример из истории *советского* киноискусства. В фильме «Секретарь райкома», снятом в 1942 году, тоже, помнится, один партизанский отряд чуть было в одиночку не разгромил все германские силы, принимавшие участие во вторжении на советскую территорию. И оккупанты тоже почему-то обращались друг с другом на «ломаном русском». Фильм этот по совершенно непостижимой для меня причине неоднократно «крутили» по телевидению еще в конце 70-х годов, когда отдельные сцены — вроде митинга оккупантов, на котором немецкий генерал обращается к своим со словами: «Зольдатеи феликая Германия!» — казались уже какой-то не очень приличной пародией. Но это еще можно объяснить временем выхода картины: война была в разгаре...

А во время встреч с американскими любителями фантастики, писателями и «фантастоведами» мне приходилось слышать и такое: это-де совсем не антисоветский фильм, а, напротив, весьма робкая критика рейгановской администрации! Впрочем, почти все соглашались, что сериал не получился — *скучно...*

Я потратил час времени, чтобы посмотреть хотя бы начало «Америки», и остался при своем убеждении. А оно у меня сформировалось после чтения «романа» Браунс Паунс под тем же названием, представляющего как бы литературную запись сценария Дональда Рая (он же, кстати, и режиссер-постановщик сериала). Так уж получилось, что раньше было знакомство с книгой.

Подробно пересказывать сюжет «Америки» — значит еще раз повторять все то, что читатель уже узнал из этой главы. Ничего оригинального, кроме написания слова «Америка» на «русский лад» да поднимаемого вверх ногами американского флага на флагштоке, сценарист не выдумал. А как режиссер — лишь снял эпизоды вторжения позэффектнее, чем это делали его коллеги десятилетие назад.

Но вот на *прологе* к «роману» Паунс считаю необходимым остановиться. Он совсем не глуп, этот пролог.

Начать хотя бы с первой фразы: «В истории человеческого недомыслия надменные фантазии о военном превосходстве и патетические иллюзии национальной безопасности часто играли фатальную роль. Великая Китайская стена, испанская Армада, линия Мажино — все это мыслилось несокрушимым. И пало. И вместе с укреплениями пали не только правительства, но идеалы, не только нации, но те уникальные аспекты человеческого духа, которые составляли суть завоеваний цивилизаций»³¹.

Далее, как и следовало ожидать, идет язвительный панегирик американской обороне и мощи американской системы коммуникаций. Ибо сила обернулась ужасающим бессилием, а колосс оказался... нет, не на глиняных, а на «электронных» ногах! Чем не замедлило воспользоваться Советское правительство, решившее одним ударом покончить с собственными внутренними проблемами и с американской политической и технологической гегемонией в мире.

Без предупреждения тихим утром в пятницу началась атомная война. Она и прошла на удивление *тихо* — совсем не так, как описывали в своих книгах писатели-фан-

тасты и изображали в кинокартинах режиссеры. Армагеддона с миллионами жертв, эффектными пожарами и вздымающимися над горизонтом ядерными грибами не было. Просто высоко в атмосфере над территорией Америки были взорваны четыре огромных ядерных устройства. «На Земле слышали лишь низкие раскаты далекого грома. Жертв, радиоактивных осадков, разрушений не было. Но взрывы мгновенно отзывались во всех без исключения компьютерных сетях, во всех телефонных линиях, банковских системах и на всех электростанциях от штата Мэн до калифорнийского города Сан-Диего. Детонация создала мощный электромагнитный импульс (ЭМИ), подобно сотням тысяч молний избирательно пронзивший нервные узлы Америки. Огромные компьютерные банки данных были отныне бесполезны. Катушки электрогенераторов с шипением сгорели все до одной. Телефоны замолкли. Век Коммуникаций прекратил свое существование в одну миллисекунду, и вместе с ним канула в небытие американская военная, политическая и экономическая гегемония»³².

Американский президент был поставлен перед выбором: сдаться, согласиться на всеобщее разоружение, уничтожение долларовой системы и потерю национального суверенитета — или сопротивляться, собрав лишь немногочисленные силы, которые скорее всего были обречены на поголовное уничтожение. Политический лидер, для которого человеческая жизнь не пустые слова, не мог выбрать второе...

Так Америка пережила первую в своей истории и самую бескровную — из всех воображаемых историй, описанных фантастами, — оккупацию. Правда, множество «неблагонадежных» было сослано в концлагеря, а кто-то ушел в леса партизанить, но жизнь «в общем и целом» наладилась и под оккупантами. Разумеется, нашлись свои квислинги* — им-то в романе достается больше критического заряда, чем русским.

Да и оккупанты совсем не те, что, скажем, в «Красном рассвете» (хотя кадры из фильма, на которых танки давят бегущих людей, или зал сената США, заваленный трупами расстрелянных прямо тут же сенаторов, смотреть без

* Квислинг, Видкун — организатор и лидер фашистской партии Норвегии. Военный преступник, содействовал захвату страны фашистской Германией, после чего стал премьер-министром. Казнен в 1945 году. Имя стало нарицательным для предателей своего народа.

содрогания невозможно). «Кто были эти советские — ставшие администраторами, надсмотрщиками и боссами Америки? Удивительно, но они никак не подходили под наши стереотипы, почерпнутые из времен «холодной войны». Не свирепые «комиссары с густыми бровями» и не разбушевавшиеся грубияны, дующие вздохом водку и несущие одну идеологическую банальность за другой. Нет, это были вполне современные мужчины и женщины — культурные, в меру прагматичные, вполне эффективно справляющиеся со своей работой, очень часто милые и в основном не лишённые человечности. У них было чувство юмора, желания, мечты. Их мечтой был мир, объединённый и движимый вперед единым механизмом, предсказанным Марксом и Лениным: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Вообще говоря, ничего плохого в этом лозунге... Советские захватчики завоевали страну не силой, а одержав куда более полную победу: они внедрились новую мифологию»³³.

Думаю, дальше можно не продолжать — сдвиг от «лобового» антисоветизма к «мягко-интеллигентному» налицо. Думаю также, что лет тридцать — тридцать пять назад за подобные высказывания о «русских оккупантах» автор книги и режиссер-постановщик вполне могли бы «загребать» в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности...

Времена действительно меняются — и вместе с ними формы пропаганды, видоизменяется конкретный «образ врага». Но когда же изменится само *отношение* к этому образу?

Увы, в американской научной фантастике последнего десятилетия на память приходит только одно произведение, где, правда, очень осторожно, с многочисленными оговорками и «микровыпадами» в наш адрес, но проводится идея сотрудничества двух сверхдержав в деле общего выживания человеческой цивилизации на Земле. Правда, для этого, по мнению авторов фильма «2010: одиссея-2» (1984) — режиссера Питера Хаймса и всемирно известного писателя-фантаста Артура Кларка, — нужно еще осуществить совместный полет в космос. И там, среди звезд, далеко от Земли, вместе задуматься над ее судьбой...

Эту главу я хочу завершить возвращением к Кларку, к его (с Кубриком) фильму «2001: космическая одиссея», с которого начинался мой рассказ, и к фильму-продолжению. Без упоминания об этих двух картинах — и книгах

Кларка — тягостное ощущение, которое могло остаться у читателя после знакомства с этой главой, боюсь, никогда не развеется.

Напомню, что первый фильм вышел на экраны Америки в 1969 году, и тем же летом счастливая судьба «занесла» картину в Москву на кинофестиваль. Для большинства кинозрителей, не сомневаюсь, то было первое знакомство с мощью современной кинофантастики, с ее новыми — поистине фантастическими — техническими возможностями.

Теми июльскими днями в зале незримо присутствовало космическое мироощущение. Меньше месяца оставалось до старта «Аполлона-9» к Луне, и это событие напряженно ожидали не только по ту сторону океана...

Можно себе представить волнение, которое охватило нас, когда на огромном экране показали Луну почти освоенную, обжитую учеными *разных* стран. Причем снято это было так искусно, что в полной мере создавалось впечатление документальности происходящего!

Легкие трения между «нашими» и американцами в фильме едва намечены. Зато извечное, как считали, видимо, авторы картины, чувство агрессивности — каинова печать человечества — программно заявлено в прологе. Но почему же тогда большинство рецензентов усмотрело в *финальных кадрах* картины смысл, который в нее не вкладывали постановщики?

Ведь нигде, ни единым намеком в фильме не сказано, что Звездный Мальчик — сверхчеловек, в которого, следуя воле неведомого Вселенского Разума, превратился астронавт Боумэн, — летит на Землю с целью предотвратить *ядерное столкновение* сверхдержав.

Но именно это и увидели. Почувствовали что-то такое, что сами создатели фильма в процессе работы над ним, может быть, и ощутили — но подсознательно. Какое-то настроение, предчувствие, тревога...

Ключ к «пониманию» финальных кадров позже дал Артур Кларк. Видимо, он остался неудовлетворен общей атмосферой загадочности в финале, за которую, разумеется, ответственность нес режиссер, и в «романе» (фактически — беллетризованном сценарии), вышедшем в том же году, постарался все разъяснить...

Досье по теме «Ультиматум»:

АРТУР ЧАРЛЗ КЛАРК

Род. в 1917 г.

Выдающийся английский писатель-фантаст и популяризатор науки, один из классиков современной научной фантастики. Окончил Оксфордский университет (физика). Во время второй мировой войны служил в ВВС, работал на радарных станциях. Президент Британского межпланетного общества (1950—1953). Автор книги об атомных исследованиях в Великобритании «Рождение бомбы» (1961). С 1956 г. — гражданин Шри-Ланки. Дебютировал в фантастике в 1946 г. Автор романов «Конец Детства» (1953), «Город и звезды» (1956) и др. Лауреат высших премий в жанре фантастики и Премии Калинги, присуждаемой ЮНЕСКО за вклад в популяризацию науки (1961).

В заключительной *фразе* романа (к сожалению, вместе с последней главой она «выпала» из русского перевода), действительно, есть намек на ядерную опасность. И ощущение, что Звездный Мальчик — это некий мессия, посланный сверхцивилизацией, чтобы спасти неразумное, заигравшееся в свои ядерные игрушки человечество. Всего лишь намек. И, однако, он задает такое прочтение романа — и новое мысленное возвращение к фильму, — что у меня не было сомнений, включать ли в этот исторический экскурс «2001-й».

Вот какой сценой заканчивается роман. Звездный Мальчик подлетает к Земле: «В тысяче милях под ним — он чувствовал это совершенно отчетливо — пребывавший в сонной дреме механизм, несущий смерть, внезапно пробудился и вяло задвигался на орбите. Разрушительная энергия, которой он был наполнен, не представляла опасности для Звездного Мальчика, но он все же предпочитал бы видеть небо над планетой очищенным от всего этого. Достаточно было легкого напряжения воли — и все эти кружащиеся на своих орбитах мегатонны вспыхнули огненными цветами в полной тишине, подарив спящей половине человечества дополнительный, незапланированный восход.

Звездный Мальчик ждал, осмысливая свои еще не опробованные возможности. Хотя он был властелином этого мира, уверенности в том, что делать дальше, у него еще не было.

Но во всяком случае придется задуматься и об этом»³⁴.

Как мало порой нужно художнику. Едва сорвавшееся с его уст слово и срезонировало! С тайными предчувствиями читателей и зрителей, с их невысказанными страхами и от себя самих скрываемой надеждой.

Если финал романа и фильма «2001: космическая одиссея» допускал все же вольную интерпретацию, то в романе-продолжении, добросовестно и без всяких режиссерских изысков перенесенном на экран, все предельно точно оговорено.

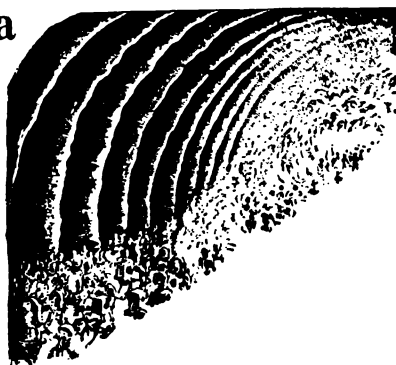
Члены международной экспедиции, посланной к Юпитеру на корабле «Леонов», остро чувствуют, как назревает ядерный конфликт между Соединенными Штатами и Советским Союзом. И уже знакомый нам Звездный Мальчик — кто он или что он сейчас такое, никто уже не может сказать определенно — тоже ощущает, как цивилизация, развившаяся по воле его «родителей» на Земле, подошла к краю пропасти... Руки советского и американского космонавтов, протянутые друг к другу и сомкнувшиеся над спутником Юпитера, символизируют взаимопонимание, достигнутое в космосе. Чтобы протянуть эти руки над бездной предрассудков и на Земле, потребовалось все-таки вмешательство свыше. Сверхразум Вселенной вновь напомнил о себе, и Юпитер превратился в маленькую сверхновую звезду! «Вифлеемский знак» был увиден и в Москве, и в Вашингтоне, после чего оба правительства отзывают свои войска из района предполагаемого конфликта.

Можно поставить под сомнение действительность «высших сил» (при желании это произведение можно прочесть и как неохристианскую притчу о мессии-избавителе). Но на фоне того, о чем я только что рассказывал, побольше бы таких «уязвимых» примеров!

И все-таки — «придут ли русские» завоевателями в Америку?

Глава 8

САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Русские не придут.

«Русские никуда не идут и идти не собираются. Им всего в достатке в собственном доме, в нем они и намерены оставаться, занимаясь своими делами. Двести с лишним лет назад легендарный американец Поль Ревере поднял в ружье своих сограждан тревожной вестью: «Англичане идут!», получив исторический патент на эти слова. Тогда англичане действительно шли усмирять взбунтовавшиеся колонии...»³⁵

Как убедить сегодня в нелепости аналогий тех, кто усиленно сопротивляется очевидности? Кого оболванивали с детства, из того заученное не вышибешь никакими контраргументами. Да и «учителя» уж больно постарались...

«Kill Commu for a Mommy!» («Убей коммуниста ради своей мамочки!») — это-то никакая не «пропаганда», я сам видел — хотя, признаюсь, всего раз-два — подобные значки на американцах. В Соединенных Штатах продается множество *шутливых* значков, а написано на них зачастую такое, что нам покажется неуместным для выпучивания (американцы — те просто нос задирают от гордости за свою свободу от каких-либо табу). Но если б только *значки!*

Переубедить действительно трудно. Для читателей и слушателей с «того» берега Атлантики, десятилетиями воспитывавшихся в духе недоверия ко всему, что произносится с берега «этого», любые доводы будут казаться пропагандой. Приходилось сталкиваться с этим и в 1988 году — на Всемирной конвенции в Новом Орлеане, в самый разгар моды на все «советское»; когда даже Аф-

ганистап перестал быть камнем преткновения, многие американцы по-прежнему не верили...

А между тем пожелай они — и один частный пункт моей «пропаганды» можно было бы легко проверить. Факт *отсутствия* в советском искусстве творений, аналогичных фильму «Красный рассвет».

При всем желании, уверен, не найти в нашей фантастике ни картин советской оккупации Соединенных Штатов, ни ужасов «американского нового порядка» на советской территории. *Нет* таких произведений (хотя рецидивов времен «холодной войны», конечно, хватало и у нас, и о некоторых еще будет сказано)... Стоило завести речь о научной фантастике, как дискуссия о *равной* ответственности двух пропагандистских машин — советской и американской — по созданию «образа врага» становилась для моих оппонентов попросту невыгодной.

Любая пропаганда в какой-то мере несет за это ответственность, что прекрасно показано в книге Сэма Кина «Лица врага». Про американскую пропаганду нам все ясно с детских лет; что касается аналогичных упреков в наш адрес, то их в течение долгого времени «отметали с порога», хотя сегодня следует наконец признать: основания для них были, и выпить за это нам некого, кроме себя самих.

Можно спорить с Кином о мере, об *интенсивности* пропаганды, но факт остается фактом: в создание образа «американского врага» наше искусство внесло свой весомый вклад.

Только вот советская научная фантастика, кажется, оставалась сравнительно *чистой* от всего этого.

Если рассматривать ее как специфическое «зеркало» главенствующей в обществе идеологии, как *модель* его представлений о собственных перспективах, целях и идеалах, то пресловутого «равенства» мы не обнаружим. Утверждаю вовсе не с позиций «квасного патриотизма»: областей, в которых наша фантастика (на мой взгляд, по крайней мере) уступает западной, достаточно. Даже если говорить о *политике*, критические замечания в адрес писателей-соотечественников найдутся у любого советского критика... Но чего не могу вообразить, так это советского аналога спецномеру «Кольерс» или фильму «Америка».

Справедливости ради помянем и некоторые собственные грехи. К счастью, не было крупномасштабных вторжений, атомных бомбардировок Вашингтона или американских концлагерей на советской территории. Зато шпио-

пы и диверсанты «оттуда», из-за океана, одно время в советской фантастике встречались столь же часто, как инопланетяне или роботы. Однако как *тенденция* подобная «фантастика» давно канула в небытие.

Кто, кроме дотошных библиографов и энтузиастов-фэнов, сегодня помнит «вершины» ее — вроде романа Валентина Иванова, оптимистично названного «Энергия подвластна нам!» (1951), в котором доблестные чекисты раскрывают заговор иностранных спецслужб, собиравшихся произвести провокационный ядерный взрыв на территории СССР! Подобные сюжеты с тех пор превратились в легкую мишень для не утруждающих себя пародистов... Вот почему на вопросы американских писателей-фантастов и читателей этой литературы, было ли у нас нечто подобное «Красному рассвету», я убежденно говорил «нет».

Но и на следующий вопрос: «А не запрещена ли вообще у нас *тема войны*, тем более *атомной*?» — тоже отвечал отрицательно. Это встречало еще большее недоверие — приходилось приводить *факты*.

Пришло время поговорить о советской «военной фантастике».

Пока мы не разобрались с этим, весьма мало, надо сказать, изученным вопросом, дальнейший диалог вряд ли пойдет гладко, а вести его придется, причем по проблеме отнюдь не фантастической. Скажи мне, какие «ядерные страхи» тебя посещают и в какой мере ты гонишь их прочь, и я скажу тебе, насколько ты сам представляешь опасность для окружающих. Вероятно, так сформулировал бы проблему последователь психоаналитической школы Юнга (впрочем, и к психоанализу мы еще вернемся). Но все равно, даже если вы не сторонник его, литература, в которой совсем *запрещена* тема ядерной войны, вызовет у вас серьезные подозрения и в отношении литераторов, молча согласившихся с этим запретом, и в отношении общества в целом.

К сожалению, взгляд на советскую научную фантастику как на изначально «умиротворенную» (во всех смыслах) превратился на Западе в устойчивый стереотип. А поскольку воюют и по сей день в разных уголках планеты и идеи о будто бы присущей роду людскому имманентной гуманности все чаще сталкиваются с ужасающими примерами обратного, то и вся советская фантастика в таком случае предстает *безнадежно-утопической*.

Однако это не так.

Странно, если бы это было так. Слишком ничтожный

(по сравнению с испытанным кошмаром) срок прошел с той — последней — войны, что унесла десятки миллионов советских жизней. Многие из тех, кто пишет сегодня научную фантастику, сами воевали; да и авторы помоложе не могут не помнить о войне... Обращение к ней в произведениях советской фантастики (если это не пример откровенной спекуляции на святой теме — а они конечно же встречаются) не только долг памяти. Это еще и фучиковский призыв: «Будьте бдительны!» Не допустите снова такое... Поэтому неудивительно, что на страницах книг, снабженных не требующими расшифровки буквами «НФ», бок о бок с привычным в этой литературе космонавтом в скафандре идет герой, который куда уместнее смотрелся бы в реалистической военной прозе: солдат в выцветшей гимнастерке и в галифе, со стареньким ППШ наперевес.

...Он прямо выведен в рассказе волгоградского писателя Геннадия Мельникова «Ясное утро после долгой ночи» (1985). Последний солдат второй мировой, заслуживший вечную жизнь (так считают его высокомогущественные потомки). Каждое утро старый солдат просыпается в знакомом, но словно застывшем во времени мире, встречается с соседями по двору, не подозревая, что этот уголок прошлого искусственно, специально для него создан благодарным будущим.

Память о сражавшихся за завтрашний день не покинет живущих в нем и на Земле, и на дальних звездных трассах, которые со временем станут новым, необъятным домом для человечества. Оттуда, со звезд, возвращается на Землю и в свое прошлое, где не окончен бой с фашизмом, солдат Саул — герой повести «Попытка к бегству» (1962) Аркадия и Бориса Стругацких.

О фашизме признанные лидеры советской научной фантастики знают не понаслышке.

Досье по теме «Ультиматум»:

АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ СТРУГАЦКИЙ

Род. в 1925 г.

Ведущий советский писатель-фантаст, пишет в соавторстве с братом, Б. Стругацким. Окончил Институт иностранных языков (по специальности переводчик с японского). Участник Великой Отечественной войны, воевал на Дальнем Востоке. После службы в армии работал редактором в издательстве.

Досье по теме «Ультиматум»:

БОРИС НАТАНОВИЧ СТРУГАЦКИЙ

Род. в 1933 г.

Окончил Ленинградский государственный университет (по специальности — вычислительная математика). Работал в Пулковской обсерватории. Братья Стругацкие дебютировали в фантастике в 1957 г. Авторы более 20 книг: «Трудно быть богом» (1964), «Пикник на обочине» (1972), трилогии «Обитаемый остров» (1971), «Жук в муравейнике» (1980) и «Волны гасят ветер» (1984) и др. Премия «Аэлита» (1981). Государственная премия РСФСР (1987, Б. Стругацкий).

У Стругацких свой счет к войне (собственно, это счет всего их поколения), заставшей братьев в Ленинграде; блокада отняла у них отца... Потому и герой их повести возвращается в прошлое с оставшейся обложкой. Довоевать, закончить свое дело *там*, чтобы действительно наступило будущее, в которое он попытался убежать. В его прощальной записке — завещание и своему военному времени, и тому светлому миру, в котором войны позабыты навсегда: «Дорогие мальчишки!.. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обложка, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь... Делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обложка»³⁶.

Попытка *бегства* в мирное и безмятежное будущее не удалась. Не только в данной конкретной повести, но и во всей послевоенной советской научной фантастике, если понимать название повести Стругацких как метафору. Запрет наложен не какими-то особенными физическими законами — что они писателю-фантасту! — а скорее законами *совести*. Мирным будущее само по себе не станет, надо за него побороться, выстрадать его. Боролись, дрались за него в прошлом — может, понадобится и сейчас. Как тут расслабишься, когда вновь зашевелились «коричневые» и «серые», в форме цвета хаки, забряцали оружием стратеги, которых прошедшая война как будто ничему не научила...

Приходится *драться*. И не с теми, кто уже заражен бактерией милитаризма (они — жертвы, их изолировать и лечить надо), а с самой этой опасной болезнью. И в предстоящей *драке* будут и жертвы, советские писатели-фантасты хорошо это понимают.

Одно только творчество братьев Стругацких в достаточной мере опровергает легенду о «мирно-розовой» советской научной фантастике.

Только что закончилась «ограниченная» ядерная война на далекой, до боли похожей на Землю планете Саракш — месте действия повести Стругацких «Обитаемый остров» (1971). Картины, нарисованные фантазией писателей, менее всего уводят мысль далеко к звездам — скорее рождают вполне понятную «земную» тревогу:

«Внизу — рукой подать — оказался широкий проход между холмами, и по этому проходу, вливаясь с покрытой дымом равнины, сгрудившись, гусеница к гусенице, сплошным потоком шли танки — низкие, приплюснутые, мощные, с огромными плоскими башнями и длинными пушками. Это были уже не штрафники, это проходила регулярная армия. Несколько минут Максим, оглушенный и оторопевший, наблюдал это зрелище, жуткое и неправдоподобное, как исторический кинофильм. Воздух шатался и вздрагивал от неистового грохота и рева, холм трепетал под ногами, как испуганное животное, и все-таки Максиму казалось, будто машины идут в мрачном, угрожающем молчании. Он отлично знал, что там, под броневыми листами, заходятся в хрипе ошалевшие солдаты, но все люки были наглухо закрыты, и казалось, что каждая машина — один сплошной слиток неодолимого металла... Когда прошли последние танки, Максим оглянулся назад, вниз, и его танк, накренившийся среди деревьев, показался ему жалкой жестяной игрушкой, дряхлой пародией на настоящий боевой механизм. Да, вблизи прошла Сила, чтобы встретиться с другой, еще более страшной Силой, и, вспомнив об этой другой Силе, Максим поспешно скатился вниз, в рощу...

...И в этот момент та, другая Сила нанесла ответный удар.

Максиму этот удар пришелся по глазам. Он зарычал от боли, изо всех сил зажмурился и упал на Гая, уже поняв, что тот мертв, но стараясь закрыть его своим телом. Это было чисто рефлекторное — он ни о чем не успел подумать и ничего не успел ощутить, кроме боли в глазах, — он был еще в падении, когда его мозг отключил себя.

Когда окружающий мир снова сделался возможным для человеческого восприятия, сознание включилось снова... Все вокруг изменилось, мир стал багровым, мир был завален листьями и обломанными ветвями, мир был

наполнен раскаленным воздухом, с красного неба дождем валились вырванные с корнем кусты, горящие сучья, комья горячей сухой земли. И стояла болезненно-звнящая тишина. Живых и мертвых раскатало по сторонам...

Кустов больше не было, спекшаяся глина дымилась и потрескивала, обращенный к северу склон холма горел. На севере багровое небо сливалось со сплошной стеной черно-коричневого дыма, и над этой стеной поднимались, распухая на глазах, ярко-оранжевые, какие-то маслянисто-жирные тучи. И туда, где возносились к лопнувшей от удара небесной тверди тысячи тысяч тонн раскаленного праха, испепеленные до атомов надежды выжить и жить, в эту адскую топку, устроенную несчастными дураками для несчастных дураков, тянул с юга, словно в поддувало, легкий сыроватый ветер»³⁷.

Планета «несчастных дураков» не успела пережить одну ядерную войну, а уже близка к повому всепланетному кровопусканию. И хотя дело снова обошлось всего лишь обменом ограниченными ядерными ударами, повесть «Обитаемый остров» по сей день остается самым ярким описанием *атомной войны* в советской литературе.

Но я несколько забежал вперед — об «атомной» советской фантастике речь впереди. Зато вполне знакомая читателям Стругацких «обычная» война идет не прекращаясь в другой их повести — «Парень из преисподней» (1973). На сей раз — на планете Гиганда, откуда на Землю, позабывшую о войнах, доставлен подросток — уже вполне сформировавшийся маленький *фашист*.

Уже отмечалось, что фашизм немислим без милитаризма. В повести «Глиняный бог» (1964) одного из ветеранов советской фантастики — Анатолия Днепровца (Анатолия Петровича Мицкевича, человека удивительной судьбы — военного разведчика, а затем ученого-физика и талантливого популяризатора науки) продолжатель дела уэллсовского доктора Моро мечтает создать идеального *кремнийорганического* солдата. Фактически человека-робота, тупого и послушного, и самое главное — непобедимого (ибо от его груди пули отскакивают как от стенки!). Но мы-то знаем, что военных *роботов* не обязательно создавать *искусственно*, из каких-то подручных материалов.

Времена франкенштейнов и россумов, видимо, прошли. Совсем недавняя история научила, как и без фантастической технологии огромные массы народа отдавались стихии беспрекословного подчинения и безоглядной веры в демагогические речи какого-нибудь (тоже вполне реаль-

ного) вождя. Или фюрера, или «кормчего» — титул в данном случае неважен... И может статься, что ни высокоразвитое общество будущего (как у Стругацких), ни могущественные инопланетяне из рассказа молодого фантаста Алана Кубатиева «Ветер и смерть» (1983) не справятся с примитивным мышлением *дикаря*, мозг которого разъела язва фашистской идеологии. Не справятся правственно... Гаденыш-сопляк из какой-то инозвездной «гитлерюгенд» у Стругацких или вполне земной японский летчик-камикадзе у Кубатиева — из нашего грешного прошлого.

И постоянный гнетущий страх, заставляющий искать все новые, более совершенные средства обороны от тех, кто нападать-то как раз и не собирается, — тоже оттуда, из нашего земного прошлого. И может статься, как это изобразил в рассказе «Полигон» (1971) известный советский писатель Север Гансовский, прошедший войну и раненный на ней, — что какому-то «стратегу» придет на ум весьма дальновидная идея создать новое «сверхоружие», запускаемое... этим самым страхом. Новый, испытываемый на полигоне чудо-танк стреляет по цели только тогда, когда его чуткие сенсорные устройства почувствуют исходящие от жертвы эманации страха.

И если вдруг прошлое стреляет в нас, это тоже — от страха, с которым мы некогда не сумели совладать...

Мне представляется знаменательным, что о нем, о прошлом, уносясь мыслями в далекие дали, постоянно помнят и авторы-ветераны, и молодое поколение советских фантастов. Немало ярких антимилитаристских произведений последнего десятилетия вышли из-под пера недавних дебютантов.

На ежегодной конференции «фантастоведов» в американском городе Форт-Лодердейле мы вновь встретились с Полом Брайнсом. На сей раз как содокладчики по теме «Литература о ядерной войне». Информация о наличии таковой в Советском Союзе слушателями, насколько я мог судить по их реакции, была воспринята как само по себе нечто фантастическое. А в зале сидели не новички — профессора и преподаватели университетов США, Англии, Канады, других стран; как они сами признавали, во многих учебных заведениях их коллеги — специалисты-советологи — уверенно отрицали наличие такой литературы у русских.

Вот что пишет, например, Патрик Мак-Гуайр в монографии «Красные звезды: политические аспекты совет-

ской научной фантастики» (1987): «Рассказы на тему «после бомбы» в западной научной фантастике возникли еще во времена, когда атомная бомба сама относилась к терминам научной фантастики. Однако ни в одном произведении советской литературы тема эта после 20-х годов не поднималась в открытую. Кошмары «холодной войны» еще можно было продолжить в недалекое будущее, и в некоторых рассказах даже присутствуют ядерные инциденты и «розыгрыш» — но то был предел допустимого, по крайней мере если дело происходило на Земле»³⁸. А в другом труде тот же автор уточняет: «...запрет цензуры означал, что вы, к примеру, не можете развивать идею о ядерной войне на Земле и образовании постъядерной цивилизации»³⁹.

Автор этих заключений — один из самых авторитетных специалистов по советской научной фантастике. Он стажировался в Ленинграде и за нашей литературой следит внимательно. Мне приходилось с ним встречаться в Москве, и, зная, его научную дотошность, готов допустить, что разыскать примеры советской, «атомной» фантастики Мак-Гуайру оказалось нелегко. Однако «нелегко» не значит невозможно.

Могучего, полноводного потока литературы на эту тему, сравнимого с западным, в советской фантастике не было. Какое-то время, действительно, редакторы *побаивались* связываться со столь неуютной темой; да и «коммерческой» она у нас никогда не считалась... Но и намеки на «табу» (будто бы наложенного цензурой) опровергаются конкретными примерами.

...В год первого спутника советская научная фантастика тоже вышла на новую орбиту. Роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды» — первая значительная коммунистическая утопия в советской прозе — был одновременно и первым ядерным предупреждением. Нарисованные воображением писателя и философа светлые дали, романтика и духовные искания героев не заслоняют одного эпизода, тревожной ноты, прозвучавшей на самых первых страницах книги. Сверкающая утопия начинается с пролога, в котором земной звездолет «Тантра» в ожидании встречи с другим кораблем кружит возле далекой планеты. Мертвой. Теперь уже — мертвой...

Тревожный закат, конечно, не случаен. Зачем-то писателю потребовалось предварить свое путешествие в мир будущего, где забыто слово «война», таким вот *напоминанием*. Какое влияние оказала «Туманность Андроме-

ды» на последующие поколения писателей и читателей, общеизвестно; не осталось незамеченным и это предупреждение Ефремова.

До конца 70-х годов примеры советской «атомной» фантастики были редки, но зато с самого начала к теме обращались те, кто не мог молчать. Даже писатели, к *фантастике* обращавшиеся эпизодически.

Одно из таких произведений — яркая сатирическая киноповесть старейшего советского прозаика Леонида Леонова, навеянная, конечно, истерией «холодной войны» (и особенно ее частным следствием, которое можно было бы назвать «комплексом убежища»). Называлась повесть «Бегство мистера Мак-Кинли» (1961).

Досье по теме «Ультиматум»:

ЛЕОНИД МАКСИМОВИЧ ЛЕОНОВ

Род. в 1899 г.

Крупнейший советский прозаик, академик АН СССР. Участник гражданской войны.

Работал слесарем, журналистом.

В литературе дебютировал в 20-е годы.

Автор романов «Барсуки» (1924), «Русский лес» (1953) и др. В разные годы обращался к философско-утопической фантастике (главы из романа «Дорога на океан», незаконченный роман «Мироздание по Дымкову»). Ленинская премия (1957), Государственная премия СССР (1943, 1977).

Конечно, когда сегодня перечитываешь притчу о «маленьком человеке» атомной эры, попытавшемся проспаться атомную катастрофу в комфортабельном подземном убежище, то ясно видишь, как эта повесть устарела. Отдельные детали, сюжетные ходы и образы героев — на всем ощутим налет «холодной войны», которая, повторяю, и нашу литературу изрядно *приморозила*. (Режиссер Михаил Швейцер, осуществивший экранизацию в 1976 году, попытался эти моменты сгладить, однако и с тех пор прошло более десяти лет — и каких!)

Но что безусловно остается *современным*, так это тревога писателя за мир, в значительной степени населенный подобными потенциальными беглецами. Они есть и в Америке, есть и в других частях света, и их безразличие и стремление пересидеть катаклизм в «хате, которая с краю» может этот катаклизм приблизить. А кроме того, сам факт мужественного осознания в 1960 году истины,

доступной сегодня всем: атомную войну не пережить никому, говорит о многом.

Одним из первых в советской литературе Леонид Леонов призвал писателей сказать всю правду о будущем, какой бы горькой она ни предстала. Напомню его слова: «Литературу следовало бы нагрузить гораздо большей работой в смысле *всесторонней* (курсив мой.— Вл. Г.) разведки будущего... Нет ничего грознее, как не предусмотреть те роковые, вроде волчьих ям, овраги впереди, которые по забывчивости иных плановиков нередко на бумаге не значатся»⁴⁰.

Это сегодня подобной смелостью вряд ли кого удивишь. Леонид Леонов произнес эти слова в самом конце «застойных 70-х»...

Трусливому мистеру Мак-Кинли, оказывается, лишь приснились ядерный гриб и выжженная, потрескавшаяся пустыня, населенная крысами и быстро одичавшими нашими потомками. Для жителей вымышленной «кибернетической антиутопии», которую нарисовал Илья Варшавский в цикле рассказов «Солнце заходит в Донамаге» (1966), ядерная война, увы, реальность. Атомное пламя поставило закономерную точку на «мире разленившихся людей-«винтиков», переложивших все свои заботы, истинно человеческое бремя ответственности на машины. Рассказы цикла невелики по объему, это, по сути, миниатюры, но и они остались в памяти читателей (не то что иные толстенные романы).

Можно вспомнить и другие памятные примеры. В фантастико-исторической повести Евгения Войскунского и Исаея Лукодянова «Очень далекий Тартесс» (1968) атомная война погубила легендарную Атлантиду. А в повести Светланы Ягуповой «Софоровой ночью» (1981) — цивилизацию нашу, сегодняшнюю.

Ядерная война в повести — вымышленная, она описана в какой-то странной затрепанной книжке, которую читает героиня:

«На какой я планете? Как долго еще будут хлестать меня эти горячие струи? Впрочем, они как будто становятся теплыми и даже прохладными, а небо светлеет и переливается уже холодноватыми оттенками голубого и зеленого, вытесняя красный цвет.

...Лежать не двигаясь, почти раствориться в земляной кашеце, не пускать в голову ни одной мысли... Но воспаленный мозг невозможно убаюкать. Из темного горячего хаоса, полубреда-полуяви рождается четкая, сверля-

пая душу догадка: что-то случилось с небом и землей. Все было иначе, а потом что-то перевернулось. Но как было? Как? Как было?»⁴¹

Ядерная война в повести — вымышленная; но совсем не беспочвенны страхи, что она может воплотиться в явь. Как думается, не случайно обратился армянский прозаик Перч Зейтунцян к образу, реально существовавшему — американскому майору Клоду Изерли, не выдержавшему груза ответственности за совершенное им в Хиросиме (имя его, если помнит читатель, нам уже встречалось). Философская притча Зейтунцяна «Легенда XX века» (1969) — это рассказ не столько об атомной трагедии, которая случилась сорок с лишним лет назад, сколько предупреждение о возможной трагедии будущего. После нее никого не останется — и «прозревших», таких, как Изерли.

Как видим, есть советская фантастика о ядерной войне.

И произведения, в которых изображается *постатомный* мир, тоже немногочисленны, но все на виду. Патрик Мак-Гуайр ссылается на повесть Кира Булычева «Последняя война» (1972), где земляне помогают восстанавливать жизнь после атомной катастрофы на другой планете — если не на Земле, то это, мол, «дозволено цензурой». Однако из его поля зрения выпали другие книги, в том числе и четвертьвековой давности.

В 1965 году Ариадна Громова выпустила повесть «В круге света», герои которой ожидают в убежище, когда на поверхности спадет *радиоактивность* и снова можно будет вернуться к прежней жизни. Герои повести вспоминают о других «местах заключения» — нацистских лагерях смерти; нравы в подземном мире сохранились те же, что и привели, видимо, к ядерной трагедии (как раньше к трагедии фашизма), — эгоизм, безразличие, «игра во власть» и мещанская самоуспокоенность.

И в последнее десятилетие появились интересные «постатомные» произведения. Это рассказ молодого фантаста Владимира Першанина «Самый последний крейсер» (1981), маленькая повесть «Стена» (1982) ветерана Александра Шалимова; наконец, это «День свершений» (1987) безвременно ушедшего из жизни молодого ленинградца Виктора Жилина — его фактически первое и изданное посмертно крупное произведение. Причем если в двух последних повестях ядерная катастрофа приняла масштабы локальные, всего лишь часть планеты превратилась в

«постатомную» и случайно выжившие не подозревают, что цивилизация на Земле не прекратилась, то Владимир Першанин настроен более мрачно. Никаких надежд герою, единственному уцелевшему человеку на планете, автор не оставляет. Возвращается, правда, из дальнего рейса звездная экспедиция, улетевшая задолго до атомной войны, но и эту внезапно появившуюся *цель* расстреливает в упор автоматический чудо-корабль, вершина технического гения человека!

Думаю, по бескомпромиссности рассказ «Самый последний крейсер» вполне мог бы украсить любую научно-фантастическую антологию на тему «ядерный конец света».

Однако *испугать* — в наше время это лишь полдела. Труднее заставить читателя задуматься. Должен же быть какой-то выход и в ситуации «атомного пата», в которую завело себя человечество! Исследовать возможности, перебирая все, вплоть до самых на первый взгляд *безумных*, постоянно будоражить общественную мысль напоминанием о *недопустимости невмешательства* в атомную проблему — вот чего бы, наверное, следовало требовать от фантастики по максимуму.

По максимуму подошел к осмыслению проблемы известный рижский писатель Владимир Михайлов в романе «Тогда придите, и рассудим» (1983).

Досье по теме «Ультиматум»:

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ МИХАЙЛОВ

Род. в 1929 г.

Советский писатель-фантаст. Учился на юридическом факультете, заочно закончил филологический факультет Латвийского университета. Работал на следственной, партийной работе, в печати. В фантастике дебютировал в 1962 г., автор книг «Дверь с той стороны» (1974), «Сторож брату моему» (1976) и др.

Название романа — цитата из ветхозаветной Книги пророка Исаии, а цитируемому стиху предшествуют следующие строки: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову. Тогда придите, и рассудим...» (Ис. 1 : 16—18).

Упреки человечеству, бездумно забавляющемуся ядер-

ными игрушками, бросают в романе представители некой высшей цивилизации. Кто это такие, мы никогда, вероятно, не узнаем; учитывая степень их могущества, кто-то посчитает их *богами*. Они всерьез обеспокоены растущей активностью неразумного «дитяти», который еще не знает, что дальнейшее накопление им ядерных запасов ставит под сомнение дальнейшую судьбу известной нам *Вселенной!* Как ни относиться к гипотезе автора о том, что ядерный катаклизм может привести к изменению универсальных констант мироздания, а значит, и самой Природы с большой буквы, которую мы почитали вечной, все равно книга вызывает мысли неприятные, но, увы, закономерные.

Ведь никто еще, кажется, не связал воедино две главные опасности, стоящие перед человечеством, — атомную и экологическую — в причинно-следственную цепочку так, как предлагает Михайлов. Наше непрекращающееся насилие над Природой когда-то может и ее вывести из равновесия. И она начнет себя защищать... Не ее ли стихийная реакция на активность показавшего себя неразумным и нравственно «отсталым» дитяти — эти становящиеся все более неотвратимо *самоубийственными* атомные его игрушки? Лемминги и киты, когда рост их численности становится угрожающим для экологической ситуации в зоне обитания, совершают массовые самоубийства, гонимые нерасшифрованными пока «сигналами». Не разделит ли в ближайшее время и человечество их судьбу — вот в чем неприятный вопрос.

Впрочем, философский спор, который ведут в финале романа герой и загадочные Мастер и Фермер, — это диспут не только на тему атомной катастрофы. Обсуждаются вообще возможные пути развития цивилизации — той, что в неявной форме или демонстративно «покоряет природу», и той, что следует ее законам.

«Пусть благоденствуют пахарь и капитан звездного корабля, — завершает свой монолог Фермер, — для мира они одинаково ценны. И пусть два соседа делают и думают по-разному, но если дела их добры — они генерируют одно и то же поле — то, что ведет ко благу. Ты понял? Страх, зависть, вражда, подлость, голод, бесправие — вот что дает отрицательные поля, и еще многое другое: предательство, жестокость, нетерпимость. Чем больше человек думает о мире и о своем месте в нем, тем менее способен он на все это. Но заботиться об этом нужно начинать своевременно, подобно тому как воспитание каждого

отдельного человека начинают с первого дня его жизни. А вы решили, что делать машины важнее, а человек как-нибудь и сам обойдется... И я говорю тебе: вы хотите войти в наш мир, большой, развивающийся мир? Научитесь быть людьми, а не персоналом! Чувствовать не шепотом! Любить, не жалея себя! Тогда, повторяю,— тогда придите, и рассудим!»⁴²

Лишь когда мы осознаем, что не только пресловутому «врагу», но и себе самим — и даже целой Природе — становимся опасны, мы, хочется верить, наконец-то одумаемся. Тогда «придем, и нас рассудят». Только не случилось бы это слишком поздно...

На вселенский же уровень выводит атомную проблему и писатель-фантаст из Баку (а по профессии ученый-астрофизик) Павел Амнуэль. В его рассказе, с некоторым вызовом названном «Через 20 миллиардов лет после конца света» (1974), независимо проводятся две сюжетные линии.

Один из внутренних «рассказов» — монолог... *разумной* Вселенной. Некогда, до Большого Взрыва, развиваясь и давая развиваться возникшему в ее недрах разуму, она не уследила за его непомерными притязаниями, не сопряженными с подлинной мудростью. И взорвал тот разум и себя, и ее, Вселенную; и все 20 миллиардов лет она расширяется, разрывается на части, связи между ее «клетками» постепенно слабеют, и разум уходит. Умирая, Вселенная озабочена только, как передать *этим*, вновь появившимся (и, кажется, опять неспособным унять вечное любопытство), что они — не первые. Что все это уже происходило однажды — и чем закончилось?..

Второй сюжет этого же рассказа, что ли, *приземленнее*. Очередная ошибка компьютеров системы НОРАД, принявшей на сей раз за «советские боеголовки» аномальные шаровые молнии, чуть не приводит к ядерной катастрофе. И у одного из тех, кто вовлечен в разгорающийся конфликт, мелькнула мысль... отрывки мыслей, сходные с переживаниями *той* — «умирающей». Случайность — или поданная весть услышана?

Инциденты с ядерным оружием, точное число которых из-за засекреченности большинства данных восстановить затруднительно, получили в американском военном министерстве кодовое название «Сломанная стрела». Официально Пентагон не отрицает 32 «Сломанных стрел» за период 1950—1980 годов⁴³. А исследователи Стокгольмского международного института исследований проблем мира

(СИПРИ) насчитали более 125 за три послевоенных десятилетия⁴⁴. Иначе говоря, в среднем по одному в каждые полтора месяца... Так что проблему не назовешь высосанной из пальца.

Однако *первый* — во всех смыслах — пласт рассказа превращает его в событие значительное не только в советской фантастике. Как и роман Михайлова, рассказ Павла Амнуэля и так «глобальную» ядерную проблему поднимают до высот поистине космических.

Может быть, таковой она на самом деле и является? И только ощутив нашу *вселенскую* ответственность, мы наконец уgomонимся...

Библейского пафоса полон и первый советский фильм на тему ядерной войны «Письма мертвого человека» (1986). Его авторы — Борис Стругацкий и вчерашние дебютанты режиссер Константин Лопушанский и писатель-фантаст Вячеслав Рыбаков.

Досье по теме «Ультиматум»:

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ ЛОПУШАНСКИЙ

Род. в 1947 г.

Советский кинорежиссер. Окончил Казанскую государственную консерваторию и Высшие режиссерские курсы, кандидат искусствоведения. Государственная премия РСФСР (1987).

Досье по теме «Ультиматум»:

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ РЫБАКОВ

Род. в 1953 г.

Советский писатель-фантаст. Окончил Ленинградский государственный университет (по профессии — востоковед, специалист по средневековому Китаю). Кандидат исторических наук. Дебютировал в фантастике в 1979 г. Государственная премия РСФСР (1987).

Государственную премию они получили за свой первый фильм. Как все-таки изменилось за последние годы и массовое сознание — мрачную и по своему безысходную, одним словом, «упадочную» картину зритель назвал одним из лучших фильмов года! — и вкусы тех, кто премии присуждает.

Картина снята в скудной цветовой палитре, и это вполне соответствует обстановке, воспроизведенной на экране. Мрак вползает в мир подземного убежища, как ни стара-

ются развеять тьму немногие уцелевшие в ядерной катастрофе. Не помогают ни педальная динамо-машина, питающая тусклую лампочку, ни внешняя бравада одних и упование на бога (черта, сильную личность, чудо!) других. Постатомное человечество дичает в своем убежище; однако авторы задаются вопросом: а было ли оно вообще когда-нибудь *цивилизированным*?

В фильме много интересных, *тревожных* наблюдений, есть, на мой взгляд, и просчеты; он вызвал споры. Но никого — вероятно, даже тех, кто картину в целом не принял, — не оставят равнодушным финальные кадры.

Под музыку Форе, которая просто чудом каким-то провалилась в гул и скрежет, составлявшие звуковой фон картины, бредет по заснеженной — не *простая* эта зима — пустыне группа детей в противогазах. Брейгелевские семь слепых... Куда?

Неясно. Каждый зритель волен сам для себя решать этот вопрос.

Авторский текст кончается на фразе из нового, «постъядерного» Евангелия, сочиненного детьми: «Пока человек идет — остается надежда». По мнению некоторых рецензентов фильма, дети идут к нам, сидящим в зале, пробираются к нашему сознанию и совести. Хотелось бы верить... Однако мне кажется, что надежды в финале картины нет. Не может быть.

Я вижу, лишь стоит закрыть глаза,
Детей без крова и дома,
Бредущих от хутора одного
К расстрелянному другому.
Над ними в мерцающих облаках
Я вижу детей тревоги,
Бредущих, одолевая пургу,
Без родины и дороги.
Ищут землю, где нет войны никогда,
Где мир поселился вечный,—
Все дальше бредут они, и череда
Становится бесконечной ⁴⁵.

Мог ли великий антифашист Бертольт Брехт знать, с каким чувством мы будем читать его стихотворение — мы, «дети тревоги» — спустя всего четверть века! Когда мне на глаза попались эти строки, я уже не мог отделаться от впечатления, что они должны были бы *прозвучать* в картине.

С молодым сценаристом писателем-фантастом из Ленинграда Вячеславом Рыбаковым мы дружим много лет. Хорошо помню, сколь долгим и кружным путем шел он к

«Письмам...». Сначала был рассказ — совсем о другом, — но за него «зацепился» взгляд режиссера; последующая работа увела их далеко в сторону от первоначального варианта. А после выхода картины на экран писателю показалось, что он *не все* сказал. Так появились два произведения, относительно которых теперь и не поймешь, они ли были задуманы раньше фильма и его, по сути, инспирировали, или, наоборот, работа над фильмом вызвала их к жизни.

Если повесть «Первый день спасения» (1987) — это как бы «дописанные» эпизоды и сюжетные ходы, слова, оставшиеся за кадром фильма, то жесткий, удивительно емкий рассказ «Зима», появившийся в том же году, — произведение целиком самостоятельное.

...Два человека остались одни на засыпанной снегом планете. «Просто» человек с вымороженной душой: он только что... сам убил своего младенца (ибо тому все равно не выжить: холодно), и странный, бородатый, восточного вида безумец с каким-то детским, все понимающим и всепрощающим взглядом. Две тысячи лет спустя снова пришедший на Землю — и молчаливо допустивший гибель тех, за кого уже однажды был распят. Он тоже оказался не в состоянии обогреть людские души.

Не скоро забудешь эту сцену. Разговор — да не разговор даже, всего-то оброненные два-три слова — Последнего Человека с Христом на планете, сперва сожженной, а после выстуженной. Или замерзшей еще до пожара, обледеневшей от нашего безразличия, самоуверенности, черствости, безрассудства?

Вспоминается другой создатель, молящий — кого? — за свои творения (из повести «Каратели» Алеся Адамовича): «Даже у богов есть свой ад: это их любовь к людям!.. О, если бы я знал, перед кем стать на колени. Если бы знал, перед кем. Просить, молить: не загубите случайное и лучшее мое творение! Не сотрите живые письма! Никто не сможет — и я тоже не смогу! — повторить. Никогда больше. Я молить готов!..»⁴⁶

Странная мольба, как и совершенно «библейский» исход в финале «Писем мертвого человека», уводит нашу мысль отнюдь не в область теологических изысканий. Неважно, атеист вы или верующий; священные писания различных религий столь глубоко укоренились в культуре, что к сравнениям, цитатам из них художники поневоле прибегают, когда хотят выразить явления и понятия *экстраординарные*, не укладывающиеся в рамки даже на-

шего воображения. И по отношению к ядерной войне все эти звучные слова — Апокалипсис, Армагеддон, Судный день — вполне естественны в устах не только верующих.

Но только вряд ли помогут и эти сравнения. И помощи оттуда, с небес, ждать тоже, очевидно, бессмысленно.

Понятен соблазн вернуться к мудрости, пережившей века, к чеканным и ясным заповедям типа «не убий» и «возлюби». Другие-то, созданные после, все девальвированы, несмотря на замахи их сочинителей... Однако все не просто, когда дело касается нравственного выбора. Ведь и те, старые, «непорочные» моральные императивы тоже, как показывает исторический опыт, оказались слишком гибкими. С заповедью «не убий» на устах еще как убивали! Сомнительно, чтобы обращение к прошлому и сегодня остановило тех, кто привык зазубривать разного рода «заповеди» и «моральные кодексы», вместо того чтобы думать.

На склоне лет Олдос Хаксли спросили, что более всего потрясло его за долгие годы жизни? Великий скептик (в то время он уже знал, что неизлечимо болен раком) ответил: «Грустно признать, но все, что я делал для защиты человеческой свободы и достоинства — разъяснял, заклинал, молил, выродилось в результате в одну глупую незначащую фразу. Глупую и незначащую: «Постарайтесь быть немного добрее»⁴⁷.

Не случайно, надо думать, он повторил эти слова — «глупая и незначащая». В них и отчаянная вера, не скрываемая уничижительной иронией, и просто отчаяние интеллектуала, неоднократно убеждавшегося в том, насколько ненадежны подобные призывы. Древняя пословица относительно «благих пожеланий» в XX веке подтвердилась в масштабах, которые и не снились тем, кто ее впервые сформулировал... К тому же, «для того чтобы заставить добропорядочного моралиста творить зло, совершенно необязательно заставлять его становиться злым. Единственное, что требуется, — это внушать ему, что он творит добрые дела»⁴⁸.

Так что же остается, если старая мораль беспомощна, а новосозданная — беспомощна вдвойне? Может быть, вспомнить еще один призыв, который как-то «повис в воздухе», ибо человечество, по сути, к исполнению его так и не приступило: *научиться думать?*

«Думать — не развлечение, а обязанность». Нравственный императив, сформулированный в одной из повестей братьев Стругацких, не так прост, как кажется. И без-

условное зло — война — уничтожено будет конечно же не благими призывами, а разумом. И еще придется, видимо, открыть против нее же военные действия.

До тех пор, пока само это слово превратится лишь в архаизм на школьных уроках истории, пройдет и закончится еще одна война. На сей раз действительно последняя в истории Земли. Война за души людей, о которой рассказано в повести Стругацких «Хищные вещи века» (1965).

Герой ее, космонавт Иван Жилин, понимает, что «самое главное остается на Земле». Он опускается на грешную Землю не усовещивать и проповедовать, а с оружием в руках держать последний бой. С остатками ополоумевшей военщины, с маньяками, одержимыми нероновским комплексом, террористами, гангстерами, фашистами. Со всеми серыми, черными и коричневыми... Человечеству в описываемый момент еще далеко до того, чтобы называться «единой братской семьей», но оно уже избавилось от главной опасности — термоядерной.

Окончательно отмывать планету от налипшей за века грязи взялись Жилин и его товарищи. И герои других повестей Стругацких — солдаты этой последней из войн: «Мы с детства знаем о том, как снимали проклятье на баррикадах, и о том, как снимали проклятье на стройках и в лабораториях, а вы снимете последнее проклятье, вы, будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат»⁴⁹.

Но это — в будущем, а пока... Пока придется стрелять, ничего не попишешь: «Дело в том, что с сегодняшнего дня ты выходишь драться всерьез, насмерть, как все здесь дерутся, и драться тебе придется с дурачем — со злобным дурачем... с хитрым, невежественным, жадным дурачем... с благоразумным дурачем... И все они будут стремиться убить тебя, и твоих друзей, и твое дело»⁵⁰. И лишь после того, как прозвучит последний выстрел в этой войне, сама она отойдет в область преданий. Как память о дурном тяжком сне, который тянулся так мучительно долго.

Как снятое вековое проклятье рода человеческого.

Однако Стругацкие заглянули все-таки слишком далеко вперед.

За четверть века, прошедшую с момента опубликования повести «Хищные вещи века», «последняя война»

не только не приблизилась, но постоянно отодвигается куда-то в следующее столетие. Зато новых, непредусмотренных пророков Апокалипсиса появилось на горизонте столько, что их и вообразить себе не мог и так перепуганный насмерть видениями на Патмосе пророк Иоанн.

Военная техника за это время не стояла на месте, и ужас берет, когда задумываешься, куда все это нас заведет. «Сегодня мы в состоянии уничтожить всех позвоночных на этой планете. В будущем, уже в начале следующего столетия сможем построить базы на Луне и Марсе; мы уже стремительно двинулись вперед в этом направлении: начали разработку космического оружия. Кто сомневается в том, что во время будущей войны в космосе, поддавшись ярости, мы не обрушим наши атомные ракеты на поверхность Марса, если там будут находиться укрепленные базы «империи зла»? И не разнесем в кусочки Юпитер и Нептун, если это покажется нам выгодным в военном отношении? Когда мы распространим нашу власть на другие звездные системы, станем ли мы заботиться о тамошних планетах — мы, уже сейчас готовые разрушить нашу собственную? Если у нас возникнет необходимость уничтожить целую галактику — разве остановимся, если это будет нам под силу? Какой тормоз, скажите на милость, удержит нас от истребления всей Вселенной, когда позволят силы и энергетические ресурсы? Воистину если гипотеза под названием «антропный принцип» верна, то у нас несомненно достанет сил и возможностей на уничтожение Вселенной — нужно будет уничтожить только себя самих, ее единственных наблюдателей»⁵¹.

Американский профессор Джеффри Бертон Расселл, преподающий историю в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, говорит о том же, о чем предупреждал его знаменитый однофамилец. Нет предела человеческой изобретательности, когда дело касается выборов способа самоубийства!

В 1966 году советский писатель Владимир Савченко опубликовал научно-фантастическую пьесу «Новое оружие». Речь в ней шла об изобретении физиков, позволяющем «стабилизировать» ядра атомов и, таким образом, уничтожить в зародыше саму возможность цепной реакции. Драматический конфликт в пьесе построен на переживаниях советских и американских физиков, наблюдающих, как их собственными стараниями «закрывается» вся атомная физика. На благо человечеству, впрочем.

Мы сегодня можем оценить одновременно и искренность автора, и наивность подобных упований.

Американский публицист Джонатан Шелл в книге «Судьба Земли» (к ней мы еще вернемся) описывает «часы, стрелки которых, вместо того чтобы символически отражать суждение о возможности катастрофы, показывали бы количество времени, на которое, принимая во внимание международные технические и политические договоренности, народы мира наверняка могли бы рассчитывать, прежде чем они будут уничтожены в ядерном побоище. В настоящее время стрелки показывали бы одну секунду или даже долю секунды до полуночи, потому что никто из нас не может быть уверен, что в ходе ядерного нападения мы не будем уничтожены. Если бы была достигнута договоренность, чтобы все ядерные боеголовки были удалены с носителей и складированы где-нибудь и поэтому не могли бы в любой момент поразить нас без предупреждения, часы показывали бы время, которое потребовалось бы, чтобы их снова смонтировать на носителях.

Если бы все ядерное оружие в мире было уничтожено, часы показывали бы время, необходимое для того, чтобы его снова произвести»⁵².

В этих горьких словах уместилась вся короткая история «пового оружия», предназначенного для нейтрализации становящегося все более опасным и неконтролируемым ядерного. История реальная и в научной фантастике.

«...Я на миг представил себе город с совершенно нейтронными зданиями и людей, которых невидимый и неощутимый ливень застал за самыми обычными будничными делами... Господи! Не дай, чтобы это свершилось!»⁵³ Что это — еще одна подпись к триптиху армянского художника, с которого началась эта тема? Нет, всего лишь молитва перед смертью американского физика, одного из создателей и первой невольной жертвы *нейтронного оружия* из повести Михаила Емцева и Еремея Парнова «Возвратите любовь!» (1966).

Это один из самых ярких примеров научно-фантастического «попадания». А вот в чем авторы повести ошиблись, так это в своем уповании на моральное прозрение, пусть и запоздалое, творцов «нового оружия». Реальный «отец» нейтронной бомбы американец Сэмюэл Коэн, словно базарная торговка, расхваливал на страницах газет свое детище, упирая, естественно, на «гуманность» бомбы — в чисто американском понимании...

В одной из ранних повестей ветерана советской фантастики Георгия Гуревича — «Иней на пальмах» (1951) — впервые, наверное, прозвучала мысль об абсурдности «глобального» оружия — именно ввиду его *глобальности*. Применение его приведет только к тому, что в результате раскачки био-, эко- и геосферы планеты человечество рискует обрушить на себя слепой гнев потревоженной природы, не разбирающей «наших» и «не наших».

Пока не во вселенских масштабах, как у Михайлова, но хватит и земных.

Прошло двадцать лет (повесть Геннадия Прашкевича «Мир, в котором я дома»), тридцать («Ноктюрн пустоты» Евгения Велтистова), а тревога только росла. И если Прашкевич пишет о заведомых *безумцах* — нацистах, укравшихся в южноамериканских джунглях и там в сверхсекретных лабораториях вынашивающих планы «избирательного» уничтожения озонового слоя над территорией противника, то в книге Велтистова все другое. Новые нероны приобрели вполне благообразный вид: их планы облачены в деловитые, резонные слова бизнесменов и политических стратегов, однако они по-прежнему безумны — на сей раз война замышляется *климатическая*.

Пока фантастика? Но еще в 1978 году ведущие эксперты СИПРИ заявляли: «Есть основания полагать, что в скором времени человек сможет использовать технологию для управления определенными природными силами — ураганами, цунами, землетрясениями. Если эти возможности будут использованы в злонамеренных целях, их воздействие на среду окажется непредсказуемо продолжительным и жестоким»⁵⁴.

Сколь непросто будет расставаться с рецидивами «атомного сознания», рассказывают два сравнительно свежих произведения молодых авторов.

В повести Виталия Бабенко «Встреча» (1986) остатки ядерного оружия после Пакта о его запрещении реализуют на специальных «аукционах», проводимых под тщательным контролем ООН. Покупатели в общем известны — это различные научные центры, отдельные «мирные» корпорации и службы. Однако есть сведения, что к заветному товару тянутся руки недобитых вояк, сотрудников распущенных спецслужб, террористов всех мастей, просто агентов организационной преступности...

А небольшой по объему рассказ Владимира Покровско-

го «Самая последняя в мире война» (1987) я оставил «на закуску» не только из-за названия. В этой истории поединка Человека и Бомбы — она на сей раз снабжена искусственным интеллектом и во всех смыслах *живая!* — как в капле воды отразилась нравственная коллизия, вокруг которой крутится наш разговор. Пусть человечество никогда не создаст подобные «разумные бомбы», снабженные инстинктом самосохранения (до того, как последует специальный сигнал и Бомбой овладеет экстатическое желание самоубийства), все равно ему пора задуматься о собственном разуме. Проверить себя: а оно само *разумно* ли?

Бомбы представляют опасность для жизни обитателей Земли. В ответ на ультиматум специальные отряды разыскивают затаившиеся бомбы и пережигают их электронные сети лазерным оружием. Герой рассказа, выследивший *последнюю*, готов сделать то же. Но Бомба, оказывается, ранена, беспомощна и к тому же умоляет сохранить ей жизнь... Понятное дело, человек мешкает. И в результате гибнет сам от лучевой болезни, а стартовавшую к Лупе Бомбу сбивают. На всякий случай...

Рассказ начинается с фразы: «Тому, кто первым догадался сделать разумные бомбы, я бы поставил памятник и на нем надпись: «Плывать сюда»⁵⁵. Но памятник такого типа нужно строить всем без исключения изобретателям «нового оружия». А перед «плевательницей» повесить огромное зеркало, чтобы каждый подошедший знал, что и его вина — здесь.

«Однажды мозг ученого изобретет механизм или откроет силы в природе столь кошмарные по своим возможностям, столь ужасающие, что даже привыкший к смертям и мучениям человек-боец будет потрясен. И забросит военное ремесло в тот же час. Все, что в состоянии создать человеческий разум, может быть проконтролировано человеческим характером»⁵⁶, — писал на заре атомного века Томас Алва Эдисон.

Как хочется верить в правоту его предположения! И как мало способствует этой вере знание нашей собственной истории.

Одному нас атомный век, кажется, все-таки научил: «Вопрос не только в том, что могут быть (да и есть!) силы, люди, готовые развязать самоистребительное побоище. Они всегда были, готовые на все. Не было ее, бомбы. И она — не «обычное» оружие, а тем более — не просто «техника»; никто же не видит в ноже, как таковом, зла!

Им можно и хлеб резать и зарезать. Не в ноже зло, а в человеке, замыслившем убийство»⁵⁷.

Я в который раз цитирую Алесья Адамовича. Место в череде героев этой книги было бы обеспечено белорусскому писателю одной только книгой «Каратели», его имя стоит в одном ряду с именами публицистов и ученых — борцов с атомной угрозой. Кроме того, в январском номере журнала «Новый мир» за 1987 год появилась его *научно-фантастическая* повесть «Последняя пастораль». Знакомством с нею и ее автором завершается рассказ о советской атомной фантастике.

Досье по теме «Ультиматум»:

АЛЕКСАНДР (АЛЕСЬ) МИХАЙЛОВИЧ АДАМОВИЧ

Род. в 1927 г.

Советский писатель, литературовед, публицист. Член-корреспондент Белорусской АН. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Белорусский государственный университет, доктор филологических наук, профессор. Секретарь СП СССР, директор Всесоюзного НИИ киноискусства. Автор книг «Партизаны» (1960—1963), «Хатынская повесть» (1972), «Каратели» (1980) и др. Государственная премия БССР (1977).

В 70-е годы мало кто мог предвидеть неожиданную творческую эволюцию этого писателя. Признанный (да и то, если говорить честно, отнюдь не всеми) мастер военной прозы, скорбный летописец Хатыни и других «огненных деревень» вдруг так резко изменит своей теме! Займется проблемами *будущего*, окунется с головой в публицистику и благодаря своему бескомпромиссному темпераментному слову быстро выдвинется в «прорабы перестройки», в первые ряды строителей нового мышления.

А может быть, все как раз и получилось органично и естественно. Глубокое исследование феномена фашизма — а Адамович в «Карателях» превозмог эмоции и занялся изучением фашизма именно как *исследователь*; затем, надо думать, не один год тягостных размышлений о новой социальной, философской, психологической реальности, в которую мы загнали себя, создав Бомбу... Мужества ему, человеку, окончившему «партизанские университеты», было не занимать. Вот он мужественно и додумал все *до конца*.

«Формулы взрывов, все более опасных, они жадно выхватывали из рук физиков-химиков. А из рук философов и даже поэтов — блестящие ножи, кинжалы неосторожных парадоксов, которыми так удобно вспарывать брюхо всем этим предрассудкам: совесть! сострадание! человеколюбие!.. И разве один Ницше не ведал, что творил? И чем все может кончиться!..»⁵⁸

Это 1980 год, повесть «Каратели». Спустя семь лет, сразу по окончании московского форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» писатель в интервью газете сформулировал свое понимание нового мышления. По Адамовичу, это «не всего лишь новая логика. А и новая нравственность, чувствование нового и литература новая. Оно может и напугать — новое мышление. Непростая это вещь — *додумывать до конца* мысли термоядерного века... Новое мышление — не умственные упражнения. Оно требует смелости. От человека военного — смелости признать бессмысленность, абсурдность, бесчеловечность самого этого «дела» — войны. То есть обесценивания как бы самой их профессии. Лично для меня сегодня нет храбрее и достойнее военных, чем те, кто, подобно отставным генералам, свои военные знания отдают антивоенному движению»⁵⁹.

Даже тогда — сказавший такое вряд ли мог рассчитывать на спокойную, бесхлопотную жизнь...

В его публицистических статьях последних лет высказано впервые многое из того, что спустя короткое время было официально подтверждено и закреплено в материалах съездов и международных форумов, нашло отражение в новой политической стратегии и военной доктрине нашей страны. Конечно, не один он думал над этим, но он думал как писатель, как проповедник. И мысли его, образные и обжигающие заключенной в них жестокой правдой, доходили до умов и сердец миллионов.

В наше время это даже важнее. В том кипящем вареве, что зовется общественным сознанием человека «атомной эпохи», здравые идеи посещают, вероятно, многих. А вот достучаться до разума и сердца отупевших, разочарованных, уставших и просто равнодушных по силам лишь единицам.

Поэтому от года к году, из месяца в месяц я ждал появления *научной фантастики* Алеся Адамовича. Все то, что происходило вокруг него, и его внутренняя эволюция, насколько можно было судить по тону его выступлений, подталкивали писателя к фантастике *неудержимо*.

И вот он вышел, этот страшный и одновременно саркастичный пересказ известной истории об обретенном Рае — но на сей раз как «приложение» к концу света. За стенами Рая — острова в океане, закупоренного неизвестными природными силами (результат ядерного катаклизма!) в своего рода непроницаемый кокон, продолжает происходить невероятное, а на острове царит идиллическое затишье. Здесь и встречаются новые Адам и Ева: советский офицер с атомной подводной лодки и представительница одной из нейтральных стран, чудом уцелевшая в убежище. (Потом еще появится американский солдат — все правильно, и в библейском грехопадении участвовало трое...)

Они живут, любят, ссорятся. Много говорят, вспоминают, спорят о мире, который не успели, не смогли — или не захотели — сохранить... А в заключительных абзацах повести выясняется, что и они-то сами тоже как бы *не существуют*. Фантомы? Случайная игра лучиков света создала эти «живые голографии» — или они попросту кому-то (кому?!) приснились?

Автору очень многое хотелось высказать, потому он и прибег к опыту философского романа-диалога эпохи Просвещения. В повести *очень много* говорят и спорят; кому-то это может показаться тяжеловесным... Однако хотел бы я посмотреть на читателя, который бросил бы Адамовичу упрек в многословии!

Наоборот, он и в фантастике своей хотел досказать то, что, по его мнению, художественная литература пытается замолчать; и длится это долгие годы. Мысли о новом понимании войн справедливых и несправедливых, о новом смысле патриотизма, о новых приоритетах, которые отныне должны основываться на общечеловеческих ценностях. О нашем старом разуме, не справляющемся со свалившимися на голову иными реалиями жизни, о старых предрассудках. И о забвении многого другого бросал он упрек традиционной литературе. А призывал создавать *сверхлитературу*:

«Не спрашивай, если ты писатель, что литература может, а спрашивай, что ты — ты! — должен. Ведь литература — не что иное, как результат нашей самоотдачи. А она, самоотдача, сегодня не будет достаточна, если в нас самих не взорвется та проклятая бомба, заранее, в душе, в мозгу нашем — во имя того, чтобы реально никогда не вспучивался над планетой отвратительный гриб. Всю угрозу, всю опасность впусти в себя, не бойся додумать самую жестокую мысль до конца, и тогда не будешь спрашивать, что литература может и может ли» ⁶⁰.

Глава 9

К БЕЗЪЯДЕРНОЙ ВЕСНЕ

Мы — на финишной прямой.

Во всех смыслах. Человечество вплотную подошло к решению главного на сегодняшний день вопроса. К ультиматуму. Если исходить из первоначального значения латинского слова, то следующая мировая война будет с неизбежностью *ультимативной*, то есть последней, окончательной. На последнем своем повороте, как мне кажется, и атомная фантастика — вряд ли еще долгое время просуществоует проблема, питающая ее (другой вопрос, как она разрешится!)... Наконец, близок финал и этой книги.

Что же может культура — а сегодня это, очевидно, не только литература, но и обязательно кино и телевидение — и может ли? Вопрос, заданный Алесем Адамовичем, требует ответа.

Не знаю, как насчет литературы (читателю самому судить), но на что способно современное кино, еще до «Писем мертвого человека», продемонстрировали две американские картины, вышедшие в 1983 году, — «На следующий день» и «Военные игры».

Первую снял тогда еще начинающий режиссер Николас Майер.

Досье по теме «Ультиматум»:

НИКОЛАС МАЙЕР

Род. в 1945 г.

Американский писатель и кинорежиссер. После литературного дебюта в 1977 г. — романа «Семипроцентное решение», ставшего бестселлером, переключился на режиссуру. Постановщик

фильмов «Время после времени»,
«Звездный путь-II: Гнев Хана» и «На
следующий день».

Обратите внимание на дату: что-то символичное есть в том, что точный ровесник атомной эры прославился более всего своим «атомным» фильмом. А прошедший по каналам телекомпании Эй-би-си фильм «На следующий день» произвел настоящий фурор и буквально расколол сознание нации надвое. Хотя ясно это стало не сразу...

Вообще, высказывания типа: «искусство спасет мир» или «искусство бессильно приостановить катастрофу» — в случае с ядерной опасностью следует признать крайними (хотя за первым и маячит тень великого Достоевского). Истина, вероятно, где-то посредине: искусство *может* способствовать предотвращению катастрофы, хотя его влияние на общественное сознание в данном случае не прямое, а косвенное.

«Лобовые» призывы и заклинания одуматься, как это ни грустно констатировать, мало кого убеждают. Но брошенное в души семя беспокойства, семя «неприятных мыслей» (о которых говорил Адамович) когда-нибудь обязательно прорастет.

И фильм «На следующий день» это хорошо иллюстрирует.

Режиссер не скрывал *программности* своей картины, и не случайно все время, пока шли съемки, ему постоянно ставили палки в колеса. Давление ощущалось повсеместно, и, когда, например, армия отказалась помочь с военной техникой, все пришлось строить «своими руками»⁶¹.

Как только фильм вышел на экраны Америки, он удостоился многочисленных, в основном сочувственных, откликов и в нашей печати. Картина Майера, не блиставшая какими-то особенными художественными паходками, впервые — и, может быть, именно благодаря своему «аскетичному» документализму — высветила для миллионов американцев один неприятный вопрос, над которым многие предпочитали не задумываться. Вопрос заключался в том, что *им*, американцам, тоже крепко достанется. Даже если война каким-то чудом сведется к ограниченному обмену ядерными ударами.

В это оптимистам-американцам верить конечно же не хотелось...

Эффект бомбы (во всех смыслах) действительно был зафиксирован. И американские ракеты, почти бесшумно, белыми шлейфами прочертившие мирно-голубое небо над

канзасским городом — так это далеко от начавшейся «заварушки» в Европе, о которой постоянно бубнил телевизор и кричали шапки на первых полосах газет! — по произведенному на аудиторию ужасу стоят всей второй половины фильма, где расписаны уже ставшие каноническими постъядерные картины. Ибо американцы, подсознательно приученные к мыслям о своей *избранности* — в смысле том, что им избирательно повезет и в атомной войне! — внезапно осознают, что иллюзию эту уже скоро разрушат приближающиеся к Америке советские ракеты.

А потом, в день открытия Московского конгресса врачей, фильм Майера показали впервые по советскому телевидению. Но стояло лето 1987 года — и вопросов картина поставила больше, чем дала ответов.

Финал картины производит впечатление двойственности. «Америка лежит в развалинах, но она не сломлена», — по радио заверяет отчаявшихся сограждан президент, и жизнь, несмотря на голод, радиацию, эпидемии, мародерство и разбой, медленно, но верно начинает входить в привычную колею. Нетрудно представить себе разную реакцию телезрителей: одни выйдут на антивоенную демонстрацию, другие забудут в патриотический набат — нация, мол, в опасности, немедленно разворачивайте СОИ и т. д.

Но самое любопытное я узнал на конгрессе от молодого американского психолога Перрена Френча. Он провел опросы сограждан накануне выхода фильма на телеэкраны и сразу после премьеры и сравнил результаты. Опубликованные в специальном выпуске «Международного журнала психического здоровья», результаты эти однозначно свидетельствовали: реакция на фильм оказалась *не столь сильной*, как рассчитывал постановщик⁶².

Статья Френча с соавтором называлась так: «Половина нации наблюдала за ядерной войной — и никто не вздрогнул?»...

Нет, конечно, был и вполне естественный ужас, и отвращение, и непосредственное сопереживание событиям на экране, но *глубинные* психологические реакции, кардинальную внутреннюю переоценку отношения к ядерной войне фильм не вызвал.

Авторы исследования с явным беспокойством констатировали, что «наиболее болезненная психологическая реакция американцев на угрозу ядерной войны заключается в их *избирательной невнимательности*»⁶³. Ситуация, хо-

рошо известная психологам: человек видит, слышит, воспринимает преимущественно то, что подсознательно *хочет* видеть, слышать и воспринимать.

Значит, правы те, кто пессимистически предлагает вообще махнуть рукой на все потуги художников остановить угрозу?

Не совсем так. Обыденное сознание — система инертная, и для того, чтобы результат какого-либо воздействия на нее проявился отчетливо, требуется время. Что-то застревает, западает глубоко в душу — и потом взрывается. Чаще совсем не так и совсем не тогда, как «планировали».

В 1982 году, по данным опроса, проведенного газетой «Лос-Анджелес таймс», из полутора тысяч опрошенных американцев только 3 процента подчеркнули «ядерную войну» в списке из девяти тем, которым они «хоть в какой-то мере уделяют внимание»⁶⁴. Спустя три года, как сообщил Перрен Френч, ее подчеркнуло *более половины* опрошенных...

В его статье, о которой шла речь, высказана только гипотеза, которая имеет все основания оказаться верной: «Если рассматривать ядерную войну как опасность, которую может предотвратить медик (так называемая «превентивная медицина»), то главным «фактором риска» следует считатьприятие значительной частью населения статус-кво, к тому же усиленное избирательной невнимательностью. Для тех, кто эту проблему осознает, вопрос ставится так: каким образом преодолеть эту «невнимательность», как подвигнуть ответственное меньшинство на действия, а большинство неактивного населения — на поворот от слепого конформизма к моральному неповиновению? Аудиовизуальные средства воздействия масс-медиа нам представляются наиболее вероятным средством для достижения этой цели»⁶⁵.

И еще, разумеется, искусство обладает уникальной способностью говорить ярко и образно. Что блестяще продемонстрировал фильм не новичка в американском кино Джона Бадхэма «Военные игры».

У нас об этой картине тоже много писали, но — напомним: одержимый «компьютерной лихорадкой» американский подросток случайно подключается к сверхмощному пентагоповскому «электронному стратегу» и начинает играть с ним *в войну*. В результате вот-вот готова разразиться реальная война... Фильм, впрочем, кончается вполне благополучно. ФБР обнаруживает нарушителя спокойст-

вия, парень в свою очередь разыскивает изобретателя сверхкомпьютера, и оба они все-таки останавливают его с помощью нехитрой провокации — подбрасывая игру поинтереснее: «крестики-нолики».

Но, как мне показалось, рецензенты явно недооценили финала картины. Когда на огромных экранах в Центре управления стратегическими ядерными силами компьютер проигрывает возможные варианты ядерной войны — и мы видим эти светящиеся стрелки ракет, накрывающие планету, и на миг вспыхивающие окружности, означающие ядерное поражение цели, — в зале повисает долгое молчание. Игра, идущая, кстати, во все более ускоренном темпе, окончена, и на центральном дисплее загорается надпись: «Никто не побеждает — кто бы ни начал. Странная игра»...

По-своему символический финал затеянной и в действительности *игры* в атомную войну.

Как быстро мы овладеваем «ядерным знанием»! То, что еще десятилетие назад воспринималось как нечто *фантастическое*, сегодня становится расхожим штампом.

Впрочем, только ли «фантастическое»? Ведь новое качество войны — ее ультимативность — предвещали не только писатели, но и ведущие ученые и политики, а опито заведомо не относились к своим прогнозам как к фантастике. Правда, в большинстве своем и не разрабатывали эту идею... Можно только сожалеть, что и в воспоминаниях о Ленине остался всего только высказанной вслух мыслью ленинский прогноз: «Будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной»⁶⁶.

Помню, как в 1983 году, прочитав в американском научно-популярном журнале свежую сенсацию — изложение концепции «ядерной зимы»⁶⁷, собрался было рассказать о ней в одной из собственных статей, да не тут-то было. Мало сказать: «столкнулся с почти непреодолимыми трудностями» — редактор одного журнала только пронически хмыкнул тогда: «Вы бы еще в «Красную звезду» предложили такое»...

Год спустя об *этом* писали все. Сегодня «ядерная зима» не экзотический (странное сочетание слов!) мысленный эксперимент ученых-теоретиков и писателей-фантастов, а самая что ни на есть материальная основа, на которой строится новое политическое мышление.

Она растопила (еще одно странное слово в сочетании с «зимой») лед вековых предрассудков. И заставила

думать самых конформных и аполитичных. И холод ее не отступает⁶⁸...

Впервые, как известно, перспективу «ядерной зимы» случайно открыли специалисты физики и математики, изучавшие на моделях климатические изменения в результате опустошительных лесных пожаров. Тогда-то и мелькнула мысль о том, что самым страшным последствием обмена ядерными ударами будут даже не огромные человеческие жертвы и разрушения, а опасность поистине глобальная, угроза непреднамеренного запуска атмосферных процессов, остановить которые никому потом не удастся.

Первое озарение было слишком невероятным. Поэтому советские ученые под руководством академика Н. Н. Моисеева и независимо американские, возглавляемые Карлом Саганом, тщательно перепроверили все на компьютерах. Не один раз, используя самый широкий диапазон сценариев и отбирая варианты самые «оптимистические»... И столь же одновременно прозвучали их выводы-приговоры, «процитированные» в фильме «Военные игры»: *победителей в этой войне не будет*⁶⁹.

Более того, обыкновенный обмен ударами при превышении некоторого суммарного мегатоннажа неизбежно приведет к «ядерной зиме».

И одновременный взрыв определенного числа ядерных боеголовок — пусть даже на *собственной* территории — результатом будет иметь ее же, «ядерную зиму».

Американскую группу исследователей, как уже было сказано, возглавлял Карл Саган.

Досье по теме «Ультиматум»:

КАРЛ ЭДВАРД САГАН

Род. в 1934 г.

Видный американский астрофизик и общественный деятель, писатель-популяризатор. Окончил университет в Чикаго (физика), там же защитил диссертацию по астрофизике. Работал в Калифорнийском университете (Беркли), в Стэнфордском и Гарвардском университетах, в настоящее время директор Лаборатории планетарных исследований и профессор Корнеллского университета. Участвовал в американских космических проектах, возглавлял программы «Маринер», «Викинг», «Вояджер». Один из ведущих современных популяризаторов науки, автор многих

книг и телепрограмм, лауреат Пулитцеровской премии (1977) и других наград в научной журналистике. Активный борец за мир и ядерное разоружение.

Нормальная (хотя что же тут нормального — *блестящая*) академическая карьера плюс слава на писательском и телевизионном поприще. А в 1982 году он дебютировал и на поприще *научной фантастики* — его роман «Контакт» сразу же прочно занял место в верхних строчках списков бестселлеров. Чего ему, казалось бы, еще нужно? Однако Карл Саган все последнее десятилетие в центре внимания вовсе не как специалист-планетолог или писатель; его имя общественное мнение связывает с самой что ни на есть *политикой*.

Повсюду, где бы ни собирались телемосты, конгрессы и конференции, посвященные борьбе за мир, за разоружение, они не обходятся без участия Сагана. Его точка зрения, в отличие от точек зрения многих его коллег, ясна и недвусмысленна: если ядерная катастрофа произойдет, назад для человечества пути не будет. Никогда уже не наступит этот «следующий день» цивилизации...

Вот как будет протекать «ядерная зима» по Сагану.

Из-за начавшихся пожаров происходит гигантский выброс грунта, дыма, сажи, копоти и пепла в атмосферу. В городах с высокоэтажной застройкой образуются настоящие «огненные торнадо», когда из-за постоянного подсоса воздуха сгорает буквально все — даже металлы... Прозрачность атмосферы снижается в несколько миллионов раз — практически прекратив доступ солнечной энергии на земную поверхность. Верхние слои атмосферы нагреваются, зато температура у поверхности падает сразу на несколько десятков градусов.

...Один из просчитанных вариантов в качестве исходного условия предполагал войну в Северном полушарии с использованием двух третей имеющегося в мире ядерного потенциала. В результате среднегодовая температура понизится до -45°C . По мере переноса атмосферных масс «ядерная зима» постепенно накроет и Южное полушарие, а период восстановления атмосферной температуры до климатической нормы займет несколько лет.

Да что говорить! Даже ракетный залп *пяти* (!) современных атомных подводных лодок может привести к установлению режима «ядерной зимы» на несколько месяцев, когда средняя температура установится на уровне -20°C ...

После того как к исследованиям подключились биологи и медики, необходимость самого тщательного и всестороннего осмысления этой во всех отношениях *новой реальности* стала очевидна и политикам, и военным.

Все, решительно все требовало отныне пересмотра. И представление о войне, которая перестала быть «продолжением политики» (ибо трудно представить себе *нормальную* политику, направленную на коллективное самоубийство). И представление о мире, жить в котором дольше становилось невозможным, пока не будет убран ядерный бикфордов шнур. Возникла настоятельная необходимость создания *нового климата* на планете — климата мирного сосуществования даже с исконными противниками...

Перемены потребовались и в области семантики. Видимо, раз и навсегда придется отказаться от ставшего привычным словосочетания: «ядерная война». Вот как себе представляют последствия непредвиденного обмена ядерными ударами — это может произойти даже случайно — американские врачи и биологи (советские данные⁷⁰, появившиеся практически одновременно, рисуют аналогичную картину).

Число погибших от излучения, взрывной волны и пожаров превысит все известные гекатомбы человеческой истории: *сотни миллионов*. Исход множественных пожаров может оказаться даже хуже предсказанного в пионерских работах по «ядерной зиме». Никакая медслужба не будет в состоянии оказать помощь раненым. По мере того как все большие порции копоти, дыма и пыли будут подниматься в атмосферу, последует необратимое изменение климата. Полная деградация почвы, уничтожение плодородных земель в Европе и Северной Америке обрекут на голодную смерть еще сотни миллионов, а возможно, и миллиарды из тех, кому повезет остаться в живых. Огромное количество окиси азота разрушит озоновый слой, и ультрафиолет будет добивать оставшихся. Совокупный эффект ионизации, ультрафиолетового излучения, травм, ожогов и недоедания даст ход распространению различных синдромов, подобных СПИДу, пойдет волна неизвестных науке инфекций, смерть от которых превысит «уровень» раковых заболеваний (которые также будут прогрессировать)⁷¹.

Кажется, достаточно. Если бы автор Апокалипсиса узнал все это в свое время, то скорее всего наложил бы на

себя руки, а человечество лишилось бы в итоге столь часто цитируемой знаменитой книги.

А что же другие «пророки», на нашем веку не раз успешно конкурировавшие с легендарными предсказателями древности?

Я имею в виду научную фантастику. Ей ведь подобное предвидение — глобальный исход ядерной войны, ее медико-биологические последствия — вроде бы по плечу.

Как убедился читатель, философскую истину: это будет война, в которой гарантированно потерпит поражение человеческая цивилизация как целое, — фантасты открыли вовремя. И нарисованные в их лучших произведениях картины чего-чего, а обвинений в недооценке опасности, в излишнем оптимизме вызвать не могут.

Тем любопытнее, что конкретно «ядерную зиму» научная фантастика — как возможность, как *образ*, наконец! — мягко говоря, «прозевала».

«Никто в фантастике феномен «ядерной зимы» не предвидел, — пишет профессор Брайнс (он изучил, мне кажется, все источники). — Лишь сравнительно недавно она пришла в научную фантастику, да и то в большинстве своем совсем не всадником Апокалипсиса. И по сей день большинство «ядерных зим», созданных воображением писателей-фантастов, достаточно мягки, вполне сносны. Менее катастрофические варианты, когда на Земле наступало похолодание вследствие вулканических извержений, появились давно — в качестве примера можно привести рассказ 1947 года «Дети завтра» Андерсона и Уолдроп; десятилетие спустя вышел рассказ Энвила «Факел», где описан тот же эффект... Но никто, кажется, не подумал перспективу до конца. Только после того как были опубликованы результаты специалистов, появились яркие примеры и в научной фантастике — например, «Зима Гелликопии» Брайна Олдисса»⁷².

В рассказе Андерсона и Уолдроп, кстати, описаны и ядерная, и бактериологическая войны, и мутанты, и все прочие известные читателю «прелести» постатомной жизни. И все-таки один фрагмент достоин того, чтобы его процитировать: «Последние три зимы наступали рано и тянулись томительно долго. Пыль — коллоидная пыль от бомб — образовала взвесь в атмосфере, и ежегодный регулярный приток тепла снизился на один-два процента; они-то, эти проценты, оказались смертельными»⁷³.

Это пример не единичный. Например, некто Эрик Лайвси, автор романа «Опустошенная Земля» (1964), «догадался», что необратимые климатические последствия могут явиться следствием простого испытания ядерного оружия в атмосфере... Но трудно не согласиться с Брайнсом, первой значительной книгой о «ядерной зиме» в научной фантастике стал финал трилогии Брайна Олдисса о планете Гелликонии — роман «Зима Гелликонии», вышедший в 1985 году.

Досье по теме «Ультиматум»:

БРАЙН УИЛСОН ОЛДИСС

Род. в 1925 г.

Ведущий английский писатель-фантаст и критик. Образование получил в частном колледже. Участник второй мировой войны, которую провел в Бирме. Работал продавцом в книжном магазине, после чего занялся литературной деятельностью. В фантастике дебютировал в 1954 г. Автор романов «Теплица» (1962), «Доклад о вероятности-А» (1968), трилогии о Гелликонии (1983—1985) и др. Лауреат высших премий в жанре фантастики.

...Олдисс рассказывал Полу Брайнсу, как он (вместе с однополчанами) *облегченно вздохнул* в августе 1945 года, узнав о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки⁷⁴. Британские солдаты, которым предстояло кровопролитное (никто в этом не сомневался) вторжение на Японские острова, были вправе считать, что атомная бомба спасла им жизнь...

И в последующие два десятилетия мы не встретим имени Олдисса в лагере сторонников ядерного разоружения; более того, молодой писатель даже счел необходимым высмеять знаменитые олдермастонские марши мира! В рассказе «Основа для переговоров» (1962) представлен целиком большой джентльменский набор эпохи «холодной войны». Трусливое британское правительство, допускающее «новый Мюнхен» (Англия разрывает все договоры с союзниками и объявляет нейтралитет в разгорающемся советско-американском конфликте), ядерное нападение Китая на Гонконг, убийство заместителя командующего войсками НАТО членом Коммунистической партии Великобритании (!) и т. д. и т. п. Даже в вышедшем два года спустя романе «Серая борода» автор хотя и высказывает открыто некоторую симпатию к движению протеста

против ядерной гонки вооружений, столь же недвусмысленно дает понять: *себя* он к этому движению не причисляет.

— Все круто изменилось, — рассказывал Олдисс на конгрессе в Форт-Лодердейле, — в последние десять — пятнадцать лет. Я хотя и писал рассказы, где изображено ядерное столкновение между войсками НАТО и Варшавского Договора («Боги в полете», 1984. — *Вл. Г.*), но мое отношение к движению сторонников мира в корне изменилось. Ведь я жил всего в считанных милях от американской базы в Гринэм-Коммоне и неоднократно встречался со своими смелыми соотечественниками, установившими там палаточный лагерь.

На последовавший естественный и прямой вопрос, числит ли он теперь сам себя в этом движении, писатель, не задумываясь, ответил утвердительно. «Я даже направил протестующее письмо в «Таймс». К моему голосу, знаете, сегодня прислушиваются», — добавил он не без гордости.

В искренность Олдисса можно было поверить. Ведь даже если бы не удалось вытянуть из него это «признание», хватило бы знакомства с романом «Зима в Гелликонии». Лучше бы вообще не мучить писателей расспросами об их политических взглядах, общественной позиции; зачем — когда можно просто читать их книги!

А трилогия Олдисса о планете Гелликонии заслуживает внимания. Это, вне всякого сомнения, один из сложнейших, в деталях разработанных *миров* современной фантастики. Наряду с американскими авторами Урсулой Ле Гуин и Фрэнком Хербертом английский писатель может по праву носить титул «лучшего строителя миров» в научной фантастике. Но если два романа трилогии — «Весна Гелликонии» и «Лето Гелликонии» — к теме разговора отношения не имеют, то заключительная книга и читателями, и критиками воспринята как описание зимы «ядерной».

Это тем более удивительно, что в романе отсутствуют какие-либо указания на ядерную катастрофу! Фатальные климатические изменения наступили на планете в результате действия естественных причин, обитатели Гелликонии ни при чем. Но и автор не скрывает, что *зимние* ландшафты навеяны статьями ученых — физиков, врачей, биологов, анализировавших перспективы «ядерной зимы».

Вот тоже, кстати, опыт. Оказывается, можно и так добиться цели: не призывать, не агитировать, а всего-то — найти *верный художественный образ*...

Брайн Олдисс — один из «великой тройки», возглавившей английскую «Новую Волну» в научной фантастике 60—70-х годов; двое других — Джейм Грэм Баллард и Джон Браннер⁷⁵. Их творческие пути затем ветвились весьма причудливо, хотя все трое активно пишут и по сей день. Но любопытно, что именно на узкой, плохой пока протоптанной «атомной» тропе следы их иногда пересекаются.

Олдисс, как мне кажется, шагает осторожно, с оглядкой; он кроме всего и *самый процветающий* английский писатель-фантаст — это сильно ограничивает смелость идущего впереди.

Джеймс Баллард никогда себя «политически апгажированным» не считал, хотя в свое время опубликовал несколько произведений, насыщенных «атомными» образами, среди которых особенно запоминается заброшенный американский испытательный полигон на атолле Энвенток. С тех пор писателя неудержимо влекли сюрреальная проза, смелые эксперименты со стилем и бездонная душа человека («inner space» — «внутренний космос»; термин, придуманный Баллардом), отчего он, на мой взгляд, надолго застрял в «аполитичной» тихой заводи элитарной литературы.

Но вот сенсацией становится его последний реалистический роман-бестселлер «Империя Солнца» (1984) — автобиографические воспоминания о военном детстве, которое Баллард провел вместе с родителями в шанхайском лагере для интернированных. И в книге, и в последующей экранизации Стивена Спилберга чего нет, так это «абстрагированности» от политики. И пацифистская тема звучит в этих двух версиях пронзительно-ясно.

Один из самых сильных эпизодов — восход «второго солнца» над шанхайским стадионом (где японцы разместили пленных). Только спустя несколько дней герой книги, мальчишка Джим, узнал, что воочию наблюдал далекий отблеск гриба над Нагасаки...

Что касается Джона Браннера, то оп-то теснее всех связал свою судьбу с антивоенным движением.

Досье по теме «Ультиматум»:

ДЖОН БРАННЕР

Род. в 1934 г.

Английский писатель-фантаст. Окончил колледж по отделению языка и литературы. Служил в английских ВВС, после чего профессионально занялся

литературной деятельностью. В фантастику дебютировал в 1953 г. Автор романов «Плечом к плечу на Занзибаре» (1965), «Оседлавший волну шока» (1975) и др. Лауреат высших премий в жанре научной фантастики. Активный борец за мир, участник Британского движения за ядерное разоружение.

Досье неполно. Автор национального гимна английских борцов за ядерное разоружение, их «эмиссар» в Швеции, Дании, ФРГ, Швейцарии, Франции, Бельгии, Нидерландах, где он экспонировал фотовыставку движения (названную «Скрыться не удастся...»). Представитель этого движения на конгрессе миролюбивых сил в Москве в 1962 году, участник конференции писателей в Хиросиме и Нагасаки (1983). Он исколесил полмира, несколько раз посетил нашу страну, но только осенью 1987 года состоялась моя очная встреча с Джоном Браннером.

В произведениях писателя ядерная война упоминается не так часто, как может показаться при взгляде на его «послужной список». Ранний реалистический роман «На краю» (1959), посвященный инциденту с ядерным оружием (единственное, кстати, произведение писателя, не изданное в США), несколько рассказов, слова к песням сторонников мира (писатель гордо напомнил, что одну из них записал на пластинку Пит Сигер)... Пожалуй, все.

Как считает Браннер, *все* его творчество проходит под сенью атомного гриба. О пацифистских настроениях свидетельствует и отрывок из его воспоминаний:

«Два года службы в ВВС оказались совершенно бесплодным, пустым, ненужным — в общем, погубленным периодом жизни. Военная рутина доводила меня до иступления, а постоянное пребывание в компании профессиональных убийц было отвратительным. Единственное, что я вынес ценного из этого ада, было убеждение, оставшееся пезыблемым по сей день: военное мышление — это главный недостаток, своего рода «ущербность» человеческого рода. Именно оно ответственно за глупейшую ситуацию: большинство человечества живет и работает, обреченно глядя на этих типов без воображения и сострадания, у которых, однако, в руках власть всех уничтожить. Мое отвращение к ним росло день ото дня — и мне хочется верить, что читатель моих произведений в полной мере это ощутит. В равной степени отвратительными мне кажутся политики, принесшие честность и порядочность в жертву стремлению к личной власти, а также так пазы-

ваемые «христиане», благословляющие орудия войны и отпускавшие грехи тем, кто сбрасывал атомные бомбы, применял напалм против вьетнамских детей и терроризировал Ольстер»⁷⁶.

В Москве я задал ему вопрос: что он думает о своей «бурной» молодости — олдермастонские марши, антивоенные стихи и воззвания... В те дни Браннер был подавлен свалившимся на него личным горем (летом умерла жена), и ответ его прозвучал в тон всей беседе:

— Тогда я был молод и полон энергии. Теперь пусть эстафету перехватывают нынешние молодые — а я устал. — Но чуть позже, словно не желая остаться *недопонятым*, сам добавил: — А вообще-то от атомного «гриба» не убежать... Многие дни и ночи напролет я размышлял об ужасах тотального разрушения и пришел к выводу, что мы унаследовали все-таки очень маленькую планету. Она нас не выдержит дольше вместе с нашими глупостями — национализмом, нетерпимостью и предубежденностью. Значит, если мы хотим жить, нужно *что-то делать*.

Года не прошло после того разговора, а на полках книжных магазинов Англии и США появился новый роман писателя, озаглавленный «На марше» и написанный явно на базе собственных воспоминаний. Не скрою: выход этой книги обрадовал меня больше, чем любые устные заявления Джона Браннера.

Видимо, время сейчас такое, что в строй возвращаются и ветераны. Преодолевая усталость, душевный кризис и разочарование, они снова строятся в колонны марша мира.

Приходят в них и те, кого трудно было ожидать еще пять — десять лет назад. Профессор Джо Де Болт неожиданно — кажется, и для себя самого! — окунулся с головой в политику на исходе пятого десятка...

Досье по теме «Ультиматум»:

ДЖОЗЕФ ДЕ БОЛТ

Род. в 1939 г.

Американский социолог и литературовед. Окончил университет штата Кентукки, профессор Мичиганского университета. Президент американской Ассоциации исследователей научной фантастики (1980—1984).

С этим крупным специалистом по научной фантастике (в частности, по творчеству Браннера!) случай свел меня летом 1982 года. Де Болт был участником первого «науч-

но-фантастического» вояжа американцев в нашу страну, когда к нам приехала большая группа писателей-фантастов, издателей, критиков и просто «фэнов». В Москве профессор живо интересовался всем, что у нас происходило (с точки зрения дня сегодняшнего как раз *ничего* не происходило...), во всех беседах «предупредительно» трясся рыжеватой бородой: «Политикой не занимаюсь!» Тем не менее и тогда его суждения о милитаристской стихии, захватившей Америку на второй год президентства Рейгана, производили впечатление трезвых и разумных.

Разумеется, себя профессор к коммунистам не причислял и долго убеждал меня в преимуществах экономического учения Адама Смита (профиль кумира Де Болта красовался даже на его галстукe, сшитом по заказу). Об Адаме Смите я помнил только смутные обрывки из вузовского курса политэкономии, а более — из строк «Евгения Онегина»... Во всяком случае, спорить с профессором Де Болтом было трудно и одновременно приятно: расстались мы друзьями.

Еще несколько раз он наезжал в Москву с группами своих студентов. Насколько можно было судить, строгий нейтралитет по отношению к активной политике профессор сохранял неукоснительно (в отличие от сына, который активно поддерживал правых в их штате). Потом он долго и тяжело болел... И вдруг из маленького университетского городка Маунт-Плезант в штате Мичиган, где живет и преподает Де Болт, приходит открытка, извещающая, что в сентябре 1988 года он примет участие в марше мира.

Поход Одесса — Киев, организованный Советским комитетом защиты мира, наша пресса и телевидение хорошо освещали, но, признаюсь, менее всего я ожидал увидеть в рядах марширующих с рюкзаками моего друга — тучного, страдающего диабетом и такого рассудительного Джо Де Болта...

Нет, воистину что-то сместилось, сошло с привычных орбит.

Велик, конечно, соблазн поверить в *тенденцию*: раз такие, как профессор Де Болт, участвуют в маршах мира по советской земле, то... Но поостерегусь и отмечу это событие лишь как единичный факт. Правда, зная профессора-социолога не один год, отмечу факт как из ряда вон выходящий.

Последняя наша встреча оказалась тем более символической, что Де Болт всего второй день был в столице —

после переезда из Киева, а я еще не успел прийти в себя после «трансатлантического» перелета Нью-Йорк — Москва. Такие пынче времена... Предвидя мой вопрос, профессор сам назвал две причины, определившие решение записаться в этот поход, пока единственный в его жизни. Во-первых, как он посчитал, социологу сейчас просто непременно нужно следить за всем, что творится в СССР. («Газеты? Телевидение? Только в качестве «затравочной» информации — разбираться предпочитаю сам на месте»). А во-вторых, пусть не прозвучит *банально*, — естественное желание оставить детям более безопасный мир. «Есть еще и «в-третьих», — улыбнулся Де Болт. — Мой врач считает, что хороший турпоход поможет мне сбросить лишний вес».

...Мы стояли на Красной площади вместе с участниками похода, взявшись за руки и образовав огромную живую эмблему сторонников ядерного разоружения, известную по множеству плакатов и значков: какая-то стилизованная то ли бомба, то ли ракета, вписанная в окружность («Всего лишь изображение английского железнодорожного семафора, означающее, что путь закрыт», — объяснил Де Болт). Внутри круга кто-то пел, танцевал; потом все пошло, как бы у нас сказали, «водить хоровод» и, наконец, постояли несколько минут в полном сосредоточенном молчании.

Американским борцам за мир весь ритуал был, очевидно, хорошо знаком (чего не скажешь о заметно нервничавших милиционерах). Мне это было в диковинку, ибо я тоже *впервые* участвовал в марше мира по Красной площади. Но чему я не переставал изумляться — это присутствию на площади профессора Де Болта....

Как и людская одежда на триптихе Акопяна, писатели-фантасты чем дальше, тем решительнее сами выходят на улицы, принимают участие в различных форумах и конгрессах сторонников мира, откладывая в сторону незаконченную рукопись. Время такое, что «невыход» может повлечь за собой обвинение в *соучастии*.

Американский писатель-фантаст Джеймс Морроу подарил мне свой роман, названный строчкой из знаменитого стихотворения Томаса Стернса Эллиота: «Вот как кончится мир» (1986). У поэта далее следует «не взрывом, но взвизгом»... Морроу рисует в своей притче некий воображаемый суд над всеми нами, живущими сейчас, — соуча-

стниками самого чудовищного преступления в истории, которое все-таки (в романе) произошло. «Атомный Нюрнберг»... А обвиняют нас будущие поколения, по нашей вине — не родившиеся.

Кого только не встретишь в рядах этой ширящейся день ото дня демонстрации! Но есть и колеблющиеся, то сливающиеся с демонстрантами, то вдруг отходящие в сторону.

Той же весной 1982 года я познакомился с одним из самых известных американских фантастов 70—80-х годов — Джо Холдманом.

Досье по теме «Ультиматум»:

ДЖОЗЕФ УИЛЬЯМ ХОЛДЕМАН

Род. в 1934 г.

Американский писатель-фантаст. Окончил Массачусетский технологический институт (физика и астрономия), где в настоящее время преподает научную фантастику. Занимался в аспирантуре (математика и компьютерная техника). Был призван в армию, во Вьетнаме был ранен. Дебютировал в фантастике в 1969 г. Автор романов «Бесконечная война» (1974), «Помню все грехи мои» (1975) и др. Лауреат высших премий в жанре фантастики.

...Вьетнам, кажется, впервые разделил до того мопо-литный мир американской научной фантастики по *политическому* признаку. В мартовском номере журнала «Фэнтези энд сайнс фикшн» за 1968 год две полосы были отданы под платные объявления. На одном под воззванием: «Мы, нижеподписавшиеся, уверены, что Соединенные Штаты должны оставаться во Вьетнаме, чтобы выполнять свои обязательства по отношению к народу этой страны» — стояли подписи 68 американских фантастов. Среди них были Пол Андерсон, Фредерик Браун, Джон Кэмпбелл, Хол Клемент, Роберт Хайнлайн, Ларри Нивен, Джерри Пурнелл, Джек Уильямсон (называю только хорошо известных нашим читателям)...

А на другом листе — тоже декларация: «Мы протестуем против участия США во вьетнамской войне». И 82 подписи: Айзек Азимов, Джеймс Бlish, Рэй Брэдбери, Лестер Дель Рей, Филипп Дик, Томас Диш, Харлан Эллисон, Филипп Хозе Фармер, Гарри Гаррисон, Деймон Найт,

Урсула Ле Гуин, Фриц Лейбер, Роберт Силверберг, Норман Спинрэд⁷⁷...

Появись эти объявления позже, во втором списке обязательно находилось бы имя Джо Холдемана.

Из Вьетнама он вернулся с пулей в ногу и твердым убеждением в голове: все войны бессмысленны и с этим надо поскорее кончать. Название собранной им в 1977 году антологии «Хватит заниматься войной» — это прямой вызов составителям сборников фантастики откровенно милитаристской. За пять лет до выхода сборника ветеран дебютировал в литературе. Однако его первый опыт — реалистической роман «Год войны» заметно уступал таким книгам-соперницам, как «Уловка-22» Хеллера или «Нагие и мертвые» Мейлера; в ореоле их славы дебют Джо Холдемана прошел незамеченным.

Своеобразный реванш писатель взял двумя годами позже, в ином жанре, с которым он потом не расставался.

Его первый научно-фантастический роман «Вечная война» читатели признали лучшим произведением года. «Сцены солдатской жизни наемников будущего, — для объективности я снова цитирую Энциклопедию научной фантастики, — в романе резко противопоставлены взглядам Р. Хайнлайна. Космические ландшафты Холдемана отправляются на поля сражений с помощью хитроумных временных парадоксов (погружаясь в «черпые дыры» — коллапсары и мгновенно оказываясь не только в отдаленной точке пространства, но и в неведомо каком времени. — *Вл. Г.*). Если скачок получается слишком большим, солдаты рискуют попасть на битву с изрядно устаревшим вооружением... В романе показана жестокая судьба наемников, полностью отчужденных от цивилизации, за которую они воюют»⁷⁸.

После выхода романа в прессе зачастили сравнения главного героя, рядового Манделлы, со Швейком «космической эры»; а саму книгу отдельные критики ставили в один ряд со знаменитыми антивоенными произведениями Ремарка или Хэмингуэя. Не касаясь сопоставлений литературных, художественных, скажу, что по антимилитаристскому пафосу сравнение действительно напрашивалось...

В группе американских туристов я заметил Джо Холдемана сразу же. Большелобый, бородатый, чуть сутулившийся при ходьбе и несколько медлительный в разговоре, он оказался совершенно не похож на заматеревшего «зеленого берета». В нем вообще не было ничего военного,

если не считать таковой хромоту — последствие ранения. Во Вьетнаме сражались не только «железные» ребята, знакомые по кинолентам с участием Сталлоне или Шварценегера, но и множество таких, как Холдеман. Интеллигентов, вырванных из привычных им университетских аудиторий и лабораторий и ввергнутых в самый ад... Какими вернулись из пекла преисподней *эти* — думающие?

Книга «Вечная война» рассказывала о них с той поразительной горечью, на какую способна настоящая литература. Сложнее оказалось с автором.

С нашей первой встречи затянулся долгий и трудный диспут-спор, который продолжался позже в письмах и во время двух последующих очных «раундов», которые состоялись на территории моего соперника — в Америке. Джо сразу предупредил, что он, упаси бог, не коммунист и даже не числит себя «левым». Убежденность моего собеседника в том, что его с первых же минут пребывания в СССР подвергнут пропагандистской обработке, проявлялась в мелочах — в той, например, обстоятельности, с которой он прочищал и раскуривал трубку, готовясь к ответу на очередной вопрос, или, напротив, в неожиданной для этого чуть медлительного и уравновешенного человека горячей напористости. Однако, по мере того как неспешно текли наши беседы, рушились стереотипы с обеих сторон.

А их в ту пору хватало у обоих. Стояло лето 1982 года и еще не последовало из-за океана громогласного объявления «звездных войн»; да и ситуация в моей стране ничем решительно не выдавала близкое наступление эры гласности и перестройки.

Но даже во время той первой встречи мне в голову упрямо шло сравнение Джо Холдемана с его старшим и куда более знаменитым коллегой по перу — Робертом Хайнлайном.

Их судьбы действительно казались удивительно схожими: оба «технари» по образованию, служили в армии, прошли войну; оба — американцы до мозга костей. Но на том сходство, пожалуй, заканчивается.

Роберт Хайнлайн всю жизнь был верен идее передачи власти военным; только военные, по его мнению, обладали достаточной силой, решимостью и надежностью и уж подавно лишены всяческого интеллигентского слюнтяйства. А Джо Холдеман, напротив, смертельно боится воцарения армейских чинов в коридорах власти. Он на

собственном опыте знает, что это такое в современных условиях — привычка не рассуждать, а выполнять приказ...

В общем Джо Холдеман произвел на меня впечатление человека честного и дружелюбного.

А потом пошли события настораживающие.

Первой ласточкой прилетела статья Холдемана в журнале «Аналог», содержащая его впечатления о поездке в СССР. Не то чтобы какое-то особенно злое и антисоветское выступление, скорее, самое обычное. Но «самое обычное» в Америке 1983 года и означало антисоветское... Особенно обидно было встретить в статье заимствованные из газет пропагандистские клише; *писатель*, даже если он и остался чем-то недоволен, подобные слова просто не мог из себя выдать — скорее, выбрал бы какие-то иные, собственные.

В том же году вышел второй том из шумно разрекламированной трилогии Холдемана «Миры». Вообще-то вполне приличный роман о недалеком будущем, когда построены и полностью обжиты гигантские орбитальные колонии. Их, по мнению автора, неизбежный конфликт с земным правительством приводит к опустошительной термоядерной войне. За один день 16 марта 2085 года треть населения планеты гибнет в атомном пламени, а выживших добывает бактериологическое оружие; в финале орбитальная станция «Новый Нью-Йорк» отправляется, как и во многих аналогичных романах, на поиски звездной земли обетованной.

Неплохой (если говорить о литературном исполнении) роман, но ложка дегтя присутствует и в нем: смертоносное бактериологическое оружие разработано не где-нибудь, а в СССР и применено впервые с территории нашей страны. Последнее обстоятельство сообщено как бы мимоходом, автор его не педалирует, но...

А совсем недавно, в сентябре 1988 года, когда рукопись этой книги была вчерне готова, мы встретились на уже упоминавшейся Всемирной конвенции в Новом Орлеане, где приняли участие в дискуссии под «оптимистическим» названием «Распространение Апокалипсиса». Вместе с писателями Майклом Резником и Джеймсом Морроу мы говорили обо всем: о ядерной проблеме, и об экологической, и о продовольственной; об эпидемии СПИДа и об ограничении рождаемости, о космической экспансии человечества в XXI веке и, разумеется, о «звездных войнах». И когда выступал Джо Холдеман, когда он говорил об

опасности *ядерной*, казалось, я вновь слышу его прежнего, какого встретил в Москве шесть лет назад.

Но сразу же по окончании дискуссии он со смущенно-извинительной улыбкой подписывал мне свою последнюю книгу. Не научно-фантастическую — шпионский боевик «Орудие торговли». Извинял писатель, впрочем, сам себя, ибо уже на обложке реклама обещала запутанную историю международного шпионажа с участием обязательных для такой литературы «агентов КГБ». «Тебе вряд ли понравится, — прямодушно предупредил мою реакцию автор романа, — но... ты же понимаешь, у нас это хорошо идет!»

Понимаю. И признаю как, увы, *американскую реальность*, к которой надо постоянно себя приучать. Я и привел-то эту историю с Холдemanом в качестве примера *сложности* позиций тех, кто идет сегодня в марше мира.

Непростая — непрямойлинейная — судьба и у другого знаменитого писателя-фронтовика. Вращенный научной фантастикой, он давно порвал «материнскую пуповину», хотя в мире фантастики его имя по-прежнему произносится с известным почтением.

Читатель, видимо, догадался, о ком идет речь. О Курте Воннегута.

Досье по теме «Ультиматум»:

КУРТ ВОННЕГУТ-МЛАДШИЙ

Род. в 1922 г.

Видный американский писатель. Участник второй мировой войны, был в плену у немцев и чудом выжил во время бомбардировок Дрездена. Учился в университете штата Теннесси и Чикагском университете. Дебютировал в фантастике в 1950 г., но вскоре отошел от жанра. Автор романов «Колыбель для кошки» (1963), «Бойня № 5» (1969), «Завтрак для чемпионов» (1973) и др.

Если говорить о *фантастике* Воннегута (сам он в последнее время категорически отказывается от титула «писатель-фантаст»), то на ней определенно играет отблеск атомного пламени.

Незаживающая военная память бывшего солдата и пленного дала себя знать рано. Уже экстравагантным, калейдоскопическим и абсурдистским — однако никак не *абсурдным* — романом «Сирены Титана» (1959) писатель заявил о себе как о... Воннегута. Но роман вышел с ярлыком «научная фантастика» и в мире почитателей жанра

особого успеха не имел, как непомерно *сложный*. А вне научно-фантастического «сообщества» его мало кто читал.

В романе есть один любопытный эпизод, представляющий интерес в рамках нашего разговора.

Некий мессия затевает грандиозную бойню, в которой патриоты-земляне доблестно перебили марсианские силы вторжения. Совершенно не подозревая, что никакие это не марсиане, а обыкновенные жители Земли, обманом похищенные и прошедшие на Марсе операцию по «промывке мозгов», после чего посланные на верную смерть от руки своих же соплеменников. Цель? Ни больше ни меньше как подготовить человечество к принятию новой религии — «Церкви господа крайне безразличного» и установлению мира и покоя на Земле.

Десятки тысяч ничего не подозревавших жертв — на алтарь вечного мира. Абсурд, но только, как всегда у Воннегута, на первый взгляд.

Он явно смотрел на три десятилетия вперед. То, что в конце 50-х годов могло показаться бредом сумасшедшего, через тридцать лет неожиданно приобрело черты серьезно обсуждаемой военной доктрины. У сегодняшнего читателя еще на слуху призывы к *демонстрационному* ядерному удару, который-де образумит «противоположную сторону», заставит ее сесть за стол переговоров. И ссылки на соизволение «свыше» подобной затее делались тоже прилюдно.

От знаменитой «Бойни № 5» до последнего романа писателя «Галапагос» (1986) Воннегута преследовали картины *холокауста*. В «Бойне...» конец света *обычный*, просто огненный. Кто мог в 1968 году усмотреть в бушевавших на дрезденских улицах «огненных торнадо» нечто большее, чем прямую ассоциацию с полыхавшим во Вьетнаме напалмом! А ведь пожары были прямым прообразом «ядерной зимы»; только вспомнят об этом спустя еще тринадцать лет... Такие дела, как сказал бы герой романа Билли Пилигрим.

В «Галапагосе» мир пережил войну ядерную. Не весь мир, нет, только участники развлекательного океанского круиза. Как и герои повести Алеся Адамовича, эти тоже нашли свой «рай» — оставшиеся нетронутыми острова архипелага, которому суждено будет стать колыбелью нового человечества... Но почему не успокаивает оптимизм Воннегута — скорее, настораживает, заставляет искать скрытый «подвох»?

Что и говорить, внушать покой и уверенность в завтрашнем дне не его амплуа. И когда его сатира, часто только замаскированная под клоунаду, эпатаж, достигает цели, цель обычно тоже оказывается не случайной.

В 1982 году — как раз страсти после «каннибальских» высказываний создателя нейтронной бомбы Сэмюэла Коэна поутихли и к ней самой, как к новой военной реальности, начали мало-помалу привыкать — Воннегут буквально обрушил на головы соотечественников роман «Парень-Не-Промакх»! В котором, как помнит читатель (роман переведен на русский язык), в качестве сюжетной завязки случайно взрывается нейтронная бомба, которую транспортировали с одной базы на другую, и опустошает небольшой американский городок...

Или еще раньше, в 1963-м — двадцатилетия атомной эры человечество еще не отпраздновало — вывести в романе «Колыбель для кошки» жуткий образ ученого, «убийцы не от мира сего». Профессор Хоникер, как и его экранное воплощение — уже знакомый нам доктор Стрейнджлав — не смотрелись, впрочем, каким-то особенным «макабром» по сравнению с реально существующими Сэмюэлом Коэном или Эдвардом Теллером.

В свое время общественное мнение не на шутку перепугал разработанный до деталей проект, который, по утверждению автора, обещал раз и навсегда «снять» атомную проблему и даровать мир людям Земли. Почему-то тем не менее название проекта — MAD (от сокращения: mutual assured destruction — взаимное гарантированное уничтожение) в точности совпадало с английским словом, означающим просто «безумец».

Разумеется, сторонники проекта отмахиваются от этого второго смысла, ссылаясь на него как на ничего не значащую игру слов.

Суть проекта можно изложить двумя словами: «метод розги». То есть, не следует надеяться на слова о гуманности и разуме; все это суть категории туманные, тем более что человек и не разумен и не гуманен. Посему сработать должна педагогика розги — раз посулами ничего добиться не удалось, надобно апеллировать к *страху*; он один гарантирует долгожданный мир на планете.

«Конкретизацию» генеральной идеи предлагали следующую. Всем сообща вывести на орбиту искусственный спутник, содержащий большой «кобальтовый» заряд (такая бомба убивает в основном посредством смертоносного излучения). Это «оружие Судного дня» угрожает всем: и

правым, и виноватым, и оно сработает, лишь только чья-то рука коснется роковой кнопки, ибо запрограммировано будет на *любой* старт *любой* ракеты.

Автор сей мудрой затеи — личность преинтересная. Правда, прославился создатель проекта MAD совсем в иной области, как ни странно менее всего связанной с деловитой разработкой различных вариантов *конца* человеческой цивилизации. Проект MAD — детище покойного «мессии» западной футурологии, директора и создателя Гудзоновского института Германа Кана.

Досье по теме «Ультиматум»:

ГЕРМАН КАН

1922—1984

Видный американский математик, специалист в прикладной математике и моделировании. Окончил Калифорнийский университет и Калифорнийский технологический институт. Профессор Принстонского университета. С 1961 г. и до конца жизни возглавлял Гудзоновский институт. Работал в исследовательских отделах компаний «Дуглас» (1945—1946), «Нортроп» (1947), исследователем-аналитиком в «РЭНД корпорейшн» (1947—1959); был консультантом в фирме «Боинг», при Управлении мобилизации министерства обороны, в корпорации «Систем девелопмент», в Национальном исследовательском комитете по планированию, в Стэнфордском университете. Был членом Бюро научных советников ВВС США. Автор книг «О термоядерной войне» (1960), «Мысли о немыслимом» (1962), «К эскалации» (1965, с Э. Винером), «Год 2000» (1967).

Красноречивый послужной список, в старину непременно добавили бы: и прочая, и прочая...

Одно перечисление фирм и организаций, где служил и консультировал профессор, говорит о его отношении к проблемам войны и мира больше, чем любые заявления и выступления в печати. Чему в большей мере служил долгую жизнь Герман Кан — науке или непосредственно военно-промышленному комплексу? И служил не подневольно, не в силу гражданского инфантилизма или каких-то фатальных жизненных обстоятельств — трудился, как гово-

рится, по зрелому размышлению (оставим в покое «зов сердца»).

О Германе Капе у нас много писали (в основном в связи с анализом западных футурологических прогнозов), но я хотел бы напомнить всего два отзыва на его книгу «О термоядерной войне».

Рецензент журнала «Сайнטיפик америкэн» не смог удержаться от эпитетов, вообще-то не принятых в научной прессе: «дьявольская святотатственная книга». (Как ответил редактору энергичным сердитым письмом, где возмущенно заявил, что не считает журнал ни научным, ни американским...) А известный социолог Джон Ньюмен охарактеризовал научный труд Кана следующим образом: «Книга пропитана такой кровожадной иррациональностью, какой я никогда не встречал за все время, что читаю книги»⁷⁹.

По безнравственности проект МАД конечно же не уступает проекту из воннегутовских «Сирен Титана». Сейчас нам это тем более понятно, что (признаемся, чего греха таить) во время обо и мы фактически следовали концепции, весьма близкой к «Проекту Безумие», хотя и не по своей инициативе оказались втянуты в гонку вооружений. Ведь не секрет, что на *взаимном устрашении* — и не на чем ином — держался мир в Европе все сорок послевоенных лет. До тех пор, пока не стало ясно, что дальше это балансирование на грани пропасти попросту невозможно...

Все-таки удивительные «докторы хоникеры» встречаются на обочине дороги, по которой идет марш мира.

В 1982 году некто Джером Слейтер опубликовал в журнале «Диссепт» статью, в которой вновь вернулся к вопросу о том, зачем нужно столько оружия массового уничтожения, чтобы быть в состоянии двадцать раз убить одного русского? Для Слейтера сомнения отсутствуют: «Риторический этот вопрос звучит довольно удачно, но в нем упущен важный момент. Наша цель, безусловно, не в том, чтобы по двадцать раз убивать каждого русского. Наша задача — быть в состоянии *убить каждого русского один раз и реально гарантировать эту возможность*»⁸⁰.

Курсив в данном случае не мой — автора статьи...

Видимо, в таких же головах-арифмометрах родился и другой абсурдный неологизм — overkill. В переводе с английского — буквально «сверхубийство». В смысле: «дважды убийство», «трижды»... «стократное убийство» — всего *человечества!*

И те же арифмометры трещат, пытаются доказать абсурдность «мифа о ядерном Апокалипсисе».

В последней своей книге «Следование простоте» (1980) Эдвард Теллер объяснил нам нелепость и вредность легенды о том, будто бы ядерная война «всех уничтожит». Вот, приводит он пример, вторгся Чингисхан в Персию и устроил в 1219 году образцовую резню: убивали всех, до кого руки могли дотянуться. «Однако примеров великого разрушения цивилизации мы не видим. Примерно 10% населения Персии выжило»⁸¹.

Видный американский ученый-медик, один из основателей движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», Герберт Абрамс внешне старается соблюсти спокойствие, отвечая коллеге: «Для Теллера смерть 90% персов — это выживание. Вероятно, он то же самое сказал бы о 90% погибших в Северном полушарии, разразись там ядерная война. Может быть, кто-то выживет. Человеческий вид, в противоположность динозаврам, вероятно, еще будет населять планету на протяжении нескольких ближайших тысячелетий. Следуя лексике Теллера, «выжить» означает *остаться живым*, сохранить природный метаболизм. Однако выживание биологического вида совсем не означает выживания — политического, социального, экономического, психологического — человечества»⁸².

С динозаврами сравнение, впрочем, хромает. *Динозавры*, как выясняется, тоже оказались живучи, по крайней мере голос их, особая «завро-логика» преследует нас в последнее время все чаще и чаще.

Это логика, очевидно, встретила и видного венгерского прозаика Лайоша Мештерхази. И он — неожиданно для многих — обратился к научной фантастике, опубликовав незадолго до кончины фантастическую повесть «Великолепная рыбалка».

Досье по теме «Ультиматум»:

ЛАЙОШ МЕШТЕРХАЗИ

1916—1979

Выдающийся венгерский писатель. Окончил Будапештский университет, защитил докторскую диссертацию (филология). Во время хортистской диктатуры вступил в коммунистическую партию. Был на партийной, литературной работе. Автор романа «Загадка Прометея» (1976) и др. В последние годы жизни

неоднократно обращался к научной фантастике — сборник «Семпистернин» (1975) и другие произведения.

Жизнь его была столь богата событиями и переменами, что просто невозможно себе представить, как бы он смог пройти мимо научной фантастики. «Я видел и пережил все, что видели и пережили многие мои сверстники в Европе. Конечно, в разной степени, но лучше не сравнивать: все мы насмотрелись ужасов куда больше, чем может себе представить нормальный человек, на нашу долю выпало столько страданий, что ни одна душа не способна перенести их без необратимых изменений... Появилось новое средство уничтожения, и память о бомбежках, о захвате заложников, о газовых камерах очень быстро отодвинулась в сознании куда-то на задний план; представления о мировом катаклизме стали качественно иными. Целое поколение выросло в тени грибовидного облака»⁸³.

Описывая в повести «Великолепная рыбалка», переведенной на русский язык, некое «новое» — в данном случае химическое — оружие, Лайош Мештерхази мудро предостерег нас от чересчур утопических надежд на безъядерное будущее. Безъядерное — вовсе не значит беспроблемное.

Сначала нужно что-то понять в феномене Коэна и Теллера и что-то предпринять против этой бациллы; пока она не имеет противоядия, тревогу не развеет даже Пакт о ядерном разоружении. Эти что-нибудь да придумают своим работодателям. «Гуманно» убивающего все живое, оружия, буквально уничтожающего живые организмы без следа (подходящая армия застает нетронутыми пашни, города и заводы противника), пока не создано. Но особая порода людей — можно ли называть их людьми? — к сожалению, уже благополучно выведена.

В небольшом по объему произведении четко разграничены два плана. Внешний — расписанный до нюансов, подчеркнуто реалистичный, с эффектными, «вкусными» деталями, заражающий особым азартом *рыбалки* даже тех читателей, кто был чужд этому таинству. И второй план за кадром, выявляемый лишь пунктиром реплик, полуфраз, разбросанных по повести намеков. Скучноватые будни *спецкомандировки*, запечатленные в дневнике одного из исследователей: разбивка лагеря-полигона, отработка новой серии экспериментов, анализ результатов. Лишь одно скрашивает рутину (ибо скучны даже общеобразо-

вательные лекции для командированных: о природе войны, об «атомном пате», о новом «сверхоружии», которое и испытывается на полигоне): та самая заветная рыбалка!

А затем — успех, прощальный банкет со множеством тостов: за будущие награды, за увеличение ссуд на будущие же опыты. И следа не осталось от пятерых людей — жертв, на которых испытали новый препарат, улетучились малейшие следы и его самого.

Безумная ситуация: перспективы на будущее строят те, кто только что изрядно потрудились над его уничтожением...

Сопоставление двух плапов, выбранная автором казенно-лакопичная манера («дневник специалиста») — все это не случайно. Талантливый мастер ни разу не дал ярости прорваться наружу. Ему было важнее придержать ее — чтобы не выплеснулась сразу, не перегорела быстро; еле уловимый намек зажег костер, которому пылать и пылать. Схватило какой-то нерв в душе читателя — и уже не отпустит никогда.

Курт Воннегут оружием выбрал любимый им «черный юмор», Лайош Мештерхази защищает воображение «ледяным» внешним спокойствием... Странно, если бы среди таких фигур, марширующих в колонне научных фантастов, мы не встретили одного старого знакомого — Станислава Лема!

А чем силен польский писатель-фантаст, поклонник этой литературы знает без подсказки.

Отточенный интеллект, смелость и логическая убедительность фантазии — все эти качества Лема проявились в полной мере и в его новой повести «Мир Земле» (1986). В качестве самостоятельного фрагмента в нее включена одна из удивительных лемовских «рецензий на ненаписанные книги»: впервые она вышла в 1983 году и называлась «Системы оружия XXI века, или Эволюция вверх ногами». Без упоминаний об этом маленьком интеллектуальном шедевре любое исследование «нового мышления» осталось бы досадно неполным.

Рецензия неизвестного нам автора XXIII века дает сжатую и яркую ретроспективу эволюции систем вооружений. Хотя правильнее было бы назвать ее *инволюцией*, потому что стремление к гигантомании — все больше, все мощнее — довольно скоро зашло в тупик. «А значит, решили конструкторы XXI века, следовало гораздо раньше пойти на выручку к биологической эволюции, ведь милли-

ардолетний возраст ее творений — свидетельство оптимальной инженерной стратегии»⁸⁴.

Увеличение быстродействия электронных систем, из которых теперь *в значительной мере* состояло оружие, приводило к росту фактора случайности: «Системы пелыханно быстрые ошибаются неслыханно быстро... В прежних сражениях, где рыцари бились верхом и в латах, а пехота схватывалась врукопашную, на долю случая выпадало, жить или умереть отдельным бойцам и военным отрядам. Но могущественная электроника, воплощенная в логике компьютеров, повысила случай в званьи, и теперь он уже решал вопрос о жизни и смерти целых народов и армий»⁸⁵.

Микроминиатюризация в сочетании с почтительной оглядкой (пакопец-то человечество избавилось от своего технического высокомерия) на эволюцию привела к созданию особых микрокремниевых бактерий, которым «присвоили» имя Випера. Началось обезлюживание армий: «Последняя стадия бронегигантомании исчерпала себя в середине столетия; наступила эпоха ускоренной микроминиатюризации под знаком искусственного *неинтеллекта*»...⁸⁶

Рассказывать далее об этой странной эволюции вооружений — значит просто переписывать сочинение Лема, страница за страницей, строка за строкой. У него, польского писателя, как обычно: словам тесно, а что касается *мыслей*... Позволю себе привести еще одну длинную цитату. С единственной целью — продемонстрировать *действительные* возможности раскрепощенного воображения:

«Синсектное (от Synthetic insects — «искусственные насекомые»).— *Вл. Г.*) оружие ХХІ века не было просто роем металлических ос, известных нам по атласу энтомолога. Некоторые из этих псевдопасакомых могли как пули прошить человеческое тело; другие служили для создания оптических систем, которые фокусировали солнечное тепло и создавали тепловые течения, перемещавшие большие воздушные массы,— если план кампании предусматривал, например, проливные дожди или, напротив, солнечную погоду. Были «пасакомые» таких «метеорологических служб», которым сегодня вообще нет аналогий; взять хотя бы эпдотермальных пасакомых, поглощавших значительное количество энергии для того, чтобы посредством резкого охлаждения воздуха вызвать на заданной территории густой туман или инверсию температур. Были еще пасакомые, способные собираться в лазерный излучатель ра-

зового действия... Новое оружие диктовало новые условия боя, а следовательно, новую тактику и стратегию, общим знаменателем которых было полное отсутствие людей. Но для приверженцев мундира, знамен, смен караула, почетных конвоев, маршировки, перестроений, муштры, штыковых атак и медалей за храбрость новая эра в военном деле была изменой возвышенным идеалам, сплошной обидой и поношением. Эту новую эру специалисты называли «эволюцией вверх погами»⁸⁷.

Кажется, этой «дурной бесконечностью» абсурда, выстроенной, однако, с филигранной математической точностью, Станислав Лем делает с нашими мозгами то, что его коллеги — Воннегут и Мештерхази — с нашими чувствами и эмоциями. Они *закипаят* — от ужаса, творящегося на наших глазах.

Я не оговорился. Взгляд читателя фантастики особый: он обращен в будущее. То, на что он падает, имеет «склонность» *сбываться* раньше, чем мы предполагаем...

На состоявшемся зимой 1987 года московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» журналисты разрывались между приглашенными знаменитостями. А обстановка полной «свободы контактов», тогда еще у нас достаточно непривычная, только усложняла задачу интервьюеров... Если говорить об ученых (а были еще деятели культуры, представители многих религий, общечеловечности, бизнеса), самым «недоступным» казался американский физик Теодор Тейлор.

Личность яркая и непростая. Один из создателей американской водородной бомбы. Конструктор самой *маленькой* и легкой из всех существовавших атомных бомб. И создатель самой *большой* из когда-либо взорванных на Земле... Один из плеяды знаменитостей легендарной Лос-Аламосской лаборатории, друг и коллега Бёте, Ферми, Гамова, Теллера. А сегодня — активнейший борец за ядерное разоружение!

Его друг писатель Джон Макфи написал о Тейлоре книгу, названную «Кривая энергия связи»⁸⁸. Есть такой физический термин: внутренняя энергия (или энергия связи); высвобождение ее и приводит к атомному взрыву. Однако физика здесь, кажется, ни при чем, речь идет о человеческой судьбе.

Кривая жизни Тейлора — ученого и человека — действительно захватывающая.

Школу окончил в пятнадцать лет, знаменитый «Калтех» (Калифорнийский технологический институт) — в

девятнадцать. И закончил его в год знаменательный — 1945-й... Вот отрывок из его письма домой, датированного августом того «атомного» года: «Для меня совершенно очевидно, что скоро нас всех ждут революционные изменения. Боюсь, что человечество открыло нечто, способное уничтожить всех нас еще до того, как мы его хорошенько изучим. В скором времени, я убежден, это открытие станет общим достоянием всех правительств. И мне кажется, что это была последняя война в истории — в противном случае следующая станет последней для всего человечества, так как нации попросту истребят друг друга»⁸⁹.

Ранние августовские дни 1945 года, пишет девятнадцатилетний юноша, который до того и слов таких не слышал: «расщепление атома»! (В то время было много профессионалов-физиков, которые о расщеплении атома не слыхивали...) Вундеркинды бывают разные, но случаи столь редкого *социального* прозрения действительно наперечет.

Впрочем, его «кривая» только начинала раскручиваться... В 70-е годы, после многих лет работы над бомбами — большими и маленькими, после участия в опросах, проводимых Пентагоном с целью выработки оптимальной ядерной стратегии в *будущей войне* против СССР, Тейлор с горечью признал: «Я думал, что выполняю долг перед родиной, что вношу посильный вклад в дело укрепления мира. Сейчас я думаю иначе. Если бы я мог никогда не приступить к тому, чем был занят долгие годы... Это была ошибка. Как ни «улучшай» бомбу, как ее ни рационализируй, она не перестанет быть бомбой — то есть устройством для умерщвления огромного количества людей. Иногда мне кажется, я не смог бы протестовать, если бы человечество вывело всех ученых к одной стенке и расстреляло... Надеюсь, теперь меня уже не покиплет убеждение: ядерное оружие никогда не должно быть применено ни при каких обстоятельствах. Никогда. Нигде. Даже в ограниченных масштабах... Даже если русские начнут бомбить Манхэттен — я бы не стал в ответ бомбить Москву»⁹⁰.

Американский физик Тейлор вряд ли знал об апалогичном заявлении советского писателя Адамовича. Но он, безусловно, был осведомлен о том, что такие же мысли посетили еще одного его коллегу — советского. Тоже, кстати, «отца» ядерного оружия...

Путь многих физиков, теснейшим образом связанных с бомбой, был воистину непрямым; часто путаная, изви-

листая дорога вела их к осознанию своей ответственности. Это был путь от участия — и соучастия — в смертоубийственной «физике» к пониманию того, что ей должен быть положен конец. Процесс требовал многих лет, а часто десятилетий; были на том пути и личные драмы, и столкновения с властями, и ошибки — и почти всегда мучительный пересмотр всего, чем жил до сих пор.

«Ядерная война принесет человечеству варварство и возврат к дикости»⁹¹. Фраза, не претендующая ныне на оригинальность. Но сказана она была двадцать лет назад, и сказана человеком, без упоминания, хотя бы краткого, о котором я не мыслил себе эту последнюю, завершающую главу книги!

Академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Досье по теме «Ультиматум»:

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ

Род. в 1921 г.

Выдающийся советский ученый-физик и общественный деятель. Специалист по ядерной физике, физике элементарных частиц, теории относительности. Академик АН СССР. Окончил Московский государственный университет. Во время войны работал инженером-изобретателем на заводе. Окончил аспирантуру Физического института АН (1945—1948). Участник работ по созданию водородной бомбы. Государственная премия (1953). Ленинская премия (1956). Активный борец за разоружение, за прекращение ядерных испытаний и права человека. Нобелевская премия мира (1975). В 1980 г. был отстранен от секретной работы, лишен правительственных наград и выслан в г. Горький, где провел шесть лет. В 1986 г. вернулся в Москву.

...В те дни, когда я заканчивал книгу, официальная справка об академике Сахарове в последнем издании советского Энциклопедического словаря не содержала и трети зафиксированного в досье. Но и оно неполно — нам еще предстоит заново восстанавливать биографию и заслуги человека, у которого не столь давно попытались отнять и то и другое.

Не знаю, как для кого, но для меня *новое мышление* означало прежде всего вновь появившуюся возможность пусть несколькими добрыми словами, но сказать в этой книге открыто об одном из признапных его создателей.

Повествуя о драме «отцов» атомного оружия, писатели и журналисты обращаются к примерам каноническим — Эйнштейн, Силард, Оппенгеймер... Совсем недавно мы узнали о Теодоре Тейлоре; и пришел наконец черед рассказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. «В 1953—1968 годах,— пишет он (пусть лучше он сам все расскажет),— мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953—1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал активно выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущевым. Я был одним из инициаторов Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т. е. в атмосфере, в воде, в космосе)»⁹²

А спустя пять лет появились составившие славу Сахарову «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Напечатанные на Западе, они не только открыли всему миру (к сожалению, кроме собственной страны) прежде засекреченного физика-ядерщика, но и честного, думающего, активного гуманиста, страстного проповедника нового мышления. Тогда, в 1968 году, на родине автора «Размышления...» пришлось не ко двору, вызвав сначала газетную травлю, а затем и административное преследование.

Тем более горько сознавать это сейчас, когда мы сравниваем сказанное Сахаровым двадцать лет назад с тем, что в наши дни превратилось в азы политической стратегии, в конкретику договоров и международных акций. А Сахаров еще в конце 60-х годов предостерегал: «Разобщенность человечества угрожает ему гибелью... Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций — безумие, преступление... Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это огромная разрушительная сила термоядерного взрыва, относительная дешевизна ракетно-ядерного оружия и практическая невозможность защиты от массированного ракетно-ядерного нападения...»⁹³

Рассказывают, что академик Сахаров сопровождал группу высокопоставленных военных чинов на остров Новая Земля, где на специальном полигоне был взорван один

из самых мощных в то время термоядерных зарядов. Не знаю, что именно за картина предстала взору высокой инспекции и что за размеры были у радиоактивной воронки, растопившей вечную мерзлоту вглубь на... метры? или километры?.. Но думаю, что разными глазами смотрели на этот «триумф» научной мысли те, кто ее использовал, и тот, кто ее воплотил в это варварство. Могу только себе представить, как Сахаров совсем другим человеком возвратился из той поездки.

Воистину одного раза увидеть — недостаточно (генералы тоже смотрели на результат испытаний во все глаза). Нужно еще задуматься, напрячь воображение, чтобы представить себе возможные последствия.

...Если даже физики-ядерщики восстанут против собственного детища, то что говорить о врачах, чья задача — бороться против смерти во всех видах! Тем более — *суперсмерти*.

На Московском конгрессе врачей можно было встретить специалистов онкологов и радиологов, организаторов санитарной службы и травматологов; и еще, по-видимому, представителей всех остальных разновидностей медицины. Однако речь пойдет не о них.

Оказывается, врачи обеспокоены тем, что поражены будут не только тела, но и души.

Конгресс собрал много известных психологов, невропатологов и психиатров; но для меня интереснее всего оказалась встреча с психоаналитиком. Не могу сказать про себя, что глубоко разбираюсь в проблемах психоанализа, но встреча с молодым американским психоаналитиком Робертом Боснаком, выступившим на дискуссии о научной фантастике и ядерной реальности, открыла глаза на удивительную область пересечения психоанализа и фантастической литературы.

Доктор Боснак имеет частную практику в Кембридже (штат Массачусетс); последователь психоаналитической школы Юнга, он, как оказалось, прибыл в Москву в поисках... людей. Участников будущей конференции «Лицом к Апокалипсису-II» (первая с успехом прошла в 1986 году в США), которую он организовал и на которую собрался пригласить коллег-врачей, писателей, поэтов, художников, психологов, политиков, религиозных деятелей, чтобы всем вместе поразмышлять о нашем «ядерном» времени и о человеческом *воображении*, которое одно только способно это время отразить. А может быть — спасти?

«Мы должны вообразить что-то такое, что максималь-

но приближалось бы по образной мощи к картинам ядерного уничтожения цивилизации, — пишет в сборнике «Лицом к Апокалипсису» (1987) уже известный нам психолог и публицист Роберт Джей Лифтон, один из первых скорбных летописцев Хиросимы. — Только в этом случае у нас есть шанс избежать его в реальности. Нам требуется расширить нашу «психологическую» и «моральную» фантазию для того, чтобы держаться подальше от «воображенного» в действительности»⁹⁴.

Роберт Боснак рассказывал мне о школе Юнга, а я мысленно сравнивал метод знаменитого швейцарского психолога и философа с более знакомой мне «атомной» фантастикой и... находил много общего! Только узнав полную, упрятанную в глубины подсознания правду о собственных страхах, начинаешь путь к спасению, заручившись первым проблеском надежды. «Свет в самом сердце тьмы», как сформулировал это сам Карл-Густав Юнг, находившийся под большим влиянием восточной философии Дао... Но не к тому ли призывает читателя и фантастика?

После тех долгих бесед (а мы не раз еще встречались впоследствии с Робертом Боснаком) впервые забрезжила мысль о том, что сферы «внешнего космоса» и «внутреннего» оказываются гораздо более взаимосвязанными, чем мне казалось раньше. Если обратиться к *ядерным страхам* человечества, эта связь проступает особенно ясно: мы изучаем их не ради академического любопытства — и уж, конечно, не из мазохистского наслаждения, — но чтобы извлечь какой-то урок для себя, не так ли?

О том же пишет и Сэм Кип в книге «Лица врага»: «Следует опасаться не только переведения политических событий в психологическую плоскость, но и переведения психологических событий в плоскость политическую. Проблема войны носит сложный, комплексный характер, и едва ли ее можно решить в рамках одного научного подхода, одной научной дисциплины. Для того чтобы подступиться к ее решению, необходимо, как минимум, иметь нечто вроде «квантовой теории войны» — вместо теории, объясняющей возникновение войн одной какой-нибудь причиной. Подобно тому как уяснить себе природу света можно, лишь представив квант световой энергии одновременно как частицу и как волну, мы сумеем разобраться в теме войны, только если станем рассматривать войну как систему, которая имеет двойную основу: государственную политику насилия и воинственную психологию; пропаганду и паранойю; идеологические и геополитиче-

ские конфликты между странами и *враждебное воображение* (курсив мой.— Вл. Г.). Для плодотворного осмысления природы войны всегда нужно будет принимать в расчет как социальные институты, так и индивидуальную психику. Общество формирует психику людей, и наоборот. Поэтому нам придется решать двоякую задачу: создания и политических и психологических альтернатив войне, изменения и структуры международных отношений, и психики *Homo hostilis*»⁹⁵.

Слова «враждебное воображение» я выделил не случайно. В нашем «дуальном» мире всякое определение предполагает наличие какого-то другого — полярного по смыслу. И читатель уже познакомился со множеством примеров воображения как враждебного, так и *дружественного*. Между прочим, общественная организация, которую создал доктор Боснак, названа также не совсем обычно: «Воображение в действии»...

Оно воистину *действенно* в наши дни. По словам другой знаменитости — Карла Ясперса, «единственным средством, с помощью которого вероятное сегодня стало бы в конце концов невероятным и даже невозможным, является возможно более полная осведомленность о вероятности всеобщей гибели»⁹⁶.

Свет в конце туннеля... Нужно еще мужество, чтобы пройти его. «Есть страх смерти, и он присущ всем нам, — говорил Боснак, — и есть *страх страха* смерти. Задача психоаналитика — помочь пациенту преодолеть этот «второй» страх; только когда он будет высвечен, вытолкнут на поверхность из нашего подсознания, осмыслен и проанализирован, человек сможет смело взглянуть в глаза смерти. И понять, что за мир он может потерять... Это своего рода возрождение!»

Чтобы продемонстрировать серьезность намерений психиатров и психологов, а также меру осознания ими своей собственной *профессиональной* ответственности за пораженное тяжким душевным недугом человечество, приведу только перечень названий научных статей. Все они включены в специальный выпуск уже упоминавшегося «Международного журнала психического здоровья» за 1986 год.

«Изучение стресса и путей его преодоления в ядерный век: новая медицинская специальность», «Колокол тревоги: последняя эпидемия», «Типы психологических реакций на угрозу ядерного уничтожения», «Дети встревожены перспективой ядерной войны», «Психологические ус-

тановки на ядерную угрозу у старшеклассников», «Психическое здоровье и угроза ядерной войны — тема для истории болезни», «Психологические последствия ядерной угрозы — семейный аспект», «Реакция творческого человека на жизнь под ядерным мечом», «Научно-исследовательские и профессиональные действия врача в «ядерно-осеннее» время (пока не наступила «ядерная зима»)»...

Пока есть время, стоит задуматься и о душе. О *бессмертии души*, как сказал бы религиозный человек, но эти сакраментальные слова в ядерный век наполнены особым содержанием и для того, кто не верит в бога.

Ядерная трагедия поставит точку на развитии вида *Homo sapiens*, закроет навсегда саму возможность существования будущим, еще не родившимся, поколениям. А если, с точки зрения атеиста, считать бессмертной душой *человечества как целого* ноосферу — все накопленное и овеществленное им духовное богатство, то проходит аналогия. Атомная катастрофа непременно разрушит ноосферу до основания. Все наши книги и верования, музыку и обычаи, картины и нравственные законы, могилы предков и достижения науки. Философия, чувство юмора, любовь, душевные сомнения, страхи, надежды, посаженные деревья и воспитанные нами дети — все потеряет смысл — и то, чем жили, и то, для чего жили десятки тысяч поколений землян.

Вот какая страшная судьба ждет планету. Таким увидел исход ядерной катастрофы американский публицист Джонатан Шелл. К сожалению, мне не удалось собрать о нем сколько-нибудь солидного досье; он, по сути, и прославился одной-единственной книгой «Судьба Земли» (1982).

Дай бог каждому пишущему однажды создать *такое...* Я много прочитал книг, написанных публицистами на эту тему, но труд Шелла стоит особняком. Никто, пожалуй, не смог так ярко, детально и логично описать *бессмысленность* грядущего Армагеддона. Все аналогии с Судом блекнут, потому что ядерный конец света будет прежде всего нелеп, как нелепо отнимает жизни и разрушает города стихийное бедствие. Ядерный холокауст будет означать не просто огненное жертвоприношение всего населения Земли. В жертву принесут и то, что это население создало своим умом и руками, — все те плоды цивилизации, которые и ей самой сообщали какой-то смысл⁹⁷.

«Было ли еще в истории столетие, знающее настолько ясно, что оно способно сделать доброго, но с таким упря-

мым постоянством творившее зло? — задается вопросом американский писатель, кинорежиссер, дипломат и солдат Лоуренс ван дер Пост. И сам себе отвечает: — Сомневаюсь. И это мое сомнение заставляет меня ощущать особую ответственность человечества, не имевшую прецедента ни в одном из прошлых столетий»⁹⁸.

А Джонатан Шелл, следуя как раз тому методу, что рассказан мне Боснаком, проводит читателя по всем кругам ядерного ада, воздействуя в большей степени не на эмоции — это-то несложно, — но на здравый смысл. Хотя все же апеллирует и к эмоциям...

Все книги на тему ядерной войны рано или поздно, но невольно сбиваются на возвышенный библейский пафос — может быть, потому, что история человеческой культуры чаще и быстрее подсказывает нам этот источник для подражания? Вот и американский публицист, «накачав» нас вдосталь информацией, обогатив длинными и нетривиальными умозаключениями, тоже не может удержать себя от проповеди:

«В один прекрасный день — и трудно поверить, что он не наступит скоро, — мы сделаем наш выбор. Либо мы окончательно впадем в коматозное состояние, и это будет конец всего, либо, как я верю и надеюсь, мы восстанем ото сна и осознаем реальность угрожающей нам опасности — реальность столь же великую, как сама жизнь, и, подобно человеку, принявшему смертельный яд, но в последний момент сбросившему с себя оцепенение и изрыгнувшему его, мы покончим с нашими сомнениями, отбросим малодушные оправдания и восстанем во имя того, чтобы очистить Землю от ядерного оружия»⁹⁹.

...Вероятно, самая лаконичная и предельно емкая микрорецензия на книгу Шелла принадлежит Карлу Сагану: *«Каждую секунду — по целой второй мировой войне, и так весь долгий ленивый полдень»*. А в одной из своих статей Артур Кларк, приведя это высказывание Сагана, заметил: «Хотел бы я, чтобы ненормальные, твердящие о «затяжной» ядерной войне, всего-навсего перечитали бы это единственное предложение — медленно, вдумываясь в каждое слово»¹⁰⁰.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

«До сих пор, худо ли, хорошо ли, всегда можно было уклониться от участия в истории. Тот, кто не одобрял, часто мог молчать или говорить о другом. Нынче все изменилось, и само молчание приобрело страшный смысл»¹⁰¹.

Знаменитый французский философ и писатель Альбер Камю произнес эти слова в 1957 году, во время торжественной церемонии вручения ему Нобелевской премии по литературе. Высказывание, вроде бы прямо не касающееся ни ядерной литературы, ни литературы вообще. Однако тот факт, что слова эти произнесены *писателем*, ставит их в контекст разговора, которому пора подводить итоги.

Соотечественник Камю, современный философ Жак Деррида уже в наши дни бросил свою парадоксальную фразу: «Литература всегда принадлежала к ядерной эпохе»¹⁰² — как бы зачеркнув сказанное Камю. Однако, при всей «противоположности» этих двух высказываний, они удивительным образом дополняют друг друга. И оба справедливы.

Литература *всегда* была «ядерной» — в том смысле, что была способна домысливать немислимое, могла пугать и воспалять, и одна, пожалуй, вместе с религией, обращалась к запретным для обыденного сознания «заключительным темам» (The Last Things), по выражению профессора историка Уоррена Уэйгара. Но справедливо и то, что *только с наступлением реальной атомной эры* она, может быть, впервые осознала эти свои уникальные способности — поняла, как сказал Камю, «недопустимость отмалчивания».

Потому что нельзя — даже с логичным вроде бы оправданием: сберечь психику «пациента» — человечества! — недопустимо пынче молчать.

И воображение жизненно необходимо включить каждому на полную мощность.

Каждую секунду... по второй мировой войне... Как ни утомилось наше сознание от подобных сравнений, которые разве что писателям-фантастам одним под силу, следует еще немного напрячься, чтобы прийти к осознанию грустного факта. Сравнение Сагана при всей его эффектности несколько *идеализирует* ситуацию.

Вторая мировая война, хотя она и вошла пока в человеческую историю как самая кровопролитная, всё-таки целиком осталась в той эпохе — доатомной. Когда еще существовало противопоставление «сражаться за» — «сражаться против». Солдаты воевали за свои народы, на худой конец — правительства, первыми принимали на себя удары врага и часто совершали чудеса героизма. Одно сознание, что идет священная война против фашизма, оправдывало все жертвы, заставляло совершать, кажется, немыслимое. Потому что она во всех отношениях была войной *справедливой*.

Если говорить о войне с применением ядерного оружия, то вне зависимости от того, кто применит его первым, война с самого начала пойдет как *несправедливая*. Ибо начнется она как война против всех — против человечества.

Между прочим, давным-давно Блаженный Августин сформулировал понимание справедливой войны как *войны в защиту невинных*, и с тех пор традиционная точка зрения западной философии недалеко ушла от этого тезиса. Двум требованиям, как минимум, удовлетворять должна справедливая война: «пропорциональности» (не применять силы в большей мере, чем это требуется для защиты территории) и «избирательности» (не применять силы к гражданскому населению). Ясно, что эти требования — не для ядерной войны... Но, может быть, как-то откорректировать положения святого Августина — ведь столько веков прошло?

Подобная мысль многим приходила в голову. В 1983 году Национальная конференция католических епископов США обратилась к верующим с пасторским посланием «Вызов миру: Божье обещание и наш ответ», в котором вопрос о справедливых войнах разобран с «научной» достоверностью. На сей раз требований семь. Чтобы удовлетво-

рять новому критерию справедливости, войны должны: (1) быть абсолютно необходимы (в смысле неизбежны); (2) вестись компетентными и ответственными правительствами; (3) предполагать пропорциональность (смысл разъяснен выше); (4) вестись за правое дело; (5) начинаться только после того как исчерпаны и не привели к успеху все иные способы улаживания конфликтов; (6) предполагать хоть минимальную надежду на успех; (7) требовать затрат, хоть в малой степени оправданных в случае успеха¹⁰³.

И снова ядерная война начисто исключает большинство из перечисленных критериев. Даже не вдаваясь в «ядерно-юридическую» схоластику, здравомыслящий человек сообразит, что война, в которой на каждого мужчину, женщину, ребенка уже припасено по тонне (!) условного взрывного эквивалента (тринитротолуола), в которой солдаты, вероятнее всего, окажутся *максимально защищенными* «живыми единицами» и результатом которой, вне зависимости от причин и хода ее, наступит глобальная катастрофа, — такая война не может быть справедливой. Ни при каких формулировках.

Каждую секунду придется переживать не по *второй мировой войне*, а по войне столь же разрушительной и еще стократ более бесстыдной и аморальной. Ведь *каждую секунду* ее будут терять смысл понятия, служившие образцом и объектом уважения на протяжении многих поколений: воинский долг, благородный героизм на фронте, гражданский подвиг тыла... Теперь, наоборот, военные наверняка «протянут» дольше, нежели мирное население. Как замечает герой романа, вышедшего еще в 1958 году, «Последний день» Элен Кларксон, «в давние времена мужчины с оружием в руках переживали аморальный акт убийства себе подобных, убедив себя, что воюют за своих детей. Сегодня мужчины выставляют своих детей умирать за себя»¹⁰⁴.

Как ни коротка будет эта *окончательная* война, времени солдатам хватит, чтобы осознать и содрогнуться от того, что они делают...

Да и при чем тут война, если, как пишет Михаил Сергеевич Горбачев в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1987), «сейчас создалась поистине парадоксальная ситуация. Даже если одна страна будет постоянно вооружаться, наращивать вооружения, а другая ничего не будет делать, то та сторона, которая вооружается, все равно от этого

не выиграет. Слабая сторона может просто взорвать все свои ядерные заряды даже на своей территории, и это будет означать самоубийство для нее и медленное убийство для противника»¹⁰⁵.

Миросима — вот что это будет.

Понимаю, конечно, что нашел всего лишь случайное созвучие в русском языке, но оно никак нейдет из головы. Не может все это накопленное количество «мегасмерти» (которое и разум, и эмоции уже не в состоянии воспринимать) не перейти в «новое качество». Можно считать боеголовки и мегатоннаж — но какой в том смысл? Ведь в одночасье осуществится не просто *миллион Хиросим* (а нехитрый подсчет, причем явно заниженный, показывает, что мы это уже в состоянии себе позволить) — но одна *Миросима* сразу на всей планете.

Первый и последний — ультимативный — опыт. Амбициозный эксперимент, которым молодой разум, благодаря неведомо какой счастливой случайности возникший и развившийся на третьей планете ничем не примечательной звезды, заявит о себе. Да так громко, что услышат по всей Галактике (если, конечно, будет кому слушать).

Но и это не все, что «скрыто» в образном сравнении Сагана.

Вторую мировую войну кто-то начинал, в ней кто-то оборонялся, кто-то применял недозволенные — по меркам человечества — методы ведения войны. И был за то осужден трибуналом народов в Нюрнберге. А «ядерный эксперимент» может начаться... просто по ошибке!

Как именно — на сей счет существует много сценариев; но в качестве примера познакомлю читателя с одним, тем более что он вполне смахивает на сюжет научно-фантастического романа.

Профессор Герберт Абрамс свое выступление на семинаре «Лицом к лицу со Злом» (собранным в небольшом техасском городе Сагедо в 1986 году) начал с изложения некой воображаемой лекции. Ее будто бы прочел в 2 часа пополудни 19 сентября 1998 года (обратите внимание на дату!) аргентинский историк профессор Кордова. Тема лекции — «Ретроспективный» взгляд на войну 1990 года».

Позволю себе процитировать ее с минимальными сокращениями:

«24 сентября 1990 года Советский Союз согласился предоставить своим сирийским союзникам несколько ядерных боеголовок «для сохранения военного баланса с Израилем». Две недели спустя, 10 октября, в Египте был

совершен переворот, и шиитская община «братьев-мусульман» под водительством муллы Мустафы Ибрагима захватила Каир. Мустафа разорвал кэмп-дэвидские соглашения и потребовал возвращения Египту «исконных земель». 17 октября шииты осадили американское посольство в Каире. Их отряды захватили на летном поле несколько самолетов с системой раннего предупреждения АВАКС. Перед угрозой вторжения Израиль двинул войска на юг Синайского полуострова. Сирия вторглась в Ливан. Израилю не улыбалась перспектива сражаться на два фронта, и он прибегнул к предупредительной бомбардировке сирийских военных аэродромов... США немедленно заявили о своем невмешательстве и направили Израилю официальный протест. Тем не менее Советский Союз обвинил американцев в подстрекательстве Израйля, после чего пять советских военно-воздушных дивизий в Восточной Европе были приведены в состояние полной боевой готовности.

День спустя сирийские танки вторглись в северные районы Израйля, где завязались ожесточенные бои. В то же время отряды шиитов вошли в Саудовскую Аравию и захватили аэропорт в Джидде. Соединенные Штаты оказались втянуты в ситуацию, в которой нельзя было не вмешаться...

8 октября «части быстрого реагирования» 82-й воздушно-десантной дивизии вошли в Израиль; в ответ советские войска были введены в Сирию. Как только американские части захватили районы Израйля, сирийский президент понял, что дело зашло слишком далеко, и дал приказ своим войскам отходить, ибо ядерное столкновение становилось неизбежным. Но машина войны уже шла своим ходом: 30 октября 1990 года сирийцы нанесли тактический ядерный удар по Иерусалиму, разрушив священный город до основания.

На следующий день звено бомбардировщиков В-52 осуществило удар возмездия по Сирии. Президент США созвал совещание Объединенного комитета начальников штабов, на котором в результате анализа ситуации был сделан вывод о неизбежности ответной массированной советской ядерной атаки. Стратегическая авиация была поднята в воздух, подводные лодки изготовились к залпу, и на все пусковые пульта стратегических ядерных ракет были поданы команды тревоги. Эти приготовления не прошли мимо внимания советского Генерального штаба, руководители которого пришли к выводу, что крупномасштаб-

лая ядерная война с Соединенными Штатами стала неотвратимой...

На рассвете 31 октября 1990 года радары системы НОРАД отметили появление многочисленных целей, и командование американской стратегической авиации получило приказ к запуску ракет «МХ» и «Минитмен».

...Когда день пошел на убыль, стратегические ядерные арсеналы воюющих сторон были полностью израсходованы. И с заходом солнца битва закончилась; те, кому повезло уцелеть, были заняты только поиском пищи, убежищ, медицинской помощи... Гигантские пожары полыхали над субконтинентами. Резко похолодало. Копоть и пыль покрывали собой останки цивилизации. Северное полушарие представляло собой месиво из гальки, валунов, треснувших пород — словом, то, что геологи на профессиональном языке называют «остаточными россыпями»... Наступила тишина.

Таким образом, заключил профессор Кордова в мертвой тишине, которая покрыла потрясенную аудиторию, многие элементы, которые думающие люди определяют как возможные причины «несанкционированной» ядерной войны, все, как один, проявились и в данном случае. Региональный конфликт, внутренние проблемы различных стран, эскалация «обычной» войны, иррациональное поведение лидеров, распространение ядерного оружия, локальная война между союзниками «сверхдержав», ограниченный упреждающий ядерный удар, военные приготовления и, наконец, решение ударить первыми, принятое в результате дезинформации и ошибки в расчетах... Счастье, что мы в Аргентине никогда не обладали ядерным оружием»¹⁰⁶.

Автор этой «лекции» (как и сразу за ней следующего профессионального доклада на тему «случайной» ядерной войны) весьма далек от научной фантастики, от литературы вообще. Профессор радиологии Стэнфордского университета, национальный сопредседатель организации «Врачи за социальную ответственность» и первый вице-президент международного движения врачей... Но и его властно притягивает *фантастика!*

Можно спорить с профессором Абрамсом по частностям — нужен ли спор? Абрамс ведь не утверждает, что в реальности все произойдет *именно так* (оставим на его совести «ядерную помощь» СССР Сирии и начало ядерного обмена ударами по вине опять-таки Советского Союза...). То, что сегодня мир еще чреват подобными воз-

можностями, трудно оспаривать. Мы ведь тоже лишь недавно кардинально переосмыслили всю «теорию» политических приоритетов...

Профессор Абрамс в своем сценарии заимствовал образ «русских» из тех — *доперестроечных* — времен, которые еще не отошли в легендарное безвозвратное прошлое. Если бы американский врач внимательнее прислушался к тому, что было сказано уже на женевской встрече в верхах — а это шел ноябрь 1985 года, — он, наверное, значительно переработал бы свою версию *непроисшедших событий*. Хотя вряд ли бы отказался от схемы в общих чертах — потому что все описанное *может* произойти...

А на пресс-конференции, состоявшейся сразу же по окончании той первой встречи лидеров двух стран, от которых сегодня в значительной мере зависит, быть или не быть человечеству, Генеральный секретарь ЦК КПСС сказал, в частности, следующее: «В нынешних условиях речь уже идет не только о противостоянии двух общественных систем, но и выборе между выживанием и взаимным уничтожением. Иначе говоря, самым объективным ходом мирового процесса вопросы войны и мира, вопросы выживания поставлены в центр мировой политики. Я хочу подчеркнуть, что специально употребляю слово «выживание» не для того, чтобы драматизировать обстановку, нагонять страх, а для того, чтобы мы все глубоко почувствовали и осознали реальности сегодняшнего мира»¹⁰⁷.

Ответственность.

Слово, приобретающее новое качество, поистине сокровенный смысл в нашем буквально нашпигованном ядерной взрывчаткой мире. В наше сотканное из тревожного ожидания катастрофы время.

«Взрыв всегда возможен» — так назывался ранний рассказ Роберта Хайнлайна, знакомый советскому читателю. Рассказ, между прочим, о возможности трагедии, подобной чернобыльской... Однако мне представляется символичным название этого произведения.

Когда в наши дни многие, по их собственным словам, «утомившись» от всей этой антиядерной деятельности, указывают на иные, не менее животрепещущие проблемы, достойные приложения сил, эта усталость понятна. Действительно, скоро полвека борьбе за устранение атомной опасности, а бомба по-прежнему висит над нашей головой. Эффект привыкания, инстинктивная реакция утомленного человеческого мозга на возможный перегрев... Как ни ужасно это звучит, но мы привыкли и к ситуации навис-

шего над нами дамоклова ядерного меча — просто стараемся не думать о нем, переключив внимание на другие заботы.

Но взрыв по-прежнему возможен. И не на страницах научно-фантастических книг, а в реальной жизни. Любая из апокалипсического «каталога» проблем, что нас окружают, стократ опаснее, пока мы продолжаем сидеть на нашем собственном ядерном погребке.

Экология... Но и без «чистых» источников энергии пока не обойтись, а это значит, что перспектива новых чернобылей существует.

Демография и национальные проблемы... Но не секрет, что «ядерный клуб» все более будет пополняться странами, чье население растет стремительно и чьи социальные институты, мягко говоря, оставляют желать лучшего.

Компьютеризация... Но после гибели «Челленджера» только слепые технократы-оптимисты могут уповать на «безошибочность» электронных устройств.

Новые болезни, подобные СПИДу, проблемы молодежи, мировая экономика, биотехнология, локальные войны, терроризм, отношения «Восток — Запад» и «Север — Юг»... Пока планета наша остается, образно говоря, заминированной, любой наш шаг, малейшее неосторожное движение — и замаскированная проволочка будет задета, грянет взрыв.

И потом — *на следующий день* — некому будет разбираться, как это произошло. По чьему небрежению или злему умыслу мир взлетел на воздух.

Взрыв *всегда* возможен. Вот только если мы наконец ясно осознаем это, будем постоянно помнить о нем, а не отмахиваться, как от надоевшего кошмара, — тогда взрыва может и не быть...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда первые читатели откроют эту книгу, от начала третьего тысячелетия их будут отделять одиннадцать лет. Срок по масштабам истории незначительный, *незаметный*.

Может быть, и ее появление — этой летописи ядерных кошмаров художественной литературы — обусловлено близостью символической даты. Конечно, предрассудки, чистая условность, как читатель уже успел заметить, *подлинны* века человеческой истории вообще-то равнодушны к каким бы то ни было календарным рамкам, но что-то такое тревожное несомненно носится в воздухе, миллениаристские настроения не могут не завладеть любым автором, посвятившим себя размышлениям о грядущем. Растет ощутимое беспокойство. И чем ближе «роковая» дата вступления большей части человечества в следующее столетие и следующее тысячелетие, тем неуютнее нам...

Уж больно с беспокойным столетием мы прощаемся. И опасное наследие его несем с собой в век новый.

По мере приближения сакраментальной даты даже сверхоптимистам становится ясно, что по крайней мере начало века мы проведем во все том же взвешенном «атомном» состоянии. Как это разительно отличается от научно-фантастических и футурологических обещаний, данных еще четверть века назад! И если вопрос, скажем, открытия антигравитации, полета к звездам или создания искусственного разума еще мог быть отнесен пессимистами в следующее столетие, то не закрыть до его наступления «атомную проблему» раз и навсегда — такое в начале второй половины XX века никому не приходило в голову.

Перелистайте страницы фантастических книг 60-х...

А ныне и самые радужные прогнозы жизни человечества в третьем тысячелетии обязательно начинаются с тревожного пролога. С описания военных конфликтов, которыми чревато уже его начало.

Что далеко ходить... Передо мной два богато иллюстрированных солидных размеров тома — *воображаемые исто-*

рии следующего века и тысячелетия. Обе выпущены незадолго до начала работы над моей собственной книгой. Авторы — признанные мастера своего дела, их имена хорошо знакомы любителям фантастики и тем, кто следит за литературой по футурологии. Следовательно, читатель вправе ожидать удачным образом совмещенной серьезности, научной обстоятельности со смелым полетом фантазии. Верно, так оно и есть: обе книжки читаются — и *рассматриваются*, ибо иллюстрации едва ли не самое интересное в них! — взахлеб...

Автора первой — Артура Кларка — представлять читателю не нужно. Не утерпев до «красной даты» — четверть вековой годовщины своей знаменитой книги «Горизонты будущего» (1963), — английский писатель-фантаст и популяризатор в 1986 году выпустил в свет нечто похожее. Репортаж об одном дне жизни в XXI столетии под названием «20 июля 2019 года».

Названа, как видим, книга более лапидарно, «приземленно». Изменились за прошедшие 23 года (читатель помнит, сколько всего произошло за этот отрезок времени) и шкала оценок, стиль и даже настроение автора. В канун нового тысячелетия Артур Кларк уже остерегается делать широковещательные прогнозы относительно достижения индивидуального бессмертия или полетов к звездам. Выжить бы целиком человечеству — и не где-то там, среди звезд, а на грешной Земле.

Любопытное сравнение. В «Горизонтах будущего» мы не встретим *ни слова* о войне, вообще о политике. (Когда автору никак не удастся обойти эти вопросы, он отделяется ни к чему не обязывающими репликами типа: верю, что в будущем политика не будет оказывать такого влияния на повседневную жизнь, как в прошлом...) А в новой книге — последняя глава названа коротко и тревожно: «Война».

Не буду долго останавливаться на «воспоминаниях» автора о войне 2018 года — читатель, полагаю, уже устал от всех этих сценариев, написанных словно под копирку. Удивительно, правда, что и версия крупнейшего писателя-фантаста и популяризатора мало чем отличается от десятков таких же. По сути, Артур Кларк просто переписывает своими словами — пожалуй, с добавлением лишь особой технической экзотики — расхожую схему, ее можно было бы посчитать заимствованной, скажем, у того же генерала Хэкетта «со товарищи». Не случайно, видимо, главу открывает эпитафия из «Третьей мировой войны»...

Война 2018 года начинается, как и предсказывал Хэккет, на территории Германии. Правда, в кларковской версии — на территории Германии Восточной! Беспорядки в Шверине, вблизи границы с ФРГ, перерастают в восстание, а оно, в свою очередь, кладет начало гражданской войне. «Интернационализуют» конфликт сначала советские боевые части, а затем регулярные войска бундесвера. Следуют аппетитные описания танковых батальонов в Западной Европе, сражений на морях и океанах, а в результате — неожиданно легкий мир ценою удовлетворения взаимных территориальных претензий двух немецких государств. Остается неясным, как воюющим сторонам удалось воздержаться от применения ядерного оружия, а лишь эффективно, как на плацу, продемонстрировать все достоинства высокотехнологичного «неядерного».

...После чтения книги меня не покидало убеждение, что Артур Кларк и сам не верит в возможность безъядерного разрешения конфликта воюющими сторонами. Хотя, по-видимому, в 1985 году, когда он заканчивал свой «мемуар» о будущем, ему столь же трудно было поверить в какие бы то ни было грядущие изменения в Советском Союзе (а как следствие их — кардинальную перемену обстановки в мире). Картины бесчинств советских оккупантов на земле Европы — конечно же шлейф прошлого, протянувшийся из времени, когда доминировал «образ врага» и можно было спокойно, как в шахматах, рассчитывать наперед ходы воюющих сторон, потому что никаких изменений в стратегии «шахматистов» не предвиделось.

Но как же они все-таки удержались от нажатия пресловутых кнопок?

Два других английских автора, успевших прославиться не одним подобным научно-фантастическим альбомом, — Брайн Стейблфорд и Дэвид Лэнгфорд — полет своей фантазии не ограничивали ничем. Их книга «Третье тысячелетие» (1985) посвящена уже истории *всего* будущего на тысячу лет.

Ну и как там насчет войны?

В отличие от Кларка история будущего, по Стейблфорду и Лэнгфорду, *начинается* с тревожной главы «Война и мир в XXI столетии».

«К началу третьего тысячелетия три четверти государств Земли были вовлечены в разного рода войны. Некоторые велись с использованием танков, снарядов, ружей, ракет и бомб, другие — посредством политической пропаганды и экономических санкций. Везде, где только суще-

ствовали религиозные, этнические или политико-идеологические разногласия, мгновенно возникала напряженность. Не обязательно она и только она вела к войне, но линию раздела на «врагов» и «союзников» создавала она»¹.

Так начинается военная летопись первых десятилетий века. В нем по-прежнему доминирующим является ядерное оружие, и хотя атомный холокауст не наступил, опасность его без малого столетие терроризировала человечество (чтобы потом, правда, уступить место новой — «чумным войнам» с использованием бактериологического оружия).

К январю 2001 года «ядерный клуб» расширился до 30 членов. СССР, США, Великобритания, Франция, Китай, Западная Германия, Испания, Италия, Индия, Индонезия, Пакистан, Ливия, Египет, Израиль, Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак, Турция, Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили, Боливия, Заир, Кения, Южно-Африканская Республика, Канада, Австралия и Новая Зеландия — все эти страны имели ядерное оружие и средства его доставки. «С таким количеством его, когда столь много пальцев лежали на роковых кнопках, это было только вопросом времени — когда произойдет взрыв. Судьба мира зависела от того, где он произойдет и кто будет за него ответствен»².

Обратите внимание на представительство в «ядерном клубе» стран «третьего мира». Неслучайно все главные конфликты начала века с применением атомного оружия произойдут, по мнению авторов сценария, в Африке, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке.

В книге Стейблфорда и Лэнгфорда подробно описаны перипетии двух арабо-израильских войн 2007 и 2011 годов; вторая завершилась предупредительным взрывом 50-килотонной израильской атомной бомбы над ливийским городом Сабой. И загадочного инцидента со взрывом ядерной боеголовки в ракетной шахте — не где-нибудь, а в Заире! И войны между Бразилией и Аргентиной за лидерство на Южноамериканском континенте. Конец этой войне положил взрыв уже двух 20-мегатонных зарядов, испепеливших Буэнос-Айрес... Это не считая мелких локальных конфликтов, аварий на атомных объектах, упомянутых «чумных войн» и прочего.

Конфликты случались в странах «третьего мира», а руководители двух сверхдержав никак не могли найти общий язык в деле обуздания вырвавшейся на волю ядерной стихии. Легко было говорить о мерах по нераспространению ее в 60—70-е годы, когда за всеми немногочислен-

ными в то время членами «ядерного клуба» еще можно было тщательно проследить — хотя бы в принципе...

Но все же авторы книги сохраняют оптимизм — ведь история третьего тысячелетия написана! Значит, остались летописцы и в совершенно уж загадочном четвертом, значит, искомую передышку человечество все же получило.

...Лишь спустя три десятилетия после взрыва атомной бомбы над Буэнос-Айресом в канун рождества 2079 года были окончательно расчищены все радиоактивные развалины на месте некогда цветущего города. Но еще четыре долгих столетия никто не селился в тех местах — пока наконец в неправдоподобно далеком XXV веке не отстроили новый город, тоже названный Буэнос-Айресом.

Чисто символически. В память о *последнем* городе на Земле, разрушенном столь варварским способом. Ибо после 2079 года ни одно ядерное устройство на планете не было использовано как оружие.

И все же перспектива мрачная. А искусно сделанные фотомонтажи дополнительно убеждают в неизбежности и особой изощренности военных действий в начале XXI столетия. Пехотинец со встроенным в шлем компьютером, превратившим человека и его оружие в единую быстродействующую электронную систему. Плавающий огненный шар над Сабой. Спутниковый лазер в действии. И даже такая «экзотика», как *направленная молния*, избирательно уничтожающая цель на земле.

Блаженное третье тысячелетие, скорый приход которого возбуждает сегодня всеобщее нетерпение. Так, может быть, не стоит и ждать?

К чему я это все рассказываю в финале собственной книги? По-моему, опаснее всего нынче впасть в новую эйфорию, уверовать в очередную утопию. Уничтожим все запасы ядерного оружия на планете, устраним саму возможность атомного холокауста — и заживем! Встретим *безъядерную весну* без проблем и терзаний...

Думаю, не получится, чтобы без проблем. Останутся они — и появятся новые, к которым, возможно, еще и мучительно привыкать придется.

Но даже чтобы привыкнуть, чтобы поразмыслить, как их решить, передышка нам все-таки понадобится. Понадобится время, которого (я снова возвращаюсь к словам, которыми начал эту книгу) сегодня нам решительно не хватает. Как минимум, человечеству нужна гарантированная перспектива того, что это время у него — *будет*.

И если мы рассчитываем на эту передышку, то, значит,

ничего не попишешь: первоочередной проблемой все-таки остается проблема атомная. Решив эту первую, мы хоть возможность для себя сохраним решить все остальные.

Решив ее, мы докажем, что способны подавить врага прежде всего в себе самих.

Сэм Кин открывал эту книгу; послушаем его еще раз в преддверии финала:

«Итак, наша цель — уничтожить вражду. На чем мы должны сделать упор — на государственной политике или на психике? На краткосрочных или долгосрочных перемснах? И на том и на другом. В кратковременной перспективе необходимо изыскать чрезвычайные меры. Допустим, что война является симптомом более серьезной болезни. В таком случае мы должны лечить симптом, чтобы сохранить больному жизнь, пока не выясним, каким образом следует изменить общественно-политическую экологию, порождающую болезнь. Прежде чем трансформировать психику, мы должны будем путем переговоров создать в мире такие условия, которые позволят Homo Sapiens жить хотя бы так, как считалось нормальным в течение последних 13 000 лет. Иначе говоря, если от сегодняшней ситуации абсолютной опасности мы сможем вернуться к относительным опасностям традиционной войны с обычным оружием, это уже будет успехом. Но рано или поздно нам придется приступить к решению задачи почти непредставимой: как преодолеть воинственную психику и покончить с тиранией вражды»³.

Над этими словами стоит хорошенько поразмышлять.

Что-то в «рецепте», предложенном американским публицистом, внутренне отталкивает, тревожит, заставляет насторожиться... Но что? Может быть, странно звучащее слово «успех» в сочетании с возвратом к вековому проклятию рода человеческого...

Наверное, это.

Возвращаться надо к миру. Безъядерному прежде всего, но и к *просто* миру — тоже. Как бы тяжела ни была эта двуединая задача: уничтожение ядерного оружия и оружия обычного, ставиться и решаться она должна как цельная и неделимая.

Но что касается этапов, то первым делом жизнь диктует избавиться от угрозы войны ядерной, «необычной». Единственной в своем роде и безусловно финальной в истории человечества. Ядерный ультиматум, как и все прочие, не допускает каких-то промежуточных решений. Или война против войны завершится полной и окончатель-

ной победой, или начнется такое, что заставит позабыть ужасы конца света, оставленные нам распаленным воображением предков.

Свет-то скорее всего останется. Мертвенный «радиоактивный» свет, излучаемый в пустое черное пространство планетой, разум которой зажег лишь этот жуткий поминальный факел. Он еще почадит некоторое время, определяемое законами ядерной физики,— как свеча японца, не покидающего вахту памяти по Хиросиме,— а после погаснет. Только на этот ритуальный огонь некому уже будет взглянуть; ни поминки справить по *Миросиме*, ни извлечь что-то полезное из ее трагического опыта тоже ни одному смертному не суждено.

Поэтому перед задачей освобождения человечества от накопившегося ядерного груза блекнут все прочие. Хоть и приелось читателю это прилагательное — «ядерный» и несколько прискусило однообразие колонн демонстрантов на экранах телевизоров, все равно от этого не уйти. «Мир по большей части зависит от сердец, желающих мира,— писал почти полтысячелетия назад Эразм Роттердамский.— Все те, кому мир приятен, приветствуют всякую возможность его сохранить»⁴. Вся эта деятельность будет продолжаться, пока каждый не осознает: срок ультиматума истекает. И за жизнь, нашу и потомков, нужно драться, используя любые средства, в том числе повторяя в сотый, в тысячный раз многие «очевидные» вещи.

Тем более опасны ссылки на то, что именно ядерное оружие способствовало наступлению сорокалетнего мирного затишья на многострадальной земле Европы. По остроумному замечанию одного американского автора, это все равно что продолжать рискованную игру в «русскую рулетку» (у нас ее еще называют «офицерской»), вдохновившись предыдущими конами, во время которых выстрела так и не последовало⁵...

«Человечество,— пишет Д. М. Проэктор,— вероятно, издревле жило в смутном ожидании всеобщей гибели, Армагеддона. Вспомним «Страшный суд» Микеланджело или вторую часть «Реквиема» Верди. Ничто выразительнее не донесло до нас в живописи и музыке мысль о всеобщем последнем часе. Люди способны привыкнуть ко многому. Ужас перед катастрофой как раньше, так и сейчас размывается буднями и повседневностью. Но может ли он быть постоянной основой мира? Нет. Мы повторяем: глубоко аморально гарантировать мир путем угрозы всеобщего уничтожения»⁶.

Нужны гарантии другие, более надежные — и в психологии, и в политике, потому что и «тиранию вражды», о которой говорил Кин, пора изживать бесповоротно. Нужны принципиально иные взаимоотношения между государствами, иной уровень государственного мышления — изменять придется даже, возможно, сам язык идеологии и политики.

«Неукротимый поток истории уже устремился к перекапу между вторым и третьим тысячелетием. Что дальше там, за этим перекапом? Не станем пророчить... В нынешний тревожный век наша социальная и... жизненная стратегия нацелена на то, чтобы люди берегли планету, небесное и космическое пространство, осваивали его как новоселы *мирной* цивилизации, очистив жизнь от ядерных кошмаров и до конца раскрепостив для целей созидания, и только созидания, все лучшие качества такого уникального обитателя Вселенной, как Человек»⁷.

Это строки не из выступления ученого-футуролога, писателя или публициста. Прочитирован всего лишь фрагмент из заключительных, итоговых абзацев Политического доклада ЦК КПСС на XXVII съезде партии.

Что за время, в которое мы живем! Писатели откладывают в сторону рукописи, чтобы объединить усилия с учеными и политиками, а политики с высоких трибун говорят как страстные публицисты.

...Наш «круглый стол» на Московском конгрессе врачей, озаглавленный «Научная фантастика и ядерная реальность», подходил к концу. Спор перешел на другие темы, переключился на проблемы, что ждут нас в «безъядерном» завтрашнем дне. К счастью, аудитория и выступавшие оказались вполне на уровне сформулированной темы: в выступлениях реализм преобладал над утопией, никто завтрашний день особенно не идеализировал... А змея на эмблеме Международного движения врачей все так же яростно боролась с бомбой.

Таково свойство фантастики: проблемы, которые ей уже понятны, которые она часто очень здорово предвидит и высвечивает под одной ей ведомым углом, она отставляет в сторону. Чтобы устремить испытующий взор на другие, пока неведомые, «нерастиражированные» и еще неизвестно чем грозящие в перспективе. Вот и нам хотелось вдоволь порассуждать о *проблемах безъядерного мира*, благо участники «набросали» их предостаточно. Но только схватка змеи и бомбы не отпускала взгляда.

Главное, чтобы мудрость, разум выиграли этот поеди-

нок. Что до проблем, с которыми мы, видимо, неизбежно столкнемся потом — *весной*, то пугать ими сейчас неразумно (а пугали). Все равно что предвещать простуду от свежего морского ветра пассажирам корабля, которые разожгли костер прямо у порога кюйт-камеры, да вовремя спохватились, начав споро затапывать тлеющие головешки...

В те июньские дни в Москве мы и познакомились (и дружим до сих пор): американский профессор-литературовед Пол Брайнс, голландец (хотя он живет и практикует в США, но подданство своей страны сохраняет), психоаналитик Роберт Боснак и автор этих строк. Что связало нас? Как ни странно, угроза атомной войны, загадка человеческого воображения и еще, пожалуй, принадлежность к одному поколению. Первому постъядерному и последнему предспутниковому.

Тогда же я впервые посмотрел американский фильм «На следующий день» — как уже говорилось, советское телевидение таким образом отметило день открытия конгресса. А по завершении работы конгресса Брайнс и Боснак, также впервые, познакомились с «Письмами мертвого человека». И эта своеобразная перекличка двух фантастиков, созданных — во всех смыслах — *на разных концах света*, показалась нам тогда тоже своего рода гарантией.

Весна *может* наступить. Должна... Ведь у нас есть такое чудесное и редко оцениваемое по достоинству качество, как *воображение*. Природа снабдила нас фантазией с целью «дать миру шанс», как пел Джон Леннон. Чтобы мысленно поупражняться в том, что в реальности допустить никак нельзя. Когда холодное дуновение ветров «ядерной зимы» напоминает о ней ежедневно, ежечасно, даже в летний полдень, на помощь приходит фантазия. Она позволяет сохранять веру в наступление весны.

Первые три дня конгресса дул противный, сырой, совершенно не июньский ветер. «Книжное» совпадение, и только... но что делать, ветерок навевал неуютные мысли о зиме. Прохладцей сквозило и в заполненных аудиториях, и в обыкновенно пустых коридорах московского Совинцентра, где проходил конгресс, и причиной тому была отнюдь не безукоризненно работавшая система кондициониров...

А в последний день по-летнему припекло. И мы трое, прогуливаясь по московским улицам, вполне в состоянии были представить, что в мире сохранились еще надежды на тепло и солнце. И мне вспомнились вычита-

ные когда-то у Эренбурга строчки, в которых я позволю себе изменить лишь одно слово:

«Поймут ли наши внуки, что значило жить в одно время с Бомбой (у писателя было «фашистами». — *Вл. Г.*)? Вряд ли на желтых полуистлевших листочках останутся гнев, стыд, страсть. Но, может быть, в высокий полдень другого века, полный солнца и зелени, ворвется на минуту молчание — это будет наш голос»⁸.

Хотелось верить в этот «высокий полдень» другого века. И хотя здравый смысл и опыт упорно твердили свое: и вёсны проходят, выстраданная в атомном веке фантазия сопротивлялась. Эта — безъядерная весна — будет стоять вечно.

ИСТОЧНИКИ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 7.
- ² Там же. С. 27.
- ³ The Observer (London). 1985. December 29.
- ⁴ Прозектор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества: Размышления. М., 1986. С. 197.
- ⁵ Brians P. Nuclear Holocausts: Atomic War in Fiction, 1895—1984, Kent (Ohio), 1987.
- ⁶ Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 173.

ТЕМА ПЕРВАЯ

- ¹ Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. New York, 1986. P. 10.
- ² Ibid. P. 16.
- ³ Ibid.
- ⁴ См., например: История первобытного общества: В 3-х т. Т. 3. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 212—216.
- ⁵ Bressler M., Bressler L. Peace or War: Englewood Cliffs. 1977. P. 7—8.
- ⁶ См.: Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 406—407.
- ⁷ Цит. по: Трактаты о вечном мире. С. 4.
- ⁸ Там же. С. 40—41.
- ⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁰ Там же. С. 155.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 267.
- ¹² См.: Соболев Р. Киво и молодежь. М., 1971. С. 65.
- ¹³ См.: Прозектор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества... С. 220.
- ¹⁴ См.: БСЭ. Т. 14. С. 262.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 154.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 108.
- ¹⁷ Там же. Т. 17. С. 5.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 340—341.
- ¹⁹ Там же. Т. 26. С. 224.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ Прозектор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества... С. 68.
- ²² Блок М. Апология истории... С. 71.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 94.
- ²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 174.
- ²⁵ Цит. по: Молчанов Н. Н. Заповеди прочного мира. М., 1979. С. 36.

- ²⁶ *Anatomy of Wonder: A Critical Guide to Science Fiction* (Ed. by Neil Barron). Second Edition. New York — London, 1981. P. 14.
- ²⁷ См.: *Гаков Вл.* Четыре путешествия на машине времени // *Научная фантастика и ее предвидения*. М., 1983. С. 26—27.
- ²⁸ *Clarke I. F.* *Voices Prophesying War: 1763—1984*. London — Oxford, 1966. P. 120—121, 127.
- ²⁹ *Прозктор Д. М.* *Мировые войны и судьбы человечества...* С. 17.
- ³⁰ *The Encyclopedia of Science Fiction* (Ed. by Peter Nicholls). London, 1979. P. 501.
- ³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 396.
- ³² *Верн Ж.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1957. Т. 8. С. 579—580.
- ³³ Цит. по: *Брандис Е. П.* *Впередсмотрящий*. Повесть о великом мечтателе. М., 1976. С. 187—188.
- ³⁴ Цит. по: *Брандис Е. П.* *Рядом с Жюлем Верном*. Л., 1981. С. 22—23.
- ³⁵ *Кагарлицкий Ю. И.* *Герберт Уэллс*. М., 1963. С. 89.
- ³⁶ Там же. С. 88.
- ³⁷ Цит. по: *Манн Т.* *Художник и общество: Статьи и письма*. М., 1986. С. 8.
- ³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 68.
- ³⁹ *Прозктор Д. М.* *Мировые войны и судьбы человечества...* С. 65.
- ⁴⁰ *Набоков В. Д.* *Из воюющей Англии*. Пг. 1916. С. 51.
- ⁴¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 186.
- ⁴² *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 4. (Письма). М., 1984. С. 13.
- ⁴³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 15.
- ⁴⁴ Там же. Т. 31. С. 182.
- ⁴⁵ *Прозктор Д. М.* *Мировые войны и судьбы человечества...* С. 193.
- ⁴⁶ *Блок М.* *Апология истории...* С. 28.
- ⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 41.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Цит. по: *Яковлев А. Н.* *От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 219.
- ⁵⁰ Цит. по: *Прозктор Д. М.* *Фашизм: путь агрессии и гибели*. М., 1985. С. 27.
- ⁵¹ *Shirer W.* *The Rise and Fall of the Third Reich*. London, 1979. P. 131—133.
- ⁵² *Мотылева Т.* *Ответственность перед временем* // *Новый мир*, 1984. № 11. С. 230—231.
- ⁵³ *Манн Т.* *Художник и общество...* С. 62—63.
- ⁵⁴ *Crossley R.* *Dystopian Nights* // *Science-Fiction Studies*. 1987. V. 14. N 1. P. 93.
- ⁵⁵ *Ley S.* *Orwell: the Horror of Politics* // *Quadrant* (Sydney). 1983. V. 27. N 12. P. 10.
- ⁵⁶ *Toland J.* *Adolf Hitler*. Gladbach, 1977. S. 244.
- ⁵⁷ *Эренбург И.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1962. Т. 1. С. 5—6.
- ⁵⁸ *Голстой А. Н.* *Азлита. Гиперболюид инженера Гарина*. (Библиотека фантастики). М., 1986. С. 348.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 273.
- ⁶² Там же. С. 395.
- ⁶³ Там же. С. 401.
- ⁶⁴ См., например: *Никольский С. В.* *Карел Чапек — фантаст и сатирик*. М., 1973; *Бернштейн И.* *Карел Чапек*. М., 1969; *Кривицкий А.* *У них это есть!* // *Льюис С.* Собр. соч.: В 9 т. М., Т. 6. 1965.

- ⁶⁵ Никольский С. В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. С. 208.
- ⁶⁶ Чапек К. Соч.: В 5 т. М., 1958. Т. 5. С. 237—238.
- ⁶⁷ Цит. по: Никольский С. В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. С. 352.
- ⁶⁸ Там же. С. 210.
- ⁶⁹ Средневековый Бестиарий. М., 1984. С. 200.
- ⁷⁰ Никольский С. В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. С. 334.
- ⁷¹ Чапек К. Соч. Т. 5. С. 159.
- ⁷² Там же. С. 160.
- ⁷³ Aldiss B. *Trillion Year Spree*. The History of Science Fiction. New York, 1988. P. 180.
- ⁷⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1977. Т. 3. С. 63.
- ⁷⁵ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 41.
- ⁷⁶ Манн Т. Художник и общество... С. 68.
- ⁷⁷ Трактаты о вечном мире. С. 141.
- ⁷⁸ Crossley R. *Dystopian Nights*. P. 96.
- ⁷⁹ Нюрнбергский процесс. М., 1961. Т. 7. С. 208.
- ⁸⁰ См.: Коваль В. С. «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1982.
- ⁸¹ Цит. по: Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. С. 145.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ См.: Бригикова А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 135—175.
- ⁸⁴ Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1967, С. 254.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Бригикова А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. С. 171.
- ⁸⁷ Del Rey L. *The World of Science Fiction, 1926—1976: The History of a Subculture*. New York, 1979. P. 127—128.
- ⁸⁸ *Astounding Stories*. 1933. November. P. 53.
- ⁸⁹ Carter P. *The Creation of Tomorrow: Fifty Years of Magazine Science Fiction*. New York, 1977. P. 119.
- ⁹⁰ Carter P. *The Creation of Tomorrow...* Chapter 5.
- ⁹¹ См.: Гаков Вл. Ночь, которая не наступила. // О партийности литературы. М., 1987; Бабенко В., Гаков Вл. Холод прошлого // Наука и религия. 1987. № 8—9; Nagl M. SF, Occult Sciences, and Nazi Myths.— *Science-Fiction Studies*, 1974, V. 1. N 1.
- ⁹² Манн Т. Художник и общество... С. 134.
- ⁹³ Nagl M. SF, Occult Sciences, and Nazi Myths..., P. 185.
- ⁹⁴ Адамович А. Хатынская повесть. Каратели. Л., 1986. С. 351.
- ⁹⁵ Carter P. *The Creation of Tomorrow...* P. 138.
- ⁹⁶ См.: Гаков Вл. Ночь, которая не наступила. С. 251—253.
- ⁹⁷ Brians P. *Nuclear Holocausts...* P. 237.
- ⁹⁸ Ibid. P. 10.
- ⁹⁹ *Countdown to Midnight* (Ed. by H. Bruce Franklin). New York, 1984. P. 15.

ТЕМА ВТОРАЯ

- ¹ Brians P. *Nuclear Holocausts...* P. IX.
- ² *Countdown to Midnight* (Ed. by H. Bruce Franklin). P. 11.
- ³ Dowling D. *Fictions of Nuclear Disasters*. Iowa City (Iowa) 1987, P. 1.
- ⁴ Brians P. *Nuclear Holocausts...* P. 4.

- ⁵ Цит. по: *Овчинников В. Горячий пепел. М., 1986. С. 115.*
- ⁶ Там же. С. 86.
- ⁷ Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1964. Т. 4. С. 355.
- ⁸ *Овчинников В. Горячий пепел. С. 86.*
- ⁹ Цит. по: *West G. H. G. Wells. London, 1930. P. 199.*
- ¹⁰ *Brians P. Nuclear Holocausts... P. 5.*
- ¹¹ Уэллс Г. Собр. соч. Т. 4. С. 383—384.
- ¹² *Блок М. Апология истории... С. 21.*
- ¹³ Там же. С. 34.
- ¹⁴ *Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 72.*
- ¹⁵ *Countdown to Midnight (Ed. by H. Bruce Franklin). P. 14.*
- ¹⁶ *Никольский В. Через тысячу лет. Л., 1927. С. 62, 63.*
- ¹⁷ *Бригиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. С. 151.*
- ¹⁸ *The Times (London). 1927. September 5.*
- ¹⁹ *Brians P. Nuclear Holocausts... P. 206.*
- ²⁰ *Ibid. P. 272.*
- ²¹ *Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 62.*
- ²² Цит. по: *Снегов С. Прометей раскованный: Повесть об Игоре Курчатове. М., 1980. С. 61—62.*
- ²³ Цит. по: *Carter P. The Creation of Tomorrow... P. 1.*
- ²⁴ См.: *Овчинников В. Горячий пепел. С. 15—16.*
- ²⁵ Цит. по: *Гернек Ф. Альберт Эйнштейн. М., 1979. С. 114.*
- ²⁶ Там же. С. 97.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Снегов С. Творцы. Историческая повесть о современниках. М., 1979. С. 146—147.*
- ²⁹ Цит. по: *Асташенков П. Курчатова. М., 1967. С. 164.*
- ³⁰ *Вокруг света. 1933. № 3. С. 16.*
- ³¹ Там же. № 9. С. 19.
- ³² *Снегов С. Творцы. С. 207.*
- ³³ *The New York Times. 1940. May 5.*
- ³⁴ *Brians P. Nuclear Holocausts... P. 7.*
- ³⁵ Цит. по: *Овчинников В. Горячий пепел. С. 50.*
- ³⁶ *Astounding Science Fiction. 1941. April. P. 3.*
- ³⁷ *Heinlein R. The Worlds of Robert A. Heinlein. New York, 1966. P. 176.*
- ³⁸ *Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 76.*
- ³⁹ Там же. С. 71.
- ⁴⁰ Цит. по: *Овчинников В. Горячий пепел. С. 53.*
- ⁴¹ *Teller E., Brown A. The Legacy of Hiroshima. London, 1962. P. 81.*
- ⁴² Цит. по: *Европа на пороге III тысячелетия: За мир, природу и человека. Вып. 1. Книга мира. М.—Дюссельдорф, 1986. С. 303.*
- ⁴³ Цит. по: *Овчинников В. Горячий пепел. С. 64.*
- ⁴⁴ *Brians P. Nuclear Holocausts... P. 156.*
- ⁴⁵ *The Great Science Fiction Stories: 6 (1944) (Ed. by Isaac Asimov). New York, 1981. P. 36.*
- ⁴⁶ *Carter P. The Creation of Tomorrow... P. 24.*
- ⁴⁷ *Countdown to Midnight (Ed. by H. Bruce Franklin). P. 17.*
- ⁴⁸ *Овчинников В. Горячий пепел. С. 105.*
- ⁴⁹ Там же. С. 105.
- ⁵⁰ *Хиросима: Романы; Рассказы; Стихи. М., 1985. С. 540.*
- ⁵¹ Цит. по: *Европа на пороге III тысячелетия... С. 323.*
- ⁵² *Хиросима: Романы; Рассказы; Стихи. С. 537.*
- ⁵³ *Japan's Struggle to End the War. Washington, 1946. July 1. P. 13.*
- ⁵⁴ *Leahy W. I Was There. New York, 1950. P. 441.*

- ⁵⁵ *Pringle P., Arkin W.* SIOP. The Secret U. S. Plan for Nuclear War. New York — London, 1983. P. 41.
- ⁵⁶ *Schell J.* The Fate of the Earth. New York, 1982. P. 31.
- ⁵⁷ *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. С. 45.
- ⁵⁸ Там же. С. 61.
- ⁵⁹ Цит. по: Наука и нравственность. М., 1971. С. 375.
- ⁶⁰ *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. С. 56.
- ⁶¹ *Геттинг Г.* Встречи с Альбертом Швейцером. М., 1967. С. 98.
- ⁶² *Гернек Ф.* Альберт Эйнштейн. С. 123.
- ⁶³ *Locus: The Magazine of the Science Fiction Field.* 1988. May. P. 54.
- ⁶⁴ Цит. по: *Carter P.* The Creation of Tomorrow... P. 25.
- ⁶⁵ *Locus.* 1985. April. P. 7.
- ⁶⁶ *Astounding Science-Fiction.* 1945. December. P. 178.
- ⁶⁷ *Boyer P.* By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. New York, 1985. P. 54.
- ⁶⁸ Полную библиографию см.: *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 95—100.
- ⁶⁹ Цит. по: *Бернал Д.* Наука и общество. М., 1953. С. 246.
- ⁷⁰ *The Encyclopedia of Science Fiction* (Ed. by Peter Nicholls). P. 278.
- ⁷¹ *World & I.* 1987. October. P. 570.
- ⁷² *Locus.* 1988. July. P. 38.
- ⁷³ *Борн М.* Моя жизнь и взгляды. С. 39.
- ⁷⁴ *Брэдбери Р.* Память человечества. М., 1981. С. 125, 127.
- ⁷⁵ *Мерль Р.* Мальвиль. М., 1977. С. 130—131.
- ⁷⁶ *Прозектор Д. М.* Мировые войны и судьбы человечества... С. 188—190.
- ⁷⁷ *Galaxy Science Fiction.* 1952. January. P. 2.
- ⁷⁸ Цит. по: *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 42.
- ⁷⁹ *Брэдбери Р.* Марсианские хроники. М., 1965. С. 148.
- ⁸⁰ Там же. С. 77.
- ⁸¹ См.: *Гаков Вл.* Сказание о Марсе и о Земле // НФ. Сборник научной фантастики. М., 1981. Вып. 25. С. 176—193.
- ⁸² *Брэдбери Р.* Марсианские хроники. С. 314.
- ⁸³ *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 20.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 204.
- ⁸⁵ *Ibid.* P. 86.
- ⁸⁶ Цит. по: *Прозектор Д. М.* Мировые войны и судьбы человечества... С. 309.
- ⁸⁷ Цит. по: *Дьяконова Н.* Олдос Хаксли — новеллист // *Хаксли О.* Новеллы. Л., 1985. С. 3—4.
- ⁸⁸ *Мерль Р.* Мальвиль. С. 544.
- ⁸⁹ Цит. по: Европа на пороге III тысячелетия... С. 62.
- ⁹⁰ *Лем С.* Астронавты. М., 1957. С. 341.
- ⁹¹ *Locus.* 1987. July. P. 13.
- ⁹² *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 91.
- ⁹³ См.: *Амбарцумов Е., Араб-Оглы Э.* Утопия или роман-предупреждение? // *Мерль Р.* Мальвиль. М., 1977; *Гаков Вл.* «Тьмы горьких истин» Робера Мерля // Литературное обозрение. 1979. № 8.
- ⁹⁴ *Мерль Р.* Мальвиль. С. 84.
- ⁹⁵ *Wagar W. W.* Terminal Visions: The Literature of Last Things. Bloomington (Indiana), 1982. P. 148.
- ⁹⁶ Хиросима: Романы; Рассказы; Стихи. С. 8.
- ⁹⁷ *The New York Times.* 1985. August. 6.
- ⁹⁸ Цит. по: *Яковлев А. П.* От Трумэна до Рейгана... С. 32.

- 99 См.: *Гаков Вл.* Мысли о неммыслимом. Атомный контекст американской фантастики // *Иностранная литература*. 1986. № 11.
- 100 *Pohl F.* *Chernobyl*. New York, 1988. P. 109.
- 101 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 59.
- 102 *The New York Times*. 1984. August 7.
- 103 *The 1986 Annual World's Best SF* (Ed. by Donald A. Wollheim and Arthur W. Saha). New York, 1986. P. 274.

ТЕМА ТРЕТЬЯ

- 1 *Locus*. 1984. December. P. 27.
- 2 *Locus*. 1987. November. P. 30.
- 3 Тракаты о вечном мире. С. 238.
- 4 *Адамович А.* Хатынская повесть. Каратели. С. 134.
- 5 Цит. по: Европа на пороге III тысячелетия... С. 41.
- 6 *Franklin H. B.* *America-First* // *New Boston Review*. 1981. November. P. 4.
- 7 *Ibidem*.
- 8 *Franklin H. B.* *War Stars: The Superweapon and the American Imagination*. New York — Oxford, 1988. P. 1.
- 9 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 195.
- 10 *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана... С. 256.
- 11 *Locus*. 1988. October. P. 25.
- 12 *Zwerdling A.* *Orwell and the Left*. London, 1974; *Lee R.* *Orwell's Fiction*. Notre Dame (Indiana), 1975; *Stansky P., Abrahams W.* *Orwell: The Transformation*. London, 1979; *On Nineteen Eighty-Four* (Ed. by P. Stansky). New York — San Francisco, 1983; *Nineteen Eighty-Four to «1984»* (Ed. by C. J. Kuppig). New York, 1984; etc.
- 13 *Wagar W. W.* 1984; *The Year That Never Comes* // *The Futurist*. 1984. V. 17. N 6. P. 21—23.
- 14 См.: «Предсказания» Дж. Оруэлла и современная идеологическая борьба. Научно-аналитический обзор. Изд. ИНИОН АН СССР. М., 1986.
- 15 *Strachey G.* *The Strangled Cry* // *Encounter*. 1960. V. 15. P. 3, 12; см. также: *Шазназаров Г. Х.* Фiasco футурологии. Критический очерк немарксистских теорий общественного развития. М., 1979. С. 311—344.
- 16 *Бирс А.* «Словарь Сатаны» и рассказы. М., 1966. С. 281.
- 17 См.: *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана... С. 316—317; *Овчинников В.* Горячий пепел. С. 140—141.
- 18 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 162.
- 19 *Овчинников В.* Горячий пепел. С. 140—141.
- 20 См.: *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана... С. 308—310.
- 21 *Osgood C.* *An Alternative to War or Surrender*. Urbana (Ohio), 1962. P. 66.
- 22 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 270.
- 23 *The Encyclopedia of Science Fiction* (Ed. by Peter Nicholls). P. 205.
- 24 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 33.
- 25 *Пядышев Б. Д.* Третья мировая — в бестселлерах и не только. М., 1985. С. 19—20.
- 26 *Brians P.* *Nuclear Holocausts...* P. 272.
- 27 *Ibid.* P. 287.
- 28 *Hackett J.* Sir, et al. *The Third World War: The Untold Story*. London, 1982. P. 66.

- ²⁹ См.: *Пядышев Б. Д.* Третья мировая — в бестселлерах и не только. С. 18—29.
- ³⁰ *The Nation* (New York). 1984. October, 27.
- ³¹ *Pouns B.* Amerika. New York, 1986. P. 1.
- ³² *Ibid.* P. 2.
- ³³ *Ibid.* P. 5.
- ³⁴ *Clarke A.* 2001: A Space Odyssey. Based on a Screenplay by Stanley Kubrick and Arthur C. Clarke. New York, 1986. P. 221.
- ³⁵ *Пядышев Б. Д.* Третья мировая — в бестселлерах и не только. С. 173.
- ³⁶ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Хищные вещи века. М., 1965. С. 125.
- ³⁷ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. М., 1971. С. 268—270.
- ³⁸ *McGuire P.* Red Stars: Political Aspects of Soviet Science Fiction. Ann Arbor (Michigan), 1987. P. 59.
- ³⁹ *Anatomy of Wonder. A Critical Guide to Science Fiction* (Ed. by Neil Barron). Third Edition. New York — London, 1987. P. 448.
- ⁴⁰ Литературная газета. 1980. 27 августа.
- ⁴¹ *Ягунова С.* И ноль — пространство разомкнуть. Симферополь, 1982. С. 53.
- ⁴² *Михайлов В.* Тогда придите, и рассудим. Рига, 1983. С. 345.
- ⁴³ *The New York Times.* 1981. May 26.
- ⁴⁴ *Lichtenberg M.* Accidents of Nuclear Weapon Systems // *SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament* (Ed. by Stockholm International Peace Research Institute). Cambridge (Massachusetts), 1977. P. 3.
- ⁴⁵ Цит. по: Европа на пороге III тысячелетия... С. 133.
- ⁴⁶ *Адамович А.* Хатынская повесть. Каратели. С. 327.
- ⁴⁷ *Facing Evil: Light at the Core of Darkness* (Ed. by Paul Woodruff and Harry A. Wilmer). La Salle (Illinois), 1988. P. 65.
- ⁴⁸ *Doob L. W.* Panorama of Evil. Westport (Connecticut), 1978. P. 99.
- ⁴⁹ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. С. 307.
- ⁵⁰ *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Хищные вещи века. С. 317.
- ⁵¹ *Facing Evil...* P. 57—58.
- ⁵² *Schell J.* The Fate of the Earth. P. 301.
- ⁵³ *Емцев М., Парнов Е.* Ярмарка теней. М., 1968. С. 209.
- ⁵⁴ *SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament* (SIPRI Eds.). London, 1978. P. 43.
- ⁵⁵ *Покровский В.* Самая последняя в мире война // *Химия и жизнь.* 1984. № 5. С. 87.
- ⁵⁶ *Facing Evil...* P. 166.
- ⁵⁷ Цит. по: Европа на пороге III тысячелетия... С. 37.
- ⁵⁸ *Адамович А.* Хатынская повесть. Каратели. С. 375.
- ⁵⁹ *Московские новости.* 1987. 8 марта.
- ⁶⁰ *Правда.* 1985. 22 июля.
- ⁶¹ *Meyer N.* «Day After» Director Hopes for Raised Consciousness // *Media & Values.* 1984. N 28. P. 2.
- ⁶² *French P. L., Van Hoorn J.* Half a Nation Saw Nuclear War and Nobody Blink? A Reassessment of the Impact of *The Day After* in Terms of a Theoretical Chain of Causality // *International Journal of Mental Health* (USA). 1986. V. 15. N 1—3. P. 276—297.
- ⁶³ *Ibid.* P. 276.
- ⁶⁴ *Los Angeles Times Poll* // *Los Angeles Times.* 1982. March 17.
- ⁶⁵ *French P. L., Van Hoorn J.* Half a Nation Saw Nuclear War... P. 277.
- ⁶⁶ *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1965. С. 57.
- ⁶⁷ *Cruizen P. J., Birks S.* The Atmosphere after a Nuclear War: Twi-

- light at Noon // *Ambio*. 1982. V. 11. N 2/3. P. 114—125. *Pollack J. B., Toon O. B., Ackerman T. R. et al.* Environmental Effects of an Impact Generated Dust Clouds Implications for the Cretaceous—Tertiary Extinctions // *Science*. 1983. V. 219. P. 287—289.
- 68 См.: Турко Р., Тун О., Аккерман Т., Поллак Дж., Сэган К. Климатические последствия ядерной войны // *В мире науки*. 1984. № 10. С. 4—17; Климатические и биологические последствия ядерной войны. М., 1986.
- 69 *Ehrlich P., Sagan C., Kennedy D., Roberts W.* The Cold and the Dark: The World after Nuclear War. New York — London, 1984; The Medical Implications of Nuclear War. Washington, 1986.
- 70 См.: Чазов Е. И., Ильин Л. А., Гуськова А. К. Ядерная война: медико-биологические последствия. Точка зрения советских ученых-медиков. М., 1984.
- 71 *The Medical Implications of Nuclear War*. Washington, 1986. P. 317—328.
- 72 *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 58.
- 73 *Anderson P.* The Book of Paul Anderson. New York, 1975. P. 25.
- 74 *Brians P.* Nuclear Holocausts... P. 11.
- 75 См.: Гаков Вл. Виток спирали (Зарубежная научная фантастика 60—70-х годов). М., 1980.
- 76 *Brunner J.* The Book of John Brunner. New York, 1976. P. 131.
- 77 *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*. 1968. March. P. 45, 130.
- 78 *The Encyclopedia of Science Fiction* (Ed. by Peter Nicholls). P. 269.
- 79 *Newman J.* The Rule of Folly. New York, 1926. P. 22.
- 80 Литературная газета. 1982. 18 августа.
- 81 *Teller E.* The Pursuit of Simplicity. Melibu (California). 1980. P. 136.
- 82 Цит. по: *Facing Evil...* P. 160—161.
- 83 *Мештергази Л.* Беру слово. М., 1987. С. 25.
- 84 Лем С. Системы оружия XXI века, или Эволюция вверх ногами. Рукопись (Пер. с польск. К. Душенко).
- 85 Там же.
- 86 Там же.
- 87 Там же.
- 88 *Mc Phee J.* The Curve of Binding Energy: A Journey into the Awesome and Alarming world of Theodore V. Taylor. New York, 1974.
- 89 Иностранная литература. 1987. № 12. С. 194.
- 90 Там же.
- 91 *Сахаров А. Д.* Прогресс, сосуществование и интеллектуальная свобода. (Нью-Йорк), 1968. С. 37.
- 92 Цит. по: *Белецкая В.* Взывающий // *Огонек*. 1989. № 8. С. 7.
- 93 Там же.
- 94 *Facing Apocalypse* (Ed. by Valerie Andrews. Robert Bosnak and Karen Walter Goodwin). Dallas (Texas), 1987. P. 46.
- 95 *Keen S.* Faces of the Enemy... P. 11.
- 96 Цит. по: Европа на пороге III тысячелетия... С. 22.
- 97 См.: *Шахназаров Г.* Пусть никогда не наступит «ядерная полночь» // *Иностранная литература*. 1983. № 7.
- 98 *Van der Post L.* Venture to the Interior. New York, 1978. P. 163.
- 99 *Schell J.* The Fate of the Earth. P. 40.
- 100 *Analog Science Fiction — Science Fact*. 1983. July. P. 7.
- 101 Цит по: *Соболев Р.* Кино и молодежь. С. 47,

- ¹⁰² Цит. по: *Dowling D. Fictions of Nuclear Disasters*. P. VI.
- ¹⁰³ National Conference of Catholic Bishops «Challenge of Peace: God's Promise and Our Response». A Pastoral Letter on War and Peace. Washington, 1983.
- ¹⁰⁴ Цит. по: *Brians P. Nuclear Holocausts...* P. 2.
- ¹⁰⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 231.
- ¹⁰⁶ Facing Evil... P. 147—149.
- ¹⁰⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 67.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ *Stableford B., Langford D. The Third Millenium. A History of the World: A. D. 2000—3000*. London, New York, 1985. P. 14.
- ² Ibid.
- ³ *Keen S. Faces of the Enemy...* P. 148—149.
- ⁴ Трактаты о вечном мире. С. 58.
- ⁵ *Nuclear Weapons and the Future of Humanity: The Fundamental Questions*. Totowa (New Jersey), 1986. P. 286.
- ⁶ Проэктор Д. М. Мировые войны и судьбы человечества... С. 151.
- ⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 280.
- ⁸ Эренбург И. Собр. соч. В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 84.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Тема первая «КАНУН»	13
ГЛАВА 1. Вековое проклятье	17
ГЛАВА 2. Предчувствие, обернувшееся пророчеством	35
ГЛАВА 3. Ночь, которая не наступила	62
Отступление от темы	91
Тема вторая «АТОМНЫЕ ЧАСЫ»	103
ГЛАВА 4. Шестидесятиминутная готовность	109
ГЛАВА 5. Секунды и годы Хиросимы	138
ГЛАВА 6. На следующий день	171
Отступление от темы	203
Тема третья «УЛЬТИМАТУМ»	217
ГЛАВА 7. «Русские идут!»	224
ГЛАВА 8. Самая последняя война	254
ГЛАВА 9. К безъядерной весне	281
Отступление от темы	319
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
ИСТОЧНИКИ	338

Вл. Гаков.

Г14 Ультиматум: Ядерная война и безъядерный мир в фантазиях и реальности.— М.: Политиздат, 1989.— 347 с.

ISBN 5—250—00332—X

Что делать, чтобы каждый человек на Земле задумался о вероятности ядерной катастрофы, проникся и личной ответственностью за сохранение жизни на планете? Фантасты предвидели ядерную опасность и своими средствами боролись с угрозой уничтожения человечества еще тогда, когда о ней не задумывались ученые и политики. В книге сквозь призму «антиатомной» темы в научной фантастике рассматриваются проблемы войны и мира, возможности безъядерного мира и выживания человечества. Автором собраны своеобразные досье, отражающие мнения по этим вопросам известных писателей, режиссеров, ученых, журналистов, политиков, общественных деятелей, причем как сторонников мира, так и апологетов войны.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Г 0301050204—298
079(02)—89 79—89

ББК 66.4(0) + 84(0)6

Вл. Гаков

УЛЬТИМАТУМ

**Ядерная война и безъядерный мир
в фантазиях и реальности**

Заведующий редакцией В. И. Кураев

Редактор Д. М. Носов

Младший редактор О. П. Осипова

Художник В. И. Андреев

Художественный редактор Е. А. Андрусенко

Технический редактор Т. Н. Полунина

ИБ № 7719

Слано в набор 20.07.89. Подписано в печать 04.11.89. А13115. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 19,45. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 4967. Цена 1 руб. 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Оддена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

**В 1990 ГОДУ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

В 2 частях.

Тема любви прослеживается авторами с древнейших времен до наших дней. Первая часть двухтомника содержит в себе, например, такие статьи: «Детство любви», «Любовь в античности», «Любовь в христианско-византийском мире», «Любовь — это стремление к бессмертию (Платон — З. Фрейд — Н. Ф. Федоров — В. С. Соловьев)». При рассмотрении форм любви в современном мире авторы не ограничиваются анализом половой любви (статьи «Азбука для двоих», «Любовь в настоящем и будущем» и др.), но и охватывают все многообразие любви — от чревоугодия до любви к Богу. Вторую часть книги составляет антология любви, куда включены философские тексты различных эпох и народов: от фрагментов из древнеиндийского трактата «Кама сутра» до фрагментов из работ Сартра. Среди авторов книги — известные советские философы, психологи, социологи, публицисты (А. Гулыга, И. Нарский, Б. Рюриков, Т. Кузьмина, А. Чанышев и др.).

СЕМЬЯ. Книга для чтения.
В 2 томах.

В первом томе содержится подборка текстов источников (Библия, Коран, Кама сутра, Домострой и др.) и исследований по истории семьи, в частности русской семьи. Во втором томе собраны высказывания мыслителей прошлого о любви, браке и семье (Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Монтень, Руссо, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, П. Флоренский, В. Розанов и др.), а также тексты современных советских и зарубежных авторов, посвященные проблемам современной семьи в ее взаимоотношениях с обществом, отношениям между супругами, родителями и детьми, семейным конфликтам и интимной жизни. Издание снабжено соответствующими пояснениями и словарем терминов.

Книга адресована широкому кругу читателей.

КВИНТЭССЕНЦИЯ

Философский альманах

Калейдоскоп мнений, позиций, точек зрения — едва ли не важнейшая примета нашего бурного времени. Ожесточенные споры вспыхивают вокруг самых различных проблем: что было с нашим народом и нашей страной в недавнем прошлом? какое общество мы построили? к чему стремиться теперь и как жить дальше? В предлагаемом читателю альманахе известные советские ученые и философы А. П. Бутенко, Л. Н. Митрохин, А. Ф. Зотов, Э. Ю. Соловьев, А. С. Ципко и др. высказывают свою точку зрения на жгучие вопросы, стоящие в центре современных дискуссий.

Раздел «Наши публикации» представлен работой П. Сорокина «Голод и идеология общества», эссе Б. Рассела «Высшая добродетель угнетенных», «Кошмарный сон Сталина», «Люди или насекомые?», а также проспектом книги о смысле жизни Н. Н. Трубникова.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

1 р. 50 к.

Эта книга — о ядерной войне: такой, какой она описана в научной фантастике на ядерную тему. 6 августа 1945 года была произведена атомная бомбардировка Хиросимы. «...Это событие неожиданно сделало научную фантастику respectableй, — писал Айзек Азимов. — Впервые фантасты предстали перед всем миром не как малочисленная группа чокнутых фанатиков, наоборот, мы сразу ощутили себя в положении кассандр, которым мир отныне внимал с почтительным смирением. Но право же, я бы мечтал остаток своих дней провести с клеймом «чокнутого», вместо того чтобы завоевать нынешнее признание такой ценой — нового дамклового меча, занесенного над человечеством».

УЛЬТИМАТУМ

ЯДЕРНАЯ
ВОЙНА
И БЕЗЪЯДЕРНЫЙ
МИР
В ФАНТАЗИЯХ
И РЕАЛЬНОСТИ

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА
И БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР
В ФАНТАЗИЯХ
И РЕАЛЬНОСТИ

УЛЬТИМАТУМ

Вл. Гаков